К. ГИДЛЕВСКИЙ, М. САФЬЯНОВ,
К. ТРЕГУБЕНКОВ

ГИ200р
Г511

МИНУСИНСКАЯ КОММУНА

1917—1918

ОГИЗ
СОЦЭКГИЗ
1934

К. ГИДЛЕВСКИЙ, М. САФЬЯНОВ и К. ТРЕГУБЕНКОВ

ГИ200р
Г511

МИНУСИНСКАЯ КОММУНА 1917-1918 гг.

ИЗ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ

2экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО—ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1934—ЛЕНИНГРАД

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006

Работа «Минусинская коммуна» дает картину истории Октябрьской революции и гражданской войны в одном из отдаленных участков Сибири—в Минусинском крае. На основе большого конкретного материала авторы—участники Минусинской коммуны дают подробный анализ общей социально-экономической обстановки в крае накануне Октябрьской революции, развертывания классовой борьбы и работы партийной организации, начиная с империалистической войны вплоть до октябрьского переворота. В книге подробно описана деятельность советской власти от октябрьского переворота до середины 1918 г. — победы контрреволюции в Сибири. Работа дает анализ не только успехов Минусинской коммуны, но также подробно анализирует все ее ошибки.

Книга рассчитана на партийный актив, на широкие круги учащейся молодежи и может быть использована не только исследователями, работающими по истории гражданской войны, но всеми изучающими этот вопрос.

ГИ200р
Г511
ИЛ
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К. В.К.П.(б)
69565у
535/34

Редактор Чучин. Техредактор Л. Кошутина.

Сдано в набор 27/I 34 г. Подписано к печати 22 VI 1934. Формат 62×94/16. Печ. л. 18¼. Зн. в печ. л. 48.360. Тираж 4 000. № инд. С—41. № Гиза 1300. Заказ 102. Москва. Уполномоченный Главлита Б 37001.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный, 9.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на саботаж телеграфистов, Сибирь узнала о перевороте 25 октября в тот же день.

Уже в конце октября 1917 г. некоторые советы рабочих и солдатских депутатов Сибири выносили резолюции об установлении диктатуры пролетариата.

Вначале движение охватило пролетарскую и солдатскую массу, но вскоре оно перекинулось и на деревню. Большого подъема оно достигло в конце ноября, когда первый натиск контрреволюции, в виде забастовок интеллигенции, был сломлен и когда в сибирскую деревню вернулись фронтовики, представлявшие одну из активных сил Октябрьской революции.

Октябрьский переворот в Сибири был организован партией большевиков и осуществлялся силами рабочего класса, который, опираясь на бедноту, добился нейтрализации середняцких масс и вел беспощадную борьбу с кулаком.

Вопреки злостной клевете эсеров и меньшевиков, что будто бы большевики были узурпаторами и народные массы их не поддерживали, Октябрьский переворот в Сибири носил массовый характер. Обычно советы рабочих и солдатских депутатов, захватывавшие власть в городах, вскоре оформляли переход власти к советам через съезды рабочих и крестьян. Эти съезды являлись заключительным ударом по керенщине, по буржуазии; через них сибирские рабочие и бедняцко-середняцкие массы крестьянства совершенно свободно выявляли свою волю к созданию советской власти, к миру, к захвату земли у помещиков, которых в Сибири хотя и было немного, но в сознании массы новоселов-переселенцев не изгладилась еще память о помещичьем строе Европейской России.

Съезды рабочих и крестьян проходили в обстановке крайнего возбуждения и обостренной борьбы с правыми эсерами, которые, являясь авангардом контрреволюционной буржуазии и кулачества, отчаянно цеплялись за власть.

Участники Октября в Сибири предвидели возможность контрреволюционных выступлений, но это еще более усиливало напор и энергию в борьбе за укрепление власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Враг выступил раньше, чем предполагали. Первые бои с ним начались через месяц-два после Октябрьского переворота—юнкерское восстание в Иркутске, выступление енисейского казачества в Красноярске и Минусинске, деятельность семеновцев в Забайкалье. Все эти

выступления имели связь с контрреволюционными восстаниями на Дону и Украине.

Однако начавшаяся гражданская война не могла остановить социалистического строительства сибирских советов.

Объединившись в Центросибирь, сибирские советы одновременно с этим поддерживали непосредственную связь с Петроградом и Москвой. В то же время каждый, даже уездный совет на месте был полновластным органом государственной власти. Так, например, Минусинский совет вел совершенно самостоятельные военные действия против контрреволюционного казачества и от имени советской власти заключал договоры с иностранным государством—Танну-Тувой, границы которой соприкасались с границами Минусинского края; Владивосток вел дипломатические переговоры с Японией; Чита, Иркутск и Бийск договаривались с Монголией. Делалось это зачастую без прямых директив из центра, но на основе, конечно, общей политики ленинской большевистской партии и советской власти. В вопросах внутреннего строительства местные советы проводили директивы центра, и эта их политика также являлась следствием правильного руководства со стороны большевистских партийных организаций и результатом той крепкой связи, которая существовала между партией и рабоче-крестьянской массой.

В настоящей работе рассматриваются мероприятия минусинской партийной организации и местных органов советской власти. Но правильно понять все эти мероприятия можно лишь в свете общей политики партии и советской власти, лишь на основе мероприятий центральных партийных и советских органов.

Разногласия минусинских советских организаций с решениями центральных органов произошли только по вопросу о Брестском мире. Вопрос о Брестском мире решался каждым сибирским советом самостоятельно. Сплошь и рядом какой-нибудь уездный совет ставил в одну повестку дня и решал с одинаковой страстностью такие вопросы, как, скажем, об открытии общей портновской мастерской в городе и о прекращении войны с Германией.

Несмотря на военные и политические успехи первых боев с буржуазией, советской власти в Сибири все же пришлось пережить серьезное поражение. Япония на Востоке, Англия и Франция на Западе повели в мае-июне 1918 года открытое наступление на Октябрьскую революцию. Сибирь явилась плацдармом этого наступления англо-французского и японского капитала.

Заговор подготовлялся исподтишка в союзе с правыми эсерами и меньшевиками. Об этом говорит ряд общеизвестных фактов: правительство эсера П. Дербера на Д. Востоке; связь наемников французского капитала—чехо-словаков с Областной думой, объединявшей все контрреволюционные силы Сибири; политическое руководство со стороны эсеров контрреволюционными переворотами в Омске, Красноярске, Иркутске и в других городах. Сибирские эсеры и меньшевики с помощью чехо-словаков и казачье-кулацких банд избивали рабочих, громили советские учреждения, расстреливали партийных и советских работников. Этой черной страницы никак нельзя вычеркнуть из «послужного списка» эсеров и меньшевиков.

Главной военной силой контрреволюции 1918 года были интервентские войска чехо-словаков, сербов, поляков, итальянцев, канадцев, французов и японцев, в большей части набранные из бывших военнопленных и частью прибывшие непосредственно из стран, участвовавших в интервенции. Однако среди бывших военнопленных, главным образом венгерцев, оказалось много и таких, которые вступили в Красную гвардию и под руководством партии большевиков и советов геройски сражались и умирали за дело пролетарской революции в Сибири.

Первая советская власть в Сибири пала под напором международной и внутренней контрреволюции летом 1918 года. Большевиков при аресте часто не доводили до тюрьмы, а пытками замучивали до смерти в контрразведках или убивали по дороге в тюрьму.

Но несмотря на это, рабочий класс Сибири продолжал напряженную борьбу, устраивая восстания в ряде сибирских городов. Нелегальные большевистские организации развертывали работу, постепенно охватывая все новые и новые районы. Этому в большой степени способствовало также и недовольство бедняцко-середняцкой массы крестьянства колчаковщиной, вылившееся в мощное партизанское движение, руководимое рабочим классом и его авангардом—большевистской партией.

Почти весь 1919 год рабочие избивались в контрразведках, партизаны развешивались вдоль линии Сибирской железнодорожной магистрали на телеграфных столбах, руководители первой советской власти в Сибири умирали геройски в тюрьмах или лагерях от рук интервентов и колчаковских палачей, но Октябрьская революция в Сибири ширилась и углублялась, захватывая все новые и новые массы рабочих и крестьян.

К осени 1919 года под влиянием поражений на фронте и усиления партизанского движения колчаковская и чехо-словацкая армии разложились окончательно. В связи с этим усилилось победоносное продвижение на восток красных советских войск. Минусинск, Иркутск, Барнаул, Благовещенск, Хабаровск и Владивосток были заняты рабочими и партизанами еще до прихода советских войск.

В 1920 году Сибирь вновь стала советской и с того времени активно участвует в великом социалистическом строительстве СССР.

Пройдя сквозь горнило ожесточенной гражданской войны, испытав и эсеровско-колчаковскую контрреволюцию и разгул иностранной военщины, сибирские рабочие, бедняцко-середняцкие массы крестьян и часть интеллигенции хорошо усвоили себе, какой ценой завоевывается власть рабочих и крестьян и создается возможность строить социалистическое общество.

Сибирь, как и в 1905 году, сыграла в Октябрьской революции видную роль, хотя ее пролетариат количественно составлял небольшую величину. Объясняется это тем, что Сибирь долгие годы была местом каторги и ссылки для большевиков и местом переселения недовольных самодержавно-помещичьим строем элементов города и деревни.

Настоящая работа имеет целью показать, как образовалась, боролась за социализм и погибла под ударами иностранной интервенции

и внутренней контрреволюции одна из сибирских коммун этого периода—*Минусинская коммуна*. Мы избрали Минусинский район для характеристики первого этапа Октябрьской революции в Сибири не только потому, что в нашем распоряжении имелись в отношении его материалы для установления фактической стороны событий 1917—1918 гг. Основным, что заставило нас остановиться именно на Минусинском крае, явилось другое обстоятельство. Минусинский край, несмотря на наличие в нем огромных потенциальных возможностей стать крупнейшим индустриальным центром Сибири, был до революции и в первый период советской власти (1917—1918 гг.) типичным крестьянским районом с весьма недостаточной прослойкой пролетариата. История борьбы за советы, образование советской власти в Минусинском крае, работа Минусинского совета, падение советской власти в 1918 году, наконец, гражданская война и партизанское движение 1918—1920 годов тесно связаны с движением бедняцко-середняцкой массы крестьянства и вследствие этого представляют собой яркий пример участия середняцкого крестьянства (несмотря на все его колебания) и полупролетарских—бедняцких—элементов в Октябрьской революции.

Несомненный исторический интерес представляет и изучение ошибок Коммуны. Необходимо прежде всего со всей остротой подчеркнуть ошибки партийного руководства в Минусинске до Октября, выразившиеся в допущении в партийную организацию меньшевиков и участии большевиков в Комитете общественной безопасности. Что же касается ошибок Минусинской коммуны после Октября, то они выразились в следующем: а) совершенно недостаточно велась борьба с контрреволюцией, б) не были мобилизованы бедняцко-середняцкие массы на организованный захват земель местных крупных землевладельцев (казачьих офицеров), кулаков и казачьей верхушки, в) слабо велась работа по организации с.-х. рабочих и деревенской бедноты и г) деревня не была политически расколота, и кулачество сохраняло свои позиции. Именно потому, что Коммуна не сумела четко осуществить линию опоры на бедноту при нейтрализации середняка и беспощадной борьбе с кулачеством, она допустила ряд ошибок на шестом крестьянском съезде, где впервые организованно выступило кулачество, и при созыве седьмого съезда, который явился органом мобилизации контрреволюционных сил в крае.

Изучение Минусинской коммуны 1917 — 1918 годов имеет большое политическое значение. События, происходившие в 1917—1918 годах в Минусинском крае, необходимо изучать самым тщательным образом, ибо настало время восстановить в памяти и зафиксировать для будущих поколений историю пролетарской революции во всех ее деталях и притом не только в центральных районах, но буквально во всех уголках нашей страны.

Мы это должны сделать, пока еще живы непосредственные участники событий и можно иногда даже отрывочные документы эпохи комментировать при помощи активных ее деятелей. А ведь рождающееся на наших глазах коммунистическое общество несомненно пожелает знать историю своего образования со всеми подробностями.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В МИНУСИНСКОМ КРАЕ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1917 ГОДА

Предварительные замечания

Главам, посвященным непосредственно «Минусинской коммуне 1917—1918 годов», мы считаем необходимым предпослать краткий очерк социально-экономической обстановки в крае перед Октябрем, который, с нашей точки зрения, поможет разобраться в том переплете социально-классовых сил и отношений, который имел место во время существования Минусинской коммуны.

Мы, конечно, не собираемся давать исчерпывающего анализа социально-экономической обстановки края перед революцией 1917 года. Это не наша задача, и этого не требуется. Мы ставим себе задачу дать лишь самые краткие сведения, которые позволят читателю в необходимой мере иметь представление об экономике, классовом и национальном составе населения, проявлениях классовой борьбы и т. п.

На территории быв. Минусинского уезда и Усинского пограничного округа, которые в дальнейшем мы будем называть Минусинским краем, в настоящее время расположено 8 районов (Абаканский, Бейский, Ермаковский, Идринский, Каратузский, Курагинский, Минусинский и Усинский) и Автономная Хакасская область. Несколько бывших волостных административных единиц уезда отошли в другие близлежащие районы Западносибирского края.

Площадь Минусинского края равнялась 134 472 кв. километрам, из которых на долю хакасских районов приходилось 54 472 кв. км. и 80 000 кв. км. на долю русских районов. По линии наибольшего своего протяжения с севера на юг край имел поперечник более чем в 500 километров. По своим размерам Минусинский край в несколько раз был больше бывшей Московской губ.

Минусинский край занимал юг Енисейской губернии. Северная его граница соприкасалась с тремя уездами: Ачинским, Красноярским и Канским. На юге он граничил с теперешней Тувинской республикой, быв. Урянхайским краем, фактически захваченным до революции царским правительством. На западе Минусинский край соприкасался с Кузнецким и Барнаульским уездами, а на востоке—с Иркутской губернией. На такой обширной территории мы встре-

чаемся с различным устройством поверхности—от лабиринта высоких горных хребтов, подбирающихся к линии вечного снега, до безбрежных степных пространств, раскинувшихся на десятки километров. Почти по всей площади край обильно орошен водами Енисея, одной из величайших рек в мире.

Растительность Минусинского края приближается к алтайской, включая более 90% ее форм. Леса занимают $^2/_3$ площади, но они распределены неравномерно. Животный мир богат и разнообразен.

Природа в необыкновенном изобилии и разнообразии заложила в недрах Минусинского края различные богатства, которые лишь в незначительной части были тронуты разведкой и разработкой. Недра быв. Минусинского края, вне всякого сомнения, таят в себе такие возможности, о которых и в настоящее время мы еще не имеем полного представления. Ясно только одно, что наличие этих богатств позволят Советскому союзу превратить Минусинский край, быв. сельскохозяйственную житницу средней Сибири, в огромный индустриальный комбинат. Край обладает большими запасами угля, железа, меди, свинца, соли, марганца, золота и пр.

Сельское хозяйство

Минусинский край издавна являлся зерновым и животноводческим производящим районом и совершенно законно носил название «житницы средней Сибири».

В 1891 г. в крае находилось под обработкой 231 324 десятины земли, что составляло в то время 37,3% всей земли, обрабатываемой в Енисейской губ. [1].

К моменту революции 1917 г. край не потерял этого значения, хотя и несколько снизил свой процент в общей посевной площади губернии. Для характеристики посевных площадей как итоговых, так и по различным главным культурам, характеризующим губернию в целом и Минусинский край, приведем выборку из материалов Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. [2].

	Засеяно хлебов в казенных десятинах					
	озимой ржи	яровицы	пшеницы яровой и озимой	овса	всех прочих культур	итого под посевами
Всего по быв. Минусинскому уезду—35 волостей, 32 русских и 3 других национальностей .	26 989,1	32 186,6	99 070,1	68 986,0	25 509,8	252 741,6
Итого по губернии .	171 615,0	70 095,0	212 599,5	171 795,0	82 210,8	708 315,3

[1] *А. В. Адрианов*, Очерки Минусинского края, 1904 г, стр. 39.

[2] Списки населенных пунктов Енисейской губ. и Урянхайского края, ч. 1, Красноярск 1921 г., Енисейское губ. статбюро, стр. 125.

Здесь приведены данные только списка № 1 (поволостных итогов). Не включены: список № 2 (пропущенные переписью); список № 3 (пункты некрестьянского типа); список № 4 (города); №-5 (по Туруханскому краю) и список № 6 (по Урянхайскому краю и Усинскому округу).

По этим данным Минусинский край в общегубернском итоге всех посевов занимал 35,7%, т. е. по сравнению с 1891 годом произошло весьма незначительное снижение, а возможно, что при включении данных по Усинскому округу этого снижения и не будет. Для нас важен факт, что Минусинский край к моменту революции в продовольственном отношении играл весьма значительную роль в губернии. По посевам с ним начал конкурировать Канский уезд, который по этой же переписи (при тех же условиях) имел под посевом 238 304,5 дес. Однако по более ценным культурам Минусинский край был на первом месте.

Из общегубернского посева (212 599,5) в Минусинском крае пшеницей озимой и яровой было засеяно 99 070,1 десятины, т. е. почти 50%, тогда как в Канском у. ею было засеяно 58 287,9 дес., т. е. приблизительно 27%. Кроме того довольно большой удельный вес занимал Минусинский край по ярице (около 46%) и по овсу (около 40%). Если проследить развитие посевных площадей за 40 лет (с 1871 по 1910 г.), то общая посевная площадь Минусинского края неуклонно росла. Принимая 1871—1875 гг. за 100, для 1906—1910 г. мы получим 190%. Рост посевных площадей продолжался и в последующие годы, давая в среднем в год прирост в 9% (с 1911 по 1918 г.[1]).

Империалистическая война не могла не отразиться на сельском хозяйстве Минусинского края в сторону задержки его развития.

Сельское хозяйство края развивалось в сторону полеводства и животноводства, и поэтому главными продуктами вывоза на внекраевой рынок являлись зерно, скот, кожи, пушнина, шерсть и пр., а продуктами местного сбыта также были зерно, мясо, шерсть, масло коровье и пр.

Зерновое хозяйство края характеризовалось парозалежной системой полеводства в степной и лесо-степной зонах края, пароподсечной в местностях таежных и переходных к ним. Эти системы полеводства являлись устаревшими, не позволявшими интенсифицировать хозяйство, рационально и правильно использовывать земельные площади.

Несмотря на то что удобрение, как правило, не применялось, урожаи вследствие благоприятных почвенных и климатических условий в крае были хорошие.

Кроме общинной формы землепользования, пользуясь земельным простором в крае, некоторые сибиряки-старожилы, обычно кулаки, издавна установили так называемое заимочное землепользование, основанное на захватном праве лучших земель.

Перед войной и революцией стало внедряться хуторское хозяйство, но оно большой роли не играло. Как правило, сельское хозяйство было мелким. И только в животноводческой отрасли стало незадолго перед войной насаждаться крупное овцеводческое хозяйство в виде «экономий», о которых мы скажем в одном из последующих разделов этой главы.

Крестьянство степной, засушливой части края применяло орошение на своих полях. Минусинский край был знаком с мелиорацией

[1] Записка об Ачинск-Минусинской ж. д. и ее районе, 1903 г., стр. 13.

с древних времен. Еще до нашей эры племена, населявшие тогда край, проводили грандиозные оросительные каналы с прекрасной нивелировкой местности. Следы этих каналов дошли до нас. Впоследствии крестьяне при проведении своих «мочагов» ориентировались на эти древние каналы. Еще до появления агрономических органов в Минусинском крае само население по собственной инициативе и за свой счет проводило мелиорацию. Так село Юдинское Бейского района, славящееся хорошими урожаями, одно из первых в крае, еще в 90-х годах, оросило свои поля «мочагами». Применялось орошение также и в других местах края.

С.-х. техника была отсталой. Сложные с.-х. орудия—молотилки, сеялки, жатки, конные грабли, сноповязалки—применялись главным образом в кулацких хозяйствах. Кулаки использовали свой инвентарь для закабаления бедноты и середняков.

Что же касается земельных наделов, то последние перед революцией 1917 года по Минусинскому краю мало чем отличались как от общегубернских, так и от наделов Канского уезда, который являлся в земледельческом отношении, как мы уже говорили, в некотором роде «конкурентом» Минусинского края. Произведенная нами выборка из списка № 1 поволостных итогов с.-х. переписи 1917 г. с полной очевидностью это подтверждает.

	Численность наличного населения (обоего пола)	Площадь земельного надела в казенных десятинах					
		удобной земли		неудобной земли		всего надела	
		всего	на 1 душу	всего	на 1 душу	удобной+неудобной	на 1 душу
В б. Минусинском у.	294 589	2 243 592,5	7,6	1 192 520,7	4,0	3 436 113,2	11,6
В б. Канском у.	286 495	2 228 792,8	7,7	379 631,3	1,3	2 608 424,1	9,0
По всей Енисейской губ.	931 814	7 553 082,0	8,1	2 148 028,4	2,3	9 701 110,4	10,4

Но если принять во внимание, что земли Минусинского края были лучше земель других уездов Енисейской губернии и что урожай в крае являлся более постоянным и большим, то приведенные наделы имели конечно более высокое качественное значение.

Нужно безусловно со всей категоричностью отметить, что эти средние величины наделов ни в какой степени не характеризуют социального лица минусинской деревни.

Резко различной была физиономия основных социально-классовых групп населения (кулаков, середняков, бедняков) как по наличию земли, так и по наличию скота. Различия имелись как между старожилами, так и среди переселенцев, казаков и хакасов (в зависимости от пропорции в их составе кулаков, середняков и бедняков). Было бы большой ошибкой искать классовое различие между старожилами и переселенцами, представляя каждую из этих групп совершенно экономически однородной и противопоставляя одну другой. Совершенно очевидно, что понятия—«старожил», «переселенец» ни

в какой степени не являются понятиями классовыми, и пользоваться ими, как это делают некоторые исследователи для выяснения классовой диференциации сибирской деревни—значит запутывать выяснение вопроса и делать грубейшую политическую ошибку. Представлять себе дело так, что старожилы—это только зажиточные и кулаки, а переселенцы — это только бедняки, значит не знать элементарных экономических процессов, происходивших в деревне бывшей царской России.

Ведь не кто иной, как В. И. Ленин, в своем знаменитом труде «Развитие капитализма в России» по вопросу переселения крестьянства писал, что в Сибирь переселялось «главным образом крестьянство *среднего достатка*» [1].

Одновременно с этим он подчеркивал, что классовая диференциация сибирского крестьянства происходила гораздо быстрее, чем в районах, обремененных пережитками крепостничества, и потому здесь несравненно быстрее выпячивались два противоположных полюса деревни—кулак и бедняк.

В 1913 году в своей статье «К вопросу об аграрной политике современного правительства» он указывал на разорение как среди переселенцев, так и старожилов: «Нищета разоренных крестьян,—писал он,—*обернувших* назад в Россию, нищета разоренных старожилов в Сибири *заставит* заговорить о себе» [2].

Яркой характеристикой положения различных групп населения является следующая таблица, составленная на основании переписи 1917 года для всей Енисейской губернии [3].

На 100 душ обоего пола имели:

Группы населения	Десятин земли		Скота (голов)		
	пашни	покоса	лошадей	рогатого скота	овец
Старожилы	87	93	75	89	179
Переселенцы	72	59	49	58	186
Казаки	115	135	127	168	474

В основном эти цифры характеризовали социальные группы деревни и по Минусинскому краю. С полной отчетливостью видно наличие большого удельного веса кулаков среди казаков. Надо подчеркнуть вообще привилегированное положение казаков, являвшихся основой для колонизации края и оплотом самодержавия на далеких границах Сибири. Следующая за казаками стоит старожильческая группа. Сравнительная мощность ее объясняется результатом захвата этой группой земельных угодий и закрепления их в последующее время. На третьем месте переселенцы и на последнем—угнетенные национальности (хакасы). Нужно при

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. III, стр. 133.
[2] Там же, т. XVI, стр. 452.
[3] Записка об Ачинск-Минусинской ж. д. и ее районе, 1923 г. Новониколаевск, стр. 22.

этом иметь в виду, что группа переселенцев обладала землями худшего качества, чем земли старожилов и казаков, так как к моменту развития переселенческого движения в основном лучшие земли находились уже во владении казаков и старожилов.

Большое место в системе сельского хозяйства Минусинского края занимало скотоводство. По всей Восточной Сибири не было ни одного района, где бы оно было в такой степени развито, как здесь.

Та же с.-х. перепись 1917 года в отношении скотоводства рисует следующую картину [1]:

Количество скота

	Лошадей			Крупного рогатого			Овец и коз всех возрастов	Свиней и поросят
	всего	в том числе		всего голов	в том числе			
		рабочих	жеребят до 1 года		дойных коров	телят до 1 года		
Всего по б. Минусинскому у. (35 вол., 32 русск., 3 угнетенных национальностей).	237 905	171 389	31 035	341 840	150 260	85 486	771 455	89 160
Итого по Енисейской губ. . . .	597 731	443 468	75 357	736 398	354 555	175 167	1 266 549	376 040

Минусинский край имел 60% лошадей от всего общегубернского их итога. Рабочие лошади составляли 38,6%, жеребята до 1 года—41,3%.

В отношении крупного рогатого скота Минусинский край также занимал довольно видное место—46%, по дойным коровам—42% и по телятам—49%.

Овечье и козье стадо равнялось 60% от общегубернского итога, и только в отношении свиного стада Минусинский край значительно отставал (23,6%).

Такой удельный вес скотоводства в Минусинском крае получался благодаря Хакасскому району, который имел на своей территории около $^1/_3$ скота всего Минусинского края. Общая численность скота в Хакасском районе определялась переписью 1917 г. в 453 500 голов [2], из них: лошадей 68 765 гол., рогатого скота 110 792 гол., овец и коз 269 804 гол., свиней 4 139 гол.

За последние 27 лет перед революцией численность скота увеличилась за счет рогатого скота, овец, коз и свиней. Что же касается лошадей, то число их сократилось.

Относительное (и абсолютное) уменьшение лошадей в хакасском

[1] Списки населенных пунктов Енисейской губ. и Урянхайского края, часть 1, Красноярск 1921 г., Енисейское губстатбюро, стр. 124—125. Здесь приведены данные списка № 1 (поволостные итоги).

[2] Журн. «Енисейский кооператор» № 16—17, 1922 г., ст. А. *Шнейдер*, Эволюция скотоводства и земледелия у минусинских инородцев за последние 30 лет (1890—1920), стр. 17.

стаде произошло в значительной мере за счет гулевых лошадей, а процент рабочих лошадей поднялся и почти приблизился к проценту рабочих лошадей у русского населения.

Это изменение знаменовало собой значительное сокращение табунного коневодства в хакасских степях.

Основной причиной сокращения табунного коневодства являлась колонизаторская политика царского правительства, вынуждавшая хакасское население перебираться даже в пределы б. Урянхайского края.

На других отраслях сельского хозяйства мы не останавливаемся, так так они не играли такой большой роли, как полеводство и животноводство.

Однако и в так называемых подсобных отраслях сельского хозяйства—огородничестве, бахчеводстве, табаководстве, пчеловодстве, которые в значительных размерах сосредоточивались в руках верхушечных слоев деревни, ярко проявлялась эксплоатация кулаками беднейших слоев крестьянства.

Попытки насаждения крупного землевладения в крае

Помещичьего землевладения в Сибири такого типа, как в остальной России, не было, но попытки к насаждению его в крае имели место. Крупный капитал проникал не только в область промышленности и торговли, но и в область сельского хозяйства, причем он обосновывался главным образом в его животноводческом секторе. Пионером в области организации животноводства в крупном масштабе, по принципу капиталистического предприятия, было «Т-во сибирских экономий Четверикова, Алексеева и К°». Незадолго до войны, в 1910 году, Т-во основало Учумскую экономию в пределах б. Ачинского уезда и две других экономии—Батеневскую и Алтайскую в Минусинском крае. Батеневская находилась в 50 километрах от озера Шира на восток, Алтайская—в 35 километрах от Минусинска за р. Енисеем.

Все три экономии организованы были в обширных степных просторах с прекрасным травяным покровом, естественным кормом для разводимых в экономиях овец-мериносов.

Площадь Учумской экономии составляла 20 000 десятин
» Батеневской » » 20 000 »
» Алтайской » » 15 000 » [1].

Каждая экономия имела по 5 хуторов; на каждом участке обычно накашивалось до 500 000 пуд. сена.

Мериносовые овцы были в 1910 году привезены из хозяйств Т-ва, которые оно имело в Ставропольской губ.

Привезенное стадо акклиматизировалось и стало быстро увеличиваться. Данные отчета Енис. губэкосо в Совет труда и обороны,

---

[1] Записка об Ачинск-Минусинской ж. д. и ее районе, Новониколаевск, 1923 г., стр. 27.

приведенные в той же записке об Ачинск-Минусинской жел. дороге, дают следующую динамику роста стада экономий:

в 1912 г.	стадо	мериносов	состояло	из	13 650	голов
» 1913 »	»	»	»	»	14 099	»
» 1914 »	»	»	»	»	22 232	»
» 1915 »	»	»	»	»	34 192	»
на 1/X 1916 »	»	»	»	»	42 190	»

По экономиям стадо в 1916 г. распределялось так: на Учумской экономии—18 430 гол., на Батеневской—10 182 гол. и на Алтайской—13 578 гол.

Стадо метисов (помесь местных овец с мериносовыми баранами) распределялось так: на Учумской—1 150, на Батеневской—1 699.

В то время как местная овца в среднем давала 1½—2 фунта грубой шерсти, с мериносовой получали 10—12 фун., а с метиса 7—10 фун.

Общий сбор шерсти по годам во всех трех экономиях был таков:

в 1911 г.	1 170	пуд.	мериносовой
» 1912 »	2 284	»	»
» 1913 »	3 612	»	»
» 1914 »	5 556	»	»
» 1916 »	8 000	»	»
» 1917 »	8 379	»	»

На экономиях был устроен также конный завод, на котором в 1918 году было 410 голов, из них 12 жеребцов, 182 кобылицы и 216 голов молодняка.

Жеребцы были различных типов: английского верхового, горного арденского (тяжеловозы) и орловского рысистого. Кобылицы покупались улучшенной породы в Усинском пограничном округе и в Алтайской губернии—барнаульские сильные матки.

Из Европейской России привозились в экономии семена скороспелой кубанской пшеницы, шведского овса, крупного красного проса, риса, ячменя, семена трав и корнеплодов.

С организацией этих «экономий» среди окрестного населения распространились сенокосилки с конными граблями. На каждом из 3 участков ходило не меньше чем по 300 косилок, которые население приобретало на задатки, получаемые от «экономий».

Конечно насаждение такого капиталистическо-помещичьего хозяйства сопровождалось эксплоатацией как окрестного населения, так и имевшегося на экономиях уже чисто сельскохозяйственного пролетариата, которого, судя по переписи 1917 года, на Алтайской экономии было около 120 чел. и на Батеневской около 100 чел.

Кроме этой формы насаждения крупного землевладения необходимо еще отметить и другую, правда, не получившую широкого развития: это отвод дворянам земельных участков. Нам известен один, основанный в 1912 г., такой участок, выделенный в Салбинской волости под названием *Маганык*, имевший 1 570,5 каз. десятин удобной земли и 1 309,3 каз. дес. неудобной земли. Участок этот к моменту революции не получил еще широкого развития и имел под посевом

всего 97 каз. десятин, под паром до 20 десятин и под покосами 77 каз. десятин. Несмотря на то что он был удален от соседних селений, все же со стороны населения последних проявлялось ярко враждебное отношение к нему, так как окрестные селения сплошь были населены переселенцами, испытавшими в бытность свою в Европейской России всю «прелесть» помещичьего гнета.

В заключение приведем весьма любопытные данные, касающиеся землевладения верхушечной части казачества, которые были помещены в газете «Известия Минусинского совета рабочих, крест., солд. и каз. депутатов» от 2 апреля 1918 года.

В заметке «Наши помещики» газета сообщала: «Буржуазия и ее прихвостни очень любят восхвалять наш край за то, что в нем нет помещиков, и значит не существует у нас и аграрного вопроса, следовательно, минусинские крестьяне и казаки ломятся в открытую дверь, связывая свои интересы с успехом рабоче-крестьянской революции. Ответом на это могут служить следующие факты. В с. Каптыревском живет некий Ал. Ан. Монастыршин, который имеет в Имекской казачьей станице несколько сот десятин земли, пожалованных ему царским правительством за офицерскую службу. В самой Имекской станице живет другой казачий офицер Ст. Ст. Кузьмин, имеющий также сотни десятин земли и сдающий ее в обработку исполу. В ст. Таштыпской имеется третий помещик—В. С. Серебренников, владеющий большими земельными угодьями и отдающий их в аренду таштыпской бедноте. Если поразобраться, то таких помещиков найдется у нас изрядное количество. Они-то главным образом в союзе с торговцами и промышленниками и задают тон контрреволюционному движению в крае».

Газета права, когда она к крупным землевладельцам относит и казачьих офицеров, а также отдельных казаков, имевших в Минусинском крае наделы до 200 и свыше десятин земли.

Состояние промышленности

Несмотря на наличие в крае огромных естественных богатств и на ряд других благоприятных условий, ни одна отрасль промышленности не получила до революции значительного развития.

Главными в промышленном отношении каменноугольными предприятиями были Черногорские, Изыхские и Калягинские копи. Работы велись шахтами с примитивным оборудованием. Добыча Изыхских копей была незначительная, едва достигала 4 тыс. тонн в год. Число рабочих не превышало трех десятков человек.

Значительно большую роль в промышленном отношении представляли собой Черногорские копи, основанные в 1908 г. и развившие к 1914 году производительность до 32 760 тонн. Уголь транспортировался с копей по узкоколейной жел. дороге до пристани Ахтырской, находившейся на левом берегу р. Енисея. Количество рабочих достигало примерно 200 чел., живших в отвратительных жилищных условиях, при неудовлетворительном водоснабжении. Питьевая вода подвозилась по узкоколейке в цистернах, и в случае неполадки копи оставались без воды. Черногорские копи принадлежали капиталистке Баландиной, являвшейся одновременно крупным акционером строившейся тогда Ачинск-Минусинской жел. дороги.

Незначительное промышленное значение имели также Калягинские копи, на которых, как и на Изыхских копях, была весьма ничтожная добыча. Количество рабочих и здесь также не превышало трех десятков человек.

Вначале уголь шел исключительно для местных потребностей. Добывалось его в первые годы от 200 до 300 тыс. пудов. Добыча значительно увеличилась со времени открытия Черногорских копей.

Самая большая добыча угля перед революцией была в 1917 г., дойдя до 2 800 000 пуд.[1], т. е. примерно около 46 тыс. тонн. Потребителями минусинских углей в этот период были гор. Минусинск, речной флот р. Енисея, а также Красноярск и Сибирская железная дорога.

Несмотря на ряд в высшей степени благоприятных естественных условий для развития черной металлургии, последняя не получила значительного развития, хотя и зародилась впервые в Сибири в Минусинском крае.

Основная причина этого заключается прежде всего в том, что промышленный капитал предпочитал делать свои вложения в предприятия Урала и юга России. Недостаток капитала у сибирских предпринимателей, с одной стороны, и конкуренция с ними капиталистов б. Европейской России, с другой, приводили к тому, что черная металлургия Минусинского края стояла на весьма низком уровне и была не конкурентоспособна с заводами Урала. Существовавший в крае Абаканский металлургический завод «Южносибирского акционерного о-ва металлургических заводов» изготовлял преимущественно железо сортовое и очень немного железных изделий и притом плохого качества, так что население предпочитало всегда покупать железо и литье с уральских заводов.

Доставка изделий завода производилась на плотах по р. Абакану. Около завода раскинулся довольно значительный поселок, жители которого почти все работали на заводе, не бросая при этом и сельского хозяйства. Перепись 1917 г. показывает, что всего в этом поселке проживало 1485 чел. обоего пола, в том числе было: 181 мужчин трудоспособных из числа «посторонних» и 155 из приписных [2]. Если принять во внимание, что на заводе работали и женщины, то можно считать, что к моменту революции всего рабочих на Абаканском заводе было около 500 человек. Рабочих, не связанных с сельским хозяйством, было меньше 200 человек.

Жилищные условия для рабочих, давно там осевших, были сносные, так как все они имели свои собственные домики. Рабочие, не приписанные к обществу, в большинстве своем снимали «углы» у старожилов завода и в жилищном отношении были устроены плохо.

И медеплавильная промышленность в крае, несмотря на огромные запасы медной руды, не достигла значительных размеров. К мо-

---

[1] Справочник по Минусинскому и Хакасскому округам под ред. А. Косованова и В. Черемных, 1926 г., стр. 36.

[2] Списки населенных пунктов Енисейской губ., ч. 1, 1921 г., стр. 94.

менту революции довольно видную роль в экономике края играли медеплавильные заводы «Юлия» и «Улень».

Производительность этих двух заводов может быть установлена только в суммарном виде—для обоих заводов вместе. Кругло говоря, можно работу «Юлии» принять за 5, а работу «Улени» за 3 и в таком отношении распределить все числа нижеприводимой таблицы [1], если исчислять их работу порознь.

Добыто	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Руды (пуд.)	—	—	1 619 000	1 859 000	1 905 000
Из нее меди (пуд.)	55 500	40 000	37 000	28 700	34 800

Добыто	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Руды (пуд.)	1 789 000	2 358 000	2 077 500	2 720 250
Из нее меди (пуд.)	38 900	48 600	45 480	42 750

Относительно численности рабочих на этих двух главных заводах «Юлия» и «Улень» прямых данных нет, поэтому мы воспользуемся общими сведениями о населении по переписи 1917 г., которые для нашей цели будут вполне достаточны [2]. По этим данным на руднике «Юлия» в момент переписи зарегистрировано 1 362 чел., из них мужчин в возрасте от 18 до 60 лет 452; женщин в возрасте от 16 до 55 лет 290 чел. Те же данные переписи говорят о том, что земледелием там почти не занимались. Все это дает нам возможность сделать вывод, что количество рабочих рудника «Юлия» было не менее 600—650 чел.

По «Улени» имеются следующие цифры: главный стан имел населения обоего пола 828; из них мужчин взрослых 185, женщин 211; заводский стан—всего обоего пола 299 чел.; из них мужчин взрослых 70, женщин 70.

Если принять во внимание и ряд куреней, обслуживавших рудник, то количество рабочих рудника «Улень» можно считать равным 550—600 чел. Рабочие «Улени», по данным переписи, земледелием также совершенно не занимались, имея лишь небольшое скотоводство, которое носило чисто потребительский характер.

Эти сведения все же дают некоторую картину о численности пролетариата, занятого в медеплавильной промышленности.

Бытовые условия рабочих на обоих главных рудниках были крайне тяжелые.

[1] Записка об Ачинск-Минусинской ж. д., Новониколаевск 1923 г., стр. 37.

[2] Приведенные цифровые данные о количестве рабочих рудников предусматривают только основных рабочих, кроме которых во время империалистической войны на рудниках работало еще много военнопленных. На «Юлии» военнопленных было 600—700 чел., на «Улени»—около 500 чел.

Инв. № 69565

ИМЭЛ Ц.К.В.К.П.(б)

Относительно более других отраслей в крае была развита золотопромышленность.

Начало ее относится к 30-м годам XIX столетия. Открытие крупных золотых россыпей привлекало все больше и больше народа, и казалось—дело золотопромышленности встало на прочные ноги. Но после богатейших открытий, сделанных в 60-х годах по р. Кызасу, золотопромышленность с конца 70-х годов начинает сокращаться. Вместо прежних довольно крупных предпринимателей появляются мелкие арендаторы-золотопромышленники, работы которых за 20 лет дали всего 321 пуд золота, тогда как за весь предыдущий период—до 70-х годов—было намыто 4000 пуд.[1]. Вновь золотопромышленность возрождается уже в XX столетии с введением гидравлического способа добычи золота.

В интересующий нас предреволюционный период видную роль в экономике края играл Ольховский золотопромышленный район. Это богатейшее месторождение рудного золота было тем пунктом, где главным образом и была сосредоточена золотопромышленность края. Здесь была построена четырехбегунная амальгамационная фабрика, давшая за 4 года 120 пуд. золота, при среднем содержании 6 золотников в 100 пуд. руды. Добывали руду как открытыми работами (Крещенский разрез), так и подземными штольнями (участок Мариинский).

В 1917 г. было обработано 1594871 п. уды и получено золота 30 пуд. 4 фунта 73 зол.

Рудник расположен от Минусинска в 214 км., причем пути сообщения с ним весьма затруднительны. Основное снабжение доставлялось зимой на санях.

Кроме этого рудника, принадлежавшего известному сибирскому миллионеру Иваницкому, перепись 1917 г. зарегистрировала следующие прииски: Михайловский прииск Барташевых, Никольский—Юрова, Троицкий—И. П. Кузнецова, прииск Дистлера по р. Верхняя Тарбатка и его же прииск по Ниж. Тарбатке; Андреевский прииск А. Я. Добрачева и прииск Иваницкого.

Судя по населению (данные переписи 1917 г.), надо сказать, что кроме приисков Дистлера, на которых зарегистрировано постоянно живущих 84 чел. (трудоспособных мужчин 19 чел.), все остальные прииски были весьма незначительны и заметной роли в золотопромышленности не играли. О численности населения Ольховского рудника у нас точных сведений не имеется, но можно предположить, что количество рабочих там доходило до 250 человек.

Довольно большую роль в крае играла соляная промышленность. Однако солеваренные заводы были плохо оборудованы, носили кустарный характер, имели небольшое количество рабочих [2], находившихся в скверных материальных и бытовых условиях. Алтайский завод принадлежал Данилову; озеро «Варчее»—Новомейскому; Абаканский завод—Войцеховскому.

---

[1] Справочник по Минусинскому и Хакасскому округам под ред. А. Косованова и П. Черемных, 1926 г., стр. 85.

[2] На всех заводах работало вряд ли больше 200 чел.

Благодаря полеводческому характеру сельского хозяйства и хорошему качеству пшеницы в крае довольно широко была развита мукомольная промышленность.

Значительную роль в местной промышленности играли винокуренные заводы: Александровский—бр. Даниловых в 25 километрах от Минусинска с продукцией 100 тыс. ведер; Владимирский—Колобовой в д. Уджее, вырабатывавший свыше 60 тыс. ведер, и Казанский завод Яриловых. Самым крупным из них был Александровский, на котором работало примерно около 60—70 человек. На других заводах было человек по 40—50.

В самом городе и в некоторых крупных селах, на базе громадных запасов сырья, особенно с 80-х годов, усиленно развивалась кустарная промышленность. Сюда нужно отнести пимокатные, кожевенные, шубные и мыловаренные заводы. Продукция этих заводов шла на местные базары, прииски, рудники и отчасти сплавлялась на пароходах и плотах в Красноярск и Енисейск.

В городе существовало много ремесленных мастерских: сапожных, портновских, кузнечных и пр.

Несмотря на то что промышленный капитал Сибири испытывал постоянную конкуренцию в своей деятельности со стороны капитала б. Европейской России, можно с полным правом утверждать, что перед войной и революцией он все больше и больше внедрялся в пределы края и начал играть в его хозяйственной жизни крупную роль. Причем почти всю работу в тех отраслях промышленности, куда он проникал, проводил хищническими способами, мало заботясь о технических усовершенствованиях, жестоко эксплоатируя те пролетарские и полупролетарские массы, которые попадали в сферу его влияния.

Транспорт и связь

Средства сообщения и связи в Минусинском крае перед революцией были в печальном состоянии. Железной дороги, которая соединяла бы край с губернией и с магистралью Сибирской ж. д., тогда еще не было. Ачинск-Минусинская ж.-д. линия была проложена только на несколько десятков километров от г. Ачинска, и ее постройка во время войны была прекращена. Автотранспорт совершенно отсутствовал. Шоссейные дороги были незначительного протяжения, и те находились часто в скверном состоянии. Преобладающим видом дорог были проселочные. В весеннюю и осеннюю распутицу отдаленные части края почти теряли всякую связь друг с другом и со своими административными и торговыми центрами.

Главными путями сообщения с губернией были два: по р. Енисею (зимой и летом) и почтовый Ачинск-Минусинский тракт протяжением в 330 км. По Енисею водный путь был открыт в течение полугода (с мая по ноябрь), но в силу раннего обмеления и капризного изменения фарватера реки чуть ли не с июля месяца судоходству уже угрожали неприятности. Передвижение по Енисею совершалось пассажирскими и буксирными пароходами, которые доходили главным образом до самого г. Минусинска, а иногда (в большую воду)

выше, до д. Означенной. Речной флот был незначительный. Из притоков Енисея, по которым совершалось пароходное движение, выделялись два—Туба и Оя; но по ним оно производилось только в большую воду и притом в их нижнем течении. Осенью пароходы доходили только до пристани Сорокиной (70 км. ниже Минусинска) и в лучшем случае до Аскыровской пристани (35 км. ниже Минусинска). По Енисею было развито барочное и плотовое движение. Последний вид транспорта применялся и на рр. Тубе, Ое и Абакане, по которым сплавляли лес, чугун и дрова.

Сообщение с Усинским округом и Танну-Тувой поддерживалось по Усинской шоссейной дороге, доведенной в то время почти до с. Усинского. Дорога строилась силами сначала крестьян, а затем каторжан и имела главным образом военно-стратегическое значение. Помимо этой дороги сообщение с Усом и Танну-Тувой совершалось вьючным путем по горным тропам или на плотах по Енисею. Последний путь был связан с большим риском, так как спускаться вниз по Енисею приходилось через ряд больших порогов. В целях предохранения от смывания водой как груз, так и люди обычно привязывались, а сам плот прочно скреплялся.

В зимнее время сообщение как с Усинским округом, так и с Тувой поддерживалось по Енисею санным путем.

В степях обычно дороги были лучше. В таежных же местностях края иногда во время распутицы можно было буквально застрять вместе с телегой и лошадью.

Сообщение с Красноярском в зимнее время поддерживалось по льду Енисея. Пассажирское движение совершалось на парных подводах, а иногда и «гусем» (одна лошадь за другой). Этот вид транспорта служил для некоторых старожилов подсобным и довольно значительным заработком. Грузовое движение совершалось обозами и занимало не меньше 7—8 суток. При пассажирском движении, если оно совершалось по «цепочке» (один ямщик передает другому—как бы своему компаньону), возможно было покрыть расстояние до Красноярска в 450 км. за 36 часов со всеми необходимыми остановками.

Что касается средств связи, то они также были развиты весьма слабо. Телеграф находился только в самых крупных торговых и административных пунктах и главным образом по трактам. Почтовые отделения также были редки, и в некоторых частях края населенные пункты отстояли на несколько десятков *км* от ближайшего почтового отделения.

Расстояния же до телеграфного отделения бывали еще больше (до 250 км.). Усинский округ и Танну-Тува имели с г. Минусинском как почтовую, так и телеграфную связь. Телефон был только в одном г. Минусинске.

Торговля

Главным торговым центром естественно являлся г. Минусинск, где производилась как оптовая, так и розничная торговля. Из крупных торговых фирм того времени можно отметить следующие: Смирновы, Савельевы, Вильнер, Разореновы, Калнин, Рогозинские,

Иванов и др. Кроме Минусинска торговыми пунктами были села: Абаканское, Новоселовское, Идринское, Ермаковское, Каратуз, Бейское и др.

Наряду с постоянной стационарной торговлей значительное развитие имела базарная и ярмарочная. Базары устраивались приблизительно в 20 крупных селах и обыкновенно происходили в определенные дни. Главными предметами торговли были: хлеб (мукой и зерном), скот как в живом, так и в битом виде, масло, яйца, табак, лен, конопля, соль, деготь, пушнина, дрова, сено, овощи и пр., и предметы как кустарной, так и фабрично-заводской промышленности, главным образом из б. Европейской России.

Более крупные торговые операции производились на ярмарках, где кроме розничной торговли большой удельный вес имела оптовая. Большие партии хлеба приобретались скупщиками путем выдачи денежных задатков крестьянам перед страдой на уборку и осенью на подати, приобретение одежды и пр.

В сбыте скота и продуктов скотоводства первое место принадлежало хакасам, которые сбывали его разъезжающим торговцам, приисковым подрядчикам, а также на базарах и ярмарках. Богатые хакасы иногда сами гоняли гурты скота для продажи в Красноярск. Мы не располагаем данными, характеризующими объем торговых операций по скоту за последнее перед революцией время. Приведем имеющиеся в нашем распоряжении данные, относящиеся к 1909 г., которые в основном все же дают представление об этой отрасли торговли.

По сведениям торговых кругов г. Минусинска, в 1909 году из пределов Минусинского края было вывезено: *в живом виде* 40 000 гол. крупного рогатого скота, 10 000 лошадей, 25 000 овец и 10 000 свиней; *в мясе*—300 000 пуд. говядины, 40 000 пуд. баранины, 100 000 пуд. свинины. Кроме того экспорт края в этом году состоял из следующих продуктов скотоводства: 20 000 пуд. коровьей шерсти, 40 000 пуд. овечьей шерсти, 5 000 пуд. волоса, 10 000 пар катанок (валенок), 7 000 шуб, 5 000 овчин, 50 000 скот. кож, 3 000 шт. опойка, 120 000 шт. овечьих кишек и пр. Из общего количества скота, вывозимого из Минусинского края, $^5/_8$ поставлялось на рынок хакасами, $^2/_8$ крестьянами и $^1/_8$ усинским и тувинским населением[1].

Если принять во внимание, что в последующие годы скотоводческое хозяйство богатых хакасов все же прогрессировало, а внутренний рынок все больше и больше расширялся, то можно сделать вывод, что скототорговля перед революцией 1917 г. была по своим размерам шире, чем это имело место в 1909 г.

Кроме базарной и ярмарочной торговли торговые операции производились и развозным торгом, особенно по хакасским селениям, где не было базаров и достаточной сети лавок.

В заключение следует отметить, что в Минусинском крае были в тот период особенно благоприятные условия для развития торгового капитала, который, пользуясь своим почти монопольным положением, производил торговые операции грабительскими способами,

---

[1] Приведенные данные взяты из ст. *А. Шнейдера* в журн. «Енисейский кооператор» № 16—17, 1922 г., стр. 17.

закабаляя как русское, так и хакасское население. Нет ничего удивительного в том, что в пределах Минусинского края как в самом Минусинске, так и в крупных торговых селах было довольно много богатых торговых «тузов», имевших обороты в несколько сот тысяч рублей. Что касается пролетарских масс прилавка, то они находились в крайне тяжелом и бесправном положении.

Кооперативная торговля была недостаточно развита. Более сильное развитие она получила в самом гор. Минусинске, где в 1907 г. возникло городское потребительское общество «Единение». За время своего существования оно пережило несколько фаз в своем развитии. Начав с мелкой торговли, «Единение» в годы войны расширило свои операции и стало играть заметную роль в общих торговых операциях края.

Потребительские общества, объединенные в Союз потребительских обществ, были почти во всех крупных селах и даже некоторых деревнях. Но при этом надо заметить, что все они находились под идейным руководством эсерствовавшего учительства, а то и просто под влиянием попов. Экономически они были слабы и решающей роли в товарообороте не играли.

Война и хозяйственная разруха в такой степени повлияли на состояние торговли, что она перед революцией испытывала весьма значительные затруднения как в предметах местного производства, так и в товарах фабрично-заводской промышленности, доставлявшихся из Красноярска и других торговых центров. К моменту революции полки магазинов города и лавки сел и деревень почти пустовали, что вызывало сильное недовольство трудящихся масс города и деревни. Оно усиливалось необузданной спекуляцией торговцев, которые в спекулятивных целях часто скрывали и задерживали товарные фонды.

Минусинский край как сфера приложения иностранного капитала

О русском капитале как в промышленности, так и в торговле мы уже сказали при освещении состояния промышленности и торговли в крае. Здесь же остановимся на деятельности заграничных предпринимателей, в результате которой Минусинский край стал ареной приложения иностранного капитала.

Правда, суммы вложений были еще незначительны, но сам по себе факт проникновения иностранного капитала являлся весьма знаменательным.

Иностранный капитал стал усиленно внедряться в хозяйство Сибири с того момента, когда Сибирь благодаря проведению железнодорожного пути оказалась включенной в сферу влияния международного рынка.

Деятельность иностранного *торгового капитала* в Минусинском крае сводилась к экспорту сырья и сельскохозяйственных продуктов, а также к ввозу с.-х. машин, орудий и прочих принадлежностей сельского хозяйства и домашнего обихода.

Главными сельскохозяйственными продуктами, которые интересовали иностранный торговый капитал, были: сливочное масло, яйца, кожа, битая птица, пушнина, щетина, конский волос и др.

Предметами ввоза из-за границы являлись следующие с.-хоз. машины и орудия: жатки, молотилки, конные грабли, сенокосилки, плуги, сепараторы, запасные части к различным сельскохозяйственным машинам.

Кроме этого, большие торговые операции производились по продаже в рассрочку швейных машин Зингер и К°. Русских фирм, занимавшихся специально экспортом сырья на заграничные рынки, почти не имелось. Поэтому в деле непосредственной реализации сибирского сырья и продовольствия на заграничных рынках выступали иностранцы, которые производили заготовки через специально командированных ими агентов, а также через местных спекулянтов и торговцев. Местные торговые фирмы являлись фактически только сборщиками сырья, которое затем они уже большими партиями перепродавали агентам иностранных фирм и контор.

Из числа крупных заграничных торговых фирм в Минусинск проникла датская фирма по экспорту масла—«Сибирская компания», производившая закупку масла на комиссионных началах для целого ряда английских и немецких фирм. В целях большего привлечения крестьян этой компанией был открыт склад по продаже орудий маслоделия, земледельческих машин и всевозможных крестьянских товаров. По существу операции компании в большинстве случаев носили меновой характер.

Из торговых заграничных фирм, производивших операции по сбыту сельскохозяйственных машин и орудий, большую роль играла американская «Международная компания», поставлявшая уборочные машины. В торговле сельскохозяйственными машинами применялось представление фирмами кредита крестьянам, который в конечном счете приносил заграничным предпринимателям большую прибыль (30—40%)[1].

Вскоре после начала империалистической войны 1914 г. иностранные экспортные конторы, находившиеся в Сибири, прекратили свои операции по экспорту сырья за границу. Часть фирм, принадлежавших подданным Германии и Австрии, в силу распоряжения правительства, ликвидировала свои конторы и прекратила торговые операции. Иностранные фирмы других государств занялись торговыми операциями на внутреннем рынке б. Российской империи, частично работая на «оборону» и участвуя в спекулятивной деятельности наравне с русскими фирмами.

Иностранных банков в Сибири в чистом виде не было, так как царское правительство воспрещало открытие в России иностранных банков.

Участие иностранного *финансового капитала* в делах русских банков совершалось путем приобретения акций.

В Минусинском крае в рассматриваемый нами период был представлен как французский, так и германский финансовый капиталы. Германский финансовый капитал производил свои операции через посредство «Русского для внешней торговли банка», где его доля

---

[1] Журн. «Сибирские огни» № 3, 1922 г., ст. А. *Шиша*, Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири, стр. 102.

равнялась 40%, и через «Сибирский торговый банк», в котором его доля составляла 20%. Французский капитал проникал в Сибирь главным образом через «Русско-азиатский банк», где он владел 65% акций.

Несмотря на то что по существовавшим в России законам банки могли вести исключительно кредитные операции и торговая деятельность им разрешалась только в случаях явной необходимости, они постепенно расширяли рамки своей деятельности, вводя в круг своих непосредственных задач и операций куплю и продажу товаров и сырья, экспорт его и участие в торгово-промышленных предприятиях. Эта общая тенденция для сибирских отделений иностранных банков распространялась и на минусинские отделения, которые в экономической жизни края начинали играть все большую и большую роль, подчиняя своему контролю весь торгово-промышленный оборот.

Нужно при этом иметь в виду, что свои активные операции сибирские отделения банков направляли преимущественно на заготовку и экспорт сырья.

Без особого преувеличения можно сказать, что почти все сырье, экспортировавшееся из пределов Сибири, вывозилось при содействии и участии в той или иной форме иностранного банковского капитала.

Разумеется, что деятельность банков сопровождалась конкуренцией между ними, выражавшейся в сманивании клиентов путем предоставления им более льготных условий и т. д.

В период европейской войны банки, как и торговые иностранные фирмы, усилили спекулятивную деятельность, которая широкой волной разливалась от центра к периферии.

У нас нет данных о размерах вложений в организованные иностранцами *промышленные предприятия*, а потому ограничимся лишь краткими сведениями о тех объектах эксплоатации, которые попали в сферу влияния иностранного капитала.

Организовавшаяся в 1901 г. акционерная компания «Енисейская медь» открывает рудник «Юлия». В 1908 г. здесь налаживается выплавка меди на специально построенном заводе, владельцами которого были англичане, образовавшие акционерное о-во «Сибирская медь».

В 1916 году Абаканский железоделательный завод покупается «Южносибирским о-вом металлургических заводов», которое за своей спиной имело иностранных предпринимателей в лице нефтяника Нобеля и владельцев петербургских заводов Феникса и Леснера. Это общество приобрело Калягинские копи и проектировало постройку узкоколейной ж. д. от верховьев Абакана к Енисею, где им намечался к постройке металлургический завод. Это же о-во незадолго до революции приобрело медные Маинские рудники, готовясь начать там медеплавильное производство. Таким образом мы видим, что английский капитал внедрялся в промышленность края, используя метод организации комбинированных предприятий. Заслуживающие внимания данные говорят, что делались практические шаги по внедрению в край и французского капитала, который особое внимание уделял асбестовой промышленности. После японской войны некий Мазиано и позднее Плено (французы) наткнулись в долине р. Камышты,

притока Абакана, на крупное месторождение асбеста и заявили целый ряд площадей. Мазиано хотел посредством продажи асбестовых залежей в богатые руки использовать свое открытие, для чего время от времени отправлял на рынки приготовленный ручным способом асбест и держал за собой площади более 10 лет, подыскивая покупателей. Впоследствии от этих спекулятивных шагов французский капитал перешел на более прочные промышленные рельсы. Француз Плено в 1910 г. построил для обработки асбеста фабрику, отправляя асбест частично за границу. Однако спустя два года дело было ликвидировано, и после этого асбестовые разработки в крае не возобновлялись.

Подводя итоги роли иностранного капитала в экономике Минусинского края, можно определенно сказать, что, несмотря на кратковременность своего существования, он все же сумел пустить корни в экономическую почву края, из которой выкачал огромные средства, подчиняя при этом все больше и больше своему контролю и влиянию различные отрасли хозяйственной жизни.

Культурное состояние края

Несмотря на то что народное образование в Минусинском крае перед революцией насчитывало почти 70 лет своего существования, оно стояло на низком уровне как в количественном, так и в качественном отношениях. В 1850 году было открыто в г. Минусинске 2-классное приходское училище, и только с 1860 г. учреждаются в некоторых селах края одноклассные школы.

С начала 900-х гг. в крае начинают открываться ежегодно по нескольку школ. Подъем торговли и горнозаводской промышленности, начавшийся после 1905 года, вызвал спрос на людей различных специальностей, и молодая богатеющая буржуазия начинает оказывать помощь в организации различного рода школ.

К моменту Февральской революции в самом Минусинске было несколько учебных заведений повышенного типа: реальное училище, учительская семинария, женская гимназия, торговая школа, женское высшее начальное училище и до 13 городских начальных школ. Кроме этого в большом селе Каратузе были открыты мужская гимназия и высшее начальное училище, а в с. Ермаковском лесная школа. В более крупных селах были открыты 2-классные министерские школы, иногда с ремесленными отделениями.

Но если взять весь край в целом, то насыщенность школами была все же весьма незначительна. Из 425 населенных пунктов по переписи 1917 г. не было школ в 139 пунктах, т. е. 32,7% населенных пунктов было без школ. Здесь мы умышленно взяли только волости с русским населением. Что же касается хакасских волостей (Аскызской, Усть-Абаканской, Усть-Фыркальской и Сейской), то там в буквальном смысле слова была школьная пустыня. Только в некоторых пунктах Хакассии были начальные школы и, конечно, с преподаванием на русском языке.

Преподавательский состав был с образованием учительских семинарий, гимназий или лиц, выдержавших испытание на звание

народного учителя, многие из них были учителя в рясах—попы восторговских курсов. Инспектора народных училищ по линии министерских школ и попы благочинные по линии церковно-приходских осуществляли полицейский режим, верой и правдой изгоняя из учительской среды всякого, кто был хоть немного заподозрен в неблагонадежности.

Перепись 1917 года зарегистрировала только один народный дом в с. Новоселовском и около 7 районных библиотек. Однако правительство при всем этом находило достаточно средств на постройку и содержание церквей—этих агитпропов царского самодержавия. В 31 русской волости было 65 церквей. Если в 1896 году статс-секретарь Куломзин в своём «всеподданнейшем отчете» по поездке в Сибирь горько сожалел о том, что в Сибири «церкви крайне редки», что там «не найти родного ландшафта, столь глубоко захватывающего русское сердце, когда, въехав на возвышенность, вдруг увидишь на широком горизонте до десятка или двух белеющих в синеве каменных церквей с высокими колокольнями»[1], то этот верноподданнейший холоп в позднее уже время мог бы со спокойной душой взирать на выстроенные в Сибири церкви. Правда, сибирский «ландшафт» в этом отношении еще не мог сравняться с тем, о котором писал Куломзин, но следы работы статс-секретаря были уже налицо.

Здесь же следует отметить, что этот верноподданнейший мракобес не только сожалел об отсутствии «родного ландшафта», но и намечал целую программу одурачивания народных масс Сибири. В том же отчете он писал: «Из всего сказанного видно, что население громадной, удаленной от центров России страны... учится и развивается без церквей и школ, в присутствии или под прямым руководством громадной массы преступников, поставленных в самое близкое отношение к нему. Что сибиряк по-своему очень развит—это все, кто его видел, скажут, что отсутствие руководства со стороны церкви и школы и влияние ссыльных придало развитию сибиряка особый, не предвещающий ничего хорошего отпечаток—это тоже факт»[2]. И делая из этого вывод, Куломзин приходит к следующему заключению: «При таких обстоятельствах *следует опасаться, как бы переселенцы, попав в Сибирь, не сделали под влиянием местной обстановки шага назад в своем развитии*, а потому и необходимо признать удовлетворение наиважнейшей их духовной потребности делом первостепенной важности»[3].

За неимением цифровых данных, мы не можем указать процента грамотных в крае, но и сведения о числе школ говорят уже за то, что он был низок.

Если некоторые деревни, расположенные от школы в 5—7 километрах, кое-как еще могли обслуживаться соседней школой, то наряду с

---

[1] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. С.-Петербург, 1896 г., стр. 122.

[2] Там же, стр. 126.

[3] Там же, стр. 125.

ними были такие, которые находились на расстоянии в 20—25, а иногда и в 35 км., и об их обслуживании, конечно, не могло быть и речи.

Совершенно естественно, что Минусинск был культурным центром края. В нем были сосредоточены все культурные учреждения, как-то: театр, где играли любители, кино, музей, а также и газеты. Газета «Минусинский край»[1], выходившая в годы империалистической войны, была социал-демократической газетой интернационалистского направления. Руководилась она, конечно неофициально, социал-демократами, находившимися в то время в минусинской ссылке и игравшими в политической жизни края преобладающую роль. Однако газета не имела вполне выдержанного большевистского лица, так как в ней сотрудничали и меньшевики (Дан и др.), но все же большевикам удавалось ее использовывать и оказывать на ее направление свое влияние, печатая даже в условиях царской цензуры большевистские статьи, за которые потом сыпались полицейские репрессии. Обычно подвергались штрафу или тюремному заключению официальные редакторы, а сама газета закрывалась. Минусинская газета, неоднократно подвергаясь таким репрессиям, вновь возобновлялась, конечно уже под другим названием. Издателем и редактором газеты был И. Г. Сафьянов, ставший в 1917 г. членом партии большевиков.

Большую культурную ценность представлял Мартьяновский музей, славившийся своими богатейшими археологическими коллекциями не только в России, но и за границей.

При музее имелась публичная библиотека, насчитывавшая до 80 000 книг и служившая часто не только местом научной работы для политических ссыльных, но и местом свиданий по нелегальной работе большевиков.

Население, его национальный и классовый состав

По переписи 1917 г. в крае было (вместе с Усинским пограничным округом) всего 924 населенных пункта, из которых 276 старожильческих, 152 переселенческих и 308 хакасских улусов[2].

Всего наличных хозяйств (по тому же списку № 1 без города и Усинского округа) было зарегистрировано 49 786, из которых 19 665 старожильческих, 22 064 переселенческих, 6 864—хакасских, 1 057 казачьих и 136 хозяйств крестьян из казаков.

Общее население края с городом и Усинским округом равнялось 318 208 чел. Плотность населения на 1 кв. км. всей территории для русских равнялась 3,5.

Если же взять плотность только на заселенную и заселяемую территорию, то это выразится следующими цифрами: для русских—9,1, для хакасов—2,8, для Усинского округа—7,4[3].

---

[1] За три года газета переменила четыре названия: Минусинский край, Южная Сибирь, Минусинский листок, Минусинский голос.

[2] Деление сделано только для 735 населенных пунктов, вошедших в список № 1 (поволостные итоги).

[3] Записка об Ачинск-Минусинской ж. д., Новониколаевск 1923 г., стр. 11.

Особенностью Минусинского края было то, что в нем было сосредоточено 81% всех хакасских хозяйств (6 864 из 8 450) и 74, 5% всех казачьих хозяйств губернии (1057 из 1418).

Так как для нас при изложении событий периода существования Минусинской коммуны казачество будет представлять исключительный интерес, то мы приведем здесь список тех пунктов, где в процессе заселения края обосновывались казачьи хозяйства [1]:

В Абаканской	волости	74 хозяйства
» Бейской	»	12 »
» Восточенской	»	15 »
» Ермаковской	»	81 »
» Каптыревской	»	142 »
» Кемской	»	19 »
» Лугавской	»	95 »
» Новоселовской	»	160 »
» Сагайской	»	82 »
» Таштыпской	»	377 »

Крупными пунктами сосредоточения казачьего населения были таким образом три волости: Каптыревская, Новоселовская и Таштыпская, причем «столицей» казачества считался Таштып—богатое большое село в юго-западном углу края, недалеко от Абаканского железоделательного завода.

Из приведенных в начале этого раздела цифр видно, что в общем числе хозяйств края переселенческие хозяйства занимали почти 50% и превышали число старожильческих. У нас нет под руками материалов, которые бы подробно освещали нам классовые группировки того периода, но косвенным путем мы все же постараемся это сделать.

Что касается пролетариата, то здесь мы на нем подробно останавливаться не будем, так как в разделе о состоянии промышленности мы уже привели имевшиеся в нашем распоряжении данные. По вопросу о расслоении в деревне можно определенно утверждать, что к моменту революции оно достигало высокого уровня. Данные переписи 1917 г. говорят, что число хозяйств, нанимавших годовых и сезонных рабочих, равнялось по уезду 2 612 из общего их числа в 49 786. Это значит, что процент таких хозяйств с наемным трудом достигал 5,4.

Если принять во внимание, что обычно при переписях крестьянство утаивало наемную силу, выдавая нанимаемых за родственников, то можно утверждать, что слой, эксплоатировавший наемную силу, был довольно значительным и, конечно, выше 5,4%, выявленных переписью. Вне всякого сомнения, это была кулацкая часть деревни. Ей противостояли бедняцкая часть и батрачество. Батрацкая часть деревни была представлена наемными рабочими, пастухами и домашними работницами (няни, кухарки). Остальную часть крестьянского населения составляли середняки.

Главным населенным пунктом был г. Минусинск с населением в 12 807 человек, где основную массу жителей составляли ремес-

---

[1] Списки населенных пунктов Енисейской губ., ч. 1, Красноярск 1921 г., стр. 124.

ленники и мещане. Многие из мещан занимались сельским хозяйством (из 1 475 владений 329 хозяйств имели посевы).

Здесь же было сосредоточено чиновничество различных учреждений (лесное, акцизное, горное, полиция, военное), учительство начальных школ и средних учебных заведений, духовенство, служащие торговых, кооперативных и банковских учреждений и немногочисленный пролетариат типографий и ряда промышленных предприятий города.

Национальный состав населения Минусинского края был весьма разнообразен. Кроме двух основных групп—русских и хакасов—там имелись колонии финнов, эстов, латышей и немцев, как ссыльных, так и добровольных переселенцев (Верхн. Суетук, Верхн. и Нижняя Буланки). Кроме этих народностей, правда, довольно немногочисленных, значительное количество было украинцев. Меньше было белоруссов и поляков. Этому национальному разнообразию, конечно, сильно способствовали ссылка и переселенческое движение, которое дало в пределы Минусинского края представителей почти из 50 губерний. Подавляющее большинство населения в крае были все же русские. За ними следовали хакасы, численность которых по переписи 1917 г. в 4 хакасских волостях равнялась 38 382 человекам. Здесь же нужно отметить, что эта народность, несмотря на все притеснения со стороны русского населения, оказалась вполне жизнеспособной, устойчивой и способной не только к сопротивлению, но и к развитию в экономическом и культурном отношениях. Лишний раз нужно подчеркнуть несостоятельность, беспочвенность и реакционность гулявшей тогда «теории вымирания» хакасского скотоводческого населения. Эта «теория» оправдывала колонизаторские мероприятия, применявшиеся по отношению к хакасскому населению.

К моменту революции из буржуазной и кулацкой среды хакасов выдвинулся ряд общественных и научных деятелей. Все они без исключения (С. Д. Майнагашев, братья Барашковы, Катановы и др.) были ярыми националистами, думавшими разрешить национальный вопрос без помощи пролетариата и без руководства со стороны коммунистической партии.

Майнагашев и его друзья по общественной и политической работе с момента пролетарской революции оказались по другую сторону баррикады и являлись активнейшими организаторами и участниками контрреволюционного переворота в Минусинском крае. В последующие годы гражданской войны Барашковы и Майнагашевы, участвуя в белобандитских отрядах, борясь против советской власти, всемерно разрушали жизнь хакасского населения.

Майнагашев за свою контрреволюционную деятельность был расстрелян партизанами.

Глава II

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КРАЕ, РАБОТА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ДО 1917 ГОДА И В ПЕРИОД ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Революция 1905 г. в Минусинском крае и работа минусинской группы РСДРП 1906—1907 гг.

Тех революционно-красочных картин борьбы с царским самодержавием, которыми были так богаты не только пролетарские центры б. Европейской России, но ее деревня, Минусинский край в революцию 1905 года не знал.

В этом отношении он не был исключением среди других подобных ему уголков Сибири, куда революция 1905 г. докатилась с довольно большим запозданием, без резкого проявления революционной борьбы, посылая в далекую провинцию лишь слабые отзвуки событий революционных столиц и пролетарских центров. Это, конечно, ни в какой степени не значит, что революция 1905 г. не задела Минусинского края и не оказала революционизирующего влияния на широкие трудящиеся массы.

И то и другое оставило свой след, а главное, влияние революции 1905 г. послужило тем фундаментом, на котором в последующие годы в крае успешно развернулась борьба за советскую власть.

В силу того что Минусинский край находился в несколько иных социально-экономических условиях, чем губернии и уезды б. Европейской России, он не испытал на своей территории всей остроты тех аграрных революционных выступлений, которыми богата была остальная Россия. Слабость прослойки в то время на его территории пролетарских масс сказалась в том, что как город, так и периферия края не знали бурных забастовок, а тем более наивысшего пункта классовой борьбы—вооруженного восстания.

Классовая борьба в деревне носила характер повседневных споров между различными социальными группировками, возникавших на почве раздела покосов, пахотной земли, отбывания различных общественных повинностей и т. д.

Обычным местом этих споров были сельские сходы, где кулацкая часть деревни всегда пыталась узаконить заранее захваченные ею угодья, выставляя при этом принцип дележа по количеству скота,

которого она имела значительно больше бедняцкой части. В противовес ей бедняцкая часть выставляла принцип подушного дележа покосов и пашни, что, конечно, ставило бы кулачество в необходимость арендовать для своих стад землю.

Иногда споры из стен сельских управлений переходили непосредственно на пашни и луга, где они зачастую кончались столкновением этих групп, вплоть до применения физической силы. На почве недовольства экономическими преимуществами кулацкой части деревни очень часто практиковалась потрава как лугов, так и пашен у кулацких хозяйств, а иногда и просто поджог сложенного в стога сена и в клади хлеба.

Ярким проявлением классовой борьбы был например случай, происшедший в 1905 г. в с. Каратузском, где беднота потребовала от казачьей верхушки равноправия в общественных делах и наделения ее землей, которую она обычно арендовала у каратузских кулаков. Казаки отказали. Произошло кровавое столкновение, окончившееся тюрьмой для «бунтовщиков».

Необходимо отметить возникновение в Минусинске профессиональных союзов, которые существовали даже в годы реакции.

Громадную революционную работу проделала минусинская группа РСДРП (большевиков), входившая в состав Красноярской социал-демократической большевистской организации и подчинявшаяся директивам ее комитета.

Эта группа должна была выдержать большую борьбу с эсерами, кадетами и меньшевиками.

В 1905 году особенно сильны были в Минусинске эсеры, бросившие туда свои крупные силы из губернии и создавшие отделение «Всероссийского крестьянского союза». Они организовали нелегальную типографию и в своей работе использовали радикализм сельской и городской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Минусинская эсеровская организация, довольно мирно уживавшаяся с местными кадетами, возглавлявшимися крупным заводчиком, либералом А. А. Яриловым, представляла собой, без сомнения, большую силу, с которой социал-демократам пришлось вести усиленную борьбу, отвоевывая от эсеров революционно настроенные массы.

Первые попытки нащупывания почвы для социал-демократической работы, которые были предприняты в декабре 1905 года, не дали определенных результатов, и только в апреле 1906 года удалось заложить основу минусинской организации РСДРП. В марте 1906 года в Минусинск приехал социал-демократ т. М. Г. Сафьянов. Он не нашел там не только социал-демократической организации, но и марксистского кружка. Однако налицо была уже перемена в настроении масс, выражавшаяся в стремлении рабочих города организовать свою «рабочую партию».

В апреле в Минусинск прибыл социал-демократ большевик т. Ружейников И. С.[1], высланный из Омска за партийную работу, усилиями которого главным образом и была создана минусинская

[1] Умер в Москве в 1930 г.

с.-д. организация. Чрезвычайно активный, с исключительным дарованием трибуна-организатора, т. Ружейников уже на третий день своего приезда сумел собрать вокруг себя небольшую группу марксистов, до этих пор не проявлявших себя как организованная сила. Через марксистски в то время настроенного учителя Чуева удалось собрать на его квартире первое организационное собрание минусинской группы РСДРП, на котором решено было связаться с Красноярским комитетом с.-д. организации, а также немедленно начать пропагандистскую работу среди рабочих города.

Пропагандистская работа, порученная тт. Сухорукову, Протопопову и Михаилу Сафьянову, скоро наладилась, так как у группы имелись связи с местными плотниками благодаря т. Сухорукову, происходившему из рабочей семьи. Первое организационное собрание рабочего кружка, собравшее в большинстве «бородачей» в возрасте от 40 до 50 лет, говорило уже о том, что в революцию втягиваются, так сказать, коренные силы пролетариата. Собрания кружка и группы устраивались обычно еженедельно по воскресеньям. Местом для собраний служил лес за городом и кладбище, которые довольно хорошо скрывали нелегальную работу от зорких глаз шпиков и жандармов.

По прошествии месяца своей работы кружок насчитывал уже около 30 товарищей, среди которых выделялись Сухоруковы (отец и сын Александр[1]), братья Фокины, Подъяпольский, Рытов, Садовский Иосиф, Кытманов и др. О том, что работа среди рабочего кружка не пропала даром, говорят последующие революционные события в Минусинском крае, в которых самое живое участие приняли первые кружковцы минусинской социал-демократической организации. В 1917 г. они боролись за советскую власть в рядах партии большевиков и всего рабочего класса. Группа развернула также большую агитационную работу, участвуя на всех митингах, собраниях, съездах и даже на сельских сходах. Главным и постоянным оратором на них был т. Ружейников.

Минусинская группа социал-демократов в агитационных целях использовала кампанию выборов в I Государственную думу. В связи с выборами и прибытием партии политических ссыльных была организована первая в Минусинске демонстрация, привлекшая несколько тысяч человек под красные знамена, среди которых выделялось знамя минусинской социал-демократической организации с лозунгом—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Во время этой демонстрации около солдатских казарм т. Ружейниковым была произнесена речь, призывавшая солдат выступить вместе с рабочими и крестьянами против царя, капиталистов и помещиков. На пристани был устроен второй митинг, на котором кроме депутатов и Ружейникова выступали приехавшие ссыльные.

В этой демонстрации как нельзя лучше сказался истинный смысл «свобод» «знаменитого манифеста 17 октября». С одной стороны, из пределов Минусинского края провожали депутатов «вершить судьбы

[1] В 1918 г. был секретарем Енисейского губисполкома. Погиб в Красноярской тюрьме при Колчаке.

народа», а с другой—тот же Минусинский край принужден принимать политических изгнанников.

Успехи т. Ружейникова и всей группы РСДРП вызвали к ней ненависть минусинской буржуазии и местной эсеровской организации, еще усилившейся благодаря прибытию нескольких крупных эсеров с Украины.

В конце июня полиция запретила т. Ружейникову выступать на митингах, установила за ним наблюдение, вынудив его сначала перейти на нелегальное положение, а затем бежать из пределов Минусинского края сначала в Красноярск, а затем в Финляндию и Одессу.

После отъезда т. Ружейникова вся группа минусинских с.-д. была взята под подозрение, и некоторым из них пришлось также покинуть пределы Минусинского края.

Однако, несмотря на гонения, группа просуществовала до осени 1907 года. В этот период она увеличилась за счет местных рабочих, сумела кроме того установить прочные связи с солдатской массой местного гарнизона, благодаря чему военная организация эсеров вынуждена была «контактировать» свою деятельность с работой группы.

К этому времени группа располагала уже библиотекой и множительным аппаратом, на котором печатались прокламации. Группа пополнилась новыми товарищами, среди которых был учитель Антон Иванов, высланный в Минусинск в административном порядке и сделавшийся лидером группы. Осенью 1907 г., с усилением реакции, собрания группы и рабочего кружка почти прекратились. Библиотека была зарыта в землю, оружие и шапирограф переносились с одной конспиративной квартиры на другую, так как их использовать уже не представлялось возможности. Большинство членов группы вынуждено было скрываться в тайге, частью в деревнях или просто выехать из пределов Минусинского края. Наступили дни черной реакции, прервавшей работу минусинских социал-демократов, которая вновь возобновилась лишь в 1915 году.

Для широких трудящихся масс уроки революции 1905 г., а затем и годов реакции даром не прошли—они получили первую революционную закалку. В этом большая заслуга минусинской группы РСДРП 1906—1907 гг. Она связала революционное движение Минусинского края с общей пролетарской борьбой, подготовила в массе настроение к восприятию лозунгов Октябрьской революции 1917 г. и создала среди минусинских рабочих кадр работников для будущей организации коммунистов-большевиков.

Политическая ссылка

Тов. В. А. Ватин-Быстрянский в своем исследовании, касающемся политической ссылки в Минусинске, пишет:

«Вряд ли найдется уголок Сибири, не видавший у себя политических изгнанников. И поэтому местный историк не может обойти в своих работах роли последних в жизни края, прошлое которого он изучает» [1].

---

[1] Декабристы в Минусинском округе. «Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова», 1925 г., ст. Е. А. Ватина, стр. 1.

Это совершенно бесспорное положение обязывает и нас предпослать «Минусинской коммуне 1917—1918 гг.» краткий очерк о политической ссылке, которая в своей большевистской части немало помогла трудящимся края в их борьбе как против царского самодержавия, так и в борьбе за советскую власть.

Отдельные ссыльные и представители различных политических течений по-разному, конечно, влияли на общественную жизнь края.

Вначале в пределы Минусинского края попадают декабристы. После декабристов появляются польские повстанцы 1830 г., среди которых встречается фамилия Корсака, потомки которого участвуют как в Февральской, так и в Октябрьской революциях в Минусинском же крае.

Затем в результате разгрома июльского восстания 1863 г. Минусинский край снова наводнила польская ссылка. Следующая полоса революционного движения в России дает Минусинскому краю видных деятелей народовольцев, первомартовцев. А после них появляются эсеры и социал-демократы.

С февраля 1897 года в селе Шушенском отбывал ссылку В. И. Ленин, который сделал очень много для пробуждения народных масс Минусинского края. При его ближайшем участии и под его непосредственным руководством в 1899 г. в с. Ермаковском на собрании революционных социал-демократов получил оформление знаменитый протест 17-ти против Кусковского «Credo», имевший огромное значение для революционного движения России.

За последние годы XIX века и в первое десятилетие XX века в Минусинске отбыли ссылку следующие видные деятели того времени: Ал. Кропоткин, А. В. Тырков, Н. С. Тютчев, Корба, Прибылев, Д. Клеменц, Белоконский, Аргунов, Иванчин-Писарев, Яковлев, Амфитеатров, Лукашевич, Дзвонкевич, Стерре (румын), Файницкий, Студницкий. Кроме них в Минусинской ссылке в тот же период находились: Кржижановский, Лапешинский, Ленгник, Старков, Смирнов, Феликс Кон, Стасова и др.

После 1905 г. сюда ссылают Ружейникова, позднее Ватина-Быстрянского, затем Голубкова[1], Горбачевского, депутата Государственной думы 2-го созыва Хвоста [2], а также и других. Попадают в Минусинск и меньшевики: Дан (Гурвич), Иков (Миров) и Ермолаев.

Для нас непосредственный интерес представляет ссылка последних перед революцией лет. В журнале «Каторга и ссылка» за 1927—1928 гг. минусинской ссылке посвящены специальные статьи тт. Д. А. Пузанова и Ю. П. Гавена, бывших ссыльных Минусинского края. Тов. Пузанов дает в своей статье довольно подробный перечень ссыльных, правда неполный, с разбивкой на существовавшие в то время колонии и с указанием политической принадлежности почти каждого ссыльного. Общее количество ссыльных по этому списку равнялось 97 чел., которые были разбиты на 4 колонии: Городская колония—68 человек, Ермаковская—20 чел., Григорьевская колония—8 человек и Каптыревская—2 человека.

---

[1] Член Московского комитета большевиков в годы реакции.

[2] Переведен в Минусинск с Ангары осенью 1913 г.

Кроме этих приведенных здесь были ссыльные и еще, но их т. Пузанов не выделяет в особые группы.

Ссылка имела несколько политических центров, к которым тяготели ссыльные различных оттенков. Тов. Гавен приводит их четыре.

Одним из них был меньшевистский, во главе с Даном, устраивавшим довольно часто «чаи», на которых главным образом и протекала вся политическая жизнь меньшевиков. Вторым центром был эсеровский. Его возглавлял журналист Наум Яковлевич Быховский, устраивавший «четверги», посетителями которых были кроме эсеровской публики также и ссыльные дановского лагеря.

Посещало «четверги» несколько человек и из местной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, а помимо их, как оказалось потом, и явный провокатор Боровой, информировавший жандармского ротмистра Смирнова о внутренней жизни ссылки.

Третьим центром была Брешко-Брешковская, превратившаяся в своеобразный «культ» для местной мелкобуржуазной интеллигенции.

Четвертым центром была группа большевиков (Ватин, Стасова, Спунде, Гавен), около которой и группировались все элементы революционной социал-демократии, бывшие в минусинской ссылке. Минусинские большевики держались в стороне от «чаев» Дана, «четвергов» Быховского и «культа бабушки».

«Наша работа,—пишет т. Гавен,—заключалась в том, что мы переписывались с другими группами ссыльных большевиков (красноярцами, енисейцами, туруханцами и пр.), а также с некоторыми руководящими коллективами партийных организаций; обменивались резолюциями и другими документами и временами собирались вместе и обсуждали новости».

Местом явки обычно, как уже сообщалось раньше, служил архив Мартьяновского музея, где работал над «Историей Минусинского края» т. Ватин.

В этой обстановке был сформулирован весьма важный документ за подписью «Группа революционных социал-демократов», на котором мы подробно остановимся несколько ниже—в конце настоящей главы. Очень важную роль минусинские большевики сыграли и в подготовке местных большевистских кадров, через которых они сумели связаться как с местными рабочими, так и с наиболее революционной частью крестьянства.

Следующим крупным шагом минусинских большевиков была организованная ими забастовка типографских рабочих, о которой сообщает в своих воспоминаниях т. Гавен Ю. П.[1]. Он пишет следующее:

«В январе 1917 г. мне и Педаясу удалось сагитировать типографских рабочих на забастовку. Это была полная неожиданность для минусинских властей и буржуазии. В мещанском городке, где даже в бурном 1905 г. рабочие не бастовали, вдруг забастовка. Переполошились и ссыльные, ожидая арестов. Забастовка тянулась около недели. Был избран забастовочный коми-

[1] После Февральской революции руководитель минусинской организации большевиков и организатор Совета рабочих и солдатских депутатов; политический каторжанин; один из быв. руководителей социал-демократии Латвии.

тет, которым руководили Педаяс и я. Но забастовка на второй неделе окончилась поражением благодаря вмешательству полиции и жандармского ротмистра Смирнова. Арестом нескольких рабочих и угрозой сослать остальных в Туруханск они заставили впервые вышедших на путь борьбы и еще слабо сплоченных рабочих вернуться на работу» [1].

Что же касается работы ссыльных, разбросанных по селам, то она естественно не могла принять таких размеров, каких достигла в самом городе. Но она проводилась и здесь, имея, конечно, другой характер и сводясь больше к общественной и культурно-просветительной работе (организация деревенского театра, кооперативных обществ и т. д.).

Нелегальная работа проводилась между прочим через посредство частной учительской практики ссыльных, давшей впоследствии представителей революционной молодежи.

Ссыльные большевики использовывали и работу в кооперации, на съездах которой они выдвигали в правления и ревизионные комиссии кандидатуры распропагандированных ими кооператоров из местного населения.

Большевики вели непримиримую борьбу со всякого рода оппортунизмом как в своей собственной среде, так и против враждебных большевизму течений, особенно против меньшевиков и эсеров. Своей работой большевики оказали глубочайшее влияние на выработку революционного сознания как среди немногочисленного пролетариата и небольшой группы революционно-настроенной интеллигенции, так и среди тех крестьян, может быть и одиночек, которые в последующем сгруппировали вокруг себя сотни, а затем тысячи сторонников советской власти. В этом мы видим значение политической ссылки, особенно ее большевистского крыла, подготовившей славную страницу в истории революционного движения в Минусинском крае перед революцией 1917 года.

Нелегальная организация большевиков и ее работа во время империалистической войны

Волны оживившейся в годы подъема (1912 —1914 гг.) общественно-политической жизни России как по линии партийной, так и профсоюзной работы докатились и до далекого Минусинского края. Начала выходить местная газета марксистского направления, которая все чаще и чаще стала реагировать на события общественно-политической жизни страны.

Оформление в годы войны большевистской группы в Минусинском крае следует отнести к осени 1915 г., когда в Минусинске оказалось несколько видных большевиков-ссыльных.

В самом городе тогда было 5—6 десятков человек политических ссыльных, среди которых большевиков только 5—6 человек (Ватин-Быстрянский, Спунде, Смирнов Н. Ф., Голубков А. П. и т. Гавен Ю. П.). В селах Минусинского края в это время находились:

---

[1] «Каторга и ссылка» № 39, 1928 г., ст. *Ю. П. Гавена*, Революционное подполье в Енисейской губ. в период империалистической войны, стр. 128.

т. Стасова Е. Д., Бруно Г. (Пфафродт), Алексис, Эмилин, Пономарев А. Н. и др. Еще до образования группы летом 1915 г. т. Ватин-Быстрянский, будучи в Красноярске, прочел красноярским подпольщикам два доклада об империалистической войне и задачах партии. Эта связь с Красноярском не порывалась и в последующее время.

В силу условий Минусинского края, естественно, круг работы минусинской группы большевиков был крайне ограничен. Основным объектом их пропаганды и агитации были политические ссыльные как в самом Минусинском крае, так и в других местах Сибири. Кроме них работа велась и среди местных типографских, строительных и мельничных рабочих, рабочих других производств, а также и среди учащихся средних учебных заведений (реальное училище и женская гимназия). Велась работа и среди солдат местной воинской части. Что касается периферии края, то там работа носила характер индивидуальной обработки революционно настроенных элементов и притом, конечно, велась не систематически.

Минусинской группе большевиков пришлось вести большую борьбу против довольно сильной группы видных меньшевиков: Дан, Иков (Миров), Ермолаев (Роман), и эсеров: Быховский, Брешко-Брешковская и другие.

Особый интерес и значение имела декларация минусинских большевиков за подписью «Группа революционных социал-демократов», которая потом горячо обсуждалась во многих колониях, ссыльных и рабочих кружках. Косвенно повод для написания этой декларации дал Дан.

В ответ на патриотическое письмо Плеханова к русским рабочим, в котором последний призывал отказаться от борьбы с царизмом и капиталом ради войны с германским империализмом, Дан написал обращение к рабочим, в котором, «критикуя» оборонческую позицию Плеханова и противопоставляя ей свою по внешности интернационалистскую, защищал насквозь меньшевистскую антипролетарскую линию. Дановская «стряпня», разделявшаяся большинством минусинских меньшевиков, имела подпись—«Группа социал-демократов». Она довольно широко распространялась среди ссыльных. В ответ на это большевики выпустили свою декларацию, где вполне четко сформулировали партийную точку зрения на войну, оборончество, военно-промышленные комитеты, перспективы революции и задачи пролетарской партии. Текст декларации был написан т. Ватиным, проредактирован и одобрен тройкой (Ватин, Спунде и Гавен). Перепечатанная затем т. Спунде на машинке, она была пущена в «оборот» по колониям ссыльных не только Минусинского края, но и других мест Енисейской губернии. Декларация вызвала живой интерес и подняла вокруг себя острые споры. Быховский организовал даже специальный «четверг» для ее обсуждения, на котором докладчиком выступил т. Ватин, а содокладчиком Дан, «критиковавший» «революционные иллюзии» большевиков. Ватин и Спунде резко раскритиковали мелкобуржуазный оппортунизм Дана. В результате этой дискуссии минусинская группа завоевала двух новых товарищей из числа местных жителей—тт. Непомнящего и Бузулаева,

которые были для группы большим приобретением как имевшие связи с городским и сельским населением.

Тов. Бузулаев в статье, напечатанной в № 4 журн. «Каторга и ссылка», рассказывает о нелегальных собраниях, где обсуждался вопрос о войне. Созванное большевиками весной 1916 года за протокой в бору нелегальное собрание преследовало цель склонить на свою сторону тех политических ссыльных, которые еще не определились в вопросе о войне. Летом 1916 г. по инициативе большевиков было организовано второе нелегальное собрание, на котором было больше 40 человек и среди них много вновь прибывших в ссылку. Опять стоял вопрос о войне. Делал доклад т. Ватин, бивший все время в одну точку: «Долой войну империалистическую, да здравствует война гражданская». Собрание оказалось на стороне большевиков.

Большую работу группа проделывала по перепечатке и распространению прокламаций, написанных минусинскими большевиками, а также и материалов, получаемых через т. Стасову от партийных центров. В октябре, ноябре и декабре 1915 г. от имени группы было выпущено шесть прокламаций против войны. В 1916 г. до апреля выпущено три. В материалах, полученных от т. Стасовой, были резолюции Кинтальской и Циммервальдской конференций, резолюции конференции женщин против войны и статьи В. И. Ленина из газеты «Социал-демократ». Была получена также прокламация как будто от туруханского товарища под заглавием «Похороны социализма», выпущенная в ответ на опубликованное меньшевиками «произведение» о живучести капиталистического строя и невозможности осуществить социализм в ближайшее время. Прокламации печатались на машинках тт. Спунде и Бузулаевым и затем при помощи копировального пресса размножались в количестве 70—80 экз. и рассылались ссыльным по определенным адресам, раздавались товарищам, идущим на военную службу, а также и тем, с которыми группа связалась и которым доверяла как сочувствующим.

Некоторые прокламации минусинской группы большевиков выпускались и Красноярским комитетом.

С осени 1916 г., после прибытия в Минусинск новой партии ссыльных, имевшей в своей среде около десятка рабочих-большевиков, группа организовала кружок, где было проведено несколько докладов. С их прибытием удалось еще лучше связаться с местными рабочими, так как некоторые из прибывших ссыльных устроились на работу в различные местные промышленные предприятия. Так напр. помимо ранее еще поступившего в типографию т. Гавена был принят на работу в другую типографию т. Педаяс. Костя Присягин, рабочий-большевик, получил работу в кожевенной артели и сагитировал там несколько кустарей. Тов. Полис работал на Ачинск-Минусинской железной дороге. Кроме этого через т. Непомнящего Н. П. была установлена связь с крестьянством, а через Бузулаева—с некоторыми кругами местной интеллигенции. Наладившаяся связь дала возможность уже в январе 1917 г., т. е. буквально за несколько недель до Февральской революции, тт. Гавену и Педаясу сагитировать типографских рабочих на забастовку, тянувшуюся около недели, о которой мы упоминали выше. Хотя эта забастовка и кон-

чилась поражением, но она тем не менее показала, что и в Минусинске есть революционные элементы, способные включиться в общую шеренгу пролетарской борьбы. Помимо такой организованной работы группы в крае велась социал-демократическая работа и одиночками, разделявшими взгляды большевиков. Так напр. в д. Сарушке (30 км. от села Абаканского) т. Гидлевским проводилась работа среди крестьян, для которой он использовал полученную им социал-демократическую библиотеку от фельдшерицы с. Абаканского Ф. Самоделовой.

Подводя итоги деятельности минусинских большевиков за время империалистической войны, нужно сказать, что они сумели проделать большую работу по отстаиванию и проведению партийной линии в кардинальном вопросе—в вопросе о войне. Несомненная их заслуга заключается также в том, что они сумели до конца разоблачить реформистов и оппортунистов всех мастей и тем самым способствовали действительно революционному воспитанию как своих рядов, так и тех молодых революционеров, которых завербовали на свою сторону.

Организация большевиков начала усиливать связи с местными рабочими и наиболее передовой революционной частью крестьянства, а также и воинскими частями.

Работа большевистской организации не замыкалась в рамки своего города или края, а имела большое значение как для центра губернии—Красноярска, так и для других пунктов губернии. Маленькая организация проявила себя как революционный фактор и дала ряд самоотверженных борцов пролетарской революции. Минусинская группа большевиков вышла в начале Февральской революции из подполья, образовав ядро революционной пролетарской организации, которая повела трудящихся края к дальнейшим боям.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Комитет общественной безопасности

О февральском перевороте стало известно в Минусинске 3 марта. 4 марта 1917 года бюллетень «Минусинского комитета общественного спокойствия» извещал население Минусинского края о «государственном перевороте» в Петрограде. В том же бюллетене сообщалось об образовании Временного правительства, аресте всех царских министров, приводилось воззвание Московской городской думы, а также сообщалось и о том, что «французский и английский послы вступили в деловые сношения с Исполнительным комитетом Государственной думы». Там же была напечатана официальная телеграмма председателя Временного комитета Гос. думы М. Родзянко председателям губернских земских управ и городским головам губернских и областных городов о том, что «Временный комитет предлагает соблюдать полное спокойствие, не прерывать работы, обращая усиленное внимание на правильный ход работ на оборону и продовольствие населения».

В день получения сведений о перевороте минусинская колония ссыльных меньшевиков и эсеров во главе с Иковым[1] и Быховским

[1] Оказавшийся впоследствии, в 1930 г., одним из активных и главных организаторов контрреволюционной вредительской меньшевистской организации.

устроила совещание, пригласивши на него от большевиков только т. Голубкова. Этот выбор объясняется тем, что Голубков, не участвуя до революции в подпольной работе минусинских большевиков и ведя в отношении меньшевиков уступчивую примиренческую политику, считался более подходящим, чем тт. Гавен и Спунде, неуклонно боровшиеся против меньшевиков и всякого соглашательства. Это совещание решило организовать в театре собрание граждан для информации о событиях в столице и для избрания «Комитета общественной безопасности». Оно же наметило список кандидатов в члены будущего Комитета, исходя из принципа—«побольше местных общественных деятелей и несколько ссыльных «знаменитостей». Весьма интересно отметить, что эсеровско-меньшевистское совещание, посоветовавшись с местными «общественными деятелями», решило поручить открытие первого легального собрания граждан местному попу, симпатизировавшему эсерам, который в точности выполнил возложенную на него «революционную» обязанность, произнеся слащавую до тошнотворности речь либерального мещанина. Так, с первого же дня февральского переворота, началась при «помощи господа бога» предательская деятельность меньшевиков и эсеров.

Приглашая в качестве «представителей общества» отдельных лиц от местной газеты, кооперации, царского городского самоуправления, педагогической корпорации и других коллективов служащих, организаторы собрания о рабочих не вспомнили. Однако последние явились на собрание «самочинно». Председательствовал исполнявший обязанности городского головы местный домовладелец Бахов. Кандидатский список в Комитет, предложенный совещанием, был по требованию рабочих пополнен их кандидатом—ссыльным большевиком т. Спунде. Председателем Комитета был избран тот же Бахов, который оставался сидеть попрежнему в кресле городского головы и делать свое, по существу прежнее, дело. Но все же, благодаря тому, что в Комитете общественной безопасности оказались ссыльные большевики, он под их давлением вынужден был приступить к проведению ряда мероприятий, направленных на устранение старой власти и ее порядков.

Однако ближайшие же шаги Комитета показали его полную неспособность на проведение последовательных революционных действий, и он скоро предстал перед массами во всей своей контрреволюционной наготе.

Оказалось, что одним из первых жгучих вопросов, который «страшно волновал» Комитет общественной безопасности, был вопрос о листовке, выпущенной минусинскими большевиками на второй или третий день после получения известия о перевороте. В ней организация большевиков, давая оценку происшедшему перевороту, характеризовала его как переход власти из рук дворянской бюрократии в руки буржуазии. Характеристика Временного правительства, князя Львова и Ко как защитника интересов буржуазии очень возмутила лидеров меньшевиков (Икова) и эсеров (Быховского). Эти «социалисты» настаивали в Комитете общественной безопасности на запрещении большевистской листовки, «возбуждающей несознатель-

ные массы против революционной власти». Только после горячей схватки с большевиками это предложение ими было снято.

Одновременно с образованием городского Комитета общественной безопасности организовался и уездный комитет. Этому способствовал созванный на четвертое марта кооперативный съезд, который совершенно естественно занялся не кооперативной, а политической работой. Так как для многих делегатов—кулаков—происшедшие события явились прямо ошеломляющими, то некоторые из них попросту со страхом покинули съезд, но более активная часть осталась и занялась организацией уездной власти. Работа съезда ограничилась выборами уездного комитета общественной безопасности, председателем которого оказался Бедро[1], бывший ссыльный и будущий контрреволюционер, объединивший вокруг себя махровое кулачество, верхушку деревенской кооперации и являвшийся идейным руководителем этих контрреволюционных слоев. Вновь избранный уездный комитет общественной безопасности с первых же шагов своей деятельности проявил себя как орган самой оголтелой и реакционной буржуазии. В с. Таскино вернувшимися с кооперативного съезда делегатами был организован местный комитет общественной безопасности, в состав которого вошла одна женщина. Уездный комитет не утвердил этого члена исключительно «по несоответствию пола»[2](!!). Кроме того тот же уездный комитет предложил местам «не трогать полицейских и оставить их в положении хранителей общественной безопасности»[3]. Если к этому прибавить еще «циркулярное письмо» инспектора народных училищ М. К. Бахарева, в котором учителям предлагалось «убрать *временно* портреты лиц царствовавшего дома», то лицо новой местной власти станет совершенно ясным и ни в какой степени не отличающимся от действительного лица Временного правительства.

Совершенно иначе относились к событиям массы, руководимые большевиками. Ярким примером правильного революционного действия их является инцидент, который разыгрался в Комитете общественной безопасности с начальником гарнизона, капитаном Шашиным.

На первом своем заседании Комитет общественной безопасности *просил* начальника гарнизона *разрешить* послать делегацию из членов Комитета в гарнизон для информации солдат о событиях. Шашин, верный царский слуга, категорически отказал, заявив при этом, что «он не допустит гарнизон к участию в событиях». Трусливый Комитет вместо того чтобы устранить Шашина от должности, кооптировал его в свой состав, очевидно предполагая при помощи этого решения смягчить «грозного воина».

Однако капитану Шашину в Комитете пришлось быть в качестве его члена не больше 2 часов. В то время когда Комитет общественной безопасности «революционизировал» начальника гарнизона, боль-

---

[1] Подававший прошение «на высочайшее имя», за что в ссылке подвергался бойкоту.

[2] Журнал, Каторга и ссылка» № 2, 1928 г., ст. *Д. Пуганова* «Расслоение минусинской ссылки в 1917—1918 гг.», стр. 133.

[3] Там же.

шевики Гавен и Спунде проникли в гарнизон, устроили там собрание солдат и склонили их на сторону революции. На этом же собрании было решено отстранить от должности начальника гарнизона кап. Шашина, арестовать его, выслать из пределов края и в Комитет общественной безопасности послать своих делегатов.

Выбранная делегация (Шаповалов и Карпов) совместно с т. Гавеном явилась на заседание Комитета, где и произвела намеченный собранием арест кап. Шашина. Такая «нетактичность» по отношению к члену Комитета вызвала со стороны остальных его членов сильное возбуждение. Но все же в конце концов Комитету пришлось санкционировать арест Шашина. Однако Комитет нашел достойного преемника Шашину, назначив временно нач. гарнизона быв. уездного исправника Цавловского. Выбор этот мотивировался тем, что Цавловский до революции либеральничал в отношении ссыльных и считался у «бабушки» Брешко-Брешковской на хорошем счету. Несомненно ошибкой минусинских большевиков было то, что они запоздали с организацией Совета рабочих и солд. депутатов и принимали участие в Комитете общественной безопасности. Совет был организован, как мы увидим ниже, только в средине марта. Вместе с тем все же надо подчеркнуть, что большевики главные усилия сосредоточили на работе среди солдатских и рабочих масс.

11 марта посетили гарнизон члены большевистской фракции IV Государственной думы, бывшие в то время в Минусинской ссылке. В результате этого посещения собранием был принят наказ[1] от солдат гарнизона членам Государственной думы Н. Р. Шагову и Ф. Н. Самойлову, в котором высказывалась благодарность членам думы «...за их бывшую деятельность делу освобождения России от оков старого режима...» и в заключении говорилось о том, что «... солдаты Минусинского гарнизона вверяют защиту своих интересов членам Государственной думы Н. Ф. Шагову и Ф. Н. Самойлову...».

Соглашательский совет рабочих и солдатских депутатов

Несмотря на развернутую работу большевиков, первый Совет рабочих и солдатских депутатов, организовавшийся 15 марта в составе 30 человек (5 от солдат, по 2 представителя от двух социалистических партий и 23 представителя от рабочих), оказался под влиянием эсеров и избрал Исполнительное бюро во главе с эсером Агуфом[2]. Это объясняется общим настроением масс того периода, не освободившихся еще от оборонческих взглядов, широко проповедуемых как буржуазией, так и ее агентурой—эсерами и меньшевиками. Для контактирования работы с Комитетом общественной безопасности Совет рабочих и солдатских депутатов выделил в него трех человек и кроме того 7 человек в продовольственный комитет. Программа вновь избранного Совета определилась, во-первых, в воззвании к

---

[1] Выдержки из наказа цитируем по 1-му выпуску сборника переизданных номеров «Правды», изд. «Прибой», Л., стр. 216 (№ 19 газ. «Правда» от 28/III 1917 г.).

[2] Находился в ссылке в Минусинске.

рабочим и солдатам, помещенном в № 1 от 25 марта 1917 г. «Известий Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов», и, во-вторых, в программной статье председателя Совета Агуфа «Наши ближайшие задачи», помещенной в том же номере газеты.

За мишурой революционной фразеологии рабочие и солдатские массы совершенно недвусмысленно призывались к поддержке Временного правительства. Формула «постольку, поскольку» нашла свое применение и у минусинских «общественных деятелей» из эсеров и меньшевиков.

В качестве очередных задач ближайшего времени Исполнительное бюро Совета намечало следующее:

«1. Издавать «Известия Совета рабочих солдатских депутатов». 2 Организовать биржу труда. 3. Содействовать организации рабочих Минусинска устройством возможно чаще собраний рабочих и солдат как по профессиям, так и общих. 4. Устраивать чтения и беседы по вопросам общеполитическим и экономическим. 5. Выяснить материальное положение всех рабочих и принять меры к его улучшению» [1].

Вместо принятия действительно революционных мер соглашательский Совет считал необходимым «выяснить материальное положение всех рабочих», как будто бы оно было не ясно и вызывало сомнения.

Несмотря на то, что рабочие массы города в это время в своем большинстве еще шли за эсерами и меньшевиками, минусинским большевикам удалось провести в Совет нескольких своих членов. При выборах Исполнительного бюро они добились введения в него т. Голубкова А. П., который затем был выбран товарищем председателя Совета.

Через Совет большевики добились посылки т. Сафьянова Ин. Г.[2] от Комитета общественной безопасности в Танну-Туву. Первоначально такая поездка намечалась Комитетом общественной безопасности для узко специальной задачи—уладить конфликт в пограничном селе Усинском между местным богачем Медведевым и стоявшей там полуротой пограничных войск. А лишь затем по инициативе Совета и под его давлением она превратилась в поездку в Танну-Туву (б. Урянхайский край) для ликвидации там империалистической политики царского правительства.

Большевики добились освобождения работавших на Усинской колесной дороге каторжан. По приказу товарища министра внутренних дел Временного правительства Леонтьева все уголовные каторжные должны были после их освобождения быть расселены по деревням Минусинского края без права возвращения на родину. Комитет общественной безопасности, вначале приступивший к выполнению распоряжения Леонтьева, под давлением Совета выну-

---

[1] «Известия» Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов № 1 от 25/III 1917 г.

[2] Видный местный общественный деятель, распропагандированный еще в 1903 г. *Ф. Коном.* Вступил в партию большевиков в сентябре 1917 г., являлся активным участником событий 1917—1918 гг. и одним из руководителей Минусинской коммуны.

жден был произвести освобождение каторжан с правом их выезда на родину.

Главное же состояло в том, что местные большевики начали усиленно готовить свои силы для завоевания Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором они видели будущий орган революционной пролетарской власти.

Партийная организация в борьбе за советы

С первых же дней Февральской революции в Минусинске легально оформляется социал-демократическая организация большевиков, избравшая комитет во главе с т. Гавеном, руководившим организацией вплоть до своего отъезда в Крым (начало сентября 1917 года). Несмотря на то что в организацию входило несколько человек меньшевиков, среди которых главным образом были меньшевики-интернационалисты, *общее направление ее партийной линии*, несмотря на отдельные грубые ошибки, было *большевистским*. Вхождение меньшевиков-интернационалистов в организацию объясняется тем, что из-за отсутствия необходимых сил они не могли создать своей группы, а с махровым оборонцем Иковым работать не хотели. Они временно были вынуждены «мириться» с линией минусинских большевиков и не показывать на первых порах своего оппортунистического лица.

Не имея возможности выделить из своей среды подходящую «фигуру», которая могла бы их идейно объединить, опасаясь остаться вне всякой организации, а также рассчитывая в рядах организации оказывать на нее влияние и проводить свою линию, меньшевики решили работать с большевиками. Вскоре однако более правые из меньшевиков принуждены были покинуть не только организацию, но и уехать из Минусинска. С оставшимися велась постоянная борьба, в результате которой особого влияния на общую линию организации они не имели.

Конечно, такие условия, как недостаточность прослойки индустриального пролетариата—основного носителя и проводника большевизма, неопытность организации, а также чрезвычайно недостаточная связь с центром, в первые месяцы революции сказались отрицательно на ее работе. Молодая организация, насчитывавшая первое время не больше 3—4 десятков человек, теоретически слабо подкованная, конечно, в отдельных случаях проводила большевистскую линию не всегда последовательно и четко. Этому безусловно способствовало и пребывание в организации меньшевиков. Необходимо также отметить, что нужного руководства и со стороны красноярской организации она не получала, чему препятствовала внутрипартийная борьба, происходившая в среде «объединенной красноярской организации» между группой «сибирских правдистов»[1] и ее большинством, стоявшим до самых июльских дней на неправильных позициях.

---

[1] Группа последовательных большевиков, издававших газету «Сибирская правда». Эта группа с начала Февральской революции вела борьбу с соглашательскими элементами красноярской организации и настаивала на разрыве с ними. Суть разногласий была изложена в открытом письме сибирских правдистов.

Не приводя здесь этого исторического документа ко «всем товарищам—членам РСДРП(б) и ко всем сторонникам «Правды» г. Красноярска», сыгравшего исключительную роль в деле большевизации сибирских организаций, мы тем не менее отметим, что этот «обвинительный акт» против соглашательской политики большинства красноярской организации оказал положительное влияние и на линию минусинской организации.

Гавен, Ю. П. Организатор и руководитель большевистского движения в Минусинском крае.

Минусинская организация бесспорно находилась под идейным руководством Сибирского районного бюро Центрального комитета РСДРП (б), вокруг которого были объединены сибирские правдисты, и в этом отношении резко отличалась от большинства красноярской организации, не признававшего до самых июльских дней Центрального комитета партии большевиков.

Положение, создавшееся внутри красноярской организации, не могло не волновать минусинских большевиков. Они в лице председателя партийного комитета т. Гавена помогли красноярским правдистам в дальнейшем выпрямить партийную линию. На общем собрании красноярской организации, на котором по докладу т. Богра да[1] была принята резолюция о признании ЦК большевиков своим руководящим органом, т. Гавен от имени минусинской организации призывал красноярских товарищей порвать с соглашателями и слиться с партией большевиков для общей революционной борьбы под руководством ее Центрального комитета.

После принятия резолюции о признании ЦК отпал по существу основной мотив раздельного существования большевистской группы сибирских правдистов от красноярской организации и встал вопрос об их объединении.

Для ведения переговоров с «объединенцами» от правдистов по предложению т. Яковлева Вал.[2] был выдвинут т. Гавен как представитель соседней организации, являвшейся как бы третьей «нейтральной» стороной. Фактическое слияние действительно скоро состоялось, и минусинская организация впоследствии вела свою работу под руководством уже единой большевистской организации, очистив-

---

[1] Тов. *Боград* в прошлом был социал-демократом интернационалистом. В 1917 г. вступил в партию большевиков. Крупный пропагандист-агитатор. Член Центросибири. Расстрелян колчаковцами в Красноярске как заложник в 1919 г.

[2] Был сослан в Сибирь по делу думской фракции. Видный большевик и один из организаторов газеты «Сибирская правда».

шейся от соглашательских, меньшевистских элементов типа Ан. Байкалова[1]

В Минусинске под непосредственным руководством организации большевиков усиленно развивалась кампания по завоеванию Совета рабочих и солдатских депутатов. Большевики организовали «Рабочий клуб», около которого группировались все революционные силы и который являлся настоящей революционной лабораторией по пропаганде большевистских идей и революционных лозунгов. Минусинский комитет большевиков создал газету «Товарищ», в первом номере которой, вышедшем 9 апреля 1917 года, в статье «Текущий момент и наши задачи» вскрывалась буржуазная сущность Временного правительства. Газета указывала на неизбежность конфликта между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов. Отмечая, что «главнейшей причиной раздора послужил вопрос об отношении к войне», статья указывала, что пролетариат «вместе с революционной армией и крестьянством захватит окончательно власть в свои руки».

С первых же шагов своей деятельности, наряду с критикой ошибочных действий Совета, минусинским большевикам пришлось вести жестокую борьбу с врагами, боровшимися против перехода власти к советам.

Несомненной ошибкой минусинских большевиков было участие их в выборах Комитета общественной безопасности, хотя они и решили участвовать в его выборах лишь с целью «использовать последние для пропаганды своих лозунгов».

На платформе Совета рабочих и солдатских депутатов был образован левый блок партий и групп, признававших Совет и входивших в него, который противопоставлял себя контрреволюционной партии «закрепления свобод», руководимой махровыми черносотенцами. Крупную роль в партии «закрепления свобод» играл политический ссыльный Адамович[2], ловкий авантюрист и большой демагог.

Свое участие в блоке организация оправдывала и мотивировала стремлением избежать «противопоставления себя Совету», который решил участвовать в выборах для укрепления авторитета и организации вокруг своего знамени трудящихся масс.

Выработанная в противовес «закрепителям свобод» явно соглашательская «платформа блока демократических организаций» была напечатана в газете «Товарищ»; там же критиковалась платформа «закрепителей». Большевики, кроме нескольких своих членов, включили в общий список кандидатов еще сочувствующих им рабочих. Весь список был проработан в «Рабочем клубе» и утвержден Советом рабочих и солдатских депутатов. В передовой газеты «Товарищ», посвященной выборам, подробно разъяснялись интересы различных классов и все трудящиеся призывались «организоваться отдельно и в выборной кампании итти не вместе с купцами, капиталистами и

---

[1] Ныне злостный белогвардеец, эмигрант.

[2] *Адамович*—юрист по профессии—был сослан за участие в беспартийной революционной организации моряков черноморского торгового флота. Впоследствии, в 1918 г., за участие в корниловщине был расстрелян на Кубани.

крупными домохозяевами, а самостоятельно, отказываясь от всяких союзов или соглашений с ними». Выборы прошли в атмосфере уже начинавшей развиваться тогда травли большевиков. На выборах организация РСДРП(б) не получила большинства, да к нему она и не стремилась, так как считала первоочередной своей задачей овладение Советом рабочих и солдатских депутатов.

Конечно мотивы, которыми руководствовалась организация большевиков при решении участвовать в блоке, нельзя признать убедительными, а ее тактические шаги правильными.

Несомненно в этом факте сказалось влияние оппортунистических колеблющихся элементов в среде большевистской организации.

Большевикам необходимо было категорически отказаться от выборов и направить все свои усилия на укрепление авторитета Совета (а в нем позиции большевиков) и на организацию вокруг него трудящихся масс. Этого сделано не было, и объективно организация оказалась во власти демократических иллюзий, дав себя использовать соглашательским элементам. Отсюда совершенно понятно, почему в передовой статье «О выборах в Комитет общественной безопасности» нет ни одного слова критики по адресу Комитета общественной безопасности.

Далее 21 апреля при участии большевиков Совет рабочих и солдатских депутатов принял следующую, опять-таки ошибочную резолюцию:

«Для организации уезда выделить комиссию из Совета рабочих и солдатских депутатов в числе четырех человек; войти в сношение по этому вопросу с Комитетом общественной безопасности о выделении такого же числа; пригласить по два представителя от минусинских кооперативных организаций и по два представителя от революционных политических партий. Немедленно упразднить старую власть, противодействующую в проведении нового строя, в том числе и институт крестьянских начальников».

Как положительный момент надо отметить, что на этом же заседании по вопросу о восьмичасовом рабочем дне Советом была принята следующая резолюция:

«1. 8-часовой рабочий день вводится во всех предприятиях. 2. Когда технические условия не позволяют проводить в жизнь 8-часовой рабочий день, тогда вопрос передается в примирительную камеру данного предприятия. 3. Если не имеется камеры, тогда вопрос о введении 8-часового дня решает Совет рабочих и солдатских депутатов. 4. Сверхурочные работы допускаются только лишь с согласия рабочих предприятия за повышенную оплату. 5. В предпраздничные дни работы должны производиться только 7 часов».

Рабочие и солдатские массы все больше и больше стали становиться на путь революционных действий, отходя постепенно от правых социал-предательских, соглашательских партий.

Вообще большевики начали все шире и шире развивать революционную работу.

Немногим раньше, по директиве партийного комитета, большевики, находившиеся в Совете, провели на собрании местного гарнизона решение о производстве описи товаров во всех магазинах и складах. Газета «Товарищ» от 7 апреля 1917 года по этому поводу сообщала, что «солдаты сейчас же расставили посты у магазинов, а в 8 часов утра уже приступили к переписи особые комиссии».

Большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов

К середине апреля большевики уже сумели организовать среди местных рабочих профессиональные союзы, стать во главе руководства ими и повести их за собой. Это дало возможность большевикам 25 апреля на заседании Совета, на котором происходили перевыборы Исполнительного бюро, получить большинство и оказаться на все последующее время во главе руководства Советом[1]. Вместо эсера Агуфа председателем Совета стал большевик т. Пфафродт (Бруно Г.[2]), кроме которого в бюро вошло еще три большевика.

Победа в городе над эсерами и меньшевиками была одержана, и Совет стал работать более решительно. Прежде всего он связывается с Красноярским советом, где пульс революционной жизни бился довольно интенсивно. Его связи с массами растут и крепнут, он становится признанным органом власти, куда все больше и больше обращаются трудящиеся за разрешением разнообразных вопросов.

Заседания Совета превращаются в своего рода судебные разбирательства конфликтов между трудом и капиталом. Очень часто Совет для выяснения всех обстоятельств дела командирует на места своих членов, через которых теснее увязывается с рабочими рудников и копей и при помощи их проводит свои лозунги в жизнь.

Приблизительно в первых числах мая, т. е. через несколько дней после того как во главе Совета оказались большевики, Совет вынес решение не посылать фронтовиков в маршевые роты на фронт, а оставить их в Минусинске в составе местного гарнизона, в котором было много кулацких сынков, настроенных против Совета. Этой мерой, которая, кстати сказать, шла вразрез с распоряжением командующего Иркутским военным округом, Совет обеспечивал себя более надежной военной силой из бывших фронтовиков. Как и следовало ожидать, это решение Минусинского совета даром не прошло. Вскоре после ряда письменных угроз в Минусинск явился военно-полевой суд во главе с помощником командующего Иркутским военным округом и с военным прокурором для суда над... Минусинским советом. На предложение явиться в суд председатель Совета т. Пфафродт, в свою очередь, предложил явиться членам суда в Совет для регистрации. «Визит» иркутских «гостей» стал известен гарнизону, который дал понять суду, что пребывание в Минусинске не сулит ему ничего хорошего. В результате т. Пфафродт посоветовал суду как можно скорее покинуть пределы края, в противном случае он снимал с себя ответственность за сохранность особ военно-полевого суда. Суд «удалился» и больше уже не пытался судить Совет. Из Иркутска же последовал приказ об отзыве начальника гарнизона, работавшего в контакте с Советом, который уехал в Иркутск. Вместо него Совет немедленно же провел и утвердил в должности начальника гарнизона своего кандидата.

---

[1] К этому моменту Совет пополнился большевистски настроенными товарищами из среды рабочих и солдат.

[2] Ссыльный, старый большевик.

Другим решительным шагом Совета было изъятие меди, принадлежавшей рудникам «Юлия» и «Улень».

В мае месяце рабочие рудника «Юлия» прогнали свою администрацию и послали в Минусинский совет делегацию с просьбой взять руководство рудником в руки Совета. Для ознакомления с происшедшим конфликтом Совет делегировал на рудник своего председателя, т. Пфафродта (Бруно Г.), который после ознакомления на месте признал действия рабочих правильными и их санкционировал.

Пфафродт (Бруно Г.).
Председатель Минусинского совета раб. и солд. депутатов с апр. по июнь 1917 г.

При вторичном рассмотрении вопроса о рудниках «Юлия» и «Улень» Минусинский совет, несмотря на протесты эсеров, по предложению т. Пфафродта (Бруно Г.) и делегации от рабочих, решил принять рудник в свое ведение, утвердив избранного рабочими нового директора. Вскоре после этого Советом была получена от министра труда телеграмма с категорическим протестом против «самовольной национализации» и с требованием восстановить старую администрацию рудника. Совет вначале подчиниться отказался, но через несколько дней вынужден был согласиться на восстановление старого директора лишь потому, что сразу же по линии руководства рудниками встретился с большими затруднениями.

Стремясь всемерно помочь рабочим рудников в получении ими зарплаты, Совет решил продать находящуюся там медь. При осуществлении этого решения он встретил непреодолимые препятствия как со стороны местных отделений банков, так и со стороны иркутского и московского заводских совещаний, а также и со стороны военного ведомства—крупного потребителя меди. Эти организации не пожелали принять «краденую медь» и отказали в выдаче необходимых сумм для выплаты зарплаты. Положение осложнилось также тем, что в минусинских банках не было в тот момент денежных знаков.

Председатель Совета т. Пфафродт (Бруно Г.) едет по этому поводу в Красноярск к правительственному комиссару Крутовскому, перед которым настаивает о выдаче под медь 15 000 руб., но безрезультатно. Дальше по этому же вопросу он направляется в Петроград, в министерство труда и ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, где ему также сделать ничего не удалось. Последующие события не дали ему возможности вернуться обратно в Минусинск, и руководителем Совета стал т. Гавен.

Конфликт на руднике «Юлия» был ликвидирован компромиссом: директор Романов, давший обещание считаться с Советом, был, с согласия рабочих, восстановлен в своей должности.

Май «ознаменовался» в Минусинске двумя съездами. Контрреволюционные силы старались всячески использовать эти съезды. С 10 по 14 мая заседал учительский съезд, а с 13 мая—первый крестьянский съезд.

Оба эти съезда друг друга дополняли и являлись лишь различными флангами одного и того же контрреволюционного фронта. Съездами руководили эсеры и народные социалисты. Большевикам не давали говорить. На этих съездах было положено начало организованной травли минусинских большевиков, которым здесь стали приклеивать в основном те же ярлыки, что и в центре. Делалось это применительно к местным условиям. Так, например, кроме общих, гулявших уже в то время гнусностей вроде «немецкий шпион», «изменник», большевиков называли открыто «ворами», «конокрадами», «каторжниками», а т. Гавена, руководителя минусинской организации большевиков, эсер Тарелкин «произвел» в прибалтийские бароны, не забыв также «наделить» его 300 десятин земли.

Атмосфера все больше и больше сгущалась, становясь особенно напряженной по мере расширения и углубления революционных мероприятий, проводимых Советом рабочих и солдатских депутатов. Трудящиеся массы видели в Совете революционный орган, защищавший их интересы, а в большевиках—действительных проводников революционных завоеваний. Наоборот, буржуазия, группируя вокруг себя слои городского мещанства, интеллигенции и кулачества, видела в Совете своего могильщика, идейным руководителем которого по праву считала большевиков.

В июне месяце Минусинский совет получил в лице приехавших на пароходе нескольких сот фронтовиков-отпускников значительную поддержку для проведения своих революционных мероприятий. Несмотря на то что среди них не было партийных товарищей, они были настроены большевистски. По предложению делегации от фронтовиков Минусинским советом был организован в казармах митинг с участием солдат гарнизона. На митинге было выдвинуто предложение: арестовать всех бывших полицейских, жандармов, а также «всех буржуев и кулаков военного возраста», окопавшихся в тылу и призывавших воевать «до победного конца», и отправить их на фронт.

Противниками предложения выступили эсеры, которых за это возбужденные фронтовики чуть не избили. Предложение фронтовиков митингом было принято, а т. Гавен, председательствовавший на нем, именем Совета санкционировал это решение. По окончании митинга фронтовики, разбившись на группы, под руководством солдат местного гарнизона привели решение митинга в исполнение. Среди арестованных был и «вождь» местных черносотенцев—Федос Солдатов, под руководством которого незадолго до этого был «выработан план» «изъятия» «немецких агентов»—Гавена и Педаяса. Арестованные буржуа военного возраста были отправлены в Ачинск, откуда их комиссар Временного правительства вскоре же освободил.

До выступления фронтовиков наглость черносотенцев доходила даже до того, что Ф. Солдатов уговаривал солдатских депутатов Шаповалова и Карпова «не препятствовать гражданам-патриотам арестовать германского шпиона Гавена».Только решительный ответ

солдатских депутатов, заявивших, что гарнизон с оружием в руках будет защищать председателя с в о е г о Совета, заставил черносотенцев отступить. Такое тревожное положение вынуждало незначительные силы Красной гвардии быть днем и ночью на-чеку.

Как и следовало ожидать, решительные действия фронтовиков значительно изменили обстановку в пользу Совета.

Приблизительно в это же время Минусинский совет вступил в конфликт с Комитетом общественной безопасности на почве дележа сенокосных угодий среди жителей города. Производя этот дележ, Комитет как буржуазная организация, понятно, отвел бедноте дальние и худшие участки. Последняя, недовольная этим, обратилась в Совет. Совет отменил решение Комитета и выделил со своей стороны ряд бригад во главе с членами Совета, которые и произвели передел сенокосных угодий в пользу бедняцких слоев города.

Июльские дни

В такой обстановке минусинская партийная организация, работавшая в этот период под непосредственным идейным влиянием красноярской группы большевиков, объединившихся вокруг большевистской газеты «Сибирская правда» и вышедших из «объединенной» социал-демократической красноярской организации 30 мая 1917 года[1], должна была пережить июльские дни, а после них принимать участие в работах второго крестьянского съезда и в выборах в городскую думу.

Трудно даже сказать, чья агитация против большевиков была гнуснее и подлее—черносотенных ли погромщиков из компании Федоса Солдатова и др. или называвших себя социалистами эсеров. Пальму первенства в этой «работе» с успехом они могли поделить между собой поровну. Не только в деревне, но и в городе дело доходило до того, что буквально нужно было опасаться расправы за агитацию в пользу Совета или большевиков. Возвращавшийся на пароходе в Минусинск с губернского крестьянского съезда т. Гавен едва не стал жертвой такой расправы и лишь благодаря энергичному вмешательству фронтовиков, и в том числе т. Шаповалова[2], т. Гавен остался жив. В свете этой обстановки совершенно понятно, что известия о выступлении большевиков в Петрограде были встречены общим диким воем буржуазии, эсеров и погромщиков всех мастей. Потребовалась огромнейшая стойкость и сплоченность прежде всего рядов партийной организации, для того чтобы выдержать столь сильный напор контрреволюции. Организация из этого испытания вышла с честью. Развернув пропаганду и агитацию среди рабочих и солдатских масс, она организовывала силы на борьбу с контрреволюцией, разъясняя в газете «Товарищ» смысл происходящих событий, мобилизуя

[1] Хроника гражданской войны в Сибири 1917—1918 гг. *В. Максаков* и *А. Турунов*, Гиз, 1926 г., стр. 36.

[2] Председатель Солдатской секции Совета, крестьянин-большевик; замучен в июне 1918 года озверевшими кулаками.

через нее все революционные элементы города и деревни. Улицы и площади города, а особенно базары, превратились в трибуны агитации, где одиночки-большевики и им сочувствовавшие стойко отбивали сыпавшиеся на них бесчисленные обвинения многочисленных врагов.

В такой напряженной атмосфере в половине июля был созван второй крестьянский съезд, где безраздельно господствовали эсеры. Съезд был посвящен обсуждению эсеровской платформы по выборам в учредительное собрание. Кроме вопроса о государственном строе в России, на съезде обсуждались вопросы о земле, войне и мире, а также о восьмичасовом рабочем дне. Несмотря на то что большевикам почти не давали говорить, они все же сумели перед крестьянскими делегатами впервые развить свою точку зрения на основные и актуальные вопросы политической и экономической жизни. Со стороны эсеров главным застрельщиком против большевиков выступала Л. Злобина-Ядринцева[1], метавшая против них «гром и молнии». По вопросу о войне и мире ярым сторонником империалистической политики Временного правительства выступал с речью, прикрашенной революционной фразеологией оборончества, «народный социалист» Иван Барашков[2], стяжавший себе впоследствии славу ярого контрреволюционера.

В противовес им большевики выставили т. Плотникова, делавшего доклад о восьмичасовом рабочем дне, и т. Сафьянова М. Г., близко стоявшего к большевикам социал-демократа интернационалиста, прибывшего только что из Москвы и бывшего в курсе всех последних политических событий. К «приехавшему из центра» невольно прислушивались, и ему удалось в выступлениях против Злобиной и Барашкова разоблачить буржуазный характер платформы эсеров. Если значительного перелома в настроении крестьянских делегатов произвести тогда еще не удалось, то безусловно зерно сомнения в правильности эсеровской идеологии было брошено.

О том, что крестьянские делегаты старались уловить новое в речах большевиков и к ним прислушивались, свидетельствуют неоднократные их предложения продлить время большевистским ораторам, которые, конечно, этим охотно и умело пользовались, вызывая бешеное недовольство руководителей съезда. Если на самом съезде т. Гавену еще нельзя было выступать, то уже после этого съезда брешь была пробита, и Гавен стал неоднократно появляться на многолюдных митингах и собраниях, правда, при явной угрозе со стороны неприкрытых погромщиков. Углублявшаяся классовая борьба дифференцировала классовые силы, которые все больше и определеннее стали группироваться около двух основных идеологических центров: около партии эсеров, являвшейся полюсом контрреволюционных сил,

---

[1] Лидер минусинских эсеров. Ярая противница советской власти, активно боровшаяся против Минусинского совета. Идейная вдохновительница контрреволюционных сил по свержению первой советской власти в Минусинске.

[2] Бывший учитель и кооперативный работник. Хакасский «общественный деятель», сын псаломщика из крупного хакасского села—Аскыза. Отец его эксплоатировал местное население. Барашков являлся одним из активных руководителей борьбы против советской власти.

и около большевиков, призывавших широкие трудящиеся массы города и деревни к установлению диктатуры пролетариата.

Выборы в городскую думу

Следующим крупным событием для Минусинска были выборы в городскую думу. Выборы происходили при ожесточенной классовой борьбе. Результаты их для большевиков оказались неблагоприятными. Из 40 мест они получили только 6, за ними шли эсеры, получившие 9 мандатов, затем народные социалисты—12 и 13 мест получили домовладельцы-солдатовцы. Контрреволюционное лицо городской думы таким образом совершенно выявилось. Возглавил думу учитель высшего начального училища И. Я. Чибизов, меньшевик-плехановец, впоследствии один из руководителей неоднократных контрреволюционных выпадов против советской власти. В связи с выборами в думу контрреволюционные силы получили новое оформление, а Совет рабочих и солдатских депутатов и местная партийная организация большевиков—нового врага, против которого пришлось вести усиленную борьбу.

Заседавший с 22 по 29 июля 1917 года второй уездный учительский съезд, председателем которого был тот же Чибизов, занимался главным образом «обработкой» сельского учительства, которое всем ходом событий было поставлено перед лицом определения своей политической линии.

Если первый уездный учительский съезд в Минусинске был как бы знакомством с азбукой политической жизни и проходил еще под впечатлением розовых надежд, связываемых с Февральской революцией, то этот, второй по счету, был в политическом отношении значительно сознательнее, так как расстановка классовых сил и ход революционных событий становились яснее и определеннее. Несмотря на то что и этот съезд в целом прошел под идейным влиянием эсеров, для большевиков он был ценен тем, что на нем присутствовала более или менее организованная группа учителей-большевиков, сплотивших вокруг себя часть деревенского учительства, сочувствовавшего Советам.

О политическом лице II учительского съезда, который, хотя и не принял никакой резолюции по «текущему моменту», можно судить по его постановлению, вынесенному по вопросу о преподавании закона божия. Съезд «мудро» решил:

«1. Признать изучение закона божия в начальной школе необязательным. 2. Необходимость особой программы по закону божию признается нежелательной» [1].

А в заключение, очевидно испугавшись столь «смелых» своих же решений, съезд 8-м пунктом постановил:

«Заслушав доклад свящ. В. И. Кузьмина и примерную программу закона божия, выработанную избранной комиссией, съезд постановил: доклад свящ.

---

[1] Постановление съезда учащих Минусинского уезда Енисейской губ., стр. 4.

В. И. Кузьмина принять к сведению, а выработанную комиссией программу закона божия в начальной школе *признать желательной* (курсив наш.—*Авторы*) для руководства»[1].

Нужно отметить, что работа эсеров и прочих контрреволюционных элементов вроде Чибизова даром не прошла. Они сумели сколотить на съезде прочное ядро контрреволюционного учительства, преимущественно из городских педагогов, против которого Совету пришлось впоследствии вести усиленную борьбу.

Чувствуя напор контрреволюционных сил, увеличившийся еще больше в корниловские дни, местная организация большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов усилили ряды «народной добровольной милиции», являвшейся по своей сущности Красной гвардией. Приняты были также меры и по организации местных партячеек на крупных промышленных предприятиях края. Многого, конечно, в этом направлении достигнуть не удалось, но все же на таких предприятиях, как Черногорские копи, рудники «Юлия» и «Улень», и в ряде других мест были созданы ячейки, которые сумели мобилизовать массы вокруг лозунгов партии большевиков.

В обстановке ожесточенной классовой борьбы протекала агитационная кампания, поднятая вокруг учредительного собрания. Имея ряд товарищей в системе потребительской кооперации в качестве инструкторов, организация большевиков через них проводила в деревне борьбу против врагов Совета и сделала очень многое по разъяснению своей программы и очередных лозунгов партии. Большая заслуга в этом отношении принадлежит газете «Товарищ», которая вела неустанную борьбу против эсеров, издававших «Знамя труда», и народных социалистов, объединявшихся с плехановцами вокруг газеты «Свобода и труд». 29 августа произошло формальное объединение образовавшихся к тому времени профессиональных союзов. Организованное Центральное бюро профсоюзов избрало президиум в составе трех человек, который начал свою работу в полном контакте с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Немногим раньше, а именно 7 августа, городская дума, руководимая Чибизовым, сделала выпад, являвшийся по существу выпадом против Совета и минусинских большевиков. Дело было в следующем. Городской голова т. И. Г. Сафьянов, сочувствовавший большевикам и по их директиве работавший в городском самоуправлении, был лишен права голоса при выборах нового городского самоуправления как бывший городской голова цензовой думы, хотя и не утвержденный в этой должности генерал-губернатором. До этого момента дума все же терпела радикально настроенного городского голову, но после того когда он во время июльских дней открыто выступил в защиту Совета и большевиков, против него повелась усиленная кампания, парализовавшая его работу. Посоветовавшись с партийным комитетом, т. Сафьянов подал заявление в думу с требованием освободить его «от несения всех обязанностей по городской управе».

---

[1] Постановление съезда учащих Минусинского уезда Енисейской губ., стр. 5.

Укрепление партийных рядов и борьба за массы

Немногим позже (в сентябре) вследствие происходивших событий, а также и под влиянием революционных шагов парторганизации, меньшевистские элементы вышли из минусинской организации, образовав свою небольшую группу[1], ставшую впоследствии достойной помощницей эсеров. Выход этот только улучшил дело, так как бо́льшая четкость и однородность партийных рядов большевиков несомненно способствовали успешной подготовке октябрьского переворота и его осуществлению.

Пребывание меньшевиков в рядах минусинской организации тормозило работу последней, и больше того—в отдельных случаях меньшевики толкали ее на неправильные, оппортунистические позиции. Этим влиянием и недостаточной бдительностью руководящих партийных работников только и можно объяснить выпуск Минусинским комитетом РСДРП оппортунистической листовки «От рабства к гражданственности», вышедшей в начале Февральской революции. Вместо того чтобы вскрыть истинный смысл происшедших событий и правильно ориентировать массы в революционной борьбе, листовка высокопарно возвещала о том, что... «*вдруг* над русской землей, над русским рабочим людом показалось солнце свободы...». Общий тон листовки представлял собою либеральное сюсюкание о тяжести жизни рабочего люда, а не боевую программу действий. Только в самом конце листовки имелись лишь робкие намеки на призыв к классовой борьбе и на организацию масс вокруг советов рабочих депутатов, через которые... «рабочий люд удержит в своих руках завоеванное право, свою свободу». И это случилось вскоре же после выхода первой действительно большевистской листовки, которая вызвала сильное возбуждение в Комитете общественной безопасности. Вторым примером влияния меньшевиков, относящимся к более позднему периоду, может служить резолюция общего собрания минусинской организации РСДРП от 21/VIII 1917 г., на котором под председательством т. Гавена при секретаре т. Непомнящем[2] решался вопрос о газете «Товарищ». Была принята по существу оппортунистическая резолюция, в которой говорилось, что «газету необходимо издавать в *строго интернационалистском*, *не фракционном* духе». Совершенно очевидно, что газета строго интернационалистского направления для соглашательских элементов обязательно должна быть фракционной.

Нужно прямо сказать, что столь терпеливое отношение минусинских большевиков, проявленное к меньшевистским элементам, являлось грубейшей ошибкой, результатом чего и были те непоследовательность и нечеткость линии, о которых упоминалось раньше.

Молодая минусинская организация, отдавая себе ясный отчет в значении революционной теории в деле классовой борьбы, борясь

---

[1] *Румянцев С. И.*, *Тульников*, *Фрейман*, *Камарихин*, *Карпов* (солдат) и др.

[2] Учитель сельской школы. До Февральской революции под влиянием Гавена, Ватина, Спунде перешел на позиции большевиков и много оказывал помощи их группе в нелегальной работе. Один из активных организаторов и руководителей Минусинского совета и партийной организации.

за массы, уже в ранний период своего существования стремилась вооружать себя теоретическими знаниями. В № 52 газеты «Товарищ» от 15/X 1917 г. сообщалось о том, что при Минусинском совете рабочих и солд. депутатов организована культурно-просветительная лига, в которую записались 120 человек, а немного ниже извещалось об организации партийной школы.

«Минусинской организацией РСДРП,—говорилось в заметке,—образована партийная школа для подготовки будущих партийных работников. Занятия в школе уже начались. Записалось 18 человек. Занятия предположено вести по следующей программе: 1. Классы и классовая борьба. 2. Капитализм. 3. Что такое социализм и как он может осуществляться. 4. Политическая борьба рабочего класса и история революций. 5. Цель, средства и формы экономической борьбы рабочего класса. 6. Интернационализм, 7. Аграрное движение. 8. Политические партии и 9. Программа и тактика РСДРП».

Незначительность теоретически подготовленных кадров, с одной стороны, и развернувшиеся события, с другой, не позволили осуществить намеченную программу полностью. Состоялось лишь несколько занятий.

Когда мы говорим о работе большевиков, надо подчеркнуть большую роль, которую сыграла газета «Товарищ».

Газета «Товарищ», несмотря на все ее ошибки, вне всякого сомнения была коллективным организатором и пропагандистом большевистских лозунгов. С момента февральского переворота она неустанно вела борьбу за завоевание масс. Последние видели в «Товарище» своего защитника и оказывали газете материальную помощь. Газета издавалась исключительно на добровольные взносы, которые главным образом поступали от рабочих промышленных предприятий, железной дороги и бывших политических ссыльных. Об этом свидетельствуют отчеты кассы Минусинского комитета РСДРП, которые помещались в «Товарище».

Чем ближе к Октябрю, тем большее влияние завоевывала местная организация большевиков среди рабочих и крестьянской бедноты. Деревенская беднота в период от Февраля к Октябрю чутко прислушивалась к голосу большевиков и поддерживала их выступления на митингах, крестьянских съездах и во время предвыборной кампании в учредительное собрание. Были случаи, когда крестьяне-бедняки спасали от кулацкой расправы большевистских агитаторов. Вместе с тем беднота организовывалась и развертывала в деревне классовую борьбу против кулачества, казачьей верхушки и торгового капитала. Однако минусинская организация большевиков не могла еще в тот период в достаточной мере возглавить революционную борьбу бедноты. Причина этого главным образом крылась в том, что организация не располагала еще силами для работы в деревне.

О том, что симпатии рабочих масс были на стороне большевиков, свидетельствует протокол рабочих Черногорских копей, опубликованный в «Товарище» 15 октября 1917 г. В нем говорилось:

Мы, нижеподписавшиеся рабочие Черногорских копей, Усть-Абаканского района Минусинского уезда, собравшись сего 24 сентября под председательством Ивана Игнатьевича Кузьминского в помещении школы, где нам был сделан

доклад т. Ткаченко относительно выборов в Учредительное собрание и было нам предложено, чтобы мы присоединились к какой-либо партии, так что мы до сих пор были беспартийными. Выслушав мнение оратора о разности партий, мы единогласно, большинством в 59 человек при 3 воздержавшихся, *постановили*: присоединиться к Российской с.-д. рабочей партии большевиков».

Конечно это только один из многочисленных случаев, свидетельствовавших о революционном настроении масс и их преданности партии большевиков.

Дальнейшие события как в городе, так и в деревне развивались с поразительной быстротой, революционизируя трудящиеся

Россійская Соціал-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всех стран, соединяйтесь!

Членскій билет № 38

Выдан Члену Минусинскаго Комитета

Р. С. Д. Р. П. Т. И. Г. Сафьянову

За Председатель [illegible]

Секретарь А. Тульников

1917 г. Сентябрь „3." дня.

Партбилет члена Комитета минусинской организации большевиков.

массы и способствуя их большему сплочению вокруг лозунгов партии большевиков. Одновременно с этим и силы контрреволюции, чувствуя непосредственную угрозу себе, начали все больше и больше концентрироваться вокруг созданных ими «органов власти» и различных организаций, среди которых первое место, конечно, принадлежало эсерам.

Двоевластие вступило в новую фазу обострившейся классовой борьбы, обнаруживавшей гораздо сильнее, чем прежде, противоречия между сопротивляющейся контрреволюцией и наступающими революционными силами.

Революционные массы Минусинского края в конце концов, как и во всей России, поняли подлинную буржуазную сущность Временного правительства и руководимые большевиками смело пошли на штурм капиталистических твердынь под лозунгом: «Вся власть Советам», за диктатуру пролетариата, за социалистическую революцию.

Глава III

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В МИНУСИНСКЕ

К моменту Октябрьского переворота среди рабочих, солдат гарнизона и городской бедноты Минусинска назрело глубокое недовольство положением, создавшимся в ходе Февральской революции. Керенщина на языке рабочих и солдат стала бранным словом. С мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков слетела мишура революционной фразеологии, и они предстали перед рабочей и солдатской массой во всей своей социал-предательской наготе.

Партия эсеров, располагавшая в Минусинском крае сильным аппаратом и занимавшая повсюду, за исключением Совета рабочих и солдатских депутатов, командные посты, усиленно готовилась к выборам в учредительное собрание, надеясь через него еще более упрочить свое положение. Она опиралась на интеллигенцию, чиновничество, городскую среднюю и мелкую буржуазию, кулацкие элементы деревни и верхи казачества. Она стремилась к власти, которую готова была купить какой угодно ценой, вплоть до полного отказа от основных положений своей программы.

Меньшевики, не имевшие связи с рабочей массой, варились в собственном соку своей маленькой организации, занимаясь оппортунистической болтовней о буржуазном характере русской революции и заключении «демократического мира без аннексий и контрибуций». Кадеты, имевшие в городе довольно сильную группу, вели активную контрреволюционную работу, возглавляя лагерь контрреволюции.

Большую активность накануне октябрьских дней стала проявлять в городе черная сотня, возглавляемая Федосом Солдатовым. Пользуясь неспособностью эсеров организовать снабжение населения промтоварами и наладить аппарат управления, а также ориентируясь на общий кризис в стране, вызванный затяжкой войны и политикой правительства Керенского, черная сотня развернула погромную агитацию. Солдатов собирал на площадях города митинги, произносил погромные речи на тему о том, что «революция ничего не дала народу», что «кооперативы обворовывают население», что «интеллигенция желает властвовать над народом», что «социалистические партии подкуплены немцами» и т. д.

Положение в деревне становилось все более напряженным. Восемь месяцев пустых разговоров об учредительном собрании, которое-де

все решит и все устроит, затянувшаяся война, сохранение старых, царских порядков в управлении и оставление у власти прежних чиновников—крестьянских начальников, мировых судей, податных инспекторов и др., а также финансовые затруднения и сохранение в полной неприкосновенности засилия купцов, кулаков и богатых казаков,—все это создавало у широких бедняцко-середняцких масс деревни резко отрицательное отношение к политике Временного правительства и разочарование в лозунгах эсеровской партии. Бедняцко-середняцкие массы крестьянства, ожидавшие после Февральской революции освобождения от гнета помещиков, кулаков и царских чиновников и прекращения войны, которая разрушала хозяйство и вырывала из рядов крестьянства лучшие силы, получили вместо этого новые приказы о мобилизации, пренебрежительное отношение к насущным нуждам деревни со стороны эсеровских чиновников, упрочение власти кулаков, которые усиленно записывались в партию эсеров.

Эти настроения деревни усиливались под влиянием писем от солдат. Солдаты сообщали, что их заставляют итти в наступление под страхом смертной казни, плохо кормят и плохо снабжают одеждой и что только тогда народ сможет освободиться от ненавистной кровавой бойни, когда власть в стране перейдет к советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, руководимых партией большевиков.

Насколько сильно было политическое влияние этих писем, показывает следующий факт, имевший место в одном из крупных старожильческих сел. Во время выборов в учредительное собрание в это село приехал агитатор, правый эсер, и устроил предвыборное собрание. На собрании была единогласно принята резолюция эсеров и постановлено было отдать этой партии свои голоса при выборах в учредительное собрание. Присутствующим на собрании крестьянам были розданы избирательные бюллетени эсеровской партии. На следующий день во время выборов оказалось, что подавляющее большинство крестьян этого села голосовало за большевиков, причем представителей партии большевиков в селе не было ни на предвыборном собрании, ни во время самих выборов. Каким же образом мог произойти этот удивительный случай? Оказывается, что еще задолго до выборов у большинства крестьян уже имелись на руках избирательные бюллетени большевистской партии, посланные в письмах солдатами из Красноярска, Ачинска и других городов Енисейской губернии.

Аналогичные случаи имели место и в других селениях. Несмотря на предвыборный террор эсеровской партии, большевики получили при выборах в учредительное собрание тысячи крестьянских голосов. Но до прибытия в минусинскую деревню главной массы фронтовиков революционное настроение бедняцко-середняцких слоев ее все же не получило еще политического оформления.

Если к сказанному добавить, что и в городе и в деревне экономическая власть буржуазии не была подорвана, что буржуазия продолжала безраздельно господствовать в своих торговых и промышленных предприятиях, что крупные овцеводы-землевладельцы и казаки-богачи сохраняли владение сотнями и тысячами гектар

самой лучшей земли, то общая картина политического и хозяйственного положения перед Октябрьским переворотом в Минусинском крае станет ясной.

Что же представлял собой в этот момент Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов?

После корниловских дней он окончательно освободился от меньшевистско-эсеровского влияния и еще теснее сплотил вокруг себя рабочую и солдатскую массу. Перед Октябрьским переворотом Совет твердо проводил большевистскую тактику борьбы, подготовляя рабочих и солдат (а через последних и деревенскую бедняцко-середняцкую массу) к грядущим боям за диктатуру пролетариата. Революционная работа Совета вызвала к нему ненависть со стороны буржуазии, которая через городскую думу и земство пыталась всячески дискредитировать деятельность Совета в глазах широких масс. Однако погромное выступление солдатовцев, грозившее сорвать работу по выборам в учредительное собрание и повести к погромам, вынудило в конце концов думу и земство обратиться за содействием к Совету, который через свою солдатскую секцию фактически руководил гарнизоном и кроме того имел рабочую Красную гвардию, организовавшуюся в корниловские дни под видом гражданской милиции. Совет принял предложение думы и земства выступить вместе против солдатовцев; он развернул агитационную кампанию и мобилизовал солдат гарнизона и гражданской милиции на случай погромных выступлений солдатовцев.

Сила Совета заключалась в поддержке, которую ему оказывали рабочие, солдаты и деревенская беднота. Насколько велика была эта поддержка, свидетельствуют между прочим результаты выборов в учредительное собрание, которые происходили в это время в Минусинске. Список большевиков по городу получил 1 320 голосов, эсеров—828, кадетов—792, черносотенцев (солдатовцев)—670, меньшевиков—142 и прочие списки—65 голосов.

Работой Совета по подготовке к восстанию руководила минусинская организация большевиков. К моменту Октябрьского переворота организация имела в своем составе всего 60 членов. Наиболее активными работниками организации были: Сафьянов Ин. (председатель Комитета), Плотников А. (бывший политкаторжанин), Непомнящий Н. (учитель), Герасимов Ф. (рабочий), Кузнецов Л. (рабочий, б. политический ссыльный), Пономарев А. (б. политический ссыльный), Шаповалов (местный крестьянин, руководитель солдатской секции Совета), Баринова М. (фельдшерица), Адосинская (б. политическая ссыльная), Лебедев Г. (председатель союза увечных воинов), Садовский И. (рабочий), Южанин А. (рабочий), Русин Т. (рабочий), Фокин А. (рабочий), Педаяс Ю. (рабочий, б. политический ссыльный), Базаркин А. (местный крестьянин, солдат), Рытов (рабочий), Тульникова А. (жена лидера минусинских меньшевиков), Данилова П. (жена А. И. Плотникова), Солдатов В. и др. После отъезда из Минусинска в конце сентября председателя Совета т. Гавена президиум Совета рабочих и солдатских депутатов состоял из трех человек: двух заместителей председателя (Садовский Иосиф и Сафьянов Михаил) и секретаря (Баринова). Председательствовал в Совете во время Октябрь-

ского переворота Сафьянов Михаил, бывший тогда с.-д. интернационалистом.

Первые сведения о происшедшем в Петрограде и Москве восстании были получены в Минусинске 27 октября, на второй день после занятия Зимнего дворца и ареста Временного правительства. Телеграммы о происходивших в центре событиях носили весьма неопределенный характер; объясняется это тем, что связь в стране находилась в руках союза почтово-телеграфных служащих, который вместе с Викжелем боролся против перехода власти к советам. В Минусинске представитель союза почтовиков сначала скрывал полученные сведения, а затем стал сообщать путаные телеграммы. Это вынудило председателя Комитета большевиков т. Ин. Сафьянова пойти самому на телеграф и добиться получения более или менее определенной информации.

К вечеру 27 октября весть о восстании рабочих Петрограда и Москвы под руководством партии большевиков разнеслась по всему городу. В ночь на 28 октября было созвано экстренное закрытое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором было принято решение: «быть готовыми к переходу власти к советам как в центре, так и на местах и разработать план перехода власти в руки Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов».

Вот как описывает это историческое заседание Совета один из активных участников его [1] в минусинской газете «Власть труда» (№ 18 от 7 ноября 1922 г.):

«Помню хмурый осенний вечер 27 октября. Иду с заседания комиссии по расследованию деяний погромщика Федоса Солдатова, который организовывал банды для разгрома кооперативов. На углу Гоголевской и Мартьяновской улиц встречаю секретаря Совета т. Баринову. Возбужденная, с горящими глазами энтузиастки, она, волнуясь, говорит мне: «Вы ничего не знаете, что же вы все поразбежались, где Плотников, Непомнящий, Лебедев? Они уехали в уезд? Надо кончать с кооперативной работой... Вы знаете—наша взяла, большевики победили. В Петрограде власть перешла к советам. Правительство Керенского свергнуто, в Москве бои... Получена телеграмма. Почтовики скрывают—их союз во власти соглашателей; но нам кое-что удалось узнать. Надо немедленно созывать пленарное заседание. Я пошла к вам. Вы должны взять председательствование. Садовскому трудно. Гавен не вернется». Бурным потоком охватывают душу мысли и чувства великого момента. Наступило. Идем. Почти бежим. Вот и рабочий клуб, где бывают заседания Совета. Многие из товарищей уже в сборе. Подходят и остальные. Лука Кузнецов[2] сообщает, что Плотников и Лебедев приехали, сейчас придут. Непомнящего тоже ждут. Наконец собираются все, открываем экстренное закрытое заседание Совета. У всех настроение повышенное, по адресу представителей правоэсеровской фракции бросаются суровые слова осуждения, Товарищи солдаты просят делегировать в гарнизон представителей рабочей секции и партий для разъяснения текущего момента. После предварительного обмена мнений по поводу полученных сведений решено вызвать представителя губсоюза почтовиков и потребовать от него точной информации. Переходим к обсуждению текущего момента. Борьба идет между партийными течениями. Эсеры правые, не приемля переворота, узурпируют волю минусинского крестьянства; говоря от его имени, они настаивают на сохранении «статус кво» (прежнего положения, т. е. керенщины). Эсеры левые во главе с тт. Фаер-

[1] М. Сафьянов.

[2] Старый партиец, большевик, рабочий, умер в 1920 г. в концентрационном лагере у Колчака.

ман и Пузановым[1] присоединяются к большевикам и упрекают своих правых «однофамильцев» в том, что они обещали народу мир, волю, землю и Учредительное собрание, но дали вместо этого новое наступление во славу англо-французских банкиров; возвратили власть помещикам; ввели для большевиков военно-полевые суды, а вместо народовластия учредили буржуазную диктатуру Керенского. Большевики держатся с большим достоинством, ибо они знают, что правда на их стороне. Они стараются вселить в сознание рабочих и солдат великий смысл Октябрьского переворота. Меньшевики равняются на большинство несознательного пролетариата не только в России, но и за границей.

Непомнящий Н.
Один из организаторов Октябрьского переворота в г. Минусинске и руководителей парторганизации большевиков. Член Исполкома и Военно-революционного штаба

Прения затягиваются до утра. Решено перенести окончательное принятие резолюции о переходе власти к Совету на 30 октября. Пока же оглашаются телеграммы, где наряду с постановлениями II Всероссийского съезда советов говорится о том, что 12-я армия поддерживает Керенского, идет на Петроград, и большевистская «авантюра» скоро будет подавлена. Никто конечно кроме правых эсеров не верит этому подлому вранью. Все кроме них сознают грандиозность переживаемых событий. В заключение уже утром Совет принимает следующую резолюцию:

«1. Впредь до полного выяснения характера и результатов событий в Петрограде предложить всем минусинским общественным организациям и гражданам воздержаться от каких-либо самочинных действий, направленных к изменению уже сложившегося в ходе революции порядка вещей. 2. Все выступления в Минусинске рабочих и гарнизона подчинить Совету. 3. Принять меры к тому, чтобы работа по выборам в Учредительное собрание не прерывалась. 4. Войти в сношения с Советом крестьянских депутатов по вопросу о борьбе с контрреволюцией и анархией в городе и в деревне. 5. Все свои выступления согласовать с мнением большинства революционного народа, организовавшегося по всей стране в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 6. Быть готовыми к переходу власти к Советам как в центре, так и на местах, для чего усилить связь с центральными и соседними советами. 7. Выпустить воззвание к населению. 8. Связать свою деятельность с деятельностью Совета крестьянских депутатов путем создания общего бюро исполкомов. 9. Осведомлять солдат о деятельности солдатских депутатов в других городах. 10. Печатать резолюции Совета в газетах. 11. Разработать план перехода власти в руки Минусинского Совета. 12. Собрать все факты нападок на Совет и в зависимости от материала действовать решительно».

Это сообщение участника Октябрьского переворота интересно сопоставить с тем, как изложена фактическая сторона дела в документе колчаковской следственной комиссии, составленном контрреволюционером Ветровым. Ветров, задавшись целью выявить «особую преступность» некоторых членов Минусинского совета и партии большевиков, в своем обвинительном заключении подчеркивает, что члены Совета Непомнящий Николай, Сафьянов Иннокентий и Педаяс были несогласны с этой резолюцией и настаивали на немедленном захвате власти Советом. Весьма вероятно, что это было именно так, как излагает Ветров.

[1] Бывший политический ссыльный, эсер-максималист. После восстановления советской власти в Сибири вступил в ряды ВКП(б).

В день, когда была вынесена резолюция о подготовке к перевороту, минусинская буржуазия энергично стала готовиться к контрреволюционному выступлению. Руководящую роль в этом играли кадеты и эсеры. Когда черносотенная группа Ф. Солдатова заявила о своем желании присоединиться к выступлению, она была принята эсерами и кадетами с распростертыми объятиями. Во главе контрреволюционного выступления против Минусинского совета стали: комиссар Временного правительства Тарелкин (правый эсер, б. политический ссыльный), начальник милиции Зефиров (народный социалист), председатель городской думы Чибизов (плехановец-меньшевик), городской голова Бахов (кадет), секретарь городской думы Богачев (плехановец-меньшевик) и лидеры местной эсеровской организации: Карцев (б. политический ссыльный), Злобина и Добров (б. политические ссыльные).

Утром 29 октября буржуазия и эсеры распустили по городу провокационный слух, что Совет в закрытых заседаниях обсуждает вопрос о вооруженном восстании и нападении на мирных граждан. В середине дня контрреволюционеры устроили на центральной площади города митинг, где раздавались призывы к выступлениям против Советов. Совет делегировал на митинг своих представителей, которые сумели доказать всю вздорность распускаемых контрреволюционерами слухов и привлекли на сторону Совета собравшихся на митинг граждан. Это дало возможность вечером того же дня устроить в здании городского театра большевистский митинг.

Одновременно с агитационной кампанией Совет принял меры к боевой подготовке гарнизона и усилению рядов Красной гвардии.

30 октября вновь было созвано закрытое заседание Совета, на котором были оглашены первые сведения об Октябрьском перевороте в сибирских городах: Иркутске, Красноярске и Томске. На повестке заседания был поставлен вопрос о переходе всей полноты власти к советам и о мерах борьбы с контрреволюционными выступлениями буржуазии.

Вот как описывает в той же газете «Власть труда» (№ 18 от 7 ноября 1922 г.) это заседание уже цитированный активный участник событий:

«Вечером 30 октября возобновляется прерванное заседание пленума Совета. Получены первые вести о перевороте в сибирских городах. Всякое сообщение с телеграфа приходится расшифровывать. Продолжается обсуждение текущего момента, в котором активное участие принимает рабочая и солдатская масса. В яркой красочной речи природный оратор-самородок Фрол Герасимов говорит о борьбе и страданиях российского пролетариата. Его устами высказывается сама рабочая масса. Чувствуется, что пролетариат, наученный опытом революции 1905 г., твердо решил теперь победить или умереть. Появляется Шаповалов, председатель солдатской секции Совета. Он только что вернулся из Иркутска с сибирского съезда советов. Рассказывает о настроениях пролетариата Сибири, о фронтовиках, вернувшихся с войны и разносящих по деревням лозунги партии большевиков. Настроение у всех бодрое, единодушное; даже меньшевик Тульников заражается этим настроением и высказывается, что он как «последователь Карла Маркса» не может выступать по другую сторону баррикады; и если пролетариат пойдет за большевиками, то и он сядет в поезд, отходящий на позиции пролетарской революции. Но вот появляются правые эсеры (члены Совета) Добров, Злобина и Васильев. Своими крокодиловыми слезами о демократии и свободе они затягивают заседание. Надо ехать на

собрание гарнизона, итти в караул, устраивать фракционное заседание. Приходится снова прервать пленум Совета до утра. Ночь проходит тревожно, почти все дежурим в клубе, в зале заседания Совета. Лука Кузнецов, Рытов и другие товарищи сообщают сведения о готовящемся на завтра выступлении буржуазии».

В 8 часов утра 31 октября открывается историческое заседание Совета. Говорить дальше уже не о чем: все выяснено, надо решать и действовать. Высказываются представители фракций, а также ораторы рабочей и солдатской секций по вопросу о переходе всей полноты власти к Совету. Речи обосновывают главные тезисы предлагаемых резолюций. Вдруг стук в двери. Дежуривший товарищ докладывает, что явилась делегация представителей правительственных и общественных организаций. К столу в надменных и вызывающих позах подходят члены делегации Чибизов, Карцев и Богачев и молча подают председателю протокол совещания «правительственных и общественных организаций» с ультиматумом Совету и с угрозой объявить забастовку в случае его попытки к захвату власти.

Протокол

совещания представителей правительственных и общественных учреждений, состоявшегося 31 октября 1917 г.

Присутствовали: уездный комиссар П. Н. Тарелкин, председатель земской управы В. С. Карцев и члены: А. И. Семенюк, М. Ф. Яременко, П. С. Каргополов, городской голова П. А. Бахов, член городской управы Л. И. Труханов, председатель городской думы И. Я. Чибизов, секретарь думы П. Д. Богачев, директор реального училища П. М. Троицкий, директор учительской семинарии А. С. Богданов, начальник почтово-телеграфной конторы И. Г. Черкашин, казначей минусинского казначейства Н. А. Попов, начальник местной команды Ладыгин, товарищ директора банка Взаимного кредита В. В. Солдатов, представители Русско-азиатского и Сибирского торговых банков—Афанасьев и Смирнов, представитель продовольственной уездной управы А. С. Сыромятников, начальница женской гимназии Фролова, гласные думы: А. Л. Ташкинов, М. С. Меретиков, Н. А. Толмачев и Шмыков.

Председателем избран И. Я. Чибизов, секретарем П. Д. Богачев. На очередь поставлен вопрос о деятельности правительственных и общественных учреждений в связи с тем, что попытка Совета Р. и С. депутатов к захвату власти внесла полнейшую дезорганизацию в местную жизнь. При обсуждении вопроса членами совещания было указано, что выступления Совета Р. и С. депутатов могут быть парализованы лишь протестом в виде приостановки на известный срок деятельности всех правительственных и общественных учреждений.

По обсуждении вопроса на голосование вносится два предложения: 1. Принимая во внимание, что возбуждающая деятельность Совета Р. и С. депутатов в связи с попытками к захвату власти совершенно нарушила нормальный ход жизни, совещание в виде протеста признало необходимым до выяснения событий на два дня прекратить деятельность всех общественных и правительственных учреждений, за исключением телеграфа—по передаче политических, продовольственных и военных депеш, продовольственных органов, комиссии по выборам в Учредительное собрание и сберегательных касс по выдаче вкладов. 2. Не приводя немедленно в исполнение постановления о прекращении деятельности правительственных и общественных учреждений, довести до сведения Совета Р. и С. депутатов, что совещание *принуждено* будет прибегнуть к этой мере, если не получит достаточной гарантии, что со стороны Совета Р. и С. депутатов не будет сделано попыток к захвату власти. Для ответа назначить двухчасовой срок.

На голосование ставится первое предложение, которое принимается большинством всех присутствующих против одного. Вследствие этого второе предложение считается отпавшим и снимается с очереди.

После этого совещанием принимаются следующие постановления: 1) довести до сведения Совета Р. и С. депутатов о состоявшемся постановлении; 2) выпустить воззвание к населению с объяснением принятого постановления; 3) принять меры для ознакомления населения с совершающимися событиями посредством устройства митинга; 4) для разъяснения событий местной команде уполномочить П. А. Бахова, Ладыгина, Ф. П. Солдатова и Е. Д. Доброва; 5) для ознакомления учебных заведений командировать А. Л. Ташкинова и Я. И. Чибизова и присутствующих представителей учебных заведений; 6) для исполнения принятых постановлений и информационной деятельности избрать комиссию в составе П. Н. Тарелкина, В. С. Карцева, П. А. Бахова, И. Я. Чибизова, П. В. Силина и П. Д. Богачева.

Это совещание объединило все контрреволюционные группировки от монархистов-солдатовцев до правых эсеров и плехановцев включительно. Протокол был документом, объявлявшим войну Минусинскому совету рабочих и солдатских депутатов.

Война началась прекращением занятий в правительственных учреждениях, школах, земстве, городской думе и банках. Чиновничество, земцы, гласные думы, учителя и пр. буржуазная интеллигенция, шедшая под знаменем эсеровской партии, когда встал вопрос о переходе власти к народу—рабочим, солдатам и крестьянам, не остановилась перед решительными действиями. Влиянию учителей поддалась и мелкобуржуазная молодежь — учащиеся гимназии, реального училища и прочих школ города.

Но Минусинский совет не испугался этой контрреволюционной забастовки. Тотчас же после ухода из зала заседаний делегации враждебного лагеря Совет большинством 25 голосов против 6 при 7 воздержавшихся принял резолюцию большевиков и левых эсеров следующего содержания:

«Исходя из того положения, что в настоящий момент происходит гражданская война за власть между буржуазией и революционным народом, т. е. рабочими, солдатами и крестьянами; что в гражданской войне, раз она стала фактом, недопустимо и преступно устраняться из лагеря проливающих кровь рабочих и солдат; что в Минусинском крае в настоящий момент нет никакой определенной власти,—Минусинский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов постановляет: *объявить особым воззванием к населению Минусинского края, что вся власть в городе и уезде перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов, который будет немедленно же пополнен крестьянскими и казачьими депутатами от 36 волостей уезда. До этого момента крестьянских депутатов заменяет существующий в городе Минусинске Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, входя для этой цели в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов*».

После принятия этой резолюции был избран новый Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, которому поручалось практически осуществить переход власти в городе и крае к советам и ликвидировать органы управления Временного правительства.

Представители нового Исполнительного комитета решили выступить на митинге, устроенном контрреволюционерами на базарной площади по случаю «захвата власти большевиками». Одновременно с этим Исполком поручил Красной гвардии и солдатам местного гар-

низона занять правительственные учреждения и следить за порядком в городе. На митинг были делегированы восемь товарищей, во главе с председателем Комитета минусинской организации большевиков Ин. Сафьяновым. Делегатам Исполкома быстро удалось завоевать симпатии собравшихся, разъяснить им смысл происшедшего переворота и ознакомить с лозунгами большевиков. Контрреволюционеры во главе с Чибизовым, Карцевым и Тарелкиным вынуждены были под насмешки и выкрики собравшихся удалиться с митинга. Митинг закончился принятием резолюции, одобрявшей переход власти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вечером того же дня в городском театре было созвано объединенное заседание профессиональных организаций и граждан города, на котором разъяснялся смысл Октябрьского переворота. Выступавшие на митинге рабочие выражали негодование по поводу саботажа и «забастовки» интеллигенции и предлагали Исполкому принять решительные меры по борьбе с контрреволюционерами и саботажниками.

В ночь на 1 ноября Исполком арестовал начальника милиции Зефирова, который пытался скрыть в милиции оружие от Красной гвардии. Арест Зефирова вызвал у эсеров и буржуазной интеллигенции волну контрреволюционного злопыхательства. «Новая власть,— говорили представители буржуазии,—вместо свободы и неприкосновенности личности допускает насилие, арестовывает народных социалистов, устанавливает режим принуждения». Вот если бы речь шла об аресте членов Исполкома или красногвардейцев, то эти «свободолюбцы» наверное не имели бы ничего против?!

Минусинская буржуазия не хотела без борьбы уступать своего господства. Саботаж, заговоры, дезорганизация хозяйственной жизни применялись в самых широких размерах. Однако на открытое выступление буржуазия все же не решалась, так как военная сила в городе была на стороне Совета.

Солдаты гарнизона, не признавая своего начальника Ладыгина, полностью отдали себя в распоряжение Совета и подчинялись только директивам Исполкома и солдатской секции Совета. 9 ноября, т. е. через 10 дней после перехода власти к Совету, солдаты местного гарнизона единогласно выносят следующую резолюцию:

«Обсудив создавшееся политическое положение в стране в связи с образовавшимся вновь социалистическим министерством, находим, что наступил момент, когда вся власть как в городе Минусинске, так и в уезде должна немедленно перейти к самому народу в лице его истинных представителей, избранных в советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Причем высказываем горячее пожелание, чтобы Минусинский совет немедленно приступил к работе по проведению в жизнь идеи власти народа. Председатель И. Карпов. Секретарь Добровольский».

Через четыре дня после этого гарнизон вторично подтвердил свою преданность советской власти, предупредив буржуазию, саботажников, провокаторов и всех, кто будет выступать против Совета, что он примет самые решительные меры для подавления контрреволюционных выступлений. В резолюции, вынесенной минусинским гарнизоном на общем собрании 14 ноября 1917 г., мы читаем:

«Мы, солдаты минусинского гарнизона, обсудив события текущего момента, вынесли следующие решения: 1) ввиду какого-либо посягательства со стороны учреждений или какого-либо нападения населения города Минусинска или его уезда на власть Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, мы, солдаты гарнизона, будем стоять на страже охраны порядка и не допустим контрреволюционных выступлений; 2) если окажутся какие-либо забастовки, то считаем виновными за них не власть Совета, а буржуазию и прихвостней бывшего Временного правительства и 3) считаем также необходимым предупредить всех провокаторов, ведущих агитацию против власти Совета и натравливающих одну часть населения на другую, благодаря чему может произойти кровопролитие, что мы немедленно будем принимать по отношению к ним самые решительные меры. Председатель Василевский. Секретарь Золотин».

Ликвидация органов управления Временного правительства проводилась Советом постепенно, по мере укрепления новой власти. К половине ноября эта работа была в основном закончена. Совет на заседании 10 ноября вынес специальное постановление об окончательной ликвидации всех органов Временного правительства, которое предъявлялось комиссарами Исполкома при занятии правительственных учреждений. Постановление это получило тогда в Минусинске название «декрета о переходе власти к советам». Вот подлинный текст его:

«Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов, согласно своему постановлению от 10 ноября 1917 г., объявляет всему населению Минусинского края, что власть в городе и в уезде перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов, который будет немедленно пополнен крестьянскими и казачьими депутатами от 36 волостей Минусинского уезда. Должность уездного комиссара упраздняется, дела его канцелярии переходят к особой комиссии от Совета рабочих и солдатских депутатов. Городская дума и земская управа с настоящего времени все свои действия должны согласовывать с действиями Совета как органа, выражающего революционную волю рабочих, солдат и крестьян. Все государственные учреждения и лица, состоящие на службе в этих учреждениях, должны немедленно же подчиниться распоряжениям Совета. В помощь уездному продовольственному комитету и городской продовольственной комиссии назначаются особые комиссары.

Ввиду переживаемого тревожного момента и возможных попыток непризнания власти советов рабочих и солдатских депутатов, Совет объявляет, что все эти попытки, всякие выступления против Совета будут подавлены всеми мерами, вплоть до применения военной силы. За председателя Совета М. Сафьянов. Секретарь Баринова».

Резолюция Минусинского совета, на основе которой затем был составлен «декрет о переходе власти к советам», была написана председателем Комитета минусинской организации большевиков И. Г. Сафьяновым. Она гораздо решительнее и тверже ставила вопрос о практическом осуществлении диктатуры пролетариата в Минусинске. Вот подлинный текст этой резолюции:

«1. Объявить в городе и уезде особым воззванием к населению, что вся власть перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов, который будет немедленно пополнен крестьянскими и казачьими депутатами.

2. Предложить волостям временно послать сейчас же своих представителей, а к 20 ноября собрать съезд из представителей всего края для перевыборов земской управы и постоянных представителей в Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

3. Объявить комиссару Тарелкину, что он отстраняется от должности и что все делопроизводство своей канцелярии должен передать комиссару, назначенному от Совета. Сейчас же выбрать этого комиссара.

4. Предписать городской и земской управам немедленно же отстранить от должности начальника милиции Зефирова и заменить его другим лицом.

5. Сообщить думе, что теперь все ее действия должны быть согласованы с Советом рабочих и солдатских депутатов как органом, выражающим революционную волю солдат, рабочих и крестьян, в противном случае Совет вынужден будет распустить думу и предложить гражданам выбрать новую думу.

Сафьянов Иннокентий. Председатель партийного комитета большевиков. Член исполкома и военно-революц. штаба.

6. В казначейство послать комиссара от Совета, который должен будет контролировать все передвижения сумм.

7. Установить контроль над банками, их спекуляцией с золотом, а также над всеми торгово-промышленными предприятиями.

8. Установить контроль над продовольственным комитетом и продовольственной городской комиссией.

9. Выбрать особую контрольную комиссию.

10. Обязать подписками всех чиновников в том, что они всецело подчиняются распоряжениям Совета и все свои действия согласуют с его волей.

11. Ввиду переживаемого тревожного времени и возможными попытками захвата власти со стороны контрреволюционеров попытки эти будут беспощадно подавляться».

Всю эту работу Минусинский совет провел самостоятельно, без какой-либо поддержки из губернии и Центросибири. Только 7 ноября, т. е. на восьмой день после установления власти советов в Минусинске, Центросибирь посылает из Иркутска телеграмму Минусинскому совету следующего содержания:

«Минусинскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ввиду создавшегося безвластия на местах Центральный исполнительный комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей Сибири предлагает Минусинскому совету взять всю власть в свои руки. Центральный исполнительный комитет всей Сибири всецело поддерживает вновь создавшуюся советскую власть в центре (в Петрограде), а также обращается к вам с горячим призывом поддержать ее на местах. Для усиления и закрепления власти советов на местах просим Совет обратиться к населению с призывом сплотиться вокруг советов как единых организаций, могущих усилить и закрепить завоевания революции. Просим обеспечить правильность выборов в Учредительное собрание и в дальнейшем оградить его существование от всяких контрреволюционных выступлений. За председателя Башаев. Секретарь (подпись неразборчива). Иркутск, 7 ноября 1917 г.»[1].

В Минусинске эта телеграмма была получена только 11 числа. Сама мотивировка «предложения» была наивна и несколько неопре-

[1] Напечатана эта телеграмма в специальном номере газеты «Известия», выпущенном в Минусинске к III съезду рабочих и крестьян.

деленна. Чем мотивировала Центросибирь необходимость перехода власти к советам? Во-первых, наступившим в стране безвластием, во-вторых, необходимостью поддержать рабочих Петрограда и, в-третьих, стремлением обеспечить правильность выборов в учредительное собрание и оградить его существование от всяких контрреволюционных выступлений.

Запоздание, нерешительность и неопределенность директивы Центросибири обусловливались незнанием положения на местах, боязнью, что призыв к установлению власти советов не будет сразу понятен массам и может вызвать противодействие со стороны сибирского крестьянства.

Однако из всего сказанного об Октябрьском перевороте в Минусинске ясно, что эти опасения Центросибири были неосновательны. Минусинск так же, как и другие удаленные от центра города—Ачинск, Канск и пр., совершил переворот немедленно после захвата власти в Петрограде и Москве. Октябрьский переворот проходил здесь не под лозунгом обеспечения правильности выборов в учредительное собрание и защиты его от контрреволюционных выступлений, а под лозунгами «Вся власть советам», «Долой капиталистический строй», «Да здравствует социализм», «Да здравствует мировая коммуна». В период от Февраля к Октябрю минусинская организация большевиков провела большую агитационную работу в деревне и добилась значительных успехов в освобождении бедняцко-середняцкой массы крестьянства из-под влияния правых эсеров. Этот факт также недоучитывала Центросибирь.

Почти одновременно с цитированной выше телеграммой Центросибири в Минусинске появилось воззвание Енисейского соединенного губисполкома следующего содержания:

«Ко всем гражданам Енисейской губернии. Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, покончив со всяким соглашательством, с капиталистами и помещиками, разорвал с буржуазией, устранил ее от управления и всю полноту власти взял в свои руки. Он—центральный исполнительный орган власти в Петрограде. Время народовластия настало. От высшей власти в центре до самых отдаленных окраин рабочие, солдаты и крестьяне следом за центром должны немедленно взять власть в свои руки через советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах. Граждане Енисейской губернии! Настоящим постановлением Соединенный исполнительный комитет объявляет, что губернский комиссар Енисейской губернии отстраняется от должности. Вся высшая власть в губернии, во всех областях управления переходит к Соединенному губернскому исполнительному комитету, постановления и распоряжения которого обязательны для всех учреждений, должностных лиц, организаций и граждан губернии. Граждане! Опираясь на волю революционных рабочих, солдат и крестьян, Соединенный губернский исполнительный комитет будет зорко стоять на страже интересов революции. Никакой попытки противодействия воле революционного народа он не допустит и опираясь на него сумеет обеспечить свой авторитет в губернии. Да здравствует власть советов, власть революционного народа! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует революция! *Соединенный губернский исполнительный комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Енисейской губернии*».

Здесь уже нет такой робости и неопределенности, как в телеграмме Центросибири. Однако следует отметить, что Минусинский, Ачинский, Канский и другие советы Енисейской губернии до пос-

ледних дней своего существования (июнь 1918 г.) были фактически самостоятельными органами государственной власти, довольно слабо связанными с губернским центром. Губисполком сумел в дальнейшем связаться с Минусинским советом более или менее тесно только по двум вопросам—проведению товарообмена и по борьбе с чехословаками на Мариинском и Канском фронтах. Больше чем с губернией Минусинск был связан непосредственно с всероссийскими центрами—Петроградом и Москвой.

Что было наиболее характерным для Октябрьской революции в Минусинске?

То, что рабочие, солдаты и деревенская беднота, руководимые партией большевиков, были вдохновлены единой идеей в борьбе за пролетарскую диктатуру.

Все активные участники переворота сознавали огромную ответственность момента. Благодаря этому ни саботаж, ни забастовка буржуазной интеллигенции, ни гнусная клевета, распускаемая правыми эсерами, ни угрозы черной сотни Солдатова, ни бойкот обывательской массы не могли поколебать работников Совета и парторганизации и остановить их решительные действия.

Вместе с тем враг был также силен. В его распоряжении были знания, опыт государственного управления, печать, деньги, на его стороне было подавляющее большинство интеллигенции. Он спекулировал на лозунгах учредительного собрания, на революционном и социалистическом прошлом, поскольку во главе контрреволюции стояла часть бывших политических ссыльных: Злобина, Добров, Тарелкин, Бедро и др.

Когда Исполком арестовал начальника милиции Зефирова за то, что он укрыл винтовки и патроны от Красной гвардии, думая таким образом помешать Октябрьскому перевороту в Минусинске, эсеры открыли бешеную погромную агитацию против большевиков и тех, кто шел с ними. Большевиков и членов Совета они называли «жандармами, насильниками, узурпаторами, нарушителями принципов социализма и демократии». При этом особенно подчеркивалось, что Зефиров—социалист, член партии народных социалистов.

Таким образом Октябрьский переворот в Минусинске проходил в условиях ожесточенной борьбы с буржуазной контрреволюцией. Но зато рабочая и солдатская масса активно поддерживала парторганизацию большевиков в борьбе за советскую власть. Против напора революционных рабочих и солдат не могли устоять эсеровско-кадетские батальоны из купцов, промышленников, царских чиновников, буржуазной интеллигенции и бывших «борцов за народ»—политссыльных Тарелкина, Доброва, Злобиной, Карцева и др.

Глава IV

РЕВКОМ, ВРЕМЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИСПОЛКОМ И III СЪЕЗД РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН[1]

Сосредоточение главной массы населения края за пределами города, в сельских местностях и отсутствие регулярных связей с деревней выдвигали в качестве первоочередной задачи скорейшее вовлечение бедняцко-середняцких слоев деревни в советское строительство под руководством рабочего класса и партии большевиков. Поэтому Минусинский совет в своей резолюции о переходе власти считал необходимым подчеркнуть, что состав его должен быть «немедленно же пополнен крестьянскими и казачьими депутатами от 36 волостей» и что «до этого момента крестьянских депутатов должен заменять существующий в Минусинске Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов».

Исполком крестьянских депутатов, избранный на съезде зажиточного крестьянства в начале Февральской революции, состоял полностью из правых эсеров, активных противников советской власти, и большевиков. Учитывая это, Минусинский совет медлил с приглашением в свой состав Исполкома крестьянских депутатов и пытался самостоятельно установить связи с деревней. С этой целью 4 ноября был создан особый орган—«Временный революционный исполнительный комитет» (Ревком), который должен был объединить все революционные организации города и деревни на платформе признания и поддержки советской власти. Образованием такого ревкома Минусинский совет преследовал две цели: а) избежать переговоров о соглашении с крестьянским исполкомом и б) упрочить свое положение как власти, проводящей лозунги Октябрьской революции среди широких бедняцко-середняцких масс крестьянства. В состав Временного революционного комитета вошли представители следующих организаций: от Совета рабочих и солдатских депутатов—Плотников и Черкашин, от Минусинской организации большевиков — Ин. Сафьянов, от солдатской секции Совета и гарнизона—Добровольский и Шаповалов, от левых эсеров—Пузанов, от Красной гвардии—Кра-

[1] III съезд, явившийся по существу учредительным съездом по организации власти советов в крае, представлявший собой высший законодательный орган, состоял не из делегатов советов, так как они еще на местах не были созданы, а из представителей волостей, политических партий, Совета рабочих и солдатских депутатов города и профессиональных организаций.

тюк, от с.-д. меньшевиков—Горностаев, от кооперации—Тульников, от милиции—Благодатский, от Союза увечных воинов—Худяшев, от Исполкома крестьянских депутатов—Добров и от правых эсеров—Сафонов. Если учесть то обстоятельство, что меньшевик Горностаев в то время активно не выступал против большевиков, а представители Союза увечных воинов и милиции определенно стояли на платформе большевизма, то выходит, что в составе Ревкома из 13 членов всего трое являлись противниками советской власти—Добров, Сафонов и Тульников. Таким образом большинство всегда было обеспечено за большевистской частью Комитета. Однако Ревком просуществовал весьма недолго. Все представители, входившие в него, являлись в то же время членами Совета рабочих и солдатских депутатов, участие их в Ревкоме было ненужным дублированием советской работы. Ревком вскоре прекратил свое существование, передав дела президиуму Совета рабочих и солдатских депутатов.

Перед советской властью снова во всей остроте стал крестьянский вопрос. Правые эсеры, воспользовавшись отсутствием достаточной связи Совета с деревней, усилили антисоветскую агитацию и пытались через аппараты земства и комиссии по выборам в учредительное собрание всячески агитировать среди крестьянства против советской власти. Эсеры не допускали большевистских агитаторов на деревенские собрания; коммунистическая литература конфисковывалась органами земской управы. Исполком крестьянских депутатов чинил различные препятствия установлению непосредственной связи крестьянской массы с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Положение осложнилось еще более, когда стало известно, что на 25 ноября в Минусинске созывается одновременно два крестьянских съезда: один Исполкомом крестьянских депутатов и другой Советом рабочих и солдатских депутатов. Это обстоятельство вынудило Совет вступить в переговоры с Исполкомом крестьянских депутатов по вопросу о созыве единого крестьянского съезда. Вступая в переговоры с Исполкомом крестьянских депутатов, Совет и парторганизация большевиков рассчитывали таким тактическим приемом вырвать середняцкие массы крестьянства из-под влияния правых эсеров. На это Совет и парторганизация вынуждены были пойти еще и потому, что они не смогли еще провести надлежащей работы по классовому расслоению деревни. Почти ничего не было сделано и по организации бедноты как опоры пролетарских масс в деревне в борьбе против кулака при одновременной нейтрализации середняков.

После довольно длительных переговоров, 16 ноября наконец состоялось соглашение между Советом и крестьянским исполкомом, в результате которого был создан «Временный объединенный исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Соглашение это является настолько интересным документом, что мы считаем нужным привести его полностью и остановиться на анализе отдельных пунктов.

«На основании резолюции Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов в состав его Исполкома приглашается Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов на условиях следующего соглашения: 1. Необходим немедленный переход государственной власти по всей стране к Советам

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов до установления государственного строя Учредительным собранием. 2. Необходимо образование в России объединенного социалистического министерства, ответственного перед Всероссийскими советами рабочих, крестьян и солдат. 3. Ближайшими задачами новой государственной власти должно быть: а) проведение в жизнь социальных и политических требований трудового народа, б) заключение демократического мира. 4. В Минусинском крае вся полнота государственной власти (до установления нового строя Учредительным собранием) должна принадлежать советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Минусинский совет действует в согласии с центральной советской властью. 5. Минусинский совет не вмешивается в хозяйственную деятельность органов местного самоуправления, поскольку эта деятельность не расходится с постановлениями центральной власти. 6. Для осуществления власти советов в Минусинском крае образуется объединенный исполнительный орган из десяти человек на равных началах—пять человек от Совета рабочих и солдатских депутатов, пять человек от Исполкома крестьянских депутатов».

В этом документе мы имеем платформу временного компромиссного соглашения между двумя враждебными силами. Такой платформой явилось признание обеими сторонами необходимости немедленного перехода государственной власти к советам, однако только до установления государственного строя во всей стране учредительным собранием. Правые эсеры в этот момент считали, очевидно, своепервое поражение в стране совершившимся фактом и потому пошли на компромисс, чтобы получить большинство в учредительном собрании и через него реставрировать буржуазную республику. Обращает внимание также 5-й пункт соглашения. Тут правые эсеры добились для себя известной свободы действий в местных органах самоуправления—в земстве и городской думе, которые получали благодаря этому возможность продолжать свою контрреволюционную работу, направленную к срыву мероприятий советской власти.

Временный объединенный исполком существовал только 10 дней, до открытия III съезда рабочих и крестьян края, причем параллельно с его деятельностью протекала напряженная работа Совета рабочих и солдатских депутатов. В состав Объединенного исполнительного комитета входили от Совета рабочих и солдатских депутатов—Плотников, Непомнящий, Сафьянов Михаил, Шаповалов и Булышев; от Исполкома крестьянских депутатов—Добров, Лаптев, Силин, Сивков и Хабаров. Председателем Объединенного исполкома был избран т. Плотников, товарищами председателя—Шаповалов и Сивков. Главным содержанием деятельности Временного объединенного исполкома была работа по подготовке III крестьянского съезда, назначенного на 25 ноября. Однако в результате настойчивых требований рабочей части Комитета на заседании последнего, 18 ноября, была оглашена телеграмма Петроградского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о переходе власти к советам и принято следующее постановление: «Признавать и проводить в жизнь все законы и декреты, издаваемые Советом народных комиссаров». Правые эсеры в тот момент еще имели своих представителей в Совете рабочих и солдатских депутатов и воздержались от нарушения только что заключенного соглашения, которым официально признавалась власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, хотя бы впредь до окончательного установления государственного строя в

стране учредительным собранием. Но уже на другой день, 19 ноября, на пленуме Совета рабочих и солдатских депутатов маски вынужденной лойяльности с правых эсеров были сорваны.

В этот день пленум Совета, заслушав доклад т. Плотникова о деятельности Исполкома с момента перехода власти к Совету, подверг детальному обсуждению вопрос об отношении к образовавшемуся в центре правительству народных комиссаров и принял следующую резолюцию, предложенную от фракции большевиков т. Непомнящим:

«Принимая во внимание, что Совет народных комиссаров был избран II Всероссийским съездом советов, что все законы, опубликованные им, имеют санкцию советов и наконец, что все эти законы не только не идут вразрез с интересами трудовой демократии, но, наоборот, они есть удовлетворение основных требований народа, Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов постановляет: 1) считать Совет народных комиссаров, являющийся исполнительным органом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, правомочной исполнительной властью большинства демократии; 2) все опубликованные этой властью законы немедленно проводить в жизнь; 3) всякое игнорирование этих законов и неподчинение им со стороны отдельных лиц и организаций Минусинский совет будет рассматривать как явление, идущее вразрез с интересами трудовой демократии».

Несмотря на весьма осторожный тон и формулировки о «большинстве демократии», «трудовой демократии» и т. д., эта резолюция задела за живое правых эсеров. Они в лице своих представителей в Совете Доброва и Злобиной не выдержали. Тщательно скрывавшиеся после соглашения с Исполкомом крестьянских депутатов ненависть и злоба к советской власти прорвались теперь наружу в резких истерических выступлениях против резолюции, предложенной Непомнящим. Председательствовавшему на заседании М. Сафьянову не раз приходилось останавливать зарвавшихся контрреволюционеров. Но это не помогло. В результате Добров и Злобина демонстративно покинули заседание, а через два дня после этого Совет получил следующее заявление от фракции правых эсеров:

«В Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов. Минусинская группа с.-р., обсудив вопрос о положении представителей партии в Минусинском совете рабочих и солдатских депутатов и находя: 1) что Минусинский совет Р. и С. Д. в связи с последними событиями в России занял чисто большевистскую позицию, признав правительство Ленина и Троцкого, всеми силами стремящееся в настоящую минуту удержать власть в своих руках, прибегающее для этого к системе правительственного террора, к гонениям на печать, грубым нарушениям неприкосновенности личности и вообще к мерам, свойственным скорее царскому правительству, чем правительству крестьянскому и рабочему; 2) что Совет, стремясь все время вмешаться в деятельность общественных и правительственных организаций, тем самым лишает их возможности вести возложенную на них работу и тем может расстроить хозяйственную жизнь уезда и города; 3) что в последнее время на заседаниях Совета, на митингах и собраниях льется грязь на партию с.-р., на центральный ее орган и на отдельных ее представителей; 4) что представители партии находятся в Совете в слишком незначительном количестве, чтобы оказать влияние на его деятельность; 5) что в то же время ответственность за деятельность Совета ложится и на партию эсеров, пока представители ее находятся фактически в составе Совета и 6) что своей тактикой Минусинский совет Р. и С. Д. вносит раскол в ряды революционной демократий, тем самым ослабляя ее в борьбе с контрреволюцией,—постановила: временно представителей партии из Минусинского совета Р. и С. Д. отозвать. Подписи: члены группы Василий Карцев, Петр Силин, Лидия Злобина».

Как видим, в этом типичном для эсеров, беспримерном по своей наглости и лицемерию заявлении была кратко изложена вся сущность правоэсеровской контрреволюционной программы. Как реагировал на это заявление Минусинский совет? Обсудив на пленарном заседании 21 ноября это заявление фракции правых эсеров, Совет вынес следующее лаконическое постановление:

«Ввиду того, что группа правых эсеров своим выходом из Совета подчеркивает свое нежелание считаться с большинством трудовой демократии, она тем самым исключает себя из лагеря борющихся рабочих, солдат и крестьян и переходит во враждебный лагерь».

Теперь против Совета выступали уже не отдельные эсеры, как это имело место с Добровым [1], который вместе с минусинской буржуазией организовывал забастовку интеллигенции в октябрьские дни, но вся группа правых эсеров, которая открыто вступила на путь контрреволюционной борьбы с пролетарской властью. Выход эсеров из Совета был поддержан и народными социалистами.

В издававшейся попом Владимиром Кузьминым контрреволюционной газете «Свобода и труд» появилась 23 ноября заметка, в которой сообщалось, что граждане большого старожильческого села Тесь в ответ на призыв Минусинского совета принять участие на предстоящем крестьянском съезде высказались, что они вместе с партией правых эсеров будут выступать против советской власти и намерены поддерживать Временное правительство Керенского, Коновалова и Терещенко.

Городская буржуазия, кулачество, старое царское чиновничество и значительная часть буржуазной интеллигенции приветствовали выход правых эсеров из Совета, злорадствовали по поводу приговора Тесинского общества и предсказывали провал большевиков на III крестьянском съезде.

Съезд открылся 26 ноября. По регламенту, установленному Временным объединенным исполнительным комитетом, съезд должен был открыть председатель Исполкома крестьянских депутатов, и по всем основным вопросам должны были выступать два докладчика—один от Совета Р. и С. Д. и другой от Исполкома крестьянских депутатов или партии правых эсеров. Всего было намечено обсудить и решить на съезде 12 вопросов, главными из которых являлись: 1) о переходе власти к советам и об отношении к Совету народных комиссаров; 2) об отнятии земель у помещиков и проведении декрета о социализации земли и 3) об организации советской власти в Минусинском крае.

Съезд был многолюден—от 36 волостей прибыло более 300 делегатов. Организация правых эсеров не только мобилизовала местные силы, но и пригласила из губернского центра своих сибирских лидеров—Ивана Казанцева, Юдина и др.

Учитывая значение Минусинского края в экономике Сибири и опираясь на опыт выборов в учредительное собрание, губернская организация правых эсеров задалась целью не сдавать здесь своих

---

[1] *Е. Д. Добров*, б. политический ссыльный. К сожалению, еще в 1933 г. числился в списках членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

позиций большевикам. Уверенность в победе поддерживалась у эсеров также тем, что в 1905—1907 гг. минусинское крестьянство почти целиком шло за ними, отдав голоса их партии при выборах в первую и вторую государственные думы.

Съезд открылся при переполненном зале городского театра. От имени Союза увечных воинов Г. Лебедев внес предложение обсудить первым вопросом доклад «о положении увечных воинов, организации их и о трудовой помощи им, их семьям и семьям убитых на войне». Большевики из тактических соображений поддержали это предложение, и оно было принято съездом.

В своем вступлении к обстоятельному докладу о помощи инвалидам войны т. Лебедев дал большевистскую характеристику мировой бойни.

В резолюции по докладу т. Лебедева съезд, наметив целую систему мероприятий помощи инвалидам войны, подчеркнул ряд важных моментов:

«Ввиду того, — говорится в резолюции, — что опубликованием тайных договоров открыты причина возникновения и цели войны и что увечные воины есть жертвы обмана и как более пострадавшие в этой войне имеют моральное право на поддержку и сочувственное отношение граждан, Минусинский съезд крестьянских депутатов, выражая свое самое горячее сочувствие несчастным жертвам войны, постановляет: вменить в обязанность новой народной власти, которая будет создана съездом, обратить самое серьезное внимание на то, чтобы нужды военноувечных и их семей были удовлетворены в полной мере.

Особенное внимание должно быть обращено на то, чтобы помощь увечным воинам главным образом падала *на имущие классы путем обложения доходов с их предприятий*».

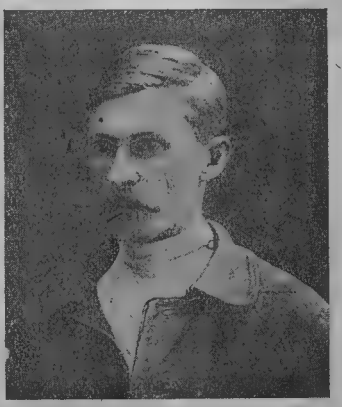
Съезд перешел затем к обсуждению текущего момента. Докладчиком от правых эсеров выступила Злобина, бывшая политическая ссыльная, дочь известного сибирского областника Ядринцева. Свой двухчасовой доклад, изобиловавший обвинениями большевиков в узурпации власти, в забвении интересов «союзников»—буржуазии Англии, Франции и Америки, в нарушении прерогатив Временного правительства и учредительного собрания, она дополняла крокодиловыми слезами о расколе рядов «революционной демократии», нарушении неприкосновенности личности, свободы печати, игнорировании прав земских и городских самоуправлений. Ее речь так часто прерывалась громкими репликами возмущенных делегатов съезда, что под конец она совершенно растерялась и стала истерически выкрикивать ругательства по адресу съезда. Закончила она свою речь возгласом «долой гражданскую войну». Жидкие аплодисменты кучки правых эсеров были ей ответом.

После Злобиной с докладом по текущему моменту от Совета Р. и С.Д. и фракции большевиков выступил т. Плотников А. И. Обычно скромный и незаметный на вид, он в моменты подъема обладал способностью с первых же слов приковывать к себе внимание слушателей. Отличительной чертой Плотникова было то, что он умел без крика и экзальтации подойти к противнику, разобрать по деталям все его

аргументы и затем спокойно и уверенно разбить его окончательно и бесповоротно. Съезд слушал Плотникова с затаенным дыханием, и когда он в ответ на истерический выкрик Злобиной закончил свой доклад словами: «Против помещиков и капиталистов! Да здравствует гражданская война!»—зал огласился несмолкаемым громом аплодисментов.

Правые эсеры тут же почувствовали, что их последняя ставка будет бита. Основная масса крестьянства, среди которой значительной прослойкой были бедняки и середняки, особенно из переселенцев и вернувшихся участников империалистической войны, поняла смысл Октябрьской революции и дружески протянула руку борющемуся пролетариату и его авангарду—Ленинской большевистской партии.

После Плотникова выступал лидер минусинских правых эсеров Добров, который рядом демагогических приемов пытался сгладить впечатление от речи большевистского докладчика, но его уже не пожелали дослушать до конца, и он вынужден был покинуть трибуну под крики—«Долой, изменники, прихлебатели буржуазии!» Такая же участь постигла и лидеров губернской организации Казанцева и Юдина.



Плотников Алексей. Руководитель минусинской организации большевиков и Совета. Председатель партийного комитета с марта 1918 г., член исполкома и военно-революционного штаба.

Все высказывавшиеся по текущему моменту крестьянские делегаты съезда проводили ту мысль, что гражданская война, происходящая в стране, является следствием империалистической войны и сопротивления советской власти со стороны помещиков и капиталистов, что только победа рабочих и крестьян сможет вывести народ из нищеты и страданий и навсегда уничтожить гнет помещиков и капиталистов, что только советы являются истинной формой власти рабочих и крестьян и что только при советской власти Сибирь перестанет быть колонией, из которой московские и уральские заводчики и фабриканты вытягивали жизненные соки, всячески препятствуя развитию промышленности на местном сырье.

Принятие резолюции по текущему моменту было отложено до рассмотрения 3-го пункта порядка дня—вопроса об организации советской власти в Минусинском крае.

Докладчиком по второму вопросу—о социализации земли—должен был выступить также правый эсер. Но «обиженные» приемом, оказанным им съездом, правые эсеры отказались от выступления. Тогда слово по этому вопросу было предоставлено докладчику от левых эсеров т. Пузанову Д. А. Местная левоэсеровская организация в основном сочувственно отнеслась к Октябрьскому перевороту и поддерживала большевиков во время подготовки к съезду, вследствие чего лидеры левоэсеровской группы Фаерман Е. Л. и Пузанов Д. А.

пользовались во многих случаях доверием минусинских большевиков. Об этом свидетельствует тот факт, что выпущенная к съезду газета «Известия» была составлена лидером левоэсеровской группы т. Фаерман.

Однако Пузанов в данном случае доверия не оправдал. Выступая докладчиком не только от левых эсеров, но также от Совета Р. и С. Д., он должен был изложить взгляды большевиков и левых эсеров на уничтожение помещичьего гнета, конфискацию всех частновладельческих, кабинетских и монастырских земель и объяснить сущность декрета советской власти о социализации земли. Вместо этого он стал рассказывать о различиях в аграрных программах эсеров и социал-демократов, подчеркивая при этом, что социал-демократы признают аренду земли, а эсеры утверждают, что земля ничья и никаких денежных сделок с ней совершать нельзя.

Делегаты съезда, услышав такую речь, сначала насторожились, а затем подняли невообразимый шум: «мы думали, что вы друг с другом столковались, а вы, оказывается, опять начинаете драку; только прогнали правых, а теперь левые начинают ругать большевиков; вы только нутаете нас; для чего вы нас собираете, когда вы толком ничего объяснить не можете» и т. д. Шум и выкрики еще более усилились, когда на помощь растерявшемуся Пузанову выступила Фаерман. Ее уже не хотели слушать, и она вместе с Пузановым под шум и выкрики—«надо расходиться, здесь делать нечего», вынуждена была оставить трибуну.

Одно время казалось, что съезд будет сорван. Правые эсеры подбивали делегатов покинуть во время шума заседание. Попытки президиума восстановить порядок оказались тщетными. Выступления Плотникова, Непомнящего и других большевиков также уже не действовали.

Тогда после длительного шума на трибуну взбирается, держа в руках проект резолюции по текущему моменту, делегат деревни Быстрой—кузнец К. Трегубенков [1] и решительным голосом требует, чтобы съезд его выслушал: «Товарищи, мы сами не маленькие. Мы собрались сюда, чтобы решить, какая власть поможет народу выйти из ужаса войны, восстановить хозяйство, сбросить гнет помещиков и капиталистов, засевших во Временном правительстве, разрешить наболевшие нужды крестьян и рабочих. Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки, выгнав с насиженных мест царских чиновников и комиссаров Керенского. Правильно ли он это сделал?» Съезд единодушно отвечает: «Правильно!».—«Должны ли мы, крестьяне, поддержать рабочих?»—«Поддержим»,—отвечают делегаты. «Так вот, товарищи, пусть они там спорят,—показывая на левых и правых эсеров, говорит оратор,—а мы будем в такой великий момент заниматься не спорами, а делом. Я предлагаю заслушать и принять резолюцию о переходе власти к советам. Послушайте меня».

---

[1] Впоследствии стал председателем Минусинского совета. В настоящее время директор Сталинградского тракторного завода.

В зале устанавливается полная тишина. Оратор внятно читает текст резолюции о переходе всей власти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Когда он доходит до слов: «что только такая власть советов может привести к скорейшему и справедливому миру», раздаются аплодисменты. Последние слова оратора покрываются громом аплодисментов. Раздаются голоса: «Ставь на голосование», «все понятно», «не надо обсуждать». Оратор предлагает проголосовать резолюцию. Съезд единогласно принимает ее. Вот полный текст этой резолюции:

«Обсудив вопрос о происходящей в настоящее время борьбе рабочих, солдат и крестьян против власти помещиков и капиталистов, III минусинский съезд крестьянских депутатов горячо приветствует борьбу угнетенных против своих угнетателей и присоединяет свои силы к лагерю борющегося трудового народа. Съезд считает: 1) что в этой борьбе вся власть из рук помещиков и капиталистов должна перейти в руки самих рабочих, крестьян, солдат и казаков, объединенных в советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов как в центре, так и на местах; 2) что только такая власть советов может привести к скорейшему справедливому миру; 3) что только такая власть самого народа может защитить трудящихся от гнета помещиков и капиталистов и 4) что только власть советов даст возможность Учредительному собранию проводить законы в пользу рабочих, крестьян, казаков и солдат и быть в своей законодательной деятельности верховным хозяином земли русской. Съезд постановляет, что до установления Учредительным собранием нового государственного порядка вся власть в Минусинском крае должна принадлежать Объединенному исполнительному комитету советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, в состав которого на пропорциональных началах должны войти крестьянские и казачьи представители и представители от рабочих и солдат. Крестьянские и казачьи депутаты избираются на местах от волостей, станичных управлений и инородческих управ по одному депутату от каждой волости и по одному кандидату к нему. Каждый крестьянский и казачий депутат может быть отозван во всякое время своими избирателями. Съезд вменяет в обязанность Объединенному исполнительному комитету советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов содействовать скорейшему созыву нового состава Совета крестьянских депутатов. До прибытия из волостей крестьянских депутатов съезд избирает из своей среды Временный исполнительный комитет в составе 10 человек. Съезд поручает Объединенному исполнительному комитету немедленно отпечатать настоящую резолюцию о власти для раздачи крестьянским депутатам, присутствующим на съезде, и для рассылки по волостям».

Принятие этой резолюции решило важнейший вопрос о вступлении основных масс минусинского крестьянства на путь поддержки советской власти.

После принятия резолюции по текущему моменту работа на съезде приобрела дружный, деловой характер. Правые эсеры ушли, левые эсеры больше не выступали.

Кроме намеченных 12 вопросов порядка дня съезд рассмотрел в текущих делах еще два: 1) об участии в Енисейском губернском исполнительном комитете советов и 2) о вознаграждении крестьянских депутатов. В заключение съезд выбрал 10 депутатов в Объединенный исполнительный комитет, которые должны были заменить 5 прежних представителей старого эсеровского Исполкома крестьянских депутатов.

Перед закрытием съезда новый Объединенный исполком отправил в Красноярск на имя А. Окулова телеграмму следующего содержания:

«Окончился крестьянский съезд, участников было около 300 человек. Крестьянство встало на путь революционной борьбы. Вынесены постановления— вся власть в Минусинском крае советам рабочих, солдатских и казачьих депутатов, немедленная передача земель народу, введение земельных комитетов под контролем советов. Образован Объединенный исполнительный комитет советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов».

Съезд закончился демонстрацией рабочих города и делегатов съезда. Делегаты съезда с революционными знаменами прошли через центр города к зданию Совета рабочих и солдатских депутатов, где они были встречены президиумом Совета и членами Исполкома. После кратких взаимных приветствий, в которых было высказано пожелание скорейшей победы пролетариата и крестьянства во всем мире, состоялось единодушное решение устроить вечером того же дня в городском театре митинг с участием делегатов съезда.

Трегубенков Кузьма.
Рабочий - кузнец. Председатель Минусинского совета, Исполкома и военно-революционного штаба.

Оценивая роль и значение III съезда, мы должны прежде всего иметь в виду то, что основные массы минусинского крестьянства выступили на поддержку советской власти ранее красноярской, канской и других групп крестьянства Енисейской губернии. Самый отдаленный район, находящийся от линии Сибирской железнодорожной магистрали в 400 километрах, оказался впереди. Как видно из корреспонденции, помещенной в № 4 газеты «Известия», крестьянский съезд в Красноярске открылся только 1 декабря в составе всего 46 делегатов от 14 волостей, тогда как там имелось 22 волости. Минусинский съезд закончил свою работу к 1 декабря. Таким образом он выступил как авангард бедняцко-середняцкой массы енисейского крестьянства в борьбе за советскую власть.

Съезд выявил реальное соотношение сил в минусинской деревне. Он показал, что громадное большинство трудящегося и эксплоатируемого крестьянства Минусинского края поддерживает лозунги большевистской партии. Тот факт, что тотчас же после съезда в селах Минусинского края развернулась классовая борьба и стали избираться советы крестьянских депутатов, красноречиво свидетельствует о проникновении лозунгов борьбы за советскую власть в широчайшие слои бедняцко-середняцкой массы крестьянства. Далее съезд показал, что громадное большинство минусинского крестьянства не верит больше партии правых эсеров, что вынудило последних отступить на позиции, которые ими не были заранее подготовлены. Правые эсеры попросту растерялись и некоторое время не знали, с какого конца начать контрреволюционную, подрывную работу. В таком же положении, как правые эсеры, оказались и другие контрреволюционные

организации; некоторые из них, как например народные социалисты, даже изъявили желание принять участие в выборах постоянных крестьянских представителей в Минусинский совет. Съезд окончательно подорвал в населении авторитет земства и городской думы и укрепил положение Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов. Съезд создал предпосылки к разрешению таких вопросов, как национализация овцеводческих экономий «Товарищества Алексеев и Четвериков» и подготовка мероприятий по проведению хлебной монополии. В условиях переживаемого страной продовольственного кризиса это являлось исключительно важным делом для всего пролетарского государства. Наконец велико было также значение съезда в деле борьбы с темнотой и культурным невежеством деревни, находившими свое выражение в самосудах, дебоширстве, самогонокурении и пр.

Дальнейшие события—выборы постоянных представителей в Совет, участие крестьянской бедноты в подавлении контрреволюционного восстания казачества, активная поддержка мероприятий Минусинской коммуны и работа сельсоветов на местах—показали, что сдвиги в пользу советской власти, выявившиеся на III съезде, оказались прочными и обеспечивающими установление диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством в Минусинском крае.

Глава V

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ И IV СЪЕЗД РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Конструирование Объединенного исполкома и отделов Совета

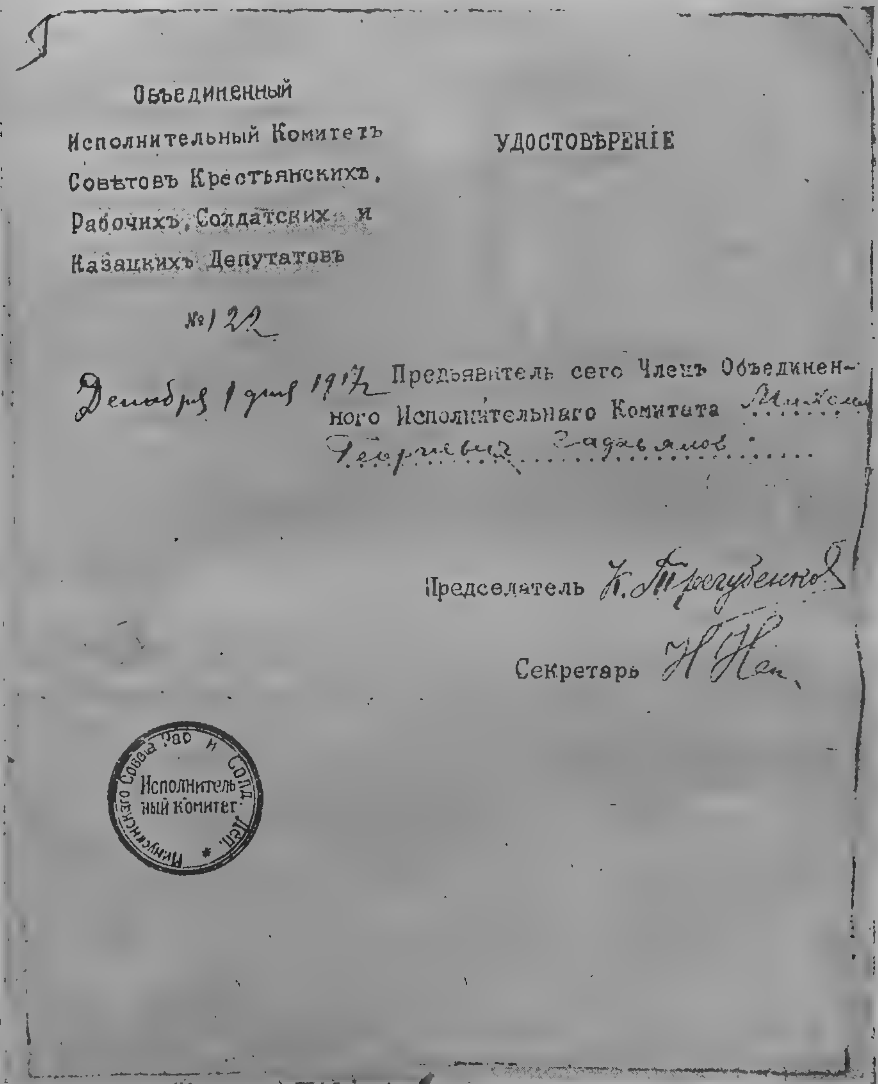
Объединенный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов начал работать еще во время III съезда рабочих и крестьян. Избранные съездом депутаты являлись временными представителями крестьянского населения края. Каждый депутат представлял 2—3 волости края. Для полного представительства крестьянского населения в Совете III съездом было принято решение избрать на местах от каждой волости по одному постоянному представителю в Совет. В дальнейшем при выборах постоянных крестьянских депутатов Совета избранная III съездом группа товарищей была почти вся вновь переизбрана. Получив полномочия от волостей, она работала в Совете вплоть до контрреволюционного переворота, происшедшего 24 июня 1918 г. Такая организация выборов депутатов от крестьянского населения в Совет объяснялась тем, что сельских и волостных советов еще не существовало, а советы рабочих депутатов на некоторых предприятиях края только еще приступали к своей работе и по самому характеру своему не могли посылать крестьянских депутатов.

Приняв на себя всю полноту власти, Объединенный исполнительный комитет немедленно приступил к конструированию своего президиума и отделов Совета. Выборы президиума не представляли особых трудностей, так как активные работники Коммуны и вновь избранные депутаты были известны прежнему составу Совета рабочих и солдатских депутатов и партийной организации большевиков. Новые депутаты, избранные на III съезде, выявили себя во время работ последнего.

В состав президиума Объединенного исполнительного комитета было избрано 7 человек: Трегубенков К. Е. (председатель), Плотников А. И. (секретарь), Фаерман Е. Л., Непомнящий Н. П., Сафьянов М. Г., Катаев Е. Н. и Мельников.

Создание отделов Совета было делом более трудным. И это вполне понятно. Ведь в то время еще не было совершенно никакого опыта в области организации аппарата советской власти. При создании отделов Совета Исполком руководствовался необходимостью скорейшего охвата важнейших отраслей управления и разрешения наиболее ак-

туальных задач, вставших перед советской властью в первый период после победы Октябрьской революции.



Объединенный
Исполнительный Комитетъ
Совѣтовъ Крестьянскихъ,
Рабочихъ, Солдатскихъ и
Казацкихъ Депутатовъ

№ 122

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Декабря 1 дня 1917 Предъявитель сего Членъ Объединенного Исполнительнаго Комитета Михаил Георгиевич Задавьялов

Председатель К. Трегубенко

Секретарь Н. Неп.

Исполнительный комитет

Удостоверение члена Объединенного комитета.

Были созданы следующие отделы Совета, которые вначале существовали в форме комиссий: 1) комиссия контроля над производством, 2) финансовая, 3) народного образования, 4) судебная, 5) редакционно-издательская, 6) административная, 7) военная, 8) по борьбе со спекуляцией, 9) по борьбе с анархией и контрреволюцией. Комис-

сия контроля над производством в дальнейшем превратилась в промышленный отдел. Финансовая, которая вначале была создана главным образом для ревизии банков и казначейства, вскоре была преобразована в финансовый отдел Совета. Военный отдел был создан из военной секции Совета рабочих и солдатских депутатов. Создание отдела по борьбе со спекуляцией диктовалось необходимостью борьбы с спекулятивной деятельностью частного капитала. Правильнее было бы этот отдел назвать отделом контроля над торговлей. В сущности он эти функции и выполнял. Но первое время название, данное отделу, имело немаловажное значение. Через два месяца этот отдел слился с промышленным и продовольственным отделами Совета. Создание отдела по борьбе с анархией и контрреволюцией было вызвано необходимостью борьбы с контрреволюционными выступлениями и самосудами, получившими большое распространение в сельских местностях края. Самосуды зачастую совершались под влиянием контрреволюционной агитации буржуазии, особенно деревенских кулаков. Принявшее широкие размеры самогонокурение как нельзя лучше содействовало беспорядкам и кулацкой контрреволюционной работе. Необходимость скорейшего прекращения контрреволюционных выступлений в крае, сопровождавшихся иногда прямыми призывами к борьбе против советской власти, заставили создать этот отдел. В дальнейшем, как только были организованы Революционный трибунал и административный отдел Совета, отдел по борьбе с анархией и контрреволюцией был упразднен. Функции остальных отделов, созданных Объединенным исполнительным комитетом, понятны. Эти отделы существовали, развертывая и улучшая свою работу до последних дней Коммуны.

В отделах Совета работали следующие товарищи: в финансовом—Сафьянов И. (зав. отделом), Харлашин, Ермолов, Карпов и Заикин; по контролю над производством—Чернов (зав. отделом), Булышев, Сиротинин, Герасимов, Непомнящий и Одыгашев; судебном—Пузанов (зав. отделом), Терентьев, Сафьянов И., Сафьянов М., Фаерман, Данилова, Русин и Майнагашев; в отделе народного образования—Непомнящий (секретарь), Клешнин (зав. отделом), Михайлова и др.; в отделе по борьбе с анархией и контрреволюцией—Бузунов (зав. отделом), Шаповалов, Пузанов, Сафьянов М. и Цимбал; в отделе по борьбе со спекуляцией—Бусоргин (зав. отделом), Лебедев Г., Кравченко, Черкашин и др.; военном—Корсак (зав. отделом), Лебедев Г., Глухих, Мельников и др.; в редакционно-издательском—СафьяновМ. (зав. отделом), Трегубенков, Фаерман, Катаев и Бушуев; в административном—Коль (зав. отделом), Кулигин, Кончаков и др. Многие члены Совета и Объединенного исполкома работали одновременно в нескольких отделах. Технические работники в большинстве случаев приглашались из числа членов профессиональных союзов с рекомендацией парторганизации большевиков или правлений профсоюзов. В качестве постоянных членов отделов должны были работать по возможности все члены Объединенного исполнительного комитета и Совета рабочих и солдатских депутатов. Такой порядок вызывался необходимостью вовлечения членов Совета и Исполкома—рабочих и крестьян—в активную советскую работу, имея

непосредственной задачей подготовку кадров строителей социалистического общества.

В дальнейшем, когда Объединенный исполнительный комитет был преобразован в Объединенный совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, созданный последним Исполком в большинстве своем состоял из заведующих отделами и членов президиума Совета. Такая организационная структура позволяла Совету и его президиуму быть в курсе работы всех отделов, облегчала руководство и согласование ее. А последнее обстоятельство было в особенности важно, так как функции отделов не были еще четко разграничены и только во второй период существования Коммуны практика работы провела это разграничение.

Рабочие, беднейшее население города, ремесленники, солдаты гарнизона, а также бедняцко-середняцкое крестьянство проявляли огромный интерес к работе Совета. По вечерам в здании Совета можно было встретить много людей, ожидавших пленарного заседания Совета или Объединенного исполкома и желавших послушать и посмотреть, как Исполком решает вопросы устройства новой жизни. Крестьяне в одиночку и партиями посещали Объединенный исполком, желая посмотреть новую власть, узнать и лично услышать, как Исполком работает и какими вопросами он занимается. Во избежание сутолоки президиум Исполкома объявил в газете «Известия» дни, когда будут происходить пленарные заседания, чтобы желающие присутствовать и знакомиться с работой Исполкома не теряли напрасно времени на ожидание заседаний.

Одновременно с вопросом о конструировании Объединенный исполком вынужден был заняться другим, на первый взгляд пустяковым вопросом, который сводился к подысканию подходящего помещения, где можно было бы разместить отделы Совета и иметь необходимые удобства для развертывания работы. Помещение, где находился до этого времени Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов, ни в коей мере не отвечало даже самым элементарным требованиям. Объединенный исполком выбрал здание, принадлежавшее владельцу винокуренного и сахарного заводов—Данилову. Сам Данилов в Минусинске не жил, и его домом пользовалась буржуазия и крупное чиновничество, превратив его в клуб картежной игры и кутежей. Дом этот был взят, а участники клуба оштрафованы. Исполком разместил здесь большую часть отделов Совета и свою канцелярию. Этот «захват» дома Данилова Исполкомом был первым шагом нарушения принципа частной собственности. Минусинская буржуазия пыталась не допустить занятия дома Исполкомом, опираясь на поддержку вольно-пожарного общества, членами которого состояли кутилы картежного клуба. Занятие дома и штраф, наложенный Исполкомом на членов клуба, послужили поводом для всевозможной клеветы на советскую власть.

Из сказанного однако совсем не должно следовать, что Объединенный исполком в первые дни своего существования занимался только этими внутренними, организационными вопросами. Параллельно с разрешением их шла другая, большая работа по осуществлению лозунгов Октябрьской революции и в частности по проведению в жизнь

решений III съезда рабочих и крестьян Минусинского края. Но без разрешения организационных вопросов была бы невозможна никакая другая работа.

Контроль над торговлей и борьба со спекуляцией

Недостаток промышленных товаров, особенно предметов широкого потребления, весьма остро ощущался в то время в Минусинском крае. На почве товарного голода быстро развивалась спекуляция. Известия об Октябрьской революции, события, происшедшие в центре и на линии Сибирской железной дороги, наконец переход власти в руки Минусинского совета были для буржуазии грозным предзнаменованием, тем более что до этого времени она еще ничем существенным в экономическом отношении не пострадала. Купцы и все спекулянты отлично понимали, что близок конец их господству, что со дня на день надо ожидать, что на их капиталы и товары будет наложена рука пролетарской власти, и это обстоятельство толкало их на самую отчаянную спекуляцию.

Неимоверное повышение цен путем задержки и сокрытия товаров на складах усиливало нужду бедноты города и деревни особенно еще и потому, что в это же время начали расти цены и на хлеб. Кулак не только не отставал от своего городского собрата, но часто даже обгонял его.

В связи с этим усилилась контрреволюционная агитация. Контрреволюционеры пытались всячески использовать ухудшавшееся положение рабочих и деревенской бедноты и повернуть недовольство вздорожанием жизни против советской власти.

Перед Объединенным исполкомом во всей остроте встал вопрос о решительной борьбе со спекуляцией. Разрешение этого вопроса осложнялось тем, что Исполкому не на кого было опереться в этой борьбе. У него не было возможности использовать местную кооперацию, которая находилась в полной зависимости от частного рынка, была крайне слаба и возглавлялась эсерами и меньшевиками, противниками советской власти. Исполком не имел в то время средств для организации своей государственной торговли. Больше того, у него в тот момент не было даже возможности организовать контроль над частной торговлей вследствие ее чрезмерной распыленности и слабости контрольного аппарата.

Не имея в своем распоряжении достаточных экономических и планово-регулирующих возможностей, Исполком вынужден был вести борьбу со спекуляцией с помощью судебных органов. Штрафуемые за спекуляцию торговцы находили множество всяких уверток, чтобы уклониться от уплаты штрафа. Поэтому надо было налагать аресты на товары и запрещать кредитным учреждениям выплачивать деньги по чекам штрафуемых торговцев. Иногда в целях обеспечения взыскания штрафа из касс торгующих предприятий изымалась дневная выручка. Для прекращения тайного вывоза спекулянтами товара из города к крупным магазинам и складам ставились караулы из красногвардейцев и посылались в магазины комиссары Объединенного исполкома.

Привлечение торговцев к судебной ответственности за спекуляцию предметами широкого потребления практиковалось довольно часто. Так в Революционном трибунале зачастую в одно заседание рассматривалось от 8 до 9 дел спекулянтов. Судебное преследование в большинстве случаев кончалось не только штрафом, но и конфискацией товаров, являвшихся объектом спекуляции, а иногда и тюремным заключением спекулянтов. Было немало случаев конфискации продававшегося по спекулятивным ценам товара в пользу общественных организаций и культурных учреждений города. Часть конфискованных товаров поступала в кооперацию для снабжения беднейшей части населения края.

Объединенный исполком в тот момент не ставил и не мог ставить себе задачу совершенно ликвидировать частную торговлю в крае. Он боролся со спекулятивным повышением цен на предметы широкого потребления и основные продукты питания. Исполком отлично понимал, что одними только административными мерами устранить частную торговлю невозможно, что нужны меры экономического порядка, а их-то в распоряжении Исполкома в тот момент было весьма недостаточно. Однако все же в результате принятых Исполкомом мер частная торговля была значительно ограничена, и бешеное вздувание цен прекратилось.

Мероприятия по укреплению финансового положения

Исполком, исходя из общей большевистской установки, отчетливо понимал, что в условиях пролетарской революции банки как жизненные нервы государства должны немедленно перейти в руки рабочего класса, должны быть национализированы.

Однако национализация банков в Минусинске в первые дни существования советской власти не была выполнена. Исполком ограничился постановлением произвести ревизию в отделениях Русско-азиатского, Сибирского и Кооперативного банков, а также поставить своих комиссаров в казначействе и в упомянутых банках. Комиссия Исполкома по ревизии банков обнаружила в Сибирском торговом банке спекуляцию золотом и конфисковала в этом банке 11 пудов лучшего по качеству золотого запаса, принадлежавшего владельцу Ольховского золотого рудника, известному сибирскому миллионеру Иваницкому. Конфискованное золото было немедленно отправлено в Красноярск и сдано там в отделение Государственного банка по указанию Губисполкома. Деньги за это золото впоследствии поступили в распоряжение Минусинского совета и были направлены на развитие мероприятий по национализации золотой промышленности в крае.

Как мы уже знаем, комиссия, образованная сначала для ревизии банков, была в дальнейшем преобразована в финансовый отдел Совета, через который Объединенный исполком стал проводить все финансовые мероприятия Коммуны.

В этот период в Минусинске ощущался большой недостаток денежных знаков и в связи с этим развилась спекуляция денежными знаками. Исполком принял через финансовый отдел ряд мер к предотвра-

щению исчезновения денежных знаков. Прежде всего была определена норма выдачи вкладов из казначейства. Вкладчикам, проживавшим в городе, было разрешено выдавать единовременно по 100 рублей в неделю, а вкладчикам сельских местностей до 400 рублей в месяц. Эта мера не распространялась на советские, партийные и профсоюзные организации. Если частным владельцам торговых и промышленных предприятий необходима была сумма выше указанной нормы, то они могли получить ее только с особого разрешения финансового отдела Совета. Все банки города и казначейство давали ежедневно финотделу сведения о наличности кассы.

13 декабря Объединенный исполком, заслушав доклад о задачах и работе финансового отдела, постановил пересмотреть кредиты на содержание: 1) минусинской таможни, 2) переселенческого управления, 3) чинов акцизного ведомства, 4) комиссаров Временного правительства, 5) управления работами по расчистке порогов на реке Енисей, 6) комиссара Урянхайского края, 7) администрации Усинской колесной дороги, 8) казачьей сотни в Урянхайском крае и 9) мировых судей. Финансовому отделу было поручено временно приостановить или совсем прекратить кредиты вышеперечисленным лицам и учреждениям, известив об этом Объединенный исполком. В отношении комиссаров Временного правительства и комиссара Урянхайского края было постановлено прекратить кредиты на их содержание немедленно.

Принятые Объединенным исполкомом меры по предупреждению исчезновения денежных знаков хотя и оказали положительное действие, однако не могли совершенно остановить этого процесса. Запросы в Красноярск о присылке подкрепления казначейству денежными знаками также результатов не дали. Тогда Объединенный исполком решил произвести принудительный заем у капиталистов. 30 декабря он выносит по этому поводу следующее постановление:

«Предлагается произвести принудительный заем у капиталистов города и уезда. В случае отказа необходимо применять решительные меры вплоть до конфискации имущества в пользу государства и заключения в тюрьму. Финансовому отделу поручается произвести подготовку к практическому осуществлению этого решения» [1].

12 января 1918 г. Объединенным исполкомом были назначены постоянные комиссары в минусинские банки: в Русско-азиатский — т. Кривобоков И., в Сибирский торговый — т. Бузулаев И. и в Минусинский банк Союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ — Пономарев А. Операции минусинского казначейства контролировались и регулировались непосредственно финансовым отделом. Назначенные в банки комиссары получили большие полномочия и вполне определенные указания о своих обязанностях. Они должны были: 1) наблюдать, чтобы выемки вкладов производились по установленным финотделом нормам и с соблюдением сроков, 2) следить за фактичес-

[1] Это и все остальные постановления Объединенного исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и Объединенного совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, приводимые в книге, цитируются по газете «Известия» Минусинского совета за 1917 и 1918 гг.

кой приостановкой выдачи денежных знаков тем учреждениям, которым эта выдача временно приостановлена или совершенно прекращена, 3) сообщать финотделу о суточных операциях банков с указанием денежных и иных остатков на следующее число, 4) установить особо тщательный надзор за операциями с золотом и 5) давать справки финотделу о вкладах различных лиц и предприятий.

Первые шаги советской власти в области финансовой политики четко выражали классовый пролетарский характер проводимых мероприятий. В отчете ликвидационной комиссии о деятельности Минусинского совета белогвардеец Ветров записал по этому поводу следующее:

«Военный налог на сверхприбыль, равно как и значительные по сумме штрафы и контрибуции Минусинский совдеп обычно взимал с состоятельных граждан. Для срочного выяснения состоятельности граждан финансовый отдел потрудился не мало».

На языке белогвардейцев буржуазия — это просто «состоятельные» граждане, и не больше.

Пузанов Дмитрий. Председатель финансового отдела Совета и Ревтрибунала.

Финансовая деятельность Объединенного исполкома вызвала волну контрреволюционных провокаций со стороны буржуазии. Во все концы края разносились сведения о грабеже «состоятельных граждан» Объединенным исполкомом. Кулаки в деревне жадно ловили эти слухи и ждали очереди, когда будут «ограблять» и их, после того как возьмут налог и контрибуцию с городской буржуазии. Больше всех старалась угодить буржуазии организация правых эсеров. Редактор газеты «Знамя труда» Лидия Злобина ежедневно помещала в своей газете гнусные инсинуации на Объединенный исполком за его финансовую политику.

Контроль над производством и борьба с безработицей

Подобно тому как это имело место по всей России, промышленная буржуазия Минусинского края встретила Октябрьский переворот в штыки. Повсюду начался наглый нажим на рабочих. Особенно он усилился после III съезда рабочих и крестьян. Этот съезд наряду с санкционированием перехода власти в руки советов принял постановление о национализации земли, фабрик и заводов. Минусинская буржуазия ответила на это постановление усилением нажима на рабочих. Буржуазия хотела добиться прежде всего приостановки работы всех промышленных предприятий и этим подорвать экономическую жизнь края. Конечно буржуазия имела намерение взвалить вину за приостановку работы промышленных предприятий на Минусинский совет.

Владельцы промышленных предприятий использовали всякие возможности, чтобы заставить рабочих уйти с предприятия. В этих целях задерживалась выплата зарплаты, уменьшалась, а затем и совершенно прекращалась выдача рабочим продовольствия и товаров из заводских лавок, сильно сокращалась норма топлива, выдававшаяся рабочим для отопления их квартир, и принимался ряд других мер, направленных к тому, чтобы заставить рабочих уйти с предприятия. Владельцы предприятий старались возможно скорее распродать готовую продукцию (медь, свинец, уголь и пр.) и вывезти с предприятий имеющиеся запасы продовольствия.

Нажим буржуазии естественно вызывал сильнейшее сопротивление со стороны рабочих, привел к ряду конфликтов и до крайности обострил классовую борьбу. Конфликты между рабочими и предпринимателями имели место на всех сколько-нибудь значительных предприятиях края. Особенную остроту они получили на Изыхских каменноугольных копях, медных рудниках «Улень» и «Юлия» и в типографиях города Минусинска.

В постановлении Объединенного исполкома от 18 декабря 1917 г. по докладу членов Совета Горностаева и Запасщикова, командированных на Изыхские каменноугольные копи, было констатировано, что администрация копей не только не заботилась о развитии предприятия, но, наоборот, всеми мерами стремилась заставить рабочих путем голода и всяких лишений покинуть копи.

Объединенный исполком в первый период своей деятельности, согласно общей установке того периода, осуществляя контроль над производством, ставил задачей: не допускать остановки работы на предприятиях, вести борьбу с расхищением имущества предприятий владельцами и бороться всеми мерами против ухудшения экономического положения рабочих. На заседании 22 декабря 1917 г. по докладу делегатов медного рудника «Улень» о ликвидации его владельцами—«Товариществом Алексеев и Четвериков» Исполком постановил:

«Принять все меры к тому, чтобы не закрывать производства, где свыше 600 человек рабочих. Телеграфировать в Красноярск губернскому комиссару труда о положении рабочих на руднике «Улень» и до разрешения этого вопроса запретить вывозить с рудника медь и все продукты, а также потребовать от администрации, чтобы она не прекращала работ на руднике. Для выяснения положения дела на месте делегировать тт. Шапошникова и Савищенко. Если будет получен отрицательный ответ от управления рудником, то рудник «Улень» должен немедленно перейти в руки государства совместно с другим разведочным рудником «Темирская группа».

Далее Исполком предложил Совету рабочих депутатов Черногорских каменноугольных копей установить контроль над деятельностью администрации и предписал отпускать деньги из казначейства на нужды копей с ведома Черногорского совета рабочих депутатов.

Обычно свою работу по контролю над промышленностью Объединенный исполком проводил в контакте с советами рабочих депутатов соответствующих предприятий. Так на заседании 12 января 1918 г. Объединенный исполком, заслушав сообщение финотдела о заявлении администрации медного рудника «Юлия» по поводу получения с Русско-азиатского банка денег за проданный свинец, при-

мял следующее постановление: «запросить по телеграфу Совет рабочих депутатов рудника «Юлия» о подтверждении заявления администрации рудника и сообщить, кому выдать деньги». Такая политика Объединенного исполкома бесспорно укрепляла позиции местных советов рабочих депутатов и поднимала их авторитет в глазах рабочих.

Рабочие типографии г. Минусинска предъявили владельцам требование об улучшении гигиенических условий труда и повышении зарплаты. Владельцы типографий сознательно затягивали разрешение этого вопроса. Рабочие забастовали. Исполком вынес по этому поводу решение, которым предписывал владельцам типографий в 24 часа удовлетворить требования рабочих.

Топливный кризис в Минусинске и борьба с ним Исполкома

С наступлением зимних холодов в Минусинске обнаружился острый недостаток топлива. Топливный кризис, бивший главным образом по рабочим и беднейшим слоям города, заставил Исполком провести ряд срочных и радикальных мероприятий. На заседании 11 декабря 1917 г. Исполком обязал городскую думу и продовольственную управу: «1) произвести учет имеющихся у жителей города запасов дров и, если окажется у состоятельных лиц большой запас таковых, то, оставив им количество, достаточное на 2 месяца для отопления кухни и жилых комнат, остальные дрова реквизировать по твердой цене и передать в городскую продовольственную комиссию для продажи беднейшим жителям города; 2) отпускать из запасов городского угля только школам, больницам, приютам, милиции и беднейшему населению города; 3) продовольственной комиссии сделать немедленно подъезды к заготовленным городом дровам в Ничкинском бору; 4) мобилизовать всех принадлежащих городскому самоуправлению лошадей, а также лишних лошадей пожарной команды и, если можно, прикупить еще лошадей и, организовав обоз, послать его за углем и дровами; 5) обязать всех жителей города, имеющих годных к работе лошадей и не живущих только заработком от них, немедленно же отправить их за углем и дровами бесплатно, а всех, работающих на лошадях и живущих заработком от них, послать за углем и дровами за соответствующую плату; 6) лиц, не желающих ехать за дровами или имеющих лошадей выездных и негодных к работе, обложить особым налогом по 15 рублей на каждую лошадь; 7) оповестить сельское население об имеющейся работе по подвозу дров и угля в город за плату по 50 копеек пуд на расстояние 30 верст; 8) считать, что невыдача угля из городского запаса владельцу электростанции Вильнер не может служить причиной прекращения работ электростанции, и если владелец прекратит работу, то подвергнется самой строгой ответственности; 9) на всех капиталистов города наложить в ближайшее время особый налог для доставки угля и дров; 10) поручить финансовому отделу и отделу контроля над производством срочно разработать план доставки дров и угля в город в необходимом количестве за счет имущих классов».

Наряду с этим Исполкомом было проведено еще одно мероприятие, оказавшее значительное влияние на ликвидацию топливного кризиса. Для постройки ж.-д. станции Абакан было заготовлено большое количество строевого леса. Ввиду чрезвычайной медленности постройки как самой дороги, так особенно станционных сооружений, главным образом деревянных, заготовленный и сплавленный к станции по реке лес долгое время находился в воде и, занесенный в половодье илом, оказался совершенно негодным для постройки. Исполком вынес постановление о том, чтобы подгнивший или начавший гнить лес изрезать на дрова (для разрешения топливного кризиса в городе) и пригласить на эту работу рабочих, уволенных с постройки Ачинск-Минусинской ж. д., которая была прекращена вскоре после перехода власти к советам вследствие саботажа акционерного общества, производившего постройку дороги. Рабочие охотно взялись за распиловку леса на станции Абакан, так как это избавляло их от безработицы.

Все указанные мероприятия, настойчиво проводимые в жизнь, дали возможность быстро ликвидировать топливный кризис в городе, грозивший приостановкой работ промышленным предприятиям, общественным организациям и государственным учреждениям. Существовавшая среди строительных рабочих безработица была ликвидирована привлечением на работу по распиловке леса и устройству подъездных путей к дровам.

Подводя итоги сказанному о контроле над производством в описываемый период, следует подчеркнуть, что, несмотря на саботаж предпринимателей, благодаря принятым Исполкомом мерам ни одно из крупных предприятий остановлено не было. Это имело большое не только хозяйственное, но и политическое значение.

Национализация рудников и каменноугольных копей

Провокации, саботаж предпринимателей, а также хищения с их стороны вынудили Объединенный исполком ускорить проведение национализации промышленных предприятий. Объединенный исполком стремился осуществлять это мероприятие таким образом, чтобы не только не сокращалось производство, но по возможности развивалось и вместе с тем улучшалось положение рабочих на предприятиях.

Как проводилась национализация предприятий, показывают следующие примеры.

5 декабря 1917 г., разбирая конфликт между рабочими и администрацией Изыхских каменноугольных копей, Исполком вынес решение—взять копи в руки пролетарского государства и делегировал туда двух товарищей для приема предприятия от администрации. После возвращения командированных товарищей и доклада их на пленуме Исполкома последний принял ряд конкретных решений, связанных с национализацией Изыхских копей: 1) весь запас угля и инвентарь конфисковать в пользу государства, 2) немедленно улучшить положение рабочих и принять меры к развертыванию производства, 3) передать управление копями отделу по контролю

над производством, 4) поручить отделу по контролю над производством немедленно затребовать от управляющего копями Голубина сдачу конторы копей, планы отвода и чертежи копей, 5) затребовать от бывшего владельца копей Узунова копию договора, заключенного им при продаже своих копей Мокроносову, 6) в качестве управляющего копями послать комиссара от Исполкома, специалиста, знакомого с горным делом, 7) в случае обнаружения злоупотреблений на копях привлечь прежнего управляющего копями к революционному суду и 8) назначить на копи комиссаром т. Шкунова».

17 января 1918 г. состоялось постановление Исполкома о национализации солеваренного завода «Форпост». Это постановление было поручено провести в жизнь члену президиума Совета т. Катаеву. Комиссаром на завод был назначен член Совета Цимбал. Вырученные от продажи соли деньги должны были поступать в Минусинский совет и Батеневскому совхозу, только что в то время организованному и находившемуся в весьма тяжелом материальном положении. В данном случае к хищническому способу действий администрации (распродажа соли, прекращение работ, разрушение производства) прибавлялась еще большая задолженность окрестному крестьянству за произведенные им сезонные работы. Крестьян обманывали ежедневными обещаниями уплаты заработанного, но эта уплата неизменно откладывалась. Администрация завода, узнав о национализации его, сбежала, не дав отчета Совету о своей работе.

Одновременно с этим произошла национализация медного рудника «Улень».

Как уже ранее упоминалось, получив сведения о саботаже администрации на медном руднике «Улень» и учитывая возможность полной остановки работ на этом важнейшем предприятии края, Совет командировал туда своих представителей—Шапошникова и Савищенко, которые должны были выяснить на месте возможности дальнейшей работы рудника под контролем Минусинского совета. Администрация рудника не пожелала и слышать об этом. Вернувшиеся с рудника товарищи доложили, что администрация все свои действия направляет на скорейшую ликвидацию рудника. Заслушав это сообщение, Совет принял решение о переходе рудника «Улень» в общенародное достояние и назначил туда комиссаром т. Шапошникова[1]. Таким образом этот рудник был национализирован, причем не было допущено ни одного дня перерыва в производстве. Финансирование производства было поручено финансовому отделу Совета, который должен был кроме того заниматься реализацией поступающей к нему с рудника меди.

Подготовительная работа к национализации другого крупного медного рудника края—«Юлии» началась с первых дней Октябрьской революции, но затянулась вследствие невыясненности вопроса о сбыте продукции меди. Вопрос о национализации рудника «Юлия» был решен после национализации в Красноярске крупных фабрик и заводов, являвшихся в известной мере потребителями минусинской меди.

---

[1] Меньшевик-интернационалист. С первых дней Октябрьского переворота активно работал в Объединенном исполкоме и Совете—был комиссаром Совета на руднике «Улень». Умер от тифа в колчаковском застенке.

Вскоре после «Юлии» были национализированы самые крупные в крае каменноугольные копи—Черногорские, национализация которых ставилась в зависимость от национализации енисейского пароходства, являвшегося крупным потребителем угля Черногорских копей и обеспечивавшего бесперебойную доставку угля на линию Сибирской ж. д. Медные рудники «Улень» и «Юлия» и Черногорские каменноугольные копи, наряду с Абаканским металлургическим заводом и Ольховским золотым рудником, являлись наиболее крупными предприятиями в крае, и национализация их имела большое политическое значение.

Вопрос о национализации Ольховского золотого рудника осложнился и затянулся. После конфискации Объединенным исполкомом золота, принадлежавшего владельцу Ольховского рудника и хранившегося в Сибирском торговом банке, администрация и служащие рудника повели усиленную агитацию против советской власти, которая якобы, конфискуя золото, лишает владельца возможности продолжать работу на руднике и ведет к тому, что рабочие могут остаться без работы. Одновременно с этой агитацией администрация начала развивать усиленную, хищническую добычу золота, прекратила разведывательные работы и начала сокращать подвоз продуктов питания и товаров на рудник.

Национализация рудника прежде всего оттягивалась тем, что Исполком долго не мог получить из Красноярска деньги за конфискованное в Сибирском банке золото, которые необходимы были для заготовок продовольствия и развертывания работ на руднике после его национализации. Для рабочих рудника причины оттяжки национализации были непонятны, конфискация же золота рассматривалась некоторыми из них как подрыв производства. Делегированные на рудник представители Объединенного исполкома не смогли как следует разъяснить рабочим всех вопросов, связанных с национализацией рудника.

2 января Объединенный исполком по докладу представителей, ездивших на рудник, вынес следующее постановление: «добытое на руднике золото конфисковать, вопрос о национализации оставить открытым до получения денег из Красноярска».

Это было уже совсем неправильным решением. Надо было конфисковать не золото, а рудник со всем запасом золота, продовольствия и товаров, предварительно разъяснив рабочим значение национализации как лучшего способа развертывания производства и улучшения их материального положения. Этой важнейшей работы среди рабочих проведено не было. Рабочие попрежнему оставались вне влияния со стороны Минусинского совета и парторганизации большевиков и, предоставленные самим себе, не могли понять, что хочет сделать Совет с предприятием, на котором они работают. Администрация и служащие рудника, воспользовавшись таким положением, подчинили большинство рабочих своему влиянию, и выступление меньшинства рабочих в защиту национализации рудника поддержано не было. В результате при обсуждении вопроса о национализации Ольховского рудника на заседании Исполкома 10 января 1918 г. представители рабочих этого рудника

настаивали на оставлении прежней администрации и отказались решать вопрос о конфискации рудника в пользу государства. Правда, эта делегация рабочих рудника бо́льшей частью состояла из служащих и администрации, но все же мандаты они имели от общего собрания рабочих.

Было бы правильнее, если бы Минусинский совет национализировал Ольховский рудник, не ожидая получения денег из Красноярска. Для этого имелась полная возможность.

Совершенно необычное отношение рабочих к национализации Ольховского рудника объяснялось их изолированностью, медлительностью Исполкома в вопросе о национализации, а также меньшевистской агитацией на руднике. Это был единственный случай отрицательного отношения к национализации со стороны рабочих в Минусинском крае. Рабочие всех остальных национализированных предприятий края и предприятий, которые только подготовлялись к национализации, весьма сочувственно относились к этому мероприятию и принимали активное участие в подготовке перехода предприятий в руки государства.

Для характеристики отношения рабочих к национализации промышленных предприятий приведем постановление общего собрания рабочих Изыхских копей. В пункте 1 и 4 этого постановления говорилось следующее:

«*Пункт 1.* Собрались сегодня на общее собрание по случаю приезда на копи т. Шкунова, постоянного комиссара—управляющего от Объединенного исполнительного комитета, из доклада которого мы видим, что Изыхские копи окончательно перешли в собственность государства. Приветствуем такое постановление Минусинского объединенного исполнительного комитета советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и благодарим его за заботы об улучшении нашей жизни и развертывании производства. Постараемся всеми силами прилежно и добросовестно работать и помогать Совету всеми имеющимися у нас средствами. Надеемся, что сумеем справиться с возложенными на нас обязанностями не хуже, чем прежние управляющие, ставленники буржуазии, работа которых заключалась только в получении жалованья. *Пункт 4.* Товарищу комиссару, управляющему копями, Василию Ивановичу Шкунову назначаем жалование 300 рублей в месяц как специалисту и работнику, число часов которого не ограничено, ввиду той разрухи, какая наблюдалась у нас на копях за последнее время, благодаря небрежному отношению к исполнению своих обязанностей бывшего управляющего. Просим Исполнительный комитет наше настоящее постановление утвердить» [1].

Национализация овцеводческих имений «Т-ва Четвериков—В. Алексеев» и организация первых совхозов в крае

Перед мировой войной 1914—1918 гг. на территории Минусинского края образовались крупные овцеводческие имения «Товарищества Четвериков и В. Алексеев». Три большие экономии этой фирмы—Алтайская, Батеневская и Учумская с десятками тысяч прекрасных тонкорунных мериносовых овец занимали лучшие сенокосные и пастбищные угодья края и пахотные участки земли. Окрестные крестьяне в летнюю сенокосную пору, бросая иногда собст-

[1] Цитируется по газете «Известия» Минусинского совета.

венный покос, ехали в эти экономии косить сено по найму (небольшими артелями по нескольку домохозяев), прельщаясь заработком и обещаниями администрации. Благодаря этому они сами оставались на зиму без сена, терпели огромные лишения, покупая корм для лошадей и рогатого скота зимой на базаре в Минусинске. Сотни сенокосилок окрестных деревень работали каждое лето на сенокосах «товарищества». Многие крестьяне-бедняки брали в экономиях задатки на покупку сенокосилок или лошадей и тем окончательно закабаляли себя, оставаясь на долгое время неоплатными должниками кредиторов. Люди на тяжелой работе быстро изматывались, лошади худели, сенокосилки от усиленной работы и недостатка масла перегревались и портились, сбруя рвалась. На все это уходило много времени и сил, и заработки едва покрывали расходы по ремонту. Большинство крестьян возвращалось домой без копейки денег, потеряв возможность убрать свой сенокос и оставались на долгую сибирскую зиму не обеспеченными кормами для своего скота. Таковы были результаты ежегодных поездок на работу в экономии «товарищества». «Товарщество» богатело, экономии расширялись, количество овец росло. Перед войной «товарищество» имело серьезное намерение построить в Минусинске большую суконную фабрику.

Еще в самом начале своей деятельности, 15 декабря 1917 г., Объединенный исполком вынес постановление о национализации овцеводческих экономий «Товарищества Четвериков и В. Алексеев». В проведении этого мероприятия Исполком руководился декретом Совета народных комиссаров и постановлениями III съезда рабочих и крестьян Минусинского края. Администрации, служащим и рабочим экономий было предложено оставаться на своих местах и работать в предприятиях, перешедших в собственность пролетарского государства. Для приема экономий была создана комиссия из членов Исполкома, которой поручалось приглашать для участия в работе сведущих надежных специалистов. После приема экономий были назначены от Минусинского совета постоянные комиссары: на Алтайскую экономию—т. Герасимов, Батеневскую—т. Харлашин и на Учумскую—комиссар по соглашению Минусинского и Ачинского советов. После решения Минусинского объединенного исполкома о национализации экономий от Ачинского совета была получена телеграмма о том, что он считает необходимым взять Учумскую экономию, находящуюся на территории Ачинского уезда, в свое ведение. Минусинский объединенный совет 17 января 1918 г. постановил: «Учумскую экономию в распоряжение Ачинского совета не передавать и продолжать работу по национализации экономии». Это постановление Совета было вызвано тем, что вмешательство Ачинска приостанавливало работу по национализации и давало возможность прежней администрации многое скрыть от советской власти. Отказываясь передать экономию Ачинскому совету, Минусинский совет действовал вполне правильно, так как этим решением не допускалось искусственного дробления единого хозяйства на части, и кроме того быстро и бесперебойно осуществлялись мероприятия по национализации экономий. Впоследствии Ачинский совет

согласился с доводами Минусинского совета, и невыгодного с экономической точки зрения разделения крупного хозяйства на части не произошло.

Мероприятия по борьбе с продовольственными затруднениями

Мероприятия по разрешению продовольственных затруднений в крае и обеспечению продовольствием Красноярска, а также центральных промышленных городов страны являлись важнейшими задачами Объединенного исполкома и Совета в описываемый период. От разрешения этих задач зависела дальнейшая судьба советской власти в стране. Выходом из острого продовольственного кризиса являлось введение государственной хлебной монополии во всей республике. Минусинский исполком стал заниматься этим вопросом с первых дней своего существования. Основная задача состояла в том, чтобы путем введения хлебной монополии удовлетворить нужды беднейшего населения деревни и рабочих края и дать возможно больше хлеба центру.

Существовавший в Минусинске Продовольственный комитет не вел совершенно никакого учета хлеба и даже не знал, в каких волостях имеются наибольшие хлебные запасы. Нужно было принять срочные меры по учету хлеба. Это было необходимой предпосылкой для введения хлебной монополии. Необходимо было развернуть широкую разъяснительную кампанию о значении хлебной монополии. 21 декабря 1917 г. газета «Известия» поместила чрезвычайно тревожную телеграмму из Красноярска следующего содержания:

«Нами получена с фронта срочная телеграмма от делегатов армии. В армии жиров совершенно нет, скот на исходе, крупа, мясо, фураж и другие продукты прибывают из центральных губерний в крайне ограниченном количестве. Муки совсем нет. Сухарей остается на 1—2 дня. Реквизиция хлеба у местного населения фронта невозможна: оно само голодает. Лошади усиленно падают. Положение катастрофическое. Комиссия армейского снабжения с дивизионными комитетами обращается ко всем гражданам с просьбой дать армии хлеб и спасти наших братьев и сынов от голодной смерти. Именем голодающей армии предлагаем содействовать выполнению плана и отрешиться от узкого местного взгляда, вредящего делу продовольствия».

Медлить было нельзя. Положение требовало проделать в самое кратчайшее время огромную работу. Нужно было развернуть целую сеть пунктов для приема и ссыпки хлеба, удобных для вывоза гужевым транспортом к реке Енисею. Нужны были свои люди для работы на этих пунктах. Требовались агитаторы для посылки в отдаленные места в целях разъяснения мероприятий, связанных с подготовкой хлебной монополии. Главное затруднение, которое было весьма трудно преодолеть, заключалось в отсутствии учета и переписи хлеба по селениям. На Минусинском крае как главном поставщике хлеба в Средней Сибири было сосредоточено все внимание. Имевшиеся в крае запасы хлеба обязывали Объединенный исполком заняться этим вопросом в первую очередь. Продовольственный комитет не имел средств для закупочных операций; он был слабо связан с периферией и не мог справиться с колоссальными задачами по заготовке продовольствия.

23 декабря 1917 г. Объединенный исполком принял следующее решение:

«Принять все меры к тому, чтобы крестьянскому населению Минусинского края была в кратчайший срок разъяснена необходимость переписи и учета хлеба для представления материалов на съезд рабочих и крестьян, который должен окончательно решить вопрос о введении хлебной монополии. Обратиться к населению всего Минусинского края с воззванием. Послать делегатов в те волости, где встречаются препятствия к проведению хлебной переписи, и после окончания переписи созвать съезд, на котором окончательно решить вопрос о введении хлебной монополии».

Несмотря на большую помощь в работе, которую оказывал Исполком Продовольственному комитету, и несмотря на то, что Продовольственный комитет на словах старался выполнить свое решение «о необходимости согласовывать свою деятельность с директивами Объединенного исполкома», становилось совершенно очевидным, что ему с работой не справиться. Продовольственный комитет был совершенно не популярен среди населения. Дух бюрократизма и казенщины мешал проявлению необходимой инициативы и настойчивости отдельных руководящих работников Продкомитета, пытавшихся наладить работу, но у которых ничего из этого не выходило. К середине декабря в крае было подготовлено открытие шести ссыпных пунктов: в селах Идринском, Новоселовском, Шалоболинском, Курагинском и Белоярском. И больше ничего существенного сделано не было. Между тем волостные земские собрания выносили решения о содействии Совету в проведении хлебной монополии в жизнь. На общем собрании Маломинусинской волости 17 декабря 1917 г. было принято единогласно решение способствовать проведению в жизнь хлебной монополии. Такие же сведения поступали от других волостей. Однако, несмотря на это, дело с заготовкой продовольствия продвигалось вперед очень медленно.

Это побудило Минусинский совет вынести 17 января 1918 г. постановление о передаче продовольственного дела в крае в ведение продовольственного отдела Совета, который был образован 18 января. С этого момента все продовольственное дело в крае сосредоточивается в ведении органов советской власти. Результаты такой реорганизации быстро сказались. Стали налаживаться и крепнуть связи с периферией, более успешной становилась работа командированных представителей на места по учету и переписи хлебных излишков, начала лучше выполняться разъяснительная работа среди крестьянской массы населения и т. д. Крестьянские депутаты Совета стали рассылать своим избирателям письма о необходимости поддерживать мероприятия советской власти по учету и переписи хлеба и проведению в жизнь хлебной монополии.

Организация судебных органов

В условиях крайне обостренной классовой борьбы и активной мобилизации сил контрреволюции особенное значение приобретало создание пролетарского суда. Необходимо было как можно скорее заменить буржуазный суд пролетарским.

Широкие трудящиеся массы с нетерпением ждали создания нового суда. Старый суд служил лишь интересам господствующих классов. Недаром среди рабочих и деревенской бедноты была весьма распространена пословица: с сильным не борись, а с богатым не судись.

Нет надобности останавливаться на всех тех безобразиях, которые творились судами в царское время и в период керенщины. Даже после установления советской власти суды первое время продолжали судить по-старому.

Было совершенно очевидно, что необходимо провести срочные мероприятия для замены старых судов и организации всего судебного дела по-новому. Однако Объединенный исполком не имел в своем распоряжении людей, которыми можно было бы немедленно заменить хотя бы часть мировых судей края. Поэтому он не ставил первое время вопроса о коренной реорганизации суда во всей его полноте. По отдельным вопросам избирались особые комиссии с судебными функциями, которые после выполнения проделанной ими работы распускались. Так 18 декабря была создана такая комиссия для разгрузки минусинской тюрьмы и организован ряд других комиссий.

Пономарев Александр. Комиссар Совета в банке, первый советский судья и член парткомитета большевиков.

И только 29 декабря Объединенный исполком вынес наконец определенное решение по судебному вопросу. В связи с опубликованием в газете «Известия» декрета Совета народных комиссаров о суде, Исполком постановил немедленно провести его в жизнь. Для проведения в жизнь декрета была избрана комиссия из пяти человек.

Порученную работу комиссия выполнила к назначенному сроку.

Заслушав доклад комиссии, Исполком решил избрать председателя, товарища председателя и секретаря Революционного трибунала, произвести запись 42 очередных заседателей, избрать две следственные комиссии по три человека в каждой и с 12 января 1918 г. открыть деятельность Революционного трибунала. Первым народным судьей города Минусинска был избран старый большевик, бывший политический ссыльный А. Н. Пономарев, который занимал этот пост до последних дней Коммуны.

Еще раньше, 11 января, Исполком постановил упразднить институт мировых судей по всему краю. Для приемки дел от них были командированы комиссары в села: Бейское—Кравченко, в Абаканское и Новоселовское—Корсак, в Ермаковское—Горностаев, Курагинское — Крючков. Приемка дел от городских судей была поручена Революционному трибуналу. 16 января судебный отдел Совета был пополнен рядом товарищей—Русиным, Даниловой, Плотниковой

и др., которые работали затем в нем до последних дней Коммуны. В половине января работа по организации судебных органов пролетарской власти в Минусинском крае была в основном закончена.

Борьба с городской думой и земством

В состав Минусинской городской думы, избранной после Февральской революции, входили в подавляющем большинстве представители буржуазии, отъявленные контрреволюционеры. Во время Октябрьского переворота они возглавляли думу. Дума активно выступала против Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов. Когда протест, которым она угрожала Совету, не оказал своего действия и «забастовка» чиновников и учителей была ликвидирована, дума перешла к скрытой борьбе против Совета. Неоднократно делались попытки не подчиниться решениям Совета и Объединенного исполнительного комитета и работать самостоятельно, независимо от существующей советской власти в крае. 30 ноября 1917 г. дума назначила перевыборы гласных. «Эти перевыборы,—говорилось в постановлении думы,—будут производиться по спискам избирателей, участвовавших в выборах в учредительное собрание и земство». Сначала Совет на это постановление думы не обратил должного внимания. 11 декабря 1917 г. Исполком, обсуждая вопрос о топливном кризисе, предложил думе немедленно провести в жизнь ряд конкретных мероприятий, направленных к ликвидации кризиса и имевших в виду разрешить этой кризис за счет сил и средств буржуазных слоев населения города. Дума сделала попытку уклониться от выполнения этого постановления Исполкома, ссылаясь на нарушение им «демократических» прав. Но эта попытка ни к чему не привела: в конце концов дума вынуждена была подчиниться решению Исполкома. 12 января 1918 г. Совет, заслушав доклад своего представителя в избирательной комиссии думы, установил, что в списках отсутствуют 18-летние граждане, которым постановлением советской власти было предоставлено право голоса при выборах в думу. Это вынудило Исполком потребовать от думы отсрочить перевыборы и дополнить избирательные списки 18-летними гражданами. Дума была вынуждена подчиниться решению Совета.

Земство в Сибири было создано только после Февральской революции 1917 г., поэтому в представлении некоторой части середняцкого крестьянства это учреждение являлось крупнейшим революционным завоеванием. Это затрудняло немедленную ликвидацию земства.

Политика Исполкома и Совета в отношении земства в первое время сводилась к тому, чтобы до известного момента, т. е. до создания и укрепления соответствующих отделов Совета и изменения настроения крестьянской массы, земства не упразднять, а вести через него работу, подчинив его деятельность своему руководству и контролю.

Если работа городской думы ограничивалась пределами города, то влияние земства было значительно шире, оно было связано с периферией и оказывало влияние на работу волостных и сель-

ских сходов. Правые эсеры пытались использовать земские учреждения края в своих контрреволюционных целях. Агитация эсеров в данном случае сводилась к тому, что III съезд рабочих и крестьян допустил «непоправимую ошибку», избрав наряду с земством Совет крестьянских депутатов, и тем создал в крае двоевластие. «Ведь,—доказывали эсеры,—те же крестьяне избирали и земство, которые посылают теперь своих представителей в Совет». Этой контрреволюционной агитации очень скоро стали давать на местах решительный отпор вернувшиеся с фронта солдаты. Они разъясняли бедняцко-середняцкому крестьянству истинный классовый смысл земства.

Эсеры, работавшие в земстве и земельном комитете, вступили скоро на путь открытого противодействия мероприятиям советской власти в крае, используя для этого свое положение в этих учреждениях. В первых числах декабря Минусинский земельный комитет, руководимый эсерами, разослал волостным земствам циркуляр, в котором объявлял декрет советского правительства о социализации земли «безусловно вредным» и предписывал его в жизнь не проводить. Исполком 29 декабря 1917 г. выступил с разоблачением этого контрреволюционного циркуляра и вынес следующее постановление:

«1) признать циркуляр земельного комитета противоречащим решению III съезда о земле и вносящим раздор в среду минусинского крестьянства; 2) предложить земельному комитету издать немедленно второй циркуляр в отмену первого с разъяснением, что первый циркуляр не соответствует постановлению III съезда о земле и что земельный комитет будет впредь работать под контролем Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Минусинского края, причем редакция второго циркуляра должна быть утверждена Исполнительным комитетом».

Контрреволюционная затея эсеров, пытавшихся использовать земельный комитет и земские собрания на местах в своих контрреволюционных целях, окончилась провалом.

Борьба с контрреволюционными выступлениями

Первые шаги своей деятельности в Минусинском крае пролетарская диктатура совершала в условиях ожесточенной борьбы с оголтелой буржуазно-кулацкой и кадетско-эсеровской контрреволюцией. Буржуазия, попы, кулаки, зажиточная часть казачества и их идеологи—кадеты, народные социалисты и правые эсеры, ненавидевшие советскую власть,—всеми способами проявляли свое враждебное отношение к советской власти и всем ее мероприятиям. Буржуазия спекулировала, закрывала предприятия. Контрреволюционное мещанство и буржуазная интеллигенция распускали нелепые слухи о Совете и его работе. Кулаки и попы в деревне вели свою подрывную работу. Борьба против диктатуры пролетариата началась с первых же дней существования советской власти в крае и ни на минуту не прекращалась.

Правые эсеры, потерпевшие поражение на III съезде рабочих и крестьян, разослали по деревням свой «отчет» об этом съезде, полный лжи и клеветы на советскую власть и на самый съезд. В конце

этого «отчета» они приглашали крестьянство присылать приговоры сходов по поводу решений, принятых III съездом. Этот маневр был весьма скоро раскрыт газетой «Известия», разоблачившей эсеровскую затею и гнусную ложь эсеровского «отчета» о III съезде. Вряд ли эсеры получили желательные для них протоколы сходов. Во всяком случае бесспорно одно, что противопоставление эсеровского земства Совету на первых же порах потерпело крах. В конце декабря Минусинским союзом кредитных товариществ был разослан контрреволюционный циркуляр в связи с установлением Советом народных комиссаров контроля над Московским народным банком, призывавший крестьян протестовать против такого контроля и посылать немедленно телеграммы протеста на имя Всероссийского учредительного собрания.

Циркуляр имел явно погромный характер; составлен он был секретарем союза И. П. Бедро.

29 декабря Объединенный исполком постановил: «лиц, подписавших циркуляр контрреволюционного содержания, арестовать». Это решение было немедленно приведено в исполнение, и контрреволюционеры из числа правых эсеров и народных социалистов, составившие и подписавшие циркуляр, были посажены в тюрьму. Еще раньше, вскоре после демонстрации, проведенной Советом в ознаменование «Дня советов» (17 декабря), по городу стали усиленно распространяться контрреволюционные слухи провокационного характера. Слышались призывы к разгрому винных складов, шли разговоры о формировании белой гвардии, которая должна скоро выступить против советской власти, распространялись слухи о готовящемся в ночь под рождество нападении на Исполком. Все это создало весьма нервную обстановку и вынудило Исполком принять 27 декабря 1917 г. следующее решение:

«Ввиду распространяющихся за последнее время по городу слухов о заговоре контрреволюционеров с целью разгрома советских учреждений, Объединенный исполнительный комитет предлагает устроить утром 28 декабря 1917 г. вооруженную демонстрацию рабочих и солдат гарнизона».

Увидев единодушное и сплоченное выступление на демонстрации рабочих и солдат во главе с Объединенным исполнительным комитетом, убедившись в готовности гарнизона каждую минуту встать на защиту советской власти, контрреволюционеры прикусили языки, и провокационные слухи и разговоры на время затихли. Однако в это время началась нелегальная контрреволюционная работа. Как выяснилось впоследствии[1], слухи об организации «белой гвардии» имели под собой реальную почву. В Минусинск съезжалось тогда много офицеров с фронта, которые начали организовываться под видом «офицерского союза увечных воинов». В тот момент в городе уже существовал Союз увечных воинов, стоявший на платформе советской власти и всегда оказывавший Совету решительную поддержку. Вновь

[1] В конце июня 1918 г., после контрреволюционного переворота в Минусинске белогвардейские газеты писали о подпольных организациях буржуазии, возникших еще в декабре 1917 г.

организовавшийся «офицерский союз увечных воинов» был приглашен вступить в уже существующий Союз, так как было нецелесообразно создавать две параллельные организации. Однако офицерство категорически отказалось вступить в Союз увечных воинов, чем сразу же выявило свое контрреволюционное лицо.

В описываемый период времени в г. Томске собрался «чрезвычайный сибирский областной съезд «демократических организаций», который постановил созвать свое сибирское учредительное собрание, в котором местная буржуазия видела спасение от советской власти. До образования нового постоянного автономного управления Сибири «чрезвычайный съезд» постановил избрать временную сибирскую областную думу с законодательной властью по местным делам. Временная областная дума должна была открыть свои заседания 7 января в г. Томске. Состав думы устанавливался следующий: депутатов от советов солдатских, рабочих и крестьянских, а также от фронтовых организаций, союзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих намечалось 167 человек; от казачьих войск—11; от городских и земских самоуправлений—50; от национальностей Сибири—47; от кооперации—22 и от высших учебных заведений—8 человек. «Чрезвычайный съезд» избрал временный сибирский областной совет, которому была поручена власть до созыва областной думы. Председателем совета был избран известный сибирский областник Потанин, членами—правые эсеры Новоселов, Дербер, Шатилов и Захаров. Минусинский совет, обсудив на заседании 2 января 1918 г. вопрос об участии в сибирской областной думе, вынес резко отрицательную резолюцию и категорически отказался послать в эту думу своих представителей.

На том же заседании Совета и Объединенного исполкома обсуждался вопрос и об отношении к Всероссийскому учредительному собранию. По этому вопросу была принята следующая резолюция:

«Обсудив вопрос о власти советов и власти Учредительного собрания, объединенное заседание Исполнительного комитета и Совета рабочих и солдатских депутатов постанавляет: Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и их всероссийские съезды должны твердо стоять на страже интересов трудового народа, и в том случае, если Учредительное собрание пойдет против трудового народа, такое Учредительное собрание должно быть распущено советской властью».

Борьба, развернувшаяся вокруг выборов в учредительное собрание, создала в свое время ему некоторую популярность в минусинской деревне. Даже в среде небольшой части рабочих и деревенской бедноты, поддерживавшей при выборах в учредительное собрание большевиков, имелись кое-какие надежды на учредительное собрание, которое якобы может разрешить ряд вопросов в пользу рабочих и беднейших крестьян. После III съезда рабочих и крестьян края, на котором бедняцко-середняцкой массой была принята советская власть, авторитет учредительного собрания стал быстро падать. Внимание крестьянского населения все больше и больше стало сосредоточиваться на деятельности советской власти как центральной, так и местной. Контрреволюционные выступления правых эсеров, с которыми в представлении крестьянской массы связывалось

учредительное собрание, весьма сильно способствовали падению авторитета учредительного собрания. Крестьяне говорили: «эсеры, выступая против советской власти у нас, в Минусинском крае, имея большинство в учредительном собрании, будут и в дальнейшем выступать против советской власти и никогда не признают советы верховной властью государства; учредительное собрание будет бороться против советов и не утвердит законы и порядок, установленные советской властью, и тем самым пойдет против интересов трудового народа, против интересов крестьянства». Такие настроения среди крестьянства получили большое развитие. И когда Объединенный исполком опубликовал свое постановление о том, что если учредительное собрание пойдет против трудового народа, то оно должно быть распущено советской властью,—это не вызвало возражений в крестьянской среде. А когда через несколько дней после этого появились сообщения о роспуске учредительного собрания, то ни одного сколько-нибудь организованного и открытого выступления в защиту учредительного собрания или протеста против роспуска его в Минусинском крае со стороны крестьянства не было.

Мероприятия по усилению вооруженных сил Совета

Как обстояло в этот момент дело с вооруженной силой Совета, на которую он мог бы в случае необходимости опереться и которую мог бы без риска применить для подавления контрреволюционных выступлений в крае? Силы, которыми располагали в описываемый период Объединенный исполком и Совет, были совершенно недостаточны и с количественной и с качественной стороны. Необходимы были срочные и решительные меры по организационному и политическому укреплению гарнизона и по переводу его на устав Красной гвардии. Если минусинский гарнизон во время Октябрьского переворота вместе с Красной гвардией, состоявшей из беспартийных рабочих и членов парторганизации большевиков, представлял собой весьма внушительную с количественной стороны и вполне надежную в политическом отношении силу, то через полтора месяца после этого сила эта значительно ослабла. Произошло это главным образом вследствие демобилизации солдат старших возрастов, а в дальнейшем в результате роспуска гарнизона медицинской комиссией, которая при увольнении по болезни намеренно выбирала наиболее сознательных из солдат. Начальник гарнизона Ладыгин действовал заодно с врачебной комиссией. Создавая искусственно тяжелые материальные условия в казарме, начальник гарнизона вынуждал солдат итти на медицинское освидетельствование и получать бессрочный отпуск или увольняться со службы навсегда. Вместе с тем гарнизон ощущал большой недостаток в теплом зимнем обмундировании.

10 декабря 1917 г. Объединенный исполком вынес следующее постановление о создавшемся положении в гарнизоне:

«Все приказы, распоряжения и действия начальника гарнизона должны согласовываться с действиями военной секции Совета, которая должна прочно организовать местный гарнизон. Все спорные вопросы и недоразумения между военной секцией и начальником гарнизона должны решаться Объеди-

ненным исполнительным комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов».

Через несколько дней после этого Объединенный исполком решил численно увеличить гарнизон путем добровольного привлечения на службу политически сознательных элементов из солдат, ранее служивших в местном гарнизоне. Кроме того был принят ряд мер по улучшению материальных условий гарнизона. Для усиления вооружения гарнизона Исполком договорился с военной секцией Совета о посылке в Ачинск и Красноярск делегатов для получения винтовок русского образца и патронов к ним с таким расчетом, чтобы весь гарнизон был вооружен одной системой винтовок.

21 декабря 1917 г. Исполком постановил переименовать рабочую гражданскую милицию в Красную гвардию и выбрал комиссию в составе пяти человек для разработки устава Красной гвардии. В этом решении Исполкома отмечалось, что при приеме в Красную гвардию должны тщательно проверяться принимаемые и не допускаться лица из враждебного лагеря. 27 декабря Исполком принял устав Красной гвардии и утвердил доклад комиссии по этому вопросу. Ряды красногвардейцев стали пополняться новыми лицами. Обычно прием изъявивших желание вступить в Красную гвардию и подавших заявление об этом производился на общих красногвардейских собраниях. Если рекомендации были недостаточны, то заявления отклонялись. Рекомендации требовались от партийной (большевистской) организации или профсоюзов и, в крайнем случае, допускались рекомендации нескольких членов Совета и Исполкома.

Занявшись организацией Красной гвардии, военная секция Совета почти прекратила политическую работу в гарнизоне. Поступавшие на службу в гарнизон по призыву Исполкома солдаты встречались там недружелюбно, а иногда даже враждебно. Назначенный вместо саботажника контрреволюционера Ладыгина новый начальник гарнизона большевик Безматерных оказался недостаточно энергичным организатором и с ролью начальника гарнизона не справлялся. У некоторой части гарнизона, наиболее отсталой, политически неразвитой, появилась тяга к дому, и это проявлялось временами настолько сильно, что порождало ослабление дисциплины в гарнизоне и действовало разлагающе на весь гарнизон. Объединенный исполком вынужден был принять самые решительные меры по восстановлению революционной боеспособности гарнизона.

Этим вопросом специально занялись председатель Исполкома Трегубенков К. и секретарь Плотников А. Был назначен день общего собрания гарнизона. После краткого доклада о задачах советской власти и состоянии гарнизона солдатам было предложено построиться в казарме. Председатель Исполкома обратился затем к солдатам со следующим предложением:

«Те, кто желает оставаться добровольно служить, беспрекословно подчиняться указаниям своих начальников и защищать советскую власть с оружием в руках в любой момент, пусть подходят с винтовкой и записываются на листе бумаги; всем же колеблющимся, не желающим служить, предлагаю положить винтовку и отойти в сторону».

Это подействовало на многих так сильно, что некоторые колеблющиеся со слезами на глазах стали просить оставить их, давая при этом обещание в том, что они будут соблюдать дисциплину, защищать советскую власть и т. д. Однако просьбы о принятии на службу колеблющихся были удовлетворены в очень немногих случаях и только под поручительство наиболее сознательных и дисциплинированных солдат. Остальные были немедленно уволены. После этого случая гарнизон начал быстро укрепляться. Исполком в целом уже не стал уделять столько внимания вопросам о гарнизоне, как было раньше, и снова занялся им лишь по получении известий о движении атамана Сотникова на Минусинск, когда вся советская работа в Минусинском крае была перестроена на военный лад.

IV съезд рабочих и крестьян края

Не прошло и двух месяцев со времени III съезда рабочих и крестьян края, как вновь возникла потребность в созыве нового съезда. Две основные причины определили созыв IV съезда рабочих и крестьян края. Первая—это события в центре в связи с роспуском учредительного собрания и созывом съезда советов в Петрограде, и вторая—возникновение ряда практических вопросов, имевших огромное значение для укрепления советской власти в Минусинском крае. Необходимость созыва мотивировалась в извещении Исполкома о созыве съезда[1]. В этой мотивировке говорилось:

«Товарищи! Враги народа, помещики, капиталисты и вся буржуазия подняли знамя восстания против власти трудового народа, против советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Корнилов, Каледин и другие черносотенные генералы, поддерживаемые буржуазной партией народной свободы (кадетами), силой оружия хотят захватить власть в свои руки. С этой целью они желают использовать Учредительное собрание, чтобы с его помощью уничтожить советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для того чтобы противодействовать такому покушению на советскую власть и заставить Учредительное собрание работать под контролем советов, в интересах трудового народа, одновременно с открытием Учредительного собрания в Петрограде созывается Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ввиду важности происходящих событий и в связи с целым рядом вопросов местной жизни, Исполнительный комитет постановил созвать IV съезд рабочих и крестьян края на 21 января 1918 г. в 10 часов утра в помещении депо добровольно-пожарного общества».

В порядок дня IV съезда были поставлены следующие вопросы: 1) текущий момент (о происходящих событиях), 2) об организации волостных и сельских советов крестьянских и солдатских депутатов, 3) о рабоче-крестьянской Красной гвардии и всеобщем вооружении трудового народа, 4) о Революционном трибунале и местных судах, 5) о хлебной монополии, 6) о кожевенной монополии, 7) доклад о деятельности Объединенного исполкома, 8) доклад о деятельности земства, 9) о взаимоотношениях земства, городского само-

[1] По существу IV съезд был так же, как и III, съездом представителей волостей, а не делегатов советов, так как их организация не была еще полностью проведена на местах. Тем не менее он обладал теми же функциями высшего органа в крае, какими обладают съезды советов в нашем теперешнем понимании.

управления и Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и 10) текущие дела. В дальнейшем во время работ съезда два вопроса—о кожевенной монополии и доклад земства—были сняты.

Принятые съездом резолюции имели большое политическое и практическое значение для укрепления авторитета советской власти в крае и в значительной степени облегчили дальнейшую работу Минусинского совета. Если III съезд рабочих и крестьян принял важнейшие политические решения о переходе власти в руки советов, о национализации промышленности, о социализации земли и др., то IV съезд наряду с разрешением больших политических вопросов решил ряд практических, весьма важных дел и дал развернутую программу дальнейшей работы Совета и Исполкома. По первому вопросу повестки дня съезд принял решение, одобрявшее деятельность советского правительства в отношении разгона учредительного собрания, которое встало на путь борьбы с советами. По вопросу об организации сельских и волостных советов было принято «положение», выработанное Объединенным исполнительным комитетом и определявшее состав, компетенцию, права, обязанности и порядок деятельности сельских и волостных советов[1]. По вопросу, о Красной гвардии, съездом был принят устав, предложенный Советом, и высказано принципиальное пожелание о проведении практических мероприятий, направленных к осуществлению всеобщего вооружения трудового народа. Далее, съездом были санкционированы мероприятия Совета в области организации революционного суда и принято положение о народно-революционном суде. Съезд высказался за проведение хлебной монополии в крае и принял ряд практических решений по осуществлению этого мероприятия. По докладу Объединенного исполкома была принята резолюция, полностью одобрявшая деятельность Исполкома и намечавшая дальнейшую работу Объединенного совета. Наконец был разрешен вопрос о взаимоотношениях между Советом и земством, которое, как мы уже знаем, делало неоднократные попытки противопоставлять себя Совету. Съезд постановил, что земство должно безоговорочно работать под руководством и контролем Совета. Такое же решение было принято и в отношении городской думы, к тому времени уже прекратившей открытое сопротивление мероприятиям советской власти.

Если на III съезде рабочих и крестьян края при обсуждении некоторых вопросов раздавались отдельные голоса против большевиков и Совета, то IV съезд был вполне единодушным, большевистским съездом. По своему социальному составу он состоял из представителей бедняцко-середняцкой массы крестьянства. Работа съезда проходила весьма дружно, чувствовался большой подъем и искреннее желание разрешить все наболевшие вопросы. Делегаты съезда весьма серьезно относились к каждому пункту порядка дня и вносили много ценных предложений, желая своим участием помочь в разрешении задач, стоящих перед советской властью.

---

[1] Это «положение» приводится в приложениях к книге полностью.

Глава VI

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН [1]

Мероприятия советского правительства, направленные на уничтожение господства помещиков и капиталистов и ликвидацию сословных привилегий, не могли не коснуться верхушечной части казачества, которая в борьбе царского самодержавия против широких трудящихся масс являлась одной из его опор. Исторически сформировавшаяся военная каста казачества, пользовавшаяся различными привилегиями самодержавия, была в лице своей верхушки верным сторонником и защитником того строя, который его создал. Казачья военная сила, применявшаяся при самодержавии для борьбы с «внутренними врагами», в ходе развития Октябрьской революции сыграла исключительную, контрреволюционную роль. Конечно из этого общего правила были и исключения, которые следует отнести за счет наиболее обездоленной части казачества, шедшей рука об руку со всем трудовым народом, но основная масса казачества была именно тем элементом, на который опирались все его вдохновители, начиная «от махровых казачьих атаманов» и кончая «социалистом» от контрреволюции—Керенским.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Минусинской коммуне пришлось вести усиленную борьбу против местной казачьей контрреволюции, которая по своему существу являлась лишь только «звеном» общей цепи контрреволюционных выступлений против Октябрьской революции. Было бы совершенно неправильным отрывать движение енисейского казачества против Минусинского совета от происходивших в то время как в Советской России, так и за границей событий. Наоборот, весь ход этих событий, вся их хронология как бы тянули контрреволюционную нить к енисейскому казачьему дивизиону, на который возложена была «ответственная задача»—в *далеком Минусинском крае создать своего рода плацдарм для движения против сибирских советов.*

Вкратце события того времени развивались следующим образом. В ноябре 1917 г. в Москве ликвидируется белогвардейское вос-

[1] V чрезвычайный съезд являлся съездом представителей селений, а не делегатов Советов, но по существу, как и предыдущие съезды, он обладал верховной властью в крае, какой обладают теперь съезды советов.

стание; в Финляндии под Выборгом происходят бои против контрреволюционных сил; появляется на сцену реакционная Центральная рада на Украине; в декабре ликвидируется ставка Духонина; одновременно с этим идут бои с корниловцами; в Петрограде происходит контрреволюционное выступление и раскрывается заговор кадетов; в это же время Калединым захватывается Дон; органами советской власти раскрывается заговор эстонских баронов. Сибирь в это время также испытывала на себе напор контрреволюционных сил, стремившихся уничтожить молодую советскую власть. В декабре 1917 г., в период начавшегося объединения сибирских советов, усиленно развивается контрреволюционное движение в Забайкалье под командой известного бандита атамана Семенова, а в самом Иркутске происходит выступление белогвардейцев и юнкеров, подавленное вооруженной силой советов.

Таким образом мы видим, что контрреволюционные силы страны, видя перед собой призрак коммунистической революции во всем мире, принимали все от них зависящее для подавления Октябрьской революции, используя для этого в своей контрреволюционной борьбе казачество как военную силу.

Непосредственной причиной к выступлению енисейского казачьего дивизиона, находившегося в то время в Красноярске, и к походу его на Минусинск был конфликт между дивизионом и Губисполкомом, возникший в результате отказа дивизиона выполнить предписание командующего войсками Иркутского военного округа о переходе на мирное положение.

Справочник по г. Красноярску на 1923 г. дает следующее описание этого конфликта:

«Во второй половине января 1918 г. в Красноярске снова делается контрреволюционная попытка. На этот раз орудием ее явился казачий дивизион, штаб которого отказался выполнить предписание командующего войсками Иркутского военного округа о переводе дивизиона на мирное положение и проявил по отношению к местной власти явно враждебное отношение. Местные эсеры стремились дать организацию этому выступлению, и с этой целью комитетом партии эсеров велась определенная агитация. Но Исполком принял решительные меры, и контрреволюционная попытка была быстро ликвидирована. Казачий дивизион, не пожелавший подчиниться распоряжению военно-революционного штаба, бежал из города во главе с атаманом Сотниковым (эсер) в пределы Минусинского уезда, где вся эта авантюра и была вскоре окончательно ликвидирована силами Минусинского совдепа».

Картина конфликта, конечно в соответствующем освещении, отчасти описана в заметке минусинской эсеровской газеты «Знамя труда» № 8 от 14 февраля 1918 г., посвященной закрытию эсеровского клуба в Красноярске. Из нее мы узнаем, что:

«20 января в окне клуба партии социалистов-революционеров появилось объявление атамана енисейских казаков Сотникова, в котором излагался ход событий и указаны были те условия, на которых казаки смогут возвратиться обратно в город. Енисейское казачество заявляло, что оно всегда было против вооруженных столкновений и хотело лишь, чтобы в его внутреннюю жизнь никто не вмешивался, что оно власти Совета не признает, и если Красноярский совет рабочих и солдатских депутатов не откажется от мысли разоружить енисейское казачество, то они объявят всеобщую мобилизацию, оставив за собой полную свободу действий. Вскоре же после появления этого объявления в клуб

явился отряд красногвардейцев, который сорвал объявление, арестовал всех находящихся там и отправил их в военно-революционный штаб. Социалисты-революционеры свой клуб закрыли»[1].

О серьезности положения, создавшегося в Красноярске, свидетельствует постановление Енисейского губернского соединенного исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, текст которого приводим здесь полностью:

«Вследствие неисполнения штабом казачьего дивизиона распоряжения командующего войсками Иркутского военного округа,—гласило постановление,—о приведении дивизиона на мирное положение и сдаче оружия в свои части, Исполнительный комитет предлагает штабу казачьего дивизиона в течение двух часов сдать оружие представителям Военно-революционного комитета и привести дивизион на мирное положение. Настоящее предложение распространяется и на расформированный офицерский корпус. Если настоящее предложение не будет выполнено, будет применена вооруженная сила. Город *объявляется на осадном положении*. Главное командование возлагается на Военно-революционный штаб. Настоящее постановление входит в силу с 7 часов утра 18 января 1918 г.»

Однако это постановление осталось голой фразой, за которой не последовало никаких реальных революционных шагов для реализации предъявленных дивизиону требований.

Нельзя поэтому согласиться с автором справочника, считающим, что «Исполком принял решительные меры» для ликвидации контрреволюционной попытки. Следует признать, что необходимых мер для ликвидации этого контрреволюционного выступления Красноярск своевременно не принял, хотя у него были для этого все возможности. Бесспорно, что в этом вопросе Енисейский губисполком сделал грубейшую ошибку, выпустив дивизион в пределы Минусинского края, зная, что там сосредоточено до 75% всего казачества губернии и что у Минусинского совета нет достаточных вооруженных сил.

К моменту выступления дивизиона в пределы края Минусинский совет, строго говоря, не имел вооруженной силы, так как бывший до этого в городе гарнизон был распущен, а Красная гвардия состояла из 8—9 десятков почти необученных товарищей-рабочих и членов местной партийной организации. Отсутствовали пулеметы, орудия, а также не было подготовленного командного состава.

Красная гвардия находилась в стадии формирования. Отсюда совершенно ясно, что первые шаги Совета должны были свестись к всемерной оттяжке времени, которая позволила бы собрать необходимые силы для отражения контрреволюции.

О намерениях казачьего дивизиона красноречиво говорит поистине исторический документ, попавший в руки Минусинского совета благодаря чрезвычайно любопытному обстоятельству, на котором необходимо остановиться. Однажды в Исполком явилась местная мещанка Путилова, которая до этого была известна Совету как ярая противница советской власти и большевиков, по ее выражению «отобравших от нее дочь Пашу»[2]. Ее дочь была активным

[1] Газета «Знамя труда» № 8 от 14 февраля 1918 г.
[2] Погибла в 1918 г. от рук контрреволюционеров.

членом местной партийной организации большевиков, и на этой почве у нее были постоянные ссоры с матерью. Постепенно мать Путилова однако стала менять свои взгляды и мириться с советской властью. Боязнь за судьбу дочери стала боязнью за советскую власть. Вот этот мотив личного характера и побудил ее явиться в Исполком и заявить, что к ней заехал знакомый казак, у которого «что-то не все ладно». Казак этот оказался правой рукой атамана Сотникова, председателем войскового управления енисейского казачества—И. Г. Казанцевым[1].

Казанцев приехал в Минусинск конспиративно и конечно не случайно заехал к Путиловой. Путилова была казачкой из сел-

Здание минусинского казначейства, где помещался Исполком и Военно-революционный штаб во время похода Сотникова на Минусинск.

станицы с Казанцевым. Рассчитывая на эту связь, он хотел, очевидно, начать работать по организации контрреволюционных сил и остаться незамеченным.

По приезде он ушел в баню, оставив Путиловой свои бумаги и оружие. Как только он ушел, Путилова познакомилась с бумагами и поняла его истинные намерения. Она немедленно направилась к своей квартирантке Липинской, матери активной боль-

[1] После ликвидации сотниковского мятежа Казанцев И. Г. бежал, пробрался в Читу к Семенову, получил там чин генерала и впоследствии—в 1920—1921 гг.—вместе с известным бароном Унгерном отступил в Монголию, где сделался уполномоченным Унгерна и командующим особым отрядом, наступавшим несколько раз на Танну-Туву. Будучи разбит весной в 1921 г. тувинскими партизанами, Казанцев с остатками своего отряда присоединился к банде ген. Бакича и вместе с ней наступал на Танну-Туву в декабре 1921 г. В бою под Атамановкой Казанцев был убит.

шевички Ксении Липинской, подруги Паши, за советом. Обе они решили немедленно поставить в известность Исполком, что и было сделано. Исполком сейчас же послал несколько товарищей для обыска и ареста Казанцева. Была устроена в квартире засада. При возвращении Казанцева из бани он был схвачен и со всеми документами доставлен в Исполком, откуда был препровожден в тюрьму.

Среди документов Казанцева было найдено письмо к казачьему офицеру Иннокентию Безрукову, местному жителю. Текст этого письма приводим здесь полностью:

«Здравствуй Варламыч! Двигаюсь к тебе с войском, очень рад, что ты перевелся в войско. Сиди и жди нашего прибытия или извещения. Я пошлю тебе извещение, когда выехать к нам навстречу, а куда — скажет податель сего. Пока же не сиди, сложа руки, а подготовляй минусинцев. Выясни следующее: 1. Отношение фракции эсеров. 2. Отношение эс-де меньшевиков. Губернские комитеты этих партий всецело согласны с моей тактикой, оказывают поддержку, просят о ней; уездные комитеты несомненно должны сделать то же самое. 3. Партии к.-д. народной свободы. 4. Всех общественных организаций, конечно, за исключением большевистских. 5. Финансового мира (кооперативы, купечество и т. д.). Платформа наша и цели указаны в воззваниях, которые прилагаю. 6. Количество оружия в гарнизоне и боевых припасов. 7. Гарнизон: а) караульная команда, состав ее, настроение, б) красная гвардия, количество, степень организованности. 8. Отношение граждан к занятию города. Нечего говорить, что все эти переговоры должны вестись политично, тайно и через верных людей. Надеюсь быть около Минусинска числу к 5—6 февраля, к этому времени всё выясни. Необходима финансовая поддержка. Денег нет. Созываю на 15 февраля Чрезвычайный съезд войска. Из воззвания к станичникам увидишь. Постарайся устроить мне конспиративный адрес и квартиру. Пока свой адрес дал на тебя. Говорят, голова моя большевиками уже оценена, правда, не очень дорого—1 000 рублей, но все-таки начали уже заботиться. Выехали из Красноярска как были, нет ни белья, ни зубной щетки, даже мыло и полотенце Егор куда-то увез. Просил выслать тебе вещи, захвати с собой, что можешь. На тебя у меня надежды большие как на верного человека и знакомого с местными условиями и населением. Время настало такое, что приходится ставить на карту голову. Поэтому обсуди и реши, а раз пойдешь вместе—держись. Из воззваний увидишь, в чем дело. Постарайся наладить быстрое и верное сообщение с Каратузом. Подробное освещение получишь от подателя И. Г. К.[1] Письмо это по прочтении уничтожь. Чем меньше следов, тем лучше. Моя подпись и адресуемая мне корреспонденция—псевдоним, изменяемое различным образом имя моего сына. Твой Александр».

Помимо этого письма при обыске у Казанцева были обнаружены еще воззвания атамана Семенова, являвшиеся своего рода программой казачьего дивизиона.

Так как они представляют интерес не только потому, что являлись платформой дивизиона, но и потому, что устанавливали непосредственную связь контрреволюционного движения Енисейской губернии с белогвардейскими выступлениями в Забайкалье и Манчжурии, где «оперировал» со своими бандами атаман Семенов, то мы считаем необходимым привести их также полностью.

В первом из них атаман Семенов писал:

«Станичники! Настал час встать на защиту своей родины, защищать ее от наглых захватчиков-большевиков, которые хотят узурпировать власть Учредительного собрания, избранного волей всего русского народа. Пробудите в себе чувство долга перед истерзанной изменниками дорогой нам родиной и спешите вырвать ее из грязных лап большевизма. Неужели вы не слышите стона России,

[1] Иван Григорьевич Казанцев.

погибающей от предателей? Не посрамите же забайкальского казачества перед прочими войсками и в дружном единении с нами сбросьте ярмо большевизма во имя спасения родины и нашей казачьей самобытности. Примыкайте, дорогие забайкальцы, к моему отряду в Манчжурии, где уже много станичников, сознающих свой священный долг перед отечеством. Подлинное подписал командир полка есаул Семенов».

Во втором воззвании, где он также призывал вступать в свои ряды, были опубликованы и условия поступления. В этом воззвании Семенов писал следующее:

«Станичники! В дополнение всех бед, обрушившихся на нашу многострадальную родину, явилась новая опасность—возможность нападения хунхузских банд на служащих Китайско-восточной ж. д., которые и без того терроризованы русскими солдатами, развращенными предательской пропагандой большевиков. Это все грозит неизбежной возможностью остановки Китайско-восточной ж. д., что не даст возможности иметь необходимые товары, которые привозятся исключительно с Дальнего Востока; тогда не будет никакого выхода из тяжелого положения товарного голода. Во имя долга перед отечеством призываю вас, станичники, итти ко мне на станцию Манчжурия и записываться в мой отряд добровольцами. Условия поступления следующие: а) все рядовые будут получать жалования 60 рублей в месяц, на готовом столе, обмундировании и снаряжении; б) взводные и урядники—80 рублей в месяц; в) вахмистры—100 рублей в месяц. Желательно, чтобы добровольцы имели лошадей, а в крайнем случае—без лошадей. Добровольцами могут поступить все в возрасте от 17 до 48 лет включительно, в том числе и призыв казаков срока службы 1918 г., которым поступление в отряд будет считаться за срок действительной службы. Надеюсь, что помимо выгодных условий службы у каждого верного сына своей родины должно проснуться чувство долга в тяжелый переживаемый нами момент. Спешите записываться, от этого зависит благополучие и спасение России. Подлинное подписал командир полка—есаул Семенов».

Весьма любопытно сопоставить с этим воззвание с Дона за подписью штабс-капитана Шумайлова, которое было опубликовано несколько позже газетой «Известия» Минусинского совета. Оно любопытно не только по своему содержанию, проливающему свет на связь донской контрреволюции с сибирской, но и по способу установления этой связи. Рассчитывая, очевидно, на то, что в Минусинском крае нет советских большевистских газет, штабс-капитан Шумайлов написал обезличенный адрес: «Сибирь, Минусинск, г. Редактору местной газеты», по которому заказное письмо за № 1273 было почтальоном занесено в редакцию газеты «Известия», а не туда, куда предполагал его направить отправитель.

Получивши пакет, редакция «Известий» немедленно составила соответствующую заметку фельетонного характера и опубликовала ее вместе с воззванием в ближайшем номере газеты.

«Очень жаль,—писала редакция «Известий»,—что вместо «Свободы и труд» и «Труд» не издается новой газеты с таким же направлением. Нами случайно получено из Ростова на Дону за № 1273 заказное письмо, которое по своему содержанию относится к редакции газет типа «Свобода и труд» и «Труд».

По возвращении священника В. Кузьмина в Минусинск мы, конечно, постараемся передать его по назначению, а пока, пользуясь тем, что на конверте было написано: «Сибирь. Минусинск, г. Редактору местной газеты» и недогадливый почтальон занес его в нашу редакцию, помещаем его полностью с прилагаемым при нем воззванием к сибирякам».

Вот что было написано в этом письме:

«М. Г. господин редактор.

Прошу Вас поместить в Вашей газете воззвание к сибирякам, как бы случайно Вам доставленное. Можно так: «От нашего корреспондента получено сведение, что в Ростове н/Д. формируется сибирский отряд штабс-капитаном Шумайловым, в котором уже около трех тысяч человек. При добровольческой армии прием продолжается, приглашаются все сибиряки, кто желает стать на защиту свободы и Учредительного собрания. Штабс-капитан Шумайлов».

К этому письму было приложено следующее воззвание:

«Сибиряки!

Настал грозный час! Родина в опасности! У нас нет власти, нет армии, нет денег и хлеба, заводы стали, железные дороги в жалком состоянии. Безработные массы безнаказанно грабят беззащитное население и идут под маской большевизма против своих же братьев, называя их контрреволюционерами. Но это ложь, контрреволюции нет и она невозможна. Тут действуют две стороны: друзья и враги России. Друзья—все, кто защищает интересы народа и его права, а враги—это немцы с их наемными, именующими себя «народными комиссарами», попирающими законные права свободного народа. Гибнет Россия, гибнет навсегда и завоеванная свобода! Германия-победительница с целью разрушения нашей армии дает нам полную «свободу», но только лишь до победного окончания войны на Западе. Конец войны—конец русской революции. Поймите же, что война еще не окончена, и Вильгельм, брат опозоренной сестры Алисы, сумеет отомстить нам за свой позор. Неужели мы, сибиряки, покрывшие себя славой в боях в Восточной Пруссии и под Варшавой, подобно вольному казачеству, не примем участия в спасении родины. Сибиряки, влачившие тяжелые оковы по диким тропам Сибири, многие годы томящиеся в ссылке,—враги старого государственного строя. Вольное казачество и невольники Сибири, вы равны и рука об руку идите спасать свободу. Довольно быть молчаливыми зрителями! К оружию, сибиряки! Поможем добровольческой армии, ставшей на защиту Учредительного собрания и свободы. Не медлите ни одного часа! Идите на Дон в Ростов, где в добровольческой армии формируется Сибирский стрелковый отряд. Штабс-капитан Шумайлов.

В отряд могут быть приняты и не сибиряки. Запись производится в Ростове на Дону, Никольская, 120.

Условий службы в добровольческой армии:

Офицеры получают содержание—270 рублей в месяц и выше, в зависимости от занимаемой должности. Семейные офицеры получают особое добавочное содержание—100 рублей в месяц. Солдат-доброволец получает на всем готовом жалованья в месяц—150 рублей. Добавочных в период участия в военных действиях по 1 рублю в сутки. За нахождение в строю непрерывно в течение четырех месяцев—единовременно 100 рублей; восьми месяцев—200 рублей; двенадцати месяцев—500 рублей. Единовременное пособие солдату, увольняемому со службы вследствие ранения,—500 рублей. Семье убитого—1 000 рублей».

Из всех этих документов с полной отчетливостью видно, что контрреволюция того периода вербовала свои силы, их организовывала и вела против советской власти борьбу под лозунгом учредительного собрания, сделавшимся программным пунктом контрреволюционных сил.

Получивши, благодаря аресту Казанцева, в свои руки столь ценный для разоблачения похода Сотникова материал, Исполком через газету «Известия» немедленно же его опубликовал. Был выпущен специальный экстренный бюллетень газеты под заголовком «Жаждут крови», где до конца были разоблачены намерения казаков, где сигнализировалось о надвигающейся опасности и трудящиеся призывались к защите советской власти.

Совет немедленно организовал Военно-революционный комитет для вооруженной борьбы, которому и поручено было разработать мероприятия по защите города.

Партийная организация большевиков была приведена в боевую готовность. В городе было объявлено военное положение.

№ 2-й. Четверг 14-го (1) Февраля 1918 г. Цѣна 15 коп.

ЭКСТРЕННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

„ИЗВѢСТІЙ"

Минусинскаго Совѣта Крестьянских, Рабочих, Солдатск. и Казацких Депутатов.

ЖАЖДУТ КРОВИ:

В номерѣ 24 газеты „Свободы и Труд" пишут—Ленинский пир во время чумы кончается. „Близко утро"... Какое? Печатаемое ниже письмо атамана Сотникова дает отвѣт.

Товарищи и Граждане! Это—утро казачьей власти, безграничнаго произвола богатых и сильных мира сего, утро кровавое, кошмарное! Почему образованные и умные граждане из „Свободы и Труд" жаждут этого утра?

Поход Сотникова на Минусинск организован Калединым. В бумагах, найденных вмѣстѣ с письмом Сотникова, есть документы (они будут опубликованы), устанавливающіе тѣсную связь Сотникова с казачьей организаціей на Дону. Командный состав Енисейскаго казачества привѣтствует „Тихій Дон" за то, что он встал во главѣ всероссійской казачьей контр революціи, совершаемой на деньги наших и иностранных капиталистов и помѣщиков.

Письмо Атамана Енисейскаго Казачества Сотникова к бывшему казачьему офицеру Иннокентію Варламовичу Безрукову.

„Здравствуй Варламыч!"

Двигаются к тебѣ с войском, очень рад, что ты перевелся в войско. сиди и жди нашего прибытія или извѣщенія. Я пошлю тебѣ извѣщеніе, когда выѣхать к нам на встрѣчу, а куда скажет податель сего. Пока же не сиди сложа руки подготовляй Минусинцев.

Вышли слѣдующее:

1) Отношеніе фракціи эс-эров.
2) „ „ эс де меньшевиков

Губернскіе Комитеты этих партій всецѣло согласны с ...

Воззваніе есаула Семенова.

Станичники!

Настал час встать на защиту своей родины, защищать ее от наглых захватчиков—большевиков, которые хотят узурпировать власть учредительнаго собранія, избраннаго волею всего русскаго народа. Пробудите в себѣ чувство долга перед истерзанной плѣнниками дорогой нам родины и спѣшите вырвать ее из грязных лап большевизма. Неужели Вы не слышите стона России, погибающей от предателей? Не посрамите же Забайкальскаго казачества перед прочими войсками и в дружном единеніи с нами сбросьте позорное ярмо большевизма во имя спасенія родины и нашей казачьей самобытности.

Примыкайте дорогіе Забайкальцы к ...

Военно-революционным комитетом был выработан план защиты города. С красногвардейскими отрядами как городскими, так и с теми, которые составились из рабочих каменноугольных копей п рудников, прибывших в Минусинск по зову Совета, повелись тактические занятия. Принятые Советом и парторганизацией меры—арест И. Казанцева, раскрывший карты похода, и широкая печатная кампания газеты «Известия»—заставили дивизион изменить намеченный им путь следования на Минусинск, и он повернул в сторону от Минусинска, направившись в с. Шалаболино.

Несмотря на то что в боевом отношении военные части Совета не представляли собой в тот момент серьезной силы и далеко уступали контрреволюционному дивизиону, все же нашлись горячие головы, предлагавшие избрать Шалаболино стратегическим пунктом для ведения активных боевых действий против дивизиона. Предложение это как явно непродуманное и не имевшее под собой серьезной почвы было отклонено. Избран был другой путь действий.

С целью парализовать действия дивизиона, организовать раскол как в его рядах, так и в среде местного казачества, а главным образом, желая выиграть время для подготовки и организации своих сил, Минусинский совет на пленарном заседании 3 февраля решил вступить в переговоры с дивизионом. Для этого он послал в Шалабо-

лино комиссию во главе с активным работником Минусинской коммуны—т. Лебедевым Г., председателем Союза увечных воинов. В комиссию были включены от крестьян—тт. Антонов, Марченко и Бершев и от рабочих—Ананьев.

Комиссия в Шалаболине имела возможность говорить только с Сотниковым и его штабом, так как в созыве дивизиона Сотников отказал, предложив комиссии ехать в Каратуз, куда направлялся дивизион, где и обещал созвать собрание дивизиона. При этой встрече комиссия потребовала выполнения приказа Енисейского губисполкома о сдаче оружия и переводе дивизиона на мирное положение. Эти требования были отклонены.

Комиссия в этот же день вместе с дивизионом уехала в Каратуз, откуда предполагала снестись по прямому проводу с Минусинским советом, что ей однако сделать не удалось, так как на телеграф был поставлен комиссар дивизиона.

На следующий день утром в Каратузе было устроено торжественное богослужение с молебном, а после этого парад казачьим частям, на который была приглашена и комиссия Совета.

Здесь же было объявлено о предстоящем собрании дивизиона, на котором должно было состояться выступление представителей Совета.

Вечером в помещении школы состоялось многолюдное собрание как дивизиона, так и местных казаков. Тов. Лебедев сделал обширный доклад по текущему моменту, в заключение которого предложил дивизиону выполнить приказ о разоружении, временно расквартироваться в Каратузе, а также сообщил, что в случае принятия дивизионом этих требований Минусинским советом будет назначено дивизионное командование. Лебедев между прочим упомянул в своей речи о самоубийстве Каледина. После него выступил также с большим докладом сам Сотников, который, подчеркивая связь дивизиона с партией эсеров и всем казачьим движением против советов, призывал дивизион бороться за учредительное собрание и до момента его созыва не разоружаться и не расходиться. Сообщение т. Лебедева о самоубийстве Каледина он назвал вымыслом и демагогией, а в заключение заявил, что «разоружение казаков—это равносильно потере девушкой своей невинности».

Выступавший после него офицер Бологов по существу повторил некоторые положения Сотникова и призывал к стойкости казачьих рядов против «узурпаторов-большевиков».

Рабочий-делегат Совета т. Ананьев в короткой речи весьма умело разъяснил правильность линии советской власти и призывал казачество к подчинению приказу. После выступления нескольких казаков, которые целиком разделяли программу и тактику своего атамана, выступил крестьянский делегат от Минусинского совета Марченко. В результате собрание, стуча прикладами винтовок об пол, решило оружия не сдавать и Совету не подчиняться.

На утро комиссия вернулась в Минусинск, доложив Совету о результатах своей поездки.

Одновременно с отъездом комиссии в Шалаболино Минусинским советом были посланы делегаты по казачьим станицам, селам

и деревням края для разъяснения истинного смысла сотниковского похода.

Кроме этого решено было созвать на 28 февраля экстренный съезд рабочих и крестьянских депутатов, на котором кроме вопроса, связанного с походом атамана Сотникова, Совет предполагал разрешить и очередные вопросы строительства Коммуны.

В ближайших же номерах газеты «Известия» Совет оповещал трудящихся края о съезде, поместив как его порядок дня, так и небольшое воззвание.

Извещение гласило:

«Минусинским советом крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов созывается V экстренный крестьянский съезд Минусинского края на 15 февраля ст. ст. (28 февраля нов. ст.) в 10 часов утра в помещении депо пожарного общества; съезд созывается в связи с походом атамана Сотникова и разжалованных офицеров на Минусинск с целью свержения власти советов. Товарищи крестьяне и казаки! В тесном единении всех трудящихся шлите своих представителей на съезд по одному от каждого селения. Желательно представительство на съезде из беднейших слоев крестьянского и казачьего населения. Председатель Совета К. Трегубенков. Секретарь А. Плотников».

Порядок дня V чрезвычайного рабоче-крестьянского съезда.

1. Отношение съезда к походу атамана Сотникова. 2. О вооружении трудового народа в Минусинском крае, организация постоянной рабоче-крестьянской красной гвардии. 3. Текущие события в России и за границей. 4. О распределении земли в Минусинском крае (доклад земельного комитета). 5. Доклад Исполнительного комитета о реорганизации (преобразовании) Минусинского совета. 6. О задачах и деятельности советов на местах. 7. Доклад продовольственного отдела Совета. 8. Текущие дела.

На это же число Сотников созывал казачий съезд в селе Каратузском, где он предполагал устроить свою базу для организации наступательных действий на Минусинский совет.

Дальнейший этап в развитии событий заключался в переговорах между двумя одновременно заседавшими съездами, в результате которых V чрезвычайным съездом рабочих и крестьян было принято постановление о вооруженной ликвидации казачьего движения.

Заседавший в Каратузе казачий съезд, находившийся под непосредственным влиянием Сотникова, предложил Минусинскому совету «условия соглашения», согласно которым Совет должен был капитулировать перед казачьим дивизионом, т. е. безоговорочно уступить власть контрреволюции.

20 февраля эти «условия соглашения» были доложены пленарному заседанию Совета, который не нашел даже возможным их обсуждать как исходящие от врага народа—Сотникова.

Не отказываясь однако вести переговоры с дивизионом, в котором было много и рядовых казаков, Совет, посылая 26 февраля двух своих представителей к казачьему дивизиону (Токманцова и Филатова), одновременно приглашал двух представителей казачьего съезда участвовать в работах V съезда рабочих и крестьян края. Результаты и этой, второй делегации были неутешительными, так как дивизион упорствовал и держался вызывающе по отношению к Минусинскому совету и созываемому им V съезду.

28 февраля открылся V чрезвычайный съезд рабочих и крестьян, которому предстояло разрешить весьма серьезный вопрос.

1 марта вопрос об отношении к казачьему дивизиону был поставлен на V съезде во всей широте и после тщательного его обсуждения, в котором принимали живейшее участие и казачьи делегаты, съезд единогласно принял следующее постановление:

«По вопросу о вооруженном вторжении Красноярского казачьего дивизиона, совместно с разжалованными офицерами, во главе с атаманом Сотниковым, V чрезвычайный съезд крестьянских делегатов Минусинского уезда единогласно постановил: немедленно послать двух делегатов от V съезда со следующими требованиями: которые должны быть предъявлены съезду казаков:

1. Мирное население Минусинского уезда может быть спокойно только тогда, когда казаки согласятся, не считаясь со своими классовыми и земельными казачьими привилегиями, от них отказаться и быть свободными гражданами Российской советской республики, наравне с трудовым крестьянством.

2. Все вооружение дивизиона: пулеметы с лентами, винтовки и пр. как государственная собственность и гарантия мирного разрешения конфликта, должно быть немедленно передано в распоряжение Минусинского совета. Казаки получат вооружение от Минусинского совета после организации советов на местах, наравне со всем трудовым народом.

3. Трудовое казачество, поняв, что Сотников их ведет на гражданскую войну против братьев крестьян и рабочих, должно от него и его банды отвернуться и передать их как злейших врагов трудящихся в руки народной власти.

4. Если казачий съезд на это не согласится, то съезд крестьянских делегатов постановляет: объявить казаков вне закона и принять самые решительные меры для ликвидации сотниковской контрреволюционной авантюры. Ликвидация авантюры поручается Минусинскому совету при участии всего населения уезда.

Председатель съезда Катаев.
Секретарь съезда Калягин».

Наряду с этим постановлением съезд выпустил отдельное обращение к населению края с призывом помочь Совету в его борьбе против казачьей контрреволюции. Текст его следующий:

«Циркулярно. Немедленно прочесть на сходах. Призыв к вооружению! Красноярский казачий дивизион во главе с разжалованными офицерами под командой атамана Сотникова с оружием вторгнулся в пределы Минусинского уезда, угрожая своими пулеметами мирному течению жизни нашего края. V съезд крестьянских депутатов в интересах мирного выхода из создавшегося положения предъявил казакам требования, чтобы они разоружились, превратились из казаков в равноправных граждан Российской советской республики и мирно разошлись по домам. Чтобы привести в исполнение это решение, крестьянский съезд постановил: Немедленно послать от каждого селения для организации боевой дружины (Красной гвардии) добровольцев, которые должны явиться в распоряжение Минусинского совета для дальнейших действий. Вознаграждение за несение службы красногвардейцы, согласно декрета Совета народных комиссаров и постановления Минусинского военно-революционного комитета, получают 50 рублей в месяц при готовом довольствии и обмундировании, а неработоспособным членам семьи выплачивается 6 руб. в месяц. Настоящее постановление съезда послать немедленно по всем селам и деревням с объявлением желающим зачисляться в Красную гвардию, отряды которых должны явиться в Минусинск. Производимые расходы отнести за счет Минусинского совета. Добровольцы должны явиться с удостоверениями от общества. Председатель съезда Е. Катаев. Товарищи председателя К. Трегубенков, Ковалев. Секретари С. Монаков, Н. Непомнящий, Мих. Чистяков».

Это постановление и обращение съезда не остались на бумаге, а были реализованы во всей своей полноте, что и обеспечило успешный исход борьбы Совета против казачьей контрреволюции.

Для вручения требований V съезда рабочих и крестьян края казачьему съезду была послана третья делегация из двух человек (тт. Грошев и Цимбалов), которой поручено было довести эти решительные требования до сведения казаков и еще раз попытаться убедить их выполнить волю революционной власти.

Делегация подверглась издевательским нападкам и шельмованию со стороны заправил казачьего съезда и вернулась обратно, доложив V рабоче-крестьянскому съезду о требовании казаков допустить Казанцева сделать доклад на казачьем съезде.

2 марта по докладу вернувшейся делегации съезд принял следующую резолюцию:

«Заслушав доклад тт. делегатов Грошева и Цимбалова, вернувшихся с чрезвычайного казачьего съезда в Каратузе, V чрезвычайный крестьянский съезд Минусинского уезда единогласно постановил: 1. Подтвердить постановление от 1 марта с. г. 2. Довести до сведения трудового казачества через своего делегата о разноречивых ответах, полученных съездом от делегатов и по телеграфу на вышеуказанное постановление. 3. Если телеграфный ответ не выражает мнения казачества, то предложить съезду удалить Сотникова как авантюриста, провоцирующего казаков на гражданскую войну. 4. Предоставить возможность гр. Казанцеву сделать доклад казачьему съезду о деятельности войскового управления».

Делегатом на казачий съезд от V чрезвычайного рабоче-крестьянского съезда был послан А. И. Плотников, с которым предложено было поехать и делегату казачьего съезда—Панкратову.

Цель посылки по счету четвертой делегации была прежняя, т. е. *выиграть время для мобилизации сил советской власти и путем непосредственного общения с казачьими представителями внести в их среду раскол, вооружив против Сотникова рядовое казачество.* Посылка с т. Плотниковым делегата казачьего съезда Панкратова преследовала цель передачи через него боевого настроения крестьянского съезда, которое он мог наблюдать, будучи на нем как представитель казачьего съезда.

Предоставление Казанцеву возможности делать доклад на казачьем съезде, т. е. его фактическое освобождение, вызвано было, кроме требований казачьего съезда об его освобождении, также и тем, что к этому времени Минусинский совет не имел еще необходимого вооружения и сил и поэтому совершенно сознательно всякими способами оттягивал время вооруженного столкновения.

Отпуская в Каратуз этого крупного контрреволюционера, Совет применял лишь тактический маневр, который дал затем положительные результаты.

Как и предыдущие, эта делегация приехала обратно также с неутешительным ответом. Казаки продолжали итти за Сотниковым и не хотели подчиниться решению V съезда. Помимо этого они всемерно пытались «доказать», что посылаемые к ним делегации не выявляют воли широких рабочих и крестьянских масс, а потому и не правомочны делать заявления от имени всех присутствовавших на V съезде.

Для того чтобы продемонстрировать казачеству полное единодушие рабочих и крестьян края и показать их готовность к борьбе с контрреволюцией, съезд перед окончанием своих работ послал

пятую делегацию, в которую включил 12 человек из представителей различных волостей и рабочих города. Но и эту делегацию постигла та же участь. Она вернулась, не добившись положительного ответа. Так как съезд уже закончил свои работы, то эта делегация о своей поездке доложила 7 марта пленарному заседанию Совета, которое вынесло решение поручить «постановление V рабоче-крестьянского съезда провести в жизнь Военно-революционному комитету, избрав его в составе 10 человек: тт. Трегубенкова, Алексеева, Плотникова, Сафьянова Ин., Сиротинина, Лебедева, Катаева, Непомнящего, Булышева, Кончакова, при трех кандидатах (Терентьев, Чистяков, Болеевский)».

Присланные представители от казачьего съезда Советом уже не были приняты.

Этим окончилась вторая фаза событий, связанных с контрреволюционным движением енисейского казачества. Гражданская война в Минусинском крае вступила в новую полосу, и обе стороны стали усиленно готовиться к вооруженной борьбе.

Было бы совершенно неправильно думать, что поездки пяти делегаций, посылаемых для переговоров с казаками, не дали никаких результатов. Наоборот, они сделали очень многое по раскрытию контрреволюционных намерений атамана Сотникова, помогли осуществить ликвидацию движения и заставить трудовое казачество отвернуться от Сотникова.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, связанных с походом против атамана Сотникова, мы вновь вернемся к V чрезвычайному съезду рабочих и крестьян, на повестке дня которого стояли вопросы, имевшие важное значение для претворения в жизнь лозунгов Октябрьской революции в Минусинском крае.

Как уже раньше сообщалось, кроме основного вопроса—отношение съезда к походу атамана Сотникова—на повестке дня его стояли следующие вопросы: о вооружении трудового народа в Минусинском крае и организации постоянной рабоче-крестьянской Красной гвардии; текущие события в России и за границей; о распределении земли в Минусинском уезде; доклад Исполкома о реорганизации Минусинского совета; о задачах и деятельности советов на местах и доклад продовольственного отдела совета.

Совершенно естественно, что первый вопрос повестки, т. е. отношение съезда к походу атамана Сотникова, был центральным и непосредственно с ним были связаны и два последующих. Говоря о движении казачьего дивизиона, о событиях в губернии и в крае, абсолютно невозможно было обойти текущий момент. Точно так же, говоря о вооруженной ликвидации сотниковской авантюры, нельзя было не поставить вопроса о вооружении трудового народа и об организации постоянной Красной гвардии. О том, что такая постоянная Красная гвардия стала в тот момент усиленно формироваться, свидетельствует объявление военного отдела Совета, в котором он сообщал следующее:

«Лица, желающие поступить в минусинскую Красную гвардию, будут приниматься военным отделом. При заявлении представлять удостоверение обществен-

ных организаций или поручительство. Желательно, чтобы поручителями были члены Совета».

По вопросу о «распределении земли в Минусинском уезде» V рабоче-крестьянский съезд принял постановление, которое мы считаем необходимым привести полностью. Вот оно:

«Заслушав доклад земельного комитета и закон, изданный III Всероссийским съездом советов, V чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда постановил: 1. Земельные грани не уничтожать до того, как будут собраны точные сведения о количестве населения и запасном земельном фонде. 2. Поручить земельным комитетам в срочном порядке разработать планы уничтожения всех земельных и сенокосных границ как казачьих, так и хакасских инородческих, а также приготовить план планомерного проведения в жизнь социализации земли. Всю эту работу предложить окончить к весенним работам. 3. Предложить земельным комитетам принять меры к удовлетворению поступающих в земельные комитеты ходатайств к весне 1918 г. 4. Ввиду того, что для продуктивности работы земельных комитетов необходимо пригласить сведущих лиц в помощь уездной управе, просить Исполнительный комитет Совета ассигновать на приглашение таковых средства. 5. Просить Исполнительный комитет Совета ассигновать дополнительно средства на содержание волостных комитетов в случае необходимости. 6. Просить Исполнительный комитет Совета позаботиться обеспечить семенами нуждающиеся в этом селения и общества. 7. Образовать волостные советы и при них земельные отделы; где нет таких советов, организовать срочно временные земельные отделы, которые после организации советов должны стать отделами советов. 8. По окончании V чрезвычайного крестьянского съезда оповестить все население уезда о решении съезда по земельному вопросу».

Мы видим, что это постановление носит на себе отпечаток нерешительности в разрешении земельного вопроса. Приведенная выше резолюция включает в себя пункты, намечающие скорее предварительные мероприятия для разрешения земельного вопроса, чем само его разрешение.

Помимо земельного вопроса V крестьянский съезд принял постановление о задачах и деятельности советов на местах. Этот вопрос имел весьма актуальное значение, поскольку во всем крае нужно было проводить политику пролетарской диктатуры. Несмотря на то что положение о сельских советах было принято еще IV съездом, оно из-за сопротивления кулачества в жизнь на всей территории края проведено не было, и для этого потребовалось подтверждение V чрезвычайного крестьянского съезда.

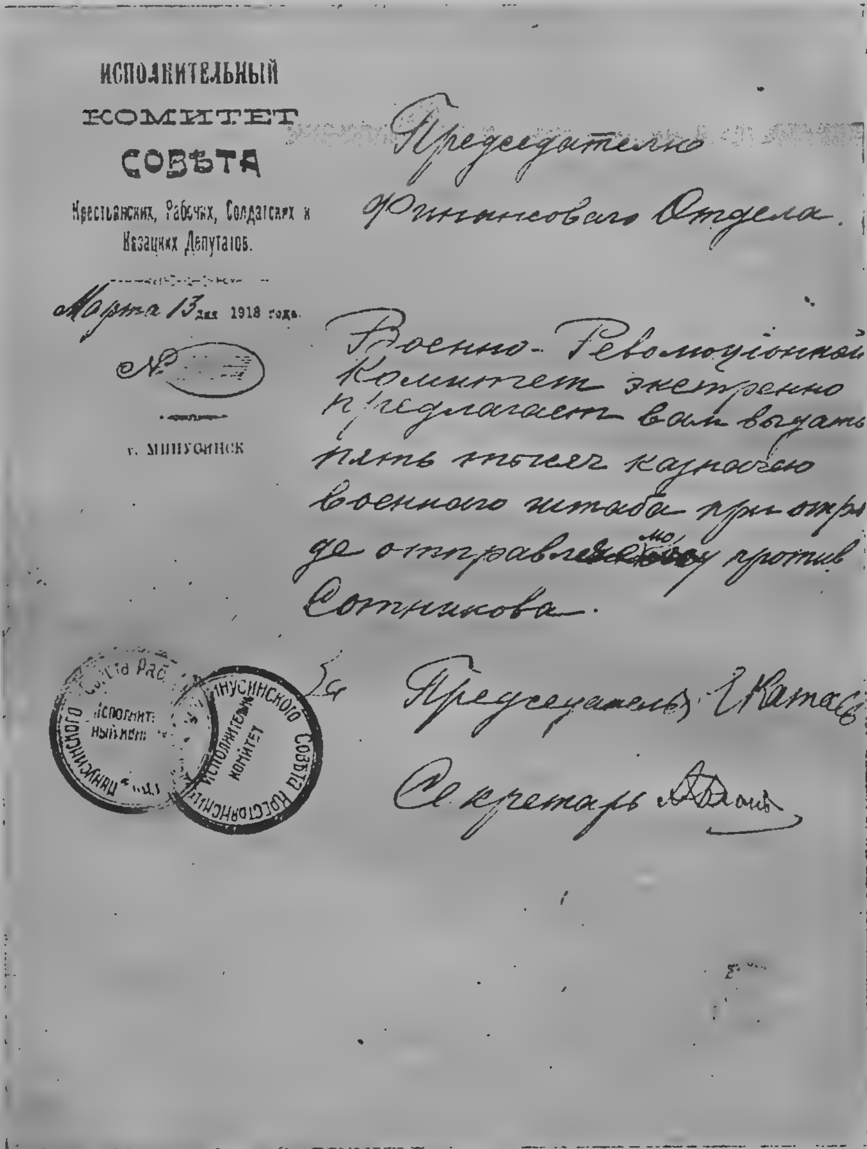
Резолюция по данному вопросу, принятая после весьма обстоятельного доклада т. Фаерман Е., гласила следующее:

«...1. Положение о сельских советах, принятое на IV крестьянском съезде, подтвердить. 2. Принять во внимание, что только советы являются единственными органами, укрепляющими право трудового народа и выражающими волю последнего. 3. Немедленно приступить к образованию сельских советов. 4. Поручить Минусинскому совету и советам на местах разработать проект об упразднении волостей и волостных советов».

В высшей степени любопытно отметить то обстоятельство, что последний пункт этой резолюции ставил вопрос о выработке проекта упразднения волостей. Этим пунктом Минусинская коммуна имела в виду уже в то время осуществить в крае районирование.

Не останавливаясь больше на работах V чрезвычайного съезда, вернемся к изложению событий, связанных с походом атамана Сотникова.

Выиграв время, Минусинский совет сумел мобилизовать вокруг лозунгов советской власти значительные силы для вооруженной ликвидации контрреволюционного движения. Как мы уже знаем,



ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
СОВѢТА
Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов.

Марта 13 дня 1918 года.

№

г. МИНУСИНСК

Председателю
Финансового Отдела.

Военно-Революціонный Комитет экстренно предлагает вам выдать пять тысяч казначею военного штаба при отряде отправленному против Сотникова.

За Председатель [illegible]

Секретарь [illegible]

Распоряжение Военно-революционного комитета о выдаче денег на борьбу с Сотниковым.

слабым местом Совета в момент вторжения казачьего дивизиона в пределы края было ничтожное количество оружия, а потому с первых

же дней появления дивизиона в Минусинском крае он обратился за помощью как к губернскому, так и к соседнему Ачинскому советам. Неоднократные телеграфные запросы не давали положительных ответов; чувствовалось, что в Красноярске не придают серьезного значения движению казачества и запросам Минусинского совета. Однако последний упорно стоял на своем и требовал не только винтовок, но также пулеметов и орудий.

Телеграфная переписка ни к чему не привела, и Минусинский совет вынужден был срочно командировать в Ачинск и Красноярск нескольких своих представителей, чтобы они лично объяснили серьезность положения. Только после настойчивых требований удалось получить несколько сот винтовок, два трехдюймовых орудия и три пулемета, которые были еще в пути из Ачинска в Минусинск, когда передовые части минусинской Красной гвардии выступили в поход.

Пулеметы и орудие нагнали Красную гвардию в с. Бейском. Надо сказать, что прибытие орудия сильно подняло настроение красногвардейцев. На призыв Совета явились рабочие копей, организовав несколько отрядов; пролетариат города стал под винтовку вместе с местной партийной организацией большевиков. К ним стали примыкать отряды крестьянской Красной гвардии, очень часто в своем большинстве состоявшие из бывших фронтовиков, среди которых оказались хорошие командиры и преданные делу пролетарской революции коммунары. Многие явились с винтовками, которые они привезли с фронта.

Во главе всех вооруженных сил, собранных для ликвидации контрреволюционного движения, Военно-революционный комитет поставил своего члена—председателя Союза увечных воинов—т. Лебедева Г., который, приняв командование, немедленно разработал план действий.

Ближайшим поводом к выступлению в поход вооруженных сил Минусинского совета послужило сообщение, что казачий дивизион двинулся из Каратуза в боевом порядке по неизвестному направлению. По имевшимся в то время данным можно было предполагать, что не исключена возможность наступления его на Минусинск, вследствие чего была усилена охрана города и прилегающих окрестностей. Однако вскоре разведка установила, что сотниковцы держат путь на Таштып, главный опорный пункт минусинского казачества. Необходимо было немедленно двинуться наперерез идущему дивизиону, который Красная гвардия должна была перехватить у д. Каптыревой. Однако вышедшие ночью 12 марта боевые части Красной гвардии этого не смогли сделать, так как по ряду причин задержались в пути. Дивизион успел раньше пройти в Саянскую станицу, обойдя ряд деревень, откуда через Енисей направился в Таштып.

Началось преследование убегавшего дивизиона, который двигался и днем и ночью. Буквально только несколько часов пути разделяли два, находившиеся в боевом движении, отряда.

Дальнейший ход событий мы воспроизведем по документу того времени, который довольно живо, так сказать, по горячим сле-

дам, рисует развернувшиеся события. Таким документом является «Экстренный бюллетень» № 6, выпущенный газетой «Известия» Минусинского совета 26 марта 1918 г. [1]. В нем писалось:

«В с. Бейском передовые части нашего отряда, соединившись с пришедшими из Минусинска подкреплениями, выступили боевым порядком по направлению к Юдиной, где военным штабом отряда рабоче-крестьянской армии была намечена оперативная база дальнейшего наступления. Еще из с. Шунерского нашим военным штабом были посланы две мирных делегации—одна в Таштып, с предложением не принимать дивизиона, если он не откажется от воинственных намерений по отношению к трудовому народу Минусинского края; другая—в Аскыз[2], на хакасский съезд, с предупреждением, что если товарищи хакасы послушают минусинских и сотниковских контрреволюционеров, втягивающих их в гражданскую войну с крестьянами и рабочими, то вся ответственность за последствия братоубийственной бойни падет и на них. Аскызской делегации было поручено предложить хакасскому съезду арестовать сотниковцев, если они появятся на съезде. Выполнить свою миссию этой делегации вполне не удалось, так как хакасский съезд при появлении наших делегатов был распущен заправилами его, находившимися в союзе с Сотниковым и испугавшимися, как бы наша делегация не раскрыла хакасам глаза на то, в какую пропасть братоубийственной бойни с крестьянами и рабочими толкают их зарвавшиеся авантюристы. Распуская съезд, эти «господа» не постеснялись пустить в ход провокацию. Они заявили делегатам хакасам, что Красная гвардия идет громить и грабить хакасское население, и поэтому необходимо разъезжаться. Таштыпская делегация вернулась с еще более неутешительным ответом. Таштыпские казаки, руководимые кучкой сотниковцев, заявили, что Сотников им друг, постановлений V крестьянского съезда они не признают и намерены с оружием в руках поддерживать все действия Сотникова.

Лебедев Георгий. Член Исполкома и Военно-революционного штаба. Командующий всеми вооруженными силами Минусинского края.

Однако по мере приближения нашего отряда к Юдиной, находящейся в 14 верстах от первой боевой казачьей станицы Монака, настроение казаков стало меняться. Этому очень способствовали царящая в нашем отряде революционная дисциплина и то дружное единение всех участников отряда, которое проявилось с первых дней выступления из Минусинска. Несмотря на масленицу, в нашем отряде совсем не было пьяных. Крестьяне селений, через которые приходилось проходить отряду, пораженные дисциплиной товарищей красногвардейцев, сознавали серьезность положения, невольно забывали про свои праздничные гулянья и старались всячески помогать нашему отряду, несущему мир и свободную трудовую жизнь населению Минусинского края. Хакасы сначала были напуганы массой движущихся солдат с орудием и пулеметами; при въезде отряда в улус [3] они толпами выходили на улицу, снимали шапки и низко кланялись. Но вскоре они поняли, что и им отряд «рабоче-крестьянской армии» несет освобождение от гнета богачей, и вместе с крестьянами стали подвозить нашему отряду хлеб и обращаться с просьбами помочь им организовать советы трудящихся хакасов.

---

[1] Все взятое в дальнейшем в этой главе в кавычки приведено из «Бюллетеня».

[2] Крупный торговый центр Хакассии.

[3] Хакасская деревня, селение.

Крестьянское население (конечно бедняки и середняки.—*Авторы*) относилось к нам как к защитникам своих интересов. Оно не ограничивалось только сочувствием и материальной помощью. Почти в каждом селении к нашим частям присоединялись добровольцы, готовые отдать жизнь пролетарской революции, проводником которой в казачьи станицы являлся наш отряд. Особенно горячо наш отряд был встречен в Юдине. Юдинский совет предоставил в распоряжение отряда все, что требовалось для того, чтобы сделать Юдино опорным пунктом при наступлении на казачьи станицы».

К моменту прибытия в Юдино все силы Минусинского совета, собранные для борьбы с казачьей контрреволюцией, примерно составляли 900—1 000 человек. Приблизительно такое же количество было и винтовок различного образца. Некоторая часть людей была не вооружена и числилась в запасе на случай выбытия во время военных действий. Отряды располагали одним 3-дюймовым орудием и несколькими пулеметами. Была сформирована специальная команда разведчиков и санитарный отряд, который организовался еще в Минусинске при непосредственном содействии врача А. М. Сафьяновой. В отряде было три лица с фельдшерским образованием, а остальные были наскоро обучены необходимым приемам при подаче скорой помощи еще в бытность отряда в Минусинске, когда Совет вел переговоры с казачьим съездом. Вся армия делилась на несколько боевых отрядов, каждый с командиром во главе. Санитарный отряд возглавлялся т. Терентьевым, артиллеристом оказался т. Проневич—учитель д. Мигны. Был при штабе и специальный военный корреспондент—редактор «Известий» Минусинского совета т. Сафьянов М. Для разрешения больших принципиальных вопросов собирался военный совет, председателем которого был т. Трегубенков, являвшийся одновременно и председателем Военно-революционного комитета, избранного пленарным заседанием Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В военный совет входили: командующий всеми вооруженными силами т. Лебедев Г., являвшийся одновременно зам. председателя военного совета, секретарь совета т. Гидлевский К. и начальники всех боевых отрядов как пехоты, так и остальных родов оружия. Оперативное командование принадлежало главкому т. Лебедеву, который через начальников отрядов проводил в жизнь все свои приказы и решения военного совета.

По занятии с. Юдино были выставлены заставы, приняты меры разведывательного характера и необходимые шаги к укреплению нескольких пунктов, имевших стратегическое значение.

«Через несколько часов красногвардейские дозоры доставили в военный совет первую делегацию от казаков, которая нового ничего не сказала, она лишь повторила то, что Сотников и его друзья не враги народа, что желательно разрешение конфликта мирным путем, что казачество не может отказаться от своих исторических привилегий и т. д. Характерен только самый факт появления этой делегации. Наши делегаты, посланные в Таштып из села Шунерского, подвергались всяческого рода оскорблениям, пьяные казаки хотели над ними учинить самосуд. Казалось, после этого всякие переговоры о мире со стороны казаков неуместны. Тем не менее они без всякого повода с нашей стороны посылают нам мирную делегацию. Тут впервые сказалась их слабость. Получив сведения о численности, вооружении и боевой готовности нашего отряда, часть казачества (Имекская и Арбатская станицы) заявили Сотникову о своем нежелании воевать. В результате чего и явилась первая делегация от казаков. Наш ответ

этой делегации вылился в ультиматум удовлетворить полностью и немедленно все требования V рабоче-крестьянского съезда о разоружении дивизиона и выдаче Сотникова и его соратников. Делегация уехала из Юдино в растрепанных чувствах, ничего не обещав нам в отношении положительного ответа на наш ультиматум. После отъезда делегации было устроено собрание всего отряда, на котором было утверждено постановление военного совета».

Здесь необходимо отметить роль общего собрания всего отряда, одобрявшего постановления военного совета.

В той обстановке вряд ли можно было действовать по-иному. Соблюдая все меры предосторожности, военный совет ставил в известность широкую массу о предпринятых шагах и получал от нее санкцию своих действий и большую уверенность в правильности своей линии.

«Собрание прошло с чрезвычайным подъемом, окончилось демонстрацией с пением революционных песен и криками «ура». Нашего единодушия и готовности итти в бой за права трудового народа не могли не видеть находившиеся явно и тайно в Юдино сторонники Сотникова, которые немедленно же донесли о виденном и слышанном в Монок, где к тому времени съехались казаки всех четырех станиц и дивизион во главе с Сотниковым и его свитой из казачьих и разжалованных офицеров, для того чтобы решить окончательно вопрос о выступлении против нашего отряда. На расстоянии 14 верст сошлись две враждебные силы, готовые каждую минуту броситься в бой. Создалось очень напряженное настроение».

В это же время стало известно, что не совсем спокойно в Минусинске и что сторонники Сотникова, собравшиеся в Аскызе, готовят Красной гвардии удар с тыла.

«Получив эти сведения, военный совет нашего отряда постановил одновременно с выступлением на Монок отправить часть сил на Аскыз, с тем чтобы занять его и тем обеспечить дальнейшее наступление главной части отряда на Таштып. Наш соединенный отряд разбился на девять частей: четыре первых должны были выступить к Моноку, две—на Аскыз и три остальных—под командой т. Клешнина Ф.—остаться в качестве резерва в Юдино.

Вечером того же дня в Юдино приехала вторая делегация от казаков в количестве восьми человек, на этот раз из представителей трудового казачества. Эта делегация заявила, что в Моноке происходит собрание казаков в отсутствие Сотникова и офицеров, на котором должен окончательно решиться вопрос о войне и мире. Делегация просила нас отложить наступление до 12 часов следующего дня и обещала со своей стороны приложить все усилия к тому, чтобы убедить своих товарищей в необходимости удовлетворить наши требования. Наш военный совет принял просьбу делегации с тем непременным условием, чтобы к 12 часам следующего дня в Юдино были доставлены Сотников, офицеры и все оружие дивизиона».

Стоит запечатлеть заседание военного совета, на котором принималась эта казачья делегация, так как оно, помимо серьезности разрешаемого вопроса, было весьма своеобразно по своей «церемонии». Ведь все чувствовали близость кровопролитной схватки, которая должна была произойти. Смена часовых, военная команда, лязг оружия и постоянно движущиеся вооруженные люди наводили на мысль о предстоящем бое. Была ночь. В этой обстановке явилась казачья делегация, которая была доставлена в военный совет по всем правилам военной обстановки. Председательствовал т. Трегубенков. Члены совета собрались быстро. Предварительно произведена была перекличка командиров боевых отрядов и начальников отдельных

частей. Вне всякого сомнения, происходивший последовательный вызов каждого командира отряда и следовавший затем его ответ «здесь» оставили неизгладимое впечатление у казачьих делегатов, у которых по этой перекличке могло составиться представление об «армии», имеющей по меньшей мере 3—4 тысячи штыков. Налицо оказался начальник санитарной части и военный корреспондент. Заседание началось. Была заслушана делегация, ей задано было несколько вопросов и затем она была удалена в другую комнату, чтобы обмен мнений происходил без представителей враждебного лагеря. Говорили недолго. Ясно было, что в казачьем стане разнобой, и от того, что привезет туда делегация, будет зависеть многое. Не отступая ни на шаг от своих принципиальных требований, военный совет решил удовлетворить просьбу делегации и в особо приподнятой обстановке объявил о своем решении. Делегация уехала.

«Не успела эта делегация отъехать и версты от Юдино, как явилась третья делегация с резолюцией Моноксого собрания казаков всех станиц и дивизиона, в которой сообщалось о бегстве из Монока офицеров и что казаки постановили сдать нам все оружие дивизиона и арестовать бежавших Сотникова и его офицерскую свиту. Желая проверить подлинность этого постановления, совет командировал вместе с этой делегацией в Монок четырех товарищей за пулеметами и выяснением положения дела.

В 6 часов утра командированные товарищи возвратились в Юдино с двумя пулеметами без лент. В Моноке этому предшествовало приблизительно следующее. Дивизион под предводительством Сотникова пришел из Таштыпа в Монок в 3 часа дня в полной боевой готовности. Моноксие казаки встретили его при входе в станицу заявлением, что ввиду недостатка боевого снаряжения они отказываются итти в бой с отрядом «рабоче-крестьянской армии». Несмотря на то что к этому постановлению моноксих казаков присоединились Имекская и Арбатская станицы, Сотников не внял заявлению моноковцев и начальственным тоном предложил устроить общее собрание всех казаков для обсуждения вопроса о братоубийственной бойне казаков с крестьянами и рабочими. Собрание, ввиду крайней нервозности, проявляемой Сотниковым и его офицерской свитой, долго не могло состояться. Переходили с места на место и наконец в поле, за селением, открыли собрание призывами к войне. Некоторые офицеры вышли на собрание, обвитые пулеметными лентами. Во время первых же пререканий с казаками один из офицеров подскочил к пулемету и направил его на толпу казаков. Это заметили, и пулеметы были отобраны у офицеров. Темнело, создавалось крайне возбужденное настроение. Казаки почувствовали, какая пропасть легла между ними и авантюристом Сотниковым со всей его бандой, и потребовали, чтобы офицеры немедленно оставили собрание. Офицеры подчинились; сели на верховых лошадей и отъехали в сторону. В это время кто-то из казаков предложил арестовать офицеров. Тогда из офицерской группы раздалось подряд в толпу казаков два выстрела. Выстрелы произвели страшную панику. Офицеры воспользовались этим, пришпорили лошадей и при возмущенных криках казачьей толпы ускакали по направлению к Таштыпу.

Наш отряд узнал обо всем этом только по прибытии в Монок. Товарищи, возвратившиеся с пулеметами, ничего определенного сказать не могли. Они застали собравшихся в Моноке казаков в таком возбуждении, что добиться от них какого-либо толку было нельзя. Несмотря на привоз пулеметов, военный совет постановил оставить свое решение о выступлении в Монок в силе, если к 12 часам дня в Юдино не будет доставлено все оружие дивизиона и привезены арестованные офицеры. В 12 часов ничего в Юдино доставлено не было, и потому отряд выступил в Монок. Впереди отряда поехала в Монок мирная делегация со знаменем «Мир и братство народов». В 5 верстах от станицы был дан первый салютный выстрел из орудия, у въезда в самую станицу—второй. Разведчики, вернувшись из станицы, сообщили, что казаки арестовали в Моноке трех офицеров, собрали оружие дивизиона и сложили его в школе, приготовили для нашего отряда квартиры и лошадей и собрались все для нашей встречи в самом централь-

ном месте станицы. Так все и случилось. Вскоре же явились представители от станиц Монокской, Имекской и Таштыпской и заявили, что у них в станицах, вместо старого, отжившего свой век станичного управления, организованы советы казачьих и крестьянских депутатов. Кроме того представители просили штаб принять участие в открывающемся на улице митинге. На митинге собрались казаки всех четырех станиц, наши товарищи красногвардейцы и много другой публики. В Моноке нашему отряду было сдано оружие дивизиона и арестованные, в том числе и атаман с. Каратуза Шошин».

Вне всякого сомнения, что уже тогда заправилы казачества замышляли взять реванш. При сдаче оружия командованию Красной гвардии казаки припрятали значительную его часть, сдав лишь половину дивизионных запасов. Это впоследствии подтвердилось в полной мере.

«Еще более внушительной вышла демонстрация нашего отряда при въезде в Таштып. Там наш отряд был встречен делегацией от населения, которая поднесла начальнику наших всех отрядов—т. Г. Лебедеву «хлеб-соль» и просила занять станицу отрядом для окончательного установления власти советов. На собрании граждан с. Таштыпского было постановлено немедленно же послать представителя в Минусинский совет, отказаться навсегда от звания казака, организовать при совете Красную гвардию. За исключением Сотникова и двух офицеров—Прохорова и Полякова—почти все разбежавшиеся офицеры и контрреволюционеры, сопровождавшие дивизион из Каратуза, были пойманы казаками и красногвардейцами и доставлены в штаб нашего отряда в Таштыпе. Сотников, Прохоров и Поляков успели скрыться в Кузнецкий уезд. Погоня, отправленная за ними, не могла их настигнуть, несмотря на все усилия с ее стороны».

25 марта «рабоче-крестьянская армия», действовавшая против казачьей контрреволюции, вернулась в г. Минусинск. Остававшийся в Минусинске отряд Красной гвардии и вернувшиеся ранее участники похода против Сотникова вышли за город и выстроились шпалерами, ожидая приближения отрядов, которые везли отобранное оружие и арестованных офицеров.

При подходе этих отрядов встречавшие их красногвардейцы дали салютный выстрел из орудия, на который прибывшие отряды ответили залпом из винтовок. Оркестр играл интернационал. На месте встречи был устроен митинг, после которого все отряды вошли в город, восторженно встреченные населением. Офицеров посадили в местную тюрьму; впоследствии для суда над ними они были препровождены в красноярскую тюрьму.

На следующий день было снято военное положение и организована вооруженная демонстрация всех частей Красной гвардии и всех сочувствующих власти советов, во время которой был устроен митинг, посвященный происшедшим событиям и роли в них Красной гвардии.

Что же происходило во время похода рабоче-крестьянской Красной гвардии против Сотникова в самом городе Минусинске? Разоблаченные посредством документов, найденных у Казанцева, эсеры и меньшевики на предложение редакции «Известий» высказаться по поводу происходивших событий и заявить о своей позиции отделались одним только обещанием. По существу они были прямыми сторонниками Сотникова. Только решительные меры Минусинского совета заставили их воздержаться от открытой борьбы против власти советов.

С уходом из города главных вооруженных сил там остался незна-

Отряд Красной гвардии во главе с Военно-революционным штабом на демонстрации после ликвидации сотниковского мятежа.

чительный отряд Красной гвардии при одном пулемете. Зная это и учитывая, что значительная часть советского и партийного актива находится в походе против Сотникова, минусинские контрреволюционеры решили использовать этот момент для захвата Совета. Предлогом для этого они избрали убийство инженера Берсенева, совершенное уголовными элементами с целью грабежа. По городу распустили слухи, что убийство совершено красногвардейцами и стали раздаваться призывы громить Совет.

Особой остроты эта клеветническая агитация и травля достигли в день похорон Берсенева. На могиле произносились погромные речи, а после их окончания толпа буржуазии, мещан и буржуазной интеллигенции направилась к зданию казначейства, где находился красногвардейский отряд и оставшаяся часть Военно-революционного штаба. У соседнего с казначейством здания городской управы был устроен митинг, участники которого потребовали явки представителя Совета для объяснения.

Предварительно посоветовавшись с товарищами и приготовив отряд, туда пошел Катаев—товарищ председателя Совета. Стоило ему сказать несколько слов и предложить разойтись, как к нему потянулись десятки рук, чтобы сбросить его с крыльца. Выбравшись из толпы, т. Катаев скрылся во двор, где находился отряд красногвардейцев. Толпа гудела.

Быстро открылись ворота двора казначейства и оттуда стремительно по улице рассыпался цепью отряд красногвардейцев. На предложение разойтись толпа ответила насмешками, но после произведенного в воздух первого же залпа все разбежались, сминая в суматохе друг друга. Так окончилась попытка контрреволюционных сил города захватить Минусинский совет.

Местные эсеры и меньшевики всеми своими действиями и поведением способствовали этому антисоветскому акту и совершенно отчетливо выявили свою истинную сущность в качестве ярых контрреволюционеров и соучастников похода Сотникова.

Почти через месяц после ликвидации казачьего движения Минусинский совет создал чрезвычайную следственную комиссию для выявления активных участников контрреволюционного движения атамана Сотникова, предоставив ей право налагать контрибуцию. Комиссию возглавлял т. Плотников А., его заместителем был Сафьянов Михаил, секретарем—т. Гидлевский К. и членами: Гущин Е., Воронцов, Носов, Мошкин и Сергеев.

Чрезвычайная следственная комиссия тщательно опросила около 80 человек, работая в станицах Монокской, Таштыпской, Арбатской и Абаканском железоделательном заводе, куда она ездила еще и для специального расследования, связанного с травлей местных советских работников администрацией завода во главе с инженером Сергиевым и его приспешниками. Расследование показало, что в то время как в городе контрреволюционные силы для поддержки Сотникова мобилизовал поп Владимир Кузьмин с помощью эсеров и меньшевиков, в это время в Таштыпе действовал в том же направлении его отец Иван Кузьмин. Все идейные нити казачьей контрреволюции в Таштыпе вели к нему.

Имея задачу главным образом выявить головку сотниковского движения, комиссия привлекала к ответственности только богатых казаков, наложив на них контрибуцию и собрав ее в сумме 100 тыс. руб. С окончанием работ комиссии закончилась ликвидация сотниковского мятежа.

В начале апреля 1918 г. т. Лебедев в качестве представителя Минусинского совета был командирован в Красноярск для доклада о деятельности Совета, связанной с ликвидацией казачьего контрреволюционного движения.

Пленумом Красноярского совета все мероприятия Минусинского совета по борьбе с Сотниковым были одобрены.

Вся эта деятельность Минусинской коммуны по ликвидации казачьего движения происходила под непосредственным руководством партийной организации большевиков и при живейшем участии и огромном энтузиазме широких трудящихся масс как города, так и деревни.

Коммуна в деле ликвидации сотниковского восстания проявила исключительное мужество, находчивость, умение организовать массы и повести их в бой с заклятыми врагами пролетарской революции.

Победа над Сотниковым и контрреволюционным казачеством Минусинского края привела к тому, что ставка буржуазии и помещиков на создание нового антисоветского плацдарма в Сибири для борьбы против советов была окончательно бита. Врагам диктатуры пролетариата после поражения Сотникова пришлось отказаться от мысли свергнуть советскую власть в Сибири с помощью только внутренней контрреволюции и искать для этого новых путей уже по линии иностранной интервенции.

Глава VII

ЛИКВИДАЦИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ТАННУ-ТУВЕ

Империалистическая политика в Танну-Туве до революции

Ведя борьбу за установление диктатуры пролетариата, минусинская организация большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов не имели первое время возможности уделять внимание соседней с Минусинским краем Танну-Туве[1]. Вместе с тем, сосредоточение в Туве старого царского чиновничества, купцов, золотопромышленников, а также других колонизаторов правоэсеровской формации и борьба порабощенного тувинского народа с империалистами настоятельно требовали от Минусинской коммуны реальной помощи рабочим и деревенской бедноте прежней колонии и особенно революционному национально-освободительному движению тувинского народа.

И такая помощь Минусинской коммуной была оказана, как только явилась к этому возможность. Коммуна смогла оказать реальную поддержку революционному движению Танну-Тувы, после того как в Минусинском крае было ликвидировано выступление контрреволюционного казачества.

26 марта 1918 г. пленум Минусинского совета по вопросу об Урянхайском крае вынес следующее решение:

«Снарядить экспедицию в Урянхайский край для окончательного уничтожения контрреволюционного засилия. Выполнение этого постановления поручается Исполнительному комитету».

Через два дня после этого экспедиция была снаряжена. Небольшому по численности отряду красногвардейцев было приказано двинуться в Танну-Туву. Отряд был обеспечен хорошим вооружением. В его распоряжении имелось: одно 3-дюймовое горное орудие с 28 снарядами, два пулемета с 10 лентами, 110 винтовок русского образца с 3 500 патронов к ним и 90 итальянских с 3 тыс. патронов. Такое вооружение отряда значительно превышало его людской состав.

---

[1] До революции эту страну китайские завоеватели и монгольские феодалы называли Урянхаем, а русские империалисты Урянхайским краем или Сойотией. Оба эти названия являлись оскорбительными для тувинского народа, населяющего эту страну, и были изъяты из употребления как только Октябрьская революция захватила в орбиту своего влияния национально-освободительное движение тувинского народа.

Делалось это в расчете на то, что по прибытии отряда в пограничный Усинский район к нему в случае надобности могут присоединиться усинские красногвардейцы. Во главе экспедиции были поставлены: член комитета минусинской организации большевиков Иннокентий Сафьянов, заведующий организационным отделом Михаил Терентьев и комиссар Совета Никифор Крюков.

И. Сафьянов долго жил в Туве, прекрасно владел тувинским языком и был выслан оттуда иркутским генерал-губернатором в 1916 г. за противодействие империалистической политике царского правительства и за связь с тувинскими революционерами. Два другие члена руководящей тройки экспедиции—Терентьев и Крюков—являлись организаторами советского движения в русской колонии Танну-Тувы и также были высланы оттуда белогвардейцами в декабре 1917 г. за попытки установить власть советов в русской колонии Танну-Тувы.

Задачи, которые ставил Минусинский совет перед экспедицией, сводились в основном к следующему: 1) ликвидировать империалистическую политику царизма и керенщины в Танну-Туве путем разоружения казачьей сотни и ареста белогвардейских офицеров, комиссара правительства Керенского и чиновников переселенческого управления; 2) установить в русской колонии Танну-Тувы советскую власть, опираясь на местных рабочих и деревенскую бедноту и ведя решительную борьбу с купцами, золотопромышленниками и прочими колонизаторами; 3) объявить тувинскому народу, что с установлением советской власти он освобождается от всякого подчинения бывшей России и может совершенно свободно устраивать свою жизнь так, как это более всего соответствует его интересам; 4) заключить со свободным тувинским народом, образующим самостоятельную республику, договор, которым определялись бы его взаимоотношения с РСФСР.

Чтобы ясно представить себе, почему Минусинский совет ставил перед экспедицией такие широкие задачи, и объективно оценить работу, которую по заданию Минусинского совета провела экспедиция в Танну-Туве, необходимо прежде ознакомиться с тем, что представляла собой Танну-Тува до революции, какие изменения внесла в ее международное и внутреннее положение Февральская революция и что происходило в ней в первые месяцы после установления диктатуры пролетариата в России, до прибытия экспедиции Минусинского совета.

***

Танну-Тува занимает территорию в 170 тыс. кв. километров между Саянскими горами и Монголией. В ней берет свое начало Енисей—одна из величайших рек мира. Не только по величине занимаемой территории, но и по разнообразию и богатству природных условий эта страна имеет все данные, для того чтобы стать крупнейшим индустриальным центром Азии.

Ископаемые и леса южных отрогов Саянского хребта и Танну-Ола [1] сочетаются в ней с колоссальными запасами гидроэнергии, аль-

[1] Горный хребет Танну-Тувы, имеющий 800 километров протяжения с востока на запад; вершины его достигают 3 500 метров над уровнем моря. Этот хребет находится в самой южной части страны и соприкасается с границами Монголии.

пийскими пастбищами, сравнительно мягким и здоровым климатом и плодородной почвой черноземных каштановых и лессовых степей. С незапамятных времен страна эта являлась местом оседания различных кочевых народов, которые оставили в ней много памятников в виде древних дорог, оросительных каналов, крепостей, каменных изваяний, курганов и т. д.

Тувинцы, или как они сами себя называют танну-тува-улус, являются коренными жителями страны. Подобно большинству азиатских народов, они представляют собой конгломерат различных монгольских, тюркских и финских народностей. Однако тюркское влияние сказывается здесь значительно сильнее других, и поэтому правильнее будет относить тувинцев к одной из ветвей тюркской национальности, родственной хакасам, казакам и ойротам. В социально-экономическом отношении к моменту Октябрьской революции они представляли собой кочевой народ, сохранивший в своем быту пережитки патриархально-родового строя и находившийся под властью как местных, так и монгольских феодалов и баев.

Главными занятиями тувинского народа до революции были: табунное животноводство, охота и поливное земледелие. Первые две отрасли имели товарный характер; последняя как подсобная обслуживала в основном потребности самих производителей.

С середины XIX века капиталисты Европы, Америки и Японии объектом своей империалистической политики сделали и Китай.

В то же время сама китайская буржуазия вела захватническую политику в Монголии, которая в свою очередь через феодалов и духовенство порабощала тувинский народ.

Царская Россия, колонизировав Сибирь до берегов Тихого океана, начала проникать на юг: через Троицко-Савск и Кяхту во внешнюю Монголию, из Бийска в западную, через Саяны и зимним путем по Енисею в Танну-Туву.

Благодаря бессилию тувинского народа, ненасытным аппетитам манчжурской династии, политике русских колонизаторов и крепостническим интересам монгольских князей и лам, Танну-Тува стала ареной международной борьбы между Россией, Китаем и Монголией. Формально тувинцы являлись подданными манчжурской династии, и страна их составляла часть Китайской империи. Однако это не мешало России проявлять более чем когда-либо активность в своей захватнической политике по отношению к Танну-Туве. Русские воспользовались неопределенностью границ между Китаем и Россией на всем протяжении Саянского хребта, а также привилегиями, полученными при заключении торговых договоров с Китаем под видом устройства торговых факторий и стали усиленно колонизировать Танну-Туву.

В 1912 г. произошли события, коренным образом изменившие реальное соотношение сил в пользу царской России. С этого момента вплоть до Октябрьской революции идет фактическая оккупация Танну-Тувы Россией и превращение тувинцев в подданных русского царя.

Народы Монголии и Танну-Тувы воспользовались китайской революцией 1911 г. для начала борьбы за свое освобождение от ига

китайских феодалов и торгового капитала. Вследствие поддержки царского правительства, которое стремилось использовать китайскую революцию в своих империалистических целях, захват Монголии, за исключением Кобдосского округа, произошел почти без кровопролития. Китайцы, не оказав сопротивления, отступили, и их место заняли монгольские и русские чиновники, которых царское правительство командировало в качестве советников к вновь образованному монгольскому совету министров. В Кобдосском районе китайские купцы оказали упорное сопротивление, но в конце концов они все же были разбиты соединенными отрядами монголов и тувинцев под командой известного монгольского деятеля Джаламы. В самой Танну-Туве дело свелось к тому, что, организовавшись в своеобразные партизанские отряды, тувинцы окружили китайские торговые фирмы, арестовали купцов и предложили им отправиться туда, откуда те явились, а весь товар и заготовки поделили между собою.

Отношение тувинцев к русским колонизаторам было враждебным и до 1912 г. Если китайцев они называли «сарых азалар» (желтые черти), то и о русских в народном быту встречались такие выражения, как «орус кижи имэс» (русский—не человек). На русские торговые фактории неоднократно делались нападения, за которые нападавшие потом жестоко наказывались китайскими чиновниками. На насильственный захват русскими колонизаторами земель, занятых прежде зимниками и летниками, тувинцы отвечали массовыми кражами лошадей и скота, причем эти действия в правосознании народа не считались позорными, и кайгалы (конокрады) пользовались среди одноулусников уважением, в то время как чуданы (обыкновенные воры) презирались.

Сбросивши в 1912 г. китайское иго, тувинский народ оказался лицом к лицу с империализмом царской России. Иркутский генерал-губернатор, в ближайшем ведении которого находилась «урянхайская политика», командировал в Танну-Туву особого комиссара, на обязанности которого лежало отобрать у тувинских хошунов их родовые печати и подготовить тувинское население к принятию «милости белого царя». Милость эта в конечном счете должна была свестись к переходу тувинцев в подданство России. Переселенческое управление объявило «Урянхай» открытым для колонизации. По линии Сибирской железной дороги и по волостям Минусинского края широко рекламировались тучные земли «Урянхая».

В результате этих действий в Танну-Туву хлынула волна переселенцев. За шесть лет—с 1912 по 1918 г.—русское население в Танну-Туве увеличилось на 30%. Начали усиленно строиться церкви, тюрьмы, русские школы и проводиться дороги. Был заложен город Белоцарск. Появились русские судьи, которые стали применять к тувинским кайгалам русские законы. Минусинская тюрьма наполнилась тувинцами. Венцом этой политики явилась подтасовка верноподданнических телеграмм от тувинского народа «белому царю». Танну-Тува фактически стала уже новой областью Сибири, хотя формального присоединения ее к России еще не было. Имелась ли по этому поводу какая-либо договоренность у царского

правительства с союзниками, мы не знаем, но царские чиновники вели себя в Танну-Туве как истые хозяева положения: они держали при себе сотни казаков, запрещали называть Танну-Туву заграницей, с тувинскими властями разговаривали в повышенном начальническом тоне и при малейшем возражении пороли их плетьми.

Февральская революция и проникновение империалистических настроений в среду зажиточного крестьянства

Февральская революция не внесла существенных изменений в положение страны, хотя несомненно уже она пробудила у тувинского народа стремление к борьбе за освобождение от гнета русских империалистов.

После свержения самодержавия в 1917 г. русские колонизаторы Танну-Тувы, охваченные империалистическими вожделениями, вместе с царскими чиновниками проявили определенное желание всеми силами удержать Танну-Туву за Россией.

Это нашло свое выражение в постановлении первого краевого съезда русской колонии в Танну-Туве, состоявшегося под председательством монархиста Чакирова 6 марта 1917 г. На этом съезде был представлен «цвет» купечества, промышленной буржуазии и чиновничества. Но в то же время на нем в достаточном количестве присутствовали и представители зажиточного крестьянства, которые также присоединились к резолюции съезда, предлагавшей не отдавать ни одной пяди земли ее истинному хозяину—тувинскому народу.

Когда об этой резолюции стало известно Минусинской организации РСДРП (большевиков), она подняла через Комитет общественной безопасности тревогу по поводу событий в Танну-Туве и выдвинула требование о посылке в Танну-Туву комиссаром члена Комитета общественной безопасности И. Сафьянова. Комитет общественной безопасности вынужден был согласиться с этим требованием минусинской большевистской организации и послал в Петроград Временному комитету Государственной думы телеграмму следующего содержания:

«Петроград. Временному комитету Государственной думы. Минусинский комитет общественной безопасности после доклада члена комитета И. Сафьянова, много лет жившего в Урянхайском крае, обращается к вам со следующим.

Пять лет тому назад, сбросив с себя цепи китайского ига, урянхайский народ под давлением русского комиссара обратился к царю с просьбой оказать ему помощь в борьбе с китайскими властями. Русский царь ответил, что Россия принимает тувинцев под свое покровительство и окажет возможное содействие. После этого в Урянхай были посланы комиссар Григорьев, тот Григорьев, по вине которого в Енисейской губернии погибло от голода и болезней много сотен переселенцев, чиновник переселенческого управления Габаев и мировой судья Барашков. Эти лица, пользуясь поддержкой свыше, начали порабощать урянхайский народ. Комиссар самовольно при помощи солдат и казаков сместил почти всех местных родовых правителей, заменил их своими кандидатами, действия которых подчинил контролю полицейских приставов.

При малейшем протесте со стороны населения он начал посылать карательные экспедиции и позволял своим ставленникам применять жестокие пытки и порки. Десятки лучших людей страны были замучены до смерти. Переселен-

ческие чиновники разделили весь край на участки, сделали топографические съемки и образовали огромный земельный фонд для будущего переселения туда русских. Они также потратили более миллиона народных денег на постройку никому не нужного города Белоцарска. Мировой судья начал вводить русский суд, совершенно игнорируя местные суды, и за три года уморил в камерах минусинской тюрьмы до 30 человек жителей не принадлежащего нам Урянхая. Самое элементарное представление права и справедливости было попрано этим судьей. Урянхайский народ, так доверчиво отдавшийся под покровительство царской России, гибнет, изнемогая под гнетом рабских цепей. Просим вспомнить в эти радостные для всех нас дни о несчастном Урянхае и принять экстренные меры к его освобождению» [1].

Русские колонизаторы в Танну-Туве, узнав через минусинскую буржуазию о посылке такой телеграммы в Петроград, весьма встревожились и решили во что бы то ни стало воспрепятствовать освобождению тувинского народа. Они закидали министерство внутренних дел Временного правительства клеветническими доносами на И. Г. Сафьянова, называя последнего изменником государства российского, стремящимся «отторгнуть от России ее нераздельную часть— Урянхай».

Министерство внутренних дел в лице товарища министра Леонтьева саботировало разрешение этого вопроса.

Тогда минусинские организации во главе с Советом рабочих и солдатских депутатов обратились через своего представителя, находившегося в центре, в Петроградский совет рабочих депутатов с подробной докладной запиской о реакционном, империалистическом движении в Танну-Туве. Президиумом Петроградского совета рабочих депутатов было послано в министерство внутренних дел категорическое требование о прекращении империалистической политики в Танну-Туве и командировании туда комиссаром И. Г. Сафьянова для борьбы с империалистическим засилием царских чиновников, купцов и золотопромышленников. Министерство внутренних дел в конце концов вынуждено было согласиться с этим требованием Петроградского совета, поручив своему сибирскому комиссару Зубашеву уполномочить И. Г. Сафьянова поехать в Танну-Туву для выяснения на месте вопросов, связанных с международным положением этой страны.

Еще до приезда т. Сафьянова в Танну-Туву царский комиссар Григорьев уже был устранен, и место его занял избранный русскими колонизаторами временный краевой комитет под председательством бывшего чиновника переселенческого управления Ермолаева, объявившего себя «социалистом». В состав этого комитета, кроме Ермолаева, входили монархисты Самойлов и Местергази, «беспартийный» Пешкин и сочувствовавший эсерам Левченко В. П.

По прибытии И. Г. Сафьянова в Белоцарск [2] Временный краевой комитет устроил совещание, на которое пригласил тувинцев близлежащих хошунов, а также купцов, казачьих офицеров и бывших чиновников во главе с оголтелым монархистом и колонизатором Чакировым. На этом совещании, кроме известных колонизаторов, присутствовали также два представителя демократической общественности— председатель Знаменского комитета общественной безопасности

[1] Взято с черновика телеграммы из архива И. Г. Сафьянова.

[2] Теперь на месте Белоцарска построена столица Тувинской республики— Кызыл-Хото (Красный город).

Терентьев М. М. и председатель Белоцарского комитета—Ткачев Т. Г.

На совещании отчетливо выступило недовольство тувинского народа империалистической политикой русских колонизаторов и настойчивое желание освободиться от навязанного царской Россией протектората.

Как ни старался председатель совещания Ермолаев помешать откровенному высказыванию тувинцев, но они все же сумели выявить свой взгляд на хищническую политику русских колонизаторов. Совещание обсуждало три вопроса: 1) о выборах представителя от тувинцев в русское учредительное собрание; 2) о созыве русско-тувинского съезда; 3) о выборе представителя от тувинцев во Временный краевой комитет.

Тов. Сафьянов пытался поставить на этом совещании вопрос о самоопределении Танну-Тувы, но встретил со стороны подавляющего большинства русских участников совещания решительный отпор. С мнением тувинских представителей совещание также не пожелало считаться. В ответ на требование И. Г. Сафьянова— поставить первым вопрос о самоопределении Танну-Тувы, русские участники совещания ответили замечательной резолюцией:

«Предварительное совещание, заслушав заявление гражд. Сафьянова о желании официальных представителей Сальчжакского хошуна поднять вопрос на смешанном заседании о политической самостоятельности Урянхая и нежелании признавать протекторат государства российского, постановило: выслушать соответствующее заявление представителей Сальчжакского хошуна, прений по этому вопросу не допускать, указав им через председателя, что только одно Учредительное собрание правомочно в разрешении этого вопроса, что, следовательно, до созыва такового вопрос этот обсуждению и решению не подлежит и что протекторат России по отношению к Урянхаю остается в полной силе, что всякое отклонение от этого, направленное против личной и имущественной безопасности русского и урянхайского населения, в случае надобности, будет поддержано вооруженной силой, с какой бы стороны эти посягательства ни исходили».

С исключительной наглостью держал себя на совещании новоявленный вождь русских колонизаторов «социалист» Ермолаев. Когда тувинскими представителями был выдвинут вопрос о самоопределении Танну-Тувы, Ермолаев резко оборвал их. В протоколе совещания зафиксирован следующий любопытный диалог по этому поводу между Ермолаевым и тувинскими представителями:

«*Представитель от сальчжаков.* Прежде, чем вырешить вопрос о посылке представителя в Учредительное собрание, необходимо выяснить, в каком положении Урянхай находится по отношению к России.

Председатель совещания указывает, что покровительство России над Урянхаем незыблемо, о чем им было сказано в своей речи вчера. На обсуждение этого вопроса совещание не уполномочено, ибо это дело Учредительного собрания.

После этого присутствующим прочитана резолюция, вынесенная в экстренном предварительном совещании комитета с делегатами от Усинского округа и прочими лицами утром сего числа.

Тувинский представитель Дзахирокчи Чамсры. Сами мы человека посылать не можем, так как и Россия и Монголия, обе претендуют на Урянхай; если посылать представителя в Петроград, то нужно посылать и в Ургу. Просит точно указать, чьи же в действительности урянхи.

Председатель совещания. Россия имеет право протектората; Монголия же сама зависит от Китая и такого права иметь не может. По вопросу—кому принад-

лежат урянхи—председатель поясняет, что такое указание даст Учредительное собрание.

Тувинский представитель Демчи-Батма. Во время еще Манчжурской династии было так, что дела урянхов решались урянхами, а русских—русскими».

Учитывая неудовлетворенность тувинских представителей результатами этого совещания, И. Г. Сафьянов в заключительном слове обратился к ним со следующими словами:

«Много нужно подумать вам об отношении одного хошуна к другому и об учреждении среди тувинского народа одной сильной и твердой власти, которая бы в единении со своим народом ввела в Туве свое собственное, а не монгольское или русское управление» [1].

Эти слова И. Г. Сафьянова, хотя и весьма осторожные, вызвали со стороны большинства русских участников совещания злобу и негодование. По окончании совещания т. Сафьянов вынужден был из-за враждебного отношения русских колонизаторов, угрожавших расправой, уехать обратно в Минусинск.

После этого в Танну-Туве установилась военная диктатура казачьих офицеров Местергази и Магомаева. Приехавший в Танну-Туву вместо И. Г. Сафьянова новый комиссар Временного правительства Турчанинов оказался ярым монархистом. В союзе с казачьими офицерами, купцами и золотопромышленниками, опираясь на поддержку Ермолаева и его сторонников, он повел контрреволюционную работу в Танну-Туве. Тувинский народ, затаив в глубине души ненависть к русским империалистам, открыто выступать не решался, но положение было крайне напряженное. Один из тувинских общественных деятелей Джергалан-Хелин пытался организовать среди тувинцев восстание против русских империалистов, но сам был вынужден бежать в Монголию, так как комиссар Турчанинов отдал приказ об его аресте.

С особой остротой классовая борьба в русской колонии Танну-Тувы развернулась только после корниловских дней. В конце сентября рабочие приисков и Белоцарска организовали советы рабочих депутатов, которые ставили задачей объединить рабочих для борьбы с колонизаторами. В начале октября, по инициативе М. М. Терентьева, Знаменский сельский сход постановил созвать съезд трудового крестьянства для выборов Совета крестьянских депутатов. Вскоре такой съезд состоялся, и избранный им Совет крестьянских депутатов вошел в переговоры с краевым земством о совместной деятельности по организации трудового крестьянства. Земство формально не возражало против этого предложения Совета крестьянских депутатов, но фактически всеми мерами старалось саботировать его работу.

Подавление попыток организации советской власти в русской колонии Тувы

Решительное столкновение между рабочими и бедняцко-середняцкой массой колонии, с одной стороны, и колонизаторами, которые возглавлялись комиссаром Турчаниновым и казачьими

[1] Цитируется по протоколам совещания, имевшимся в распоряжении авторов книги.

офицерами, с другой, произошло в начале декабря на общекраевом съезде русской колонии в Танну-Туве, который был созван земской управой.

В № 15 минусинской газеты «Известия» от 1 января 1918 г. помещен протокол одного из заседаний этого съезда с комментариями к нему председателя съезда М. М. Терентьева и секретаря М. Я. Крючкова. Приводим выдержку из него. Эта выдержка дает картину событий того периода и с замечательной яркостью рисует классовую борьбу в русской колонии Танну-Тувы после Октября 1917 г.

«Большинством постановляется перейти к обсуждению второго пункта программы об организации Совета рабочих и крестьянских депутатов Урянхая. *Ермолаев*[1] обращает внимание делегатов на то, что перемена властей, которой мы занимаемся, неблагоприятно отзовется на урянхах, в глазах которых рронять авторитет власти опасно, и призывает подумать об этом. *Квитный* (делегат от Бояровки) говорит, что председателю земской управы Ермолаеву повидимому нужно, чтобы у власти оставался Николай II. *Гурков* (с места) говорит: «правильно, в двух словах—все сказано». После перерыва секретарь съезда оглашает приветственную телеграмму от Красноярского губернского народного комиссариата. *Крюков* поясняет телеграмму и читает воззвание Минусинской организации большевиков. *Вовк* говорит, что кадеты употребляют все силы, чтобы ввести народ в заблуждение, они стараются проникнуть в Учредительное собрание под видом эсеров. Вот почему такие, как переселенческий начальник Шкунов, с наступлением свободы вдруг объявили себя эсерами. «Нас пугают войной с Америкой и Европой. Нас пугают также урянхами, чтобы оставить в крае казаков, за спиной которых можно было бы продолжать империалистическую политику старого правительства». После этих слов Вовка отколовшаяся группа колонизаторов шумно поднимается с мест и уходит с заседания. *Председатель* заявляет, что уходом отколовшейся группы срывается кворум и предлагает решить вопрос, как работать дальше. Подсчет устанавливает, что на собрании осталось 33 делегата, откололось 25 делегатов, из которых большая часть оказалась кемчикскими и шаганарскими купцами. *Непомнящий С. А.* (делегат от рабочих Белоцарска) предлагает вынести резолюцию о причинах раскола. После перерыва съезд принимает резолюцию в следующей редакции: 25 делегатов крестьян-богатеев и торгующих людей Урянхая не пожелали участвовать в работах краевого съезда, который подавляющим большинством своим (33 делегата) стал на сторону народа, представляя нуждающуюся и трудовую часть населения. Отколовшиеся явно желали сорвать съезд, уверяя, что оставшееся большинство делегатов не хочет заслушивать отчета земской управы, тогда как оно настаивало на рассмотрении этого отчета, но не в первую очередь, как предлагал Ермолаев, а в порядке программы, принятой съездом. На съезде был поднят вопрос об организации Совета крестьянских и рабочих депутатов Урянхая и этот вопрос является настоящей причиной ухода отколовшейся группы, сочувствующей чиновникам, казачьим офицерам, купцам и земской управе. Ввиду этого оставшееся большинство съезда постановляет при созыве нового съезда прежде всего создать Совет крестьянских и рабочих депутатов, реорганизовав, сократив и подчинив ему все существующие белоцарские управления и канцелярии. Большинство постановляет созвать новый съезд трудящихся колонии на 1 января 1918 г. Протокол заседания оглашается и подписывается всеми делегатами. Заседание закрывается в 10 часов вечера».

А около 11 часов вечера, после совещания комиссара Турчанинова с офицерами казачьей сотни, судьями, чиновниками и земством, происходившего на квартире комиссара, были арестованы президиум

[1] Уже упоминавшийся нами председатель земской управы и Краевого комитета, правый эсер.

съезда и делегат от Белоцарска большевик Н. Г. Крюков. На следующий день соединенное собрание участников съезда и рабочих Белоцарска потребовало от комиссара освобождения арестованных. Комиссар уступил настоятельности требований и сделал распоряжение об освобождении, но казачьи офицеры этому распоряжению не подчинились. Арестованные Крюков, Крючков и Тереньтев после двух суток заключения были высланы под конвоем казаков из пределов Танну-Тувы. Вечером 23 декабря 1917 г. они прибыли в Минусинск.

Дальнейшие события в Танну-Туве показали, что, несмотря на высылку руководителей советского движения, рабочие и деревенская беднота колонии твердо решили продолжать борьбу за советскую власть, каких бы жертв эта борьба ни потребовала. В январе рабочими Белоцарска был вновь избран Совет рабочих депутатов и сделана попытка установить власть Советов. Газета «Известия» в № 23 от 13 января помещает следующие две телеграммы, полученные из Белоцарска:

1) «Восьмого января создан Совет рабочих в Белоцарске. Просим поддержать. Совет».

2) «Земская управа Советом рабочих в Белоцарске не признается. Подробности почтой. Совет».

Банда Местергази—Турчанинова—Ермолаева, арестовывая и высылая руководителей советского движения в Танну-Туве Крюкова, Крючкова и Терентьева, не учла самого главного,—что советское движение имеет глубокие корни в среде трудящегося населения колонии и что рабочие и трудящиеся крестьяне, борющиеся за свое освобождение от гнета капиталистов и помещиков, смогут выдвинуть новых руководителей. Однако Совет рабочих депутатов в Белоцарске был вскоре разогнан казачьими офицерами, и Исполнительный комитет его в составе Непомнящего Селиверста, Волкова и Родака был арестован и выслан в Минусинск.

Борьба Минусинского совета с контрреволюционными элементами в Танну-Туве и организация советской власти в русской колонии

Минусинский совет, узнав о разгоне Совета рабочих депутатов в Белоцарске, закрыл кредиты, которые отпускались центром на содержание комиссара Турчанинова, переселенческого управления и казачьей сотни. Положение контрреволюционеров в Танну-Туве на момент сделалось критическим. Но скоро им на помощь пришли купцы, золотопромышленники и земская управа во главе с Ермолаевым. После этого они вновь ожили и с еще большим злопыхательством повели борьбу с развивающимся революционным движением в Танну-Туве. 13 марта состоялся IV съезд русской колонии, на котором благодаря присутствию большого количества фронтовиков сопротивление буржуазии и кулачества было сломлено. Съезд постановил немедленно создать «Краевой совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» и послал в Минусинск телеграмму, приглашая ранее высланных колонизаторами товарищей вернуться для советской работы в русской колонии Танну-Тувы. Характерным для IV съезда рабочих и крестьян русской колонии Танну-Тувы было то, что на нем почти отсутствовала интеллигенция,

единственным представителем ее был усинский учитель С. К. Беспалов, член партии большевиков. Съезд встретил его восторженно как организатора и руководителя Усинского совета крестьянских депутатов. С появлением Беспалова руководство съездом перешло к нему.

Офицеры казачьей сотни, учитывая настроение рядовых казаков, согласились вначале на требование съезда дать письменное обязательство не вмешиваться в советскую работу. Однако, когда избранный съездом Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов предложил казакам сдать оружие и уехать на родину в Забайкалье, офицеры сумели заставить казаков разогнать съезд и арестовать членов Крайсовета. Во время разгона съезда были тяжело ранены тт. Лесковский и Кошелев. После произведенного погрома казачья банда эвакуировалась из Белоцарска по направлению к Монголии, захватив с собою в качестве заложников тт. Беспалова, Вовка и делегата рабочих Цивинского. Вовк при вывозе из Белоцарска был жестоко избит озверевшими пьяными казаками. Узнав о захвате Беспалова и других заложников и увозе их казаками из Белоцарска, Совет крестьянских депутатов села Усинского арестовал двух близких родственников и единомышленников русского колонизатора Танну-Тувы Вавилина—купца Иосифа Кузнецова и врача Высоцкого. При этом Усинский совет предложил жене Высоцкого догнать казачью сотню и передать ей требование о немедленном освобождении Беспалова, Вовка и Цивинского. «В случае неисполнения этого требования,—писал казакам Усинский совет,—Высоцкий и Кузнецов будут расстреляны». Мера эта подействовала: заложники были освобождены и благополучно вернулись в Белоцарск как раз в тот момент, когда туда прибыла экспедиция Минусинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во главе с Крюковым, Ин. Сафьяновым и Терентьевым.

Немедленно же был восстановлен Краевой совет; в состав его были кооптированы прибывшие из Минусинска три товарища. Председателем Крайсовета был единогласно избран т. Беспалов, а его заместителем т. Терентьев.

С момента прибытия экспедиции Минусинского совета в Танну-Туву и восстановления разгромленного казаками Крайсовета можно считать советскую власть в русской колонии Танну-Тувы установившейся. Это было в начале апреля 1918 г.

Краевой совет в качестве очередных задач своей деятельности на первый план выдвинул: 1) организацию власти трудящихся во всей колонии; 2) национализацию крупных хозяйств колонизаторов, их сельскохозяйственных экономий и промышленных предприятий; 3) созыв съезда представителей тувинского народа для объявления на нем тувинцам отношения победившей революции пролетариата к империалистической политике царизма и для разрешения вопроса о самоопределении Танну-Тувы.

В течение нескольких недель почти во всех поселках русской колонии Танну-Тувы образовались советы крестьянских депутатов; на золотых приисках и других промышленных предприятиях были созданы советы рабочих депутатов. Рабочими и бедняцко-середняцкой массой колонии прибытие экспедиции Минусинского совета было

встречено с большим энтузиазмом. Чувство симпатии к новым русским «кызыл-орус» (красные русские), представителям советской рабоче-крестьянской России, охватывало по преимуществу массы аратского (бедняцкого) населения Танну-Тувы. В то же время тувинские баи (кулаки) не желали создавать самостоятельной республики, а стремились присоединиться к соседней Монголии. За присоединение к Монголии вело усиленную агитацию и ламаистское духовенство, являвшееся агентурой монгольских феодалов.

С другой стороны, кулацкие элементы русской колонии, встревоженные разговорами о предстоящем самоопределении Танну-Тувы и мероприятиями Крайсовета в области национализации крупных частновладельческих хозяйств, стали вести агитацию среди населения против советской власти. Прежде всего эта агитация сказалась в том, что начали раздаваться голоса о разделе национализированного имущества между индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Крупные помещики-колонизаторы—Вавилин, Медведев и Шепелин, которых в первую очередь коснулась национализация, вошли в сделку с контрреволюционерами из Монгольской экспедиции б. Временного правительства, работавшей в Танну-Туве по заготовкам скота, и стали с их помощью спешно сбывать свои табуны в Монголию. Н. Крюков, который принял заведывание земельным отделом Крайсовета, в письме от 20 апреля к И. Сафьянову пишет о всех этих происках врагов советской власти: «Совершенно верно, Вавилин и Медведев поручили Кузнецову сбыть скот частью путем продажи Монгольской экспедиции, частью угоном за хребет Танну-Ола, но им чертовски не везет. Все почти у нас в руках; и Кузнецов с Пархоменко у нас же в плену. Часть скота Шепелина также у нас, но сколько—определенно не знаю. Вполне не только согласен со всем, что вы пишете мне, но и провожу все это в жизнь на пленарных заседаниях. Результатов блестящих не добился, но кой-что сделанное мной в этом направлении вызывает недоверие ко мне в Крайсовете со стороны крестьян—не понимает мужик коммуны. Добился отмены распродажи национализированного скота, убедив, что он является достоянием всей республики, а не одного только русского населения Урянхая» [1].

В другом письме от 21 апреля Крюков указывает на разногласия, которые возникли в Крайсовете по поводу созыва тувинского съезда. Н. Крюков и Ин. Сафьянов настаивали на том, чтобы представителями на съезде были не найоны (управляющие хошунами), ламы и высшие чиновники, а выборные от народа, по преимуществу бедняки-араты, и чтобы перед созывом учредительного съезда тувинцам была предоставлена полная возможность устраивать совещания и съезды по хошунам. Большинство Крайсовета считало нецелесообразным отстранять найонов, высших чиновников и лам от решения судеб тувинского на-

[1] И. Сафьянов и Н. Крюков настаивали с самого начала национализации на образовании Краевой коммуны. Со стороны части крестьян, членов Крайсовета, это предложение встречало резкую оппозицию. Они высказывались против коммуны и совхозов, за раздачу национализированного скота индивидуальным крестьянским хозяйствам. Это письмо Н. Крюкова и следующее взяты из архива И. Г. Сафьянова.

Совещание Краевого совета с тувинскими аратами в Танну-Туве. В центре—председатель Крайсовета т. Беспалов и уполномоченные Минусинской коммуны тт. Сафьянов, Крюков и Терентьев.

рода и отрицательно относилось к созыву хошунных съездов и совещаний.

Однако все эти разногласия, трудности и недоразумения внутреннего порядка были скоро изжиты перед лицом наступившей контрреволюции. Уже в телеграмме о национализации крупных частновладельческих хозяйств, помещенной в № 94 минусинской газеты «Известия», Крайсовет отмечает контрреволюционную деятельность Монгольской экспедиции:

«Постановлением Урянхайского краевого совета депутатов,—говорится в телеграмме,—начата национализация крупных частновладельческих скотоводческих хозяйств. Проведению в жизнь этой меры мешает Монгольская экспедиция, представитель которой Пархоменко арестован за покупку национализированного скота у лица, не являющегося владельцем такового, и за провокационное воровство в Совете. Вследствие чего Совет постановил на время национализации капиталистических хозяйств и выяснения прав Монгольской экспедиции запретить ей скупку скота в Урянхае. Документов у членов экспедиции нет. Часть национализированного скота может быть Советом предоставлена для крупных центров в обмен на необходимые для населения Танну-Тувы товары без участия экспедиции, что даст средства для хозяйства колонии. Совдеп».

В дальнейшем члены Монгольской экспедиции стали во главе белобандитского вооруженного выступления, жертвой которого оказались тт. Крюков и Беспалов.

Гражданская война в Танну-Туве

В минусинской газете «Известия» от 1 июня 1918 г. была напечатана статья т. Терентьева, занявшего после смерти Беспалова пост председателя Крайсовета. В этой статье Терентьев подробно описывает непосредственные причины контрреволюционного восстания в Танну-Туве, которое имело место в первых числах мая и охватило северные части страны, граничащие с Усинским районом. Контрреволюционное движение началось и развернулось в селах Туран и Уюк. Туран—богатое село, населенное по преимуществу кулаками-колонизаторами и зажиточными крестьянами. На Уюке, наоборот, значительная часть населения состояла из бедноты. Здесь с первых дней образования советской власти в русской колонии резко проявилась классовая борьба бедных с богатыми. При выборах в Совет уюкская беднота разбила кулаков и колонизаторов наголову и, Уюкский совет, в противоположность Туранскому, образовался из представителей бедняцких слоев населения.

«1 мая в Крайсовдеп,—пишет т. Тереньтьев,—явился председатель Уюкского совдепа Колесников, заявивший, что их Совдеп разогнан кулаками. Красногвардейцы разоружены, так как, поехав на пашню, они оставили ружья дома, которыми завладели белогвардейцы. Секретарь Совдепа т. Скобелин арестован и увезен на Туран. Напуганная беднота разбежалась; белогвардейцы издеваются над семьями бедноты, сам Колесников спасся бегством на лошади. Спустя некоторое время в Белоцарск явилось еще несколько человек уюкской бедноты.

Это обстоятельство побудило Краевой совет послать на Уюк для расследования и примирения враждующих сторон председателя Краевого совдепа т. Беспалова и заведующего земельным отделом т. Крюкова в сопровождении небольшого отряда Красной гвардии под командой т. Зазыбы. 2 мая отряд выступил из

Белоцарска и 3-го прибыл на Уюк. Быстро разоружив уюкских белогвардейцев[1], отряд к вечеру выступил на Туран для разоружения и производства дознания там. Впереди отряда ехали два разведчика, которые, подъезжая к Турану, подверглись нападению засевшей засады. Один из разведчиков т. Норкин был убит, другой вынужден был сдаться. Заслышав выстрелы и заметив падение с коня т. Норкина, отряд остановился, видя, что дело приняло серьезный оборот. Ввиду наступления ночи и агрессивных действий со стороны туранцев отряд решил отложить наступление на Туран до утра следующего дня, а для ночлега вернуться в Уюк. Расстояние между Уюком и Тураном всего 10 верст.

Утром 4 мая тт. Крюков и Беспалов выехали с квартиры, где они ночевали, к контрольному телефонному столбу с намерением переговорить с Белоцарском и Усинском. Ехали они вдвоем без охраны. И когда выехали на площадь против двора дома уюкского кулака Микешина, где квартировала Монгольская экспедиция, с крыши дома началась стрельба, в результате которой Крюков и Беспалов оказались убитыми. Убийцы, забрав оружие и телефонный аппарат, сели в экипаж убитых и уехали на Туран. Красногвардейцы, заметив едущих и не зная, что это едут убийцы, удивлялись, куда это так скоро поехали товарищи. Когда же через несколько минут выяснилось, что Крюков и Беспалов убиты, а промчались убийцы, отряд решил выехать из Уюка вместе с десятью уюкскими товарищами, чтоб не подвергать опасности нападения поселок со стороны туранцев. Забрав тела убитых, отряд выступил вниз по реке Уюку, так как прямая дорога на Белоцарск оказалась занята засадой. Уюкские кулаки всячески старались задержать выезд отряда, умышленно долго не подавая лошадей или давая самых плохих. И не успел отряд красногвардейцев отъехать пяти верст, как в погоню за ним мчался уже отряд вооруженных туранцев численностью около 100 человек. Оставив трупы товарищей на возу, отряд Красной гвардии, в составе которого было не более 30 человек, рассыпался в цепь и начал отступление в боевом порядке. Задерживая пулеметным огнем наступление противника, отряд отступил в тайгу, спрятал там пулемет, забрав затвор от пулемета и оставшиеся патроны, и через горы, где даже не было верховых троп, вернулся в Белоцарск.

Озверевшие пьяные туранцы издевались над трупами Крюкова и Беспалова, раздели их донага и бросили среди степи; когда же вернулись обратно на Уюк, то убили там бедняка Смагина, возившего тела убитых и отказавшегося пойти в наступление против красногвардейцев.

Крайсовет, узнав о происшедшем, снесся с Усинским советом крестьянских депутатов и просил его выслать на Туран отряд красногвардейцев. Усинский отряд во главе с председателем Совдепа т. Филипповым А. прибыл в Туран на сутки раньше белоцарского[2] (последний был задержан начавшимся ледоходом на р. Енисее). Оба отряда сошлись на Уюке, куда были привезены тела убитых товарищей. На месте их смерти были устроены торжественные гражданские похороны. Выступавшие ораторы указывали на погибших товарищей, как на борцов и работников за интересы трудящихся и отмечали ту громадную работу, которую они провели в Танну-Туве».

Митинг закончился следующими словами председателя т. Терентьева:

«Убийцы и их вдохновители понесут заслуженное возмездие. Клянемся именем павших товарищей и этой свежей могилой, что мы так же как и они, не щадя своей жизни, будем стоять на страже революции и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное выступление».

Гул клятвы громадной толпы заглушил слова оратора. Залп из 400 винтовок и орудия закончил погребение погибших товарищей.

---

[1] Очевидно далеко не все белогвардейцы были разоружены, иначе нельзя будет объяснить последующие события.—*Авторы.*

[2] Белоцарским отрядом командовал т. Кочетов С., ставший впоследствии, в 1920—1921 гг., военным вождем партизанского движения в Танну-Туве.

После этого были организованы следственная и контрибуционная комиссии, которые немедленно приступили к работе. Вскоре было установлено, что физическими убийцами тт. Беспалова и Крюкова были три члена Монгольской экспедиции—Неклюдов, Димитрюк и Матвеенко и два уюкских подкулачника—Русских и Симаков.

После окончания работ следственной комиссии виновники контрреволюционного мятежа в русской колонии Танну-Тувы были отправлены на плотах в Минусинск для предания их суду Революционного трибунала.

В числе арестованных и отправленных, кроме перечисленных физических убийц тт. Беспалова и Крюкова, оказались следующие лица: Лукьянов В., Кутузов С., Микешин И. (кулак-колонизатор, основатель с. Уюк), туранский купец Горчаков П., уюкские кулаки—Брюханов А., Ионин Е., Брюханов Н., Потылицын В., Кайгородов И., Казанцев А. и Брюханов П., а также подкулачник Хайницкий А., обвинявшийся в контрреволюционном выступлении и мародерстве, выразившемся в снятии одежды с убитых Крюкова и Беспалова. По этому делу были арестованы также б. комиссар «Урянхайского края» Турчанинов А. и начальник переселенческого управления Федоров М., обвиняемые в контрреволюционной деятельности и создании нелегальной организации, совершавшей террористические акты, жертвой которых пали председатель Крайсовета Беспалов, заведующий земельным отделом Крайсовета Крюков, красногвардеец Норкин и крестьянин-бедняк деревни Уюк Смагин. Обвинительное заключение следственной комиссии, при котором контрреволюционеры препровождались в Минусинск, было скреплено подписями председателя Исполкома Крайсовета Терентьева и секретаря А. Скобелина.

Терентьев Михаил. Член Минусинского исполкома и председатель исполкома русской советской колонии в Танну-Туве.

Как видно уже из приведенного выше персонального перечня контрреволюционеров, выступление на Туране и Уюке было частью широко задуманного плана контрреволюционной организации, центр которой находился в Белоцарске и которая создалась при ближайшем участии б. комиссара Турчанинова и начальника переселенческого управления Федорова. Опираясь на кулацкие и колонизаторские элементы, контрреволюционеры имели намерение свергнуть в русской колонии Танну-Тувы только что установившуюся власть советов. Действовали они, видимо, вне связи с контрреволюционными восстаниями в Сибири, так как о выступлении чехо-словаков на линии Сибирской железной дороги сведений в Танну-Туве тогда еще не имелось, а в деятельности местных сибирских контрреволюционеров наблюдалось «некоторое затишье», вызванное неоднократными поражениями, нанесенными им Красной гвардией.

Деятельность Краевого совета депутатов и договор с тувинским народом о самоопределении

Быстрая ликвидация контрреволюционного мятежа способствовала подъему творческой энергии бедняцко-середняцкой массы крестьянства русской колонии Танну-Тувы и росту революционного сознания тувинского народа, среди которого в то время еще сильны были пережитки патриархально-родового строя.

Веками угнетавшийся китайскими купцами и чиновниками, монгольскими феодалами и русскими империалистами тувинский народ боролся за свое национальное освобождение, не предрешая на данной стадии развития того социально-экономического строя, который должен создаться в результате самоопределения страны и образования в ней самостоятельной республики. Однако уже и в тот момент довольно резко выступала рознь между феодалами, баями и ламами, с одной стороны, и аратами (тувинской беднотой)—с другой.

Когда, как мы уже знаем, в Краевом совете депутатов русской колонии обсуждался вопрос о созыве съезда всех тувинских хошунов для разрешения вопроса о самоопределении Танну-Тувы, некоторые товарищи возражали против приглашения на съезд тувинских князей (найонов) и других высших чиновников и настаивали на созыве съезда аратов (бедноты). Большинство же Краевого совета, учитывая слабое развитие политического сознания среди аратского населения и главным образом тот факт, что среди аратов почти не было в то время грамотных людей, высказалось за компромиссную точку зрения—посылать на съезд приглашение всем: и найонам, и баям, и аратам; при этом высказано было пожелание, чтобы представителями хошунов являлись наиболее популярные в аратской среде деятели, чтобы они отражали настроения и интересы всего населения хошунов. Найонам и другим высшим чиновникам решено было послать особые приглашения.

В течение мая работа по подготовке тувинского съезда развернулась полным темпом. Одновременно с этим развивалось советское строительство в русской колонии Танну-Тувы. В связи с национализацией крупных частновладельческих экономий, золотых приисков и т. д., а также ввиду необходимости раз и навсегда покончить с кулацкими контрреволюционными выступлениями, был выдвинут чрезвычайно важный вопрос о создании краевой коммуны, которая, по мысли инициаторов, должна была представлять собою единое обобществленное хозяйство русской колонии Танну-Тувы. Вопрос этот с самого начала встретил оппозицию со стороны зажиточных крестьян и части середняков, входивших в Краевой совет. В Краевом совете по вопросу о создании краевой коммуны выявились серьезные разногласия. Однако инициаторам коммуны удалось обосновать экономическую выгодность и политическую целесообразность образования коммуны, и вопрос о ней был поставлен в порядок дня краевого съезда советов.

Оба съезда — русский и тувинский — были назначены одновременно. 13 июня 1918 г. в хронике минусинской газеты «Известия» было помещено следующее сообщение:

«В Танну-Туве (Урянхае) открылись съезды—урянхайский и русский. Эти съезды должны решить судьбу страны. Особенно важным является съезд урянхайский. До сих пор за туземным населением края—урянхайцами (тувинцами) не признавалось права на самоопределение. Только советская власть, защитница прав угнетенного человечества, стала на иную точку зрения и признала за урянхайским народом право определить свою судьбу, а вместе с тем решать также и то, кому должен принадлежать Урянхай—России, Китаю, Монголии или быть самостоятельным государством. Вопрос о самоопределении Урянхая составляет главный пункт порядка дня съезда, созванного Краевым советом депутатов».

В порядке дня съезда советов русской колонии Танну-Тувы были поставлены два основных вопроса: 1) об отношении к самоопределению Танну-Тувы и 2) об организации краевой коммуны. По первому вопросу было принято единодушное решение стараться всемерно провести в жизнь предложение Минусинского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о полной и безоговорочной ликвидации империалистической политики царизма в Танну-Туве и поддержать стремления тувинского народа образовать на основе самоопределения самостоятельную Тувинскую республику. При вынесении этого решения съезд высказал пожелание, чтобы всем трудящимся русским, переселившимся в Танну-Туву до революции, было разрешено остаться жить на своих местах и пользоваться правами на занятые земельные участки, а также льготами по добыче рыбы, пушнины и ископаемых. Для участия на тувинском съезде была избрана особая делегация во главе с представителем Минусинского совета И. Сафьяновым и председателем Крайсовета М. Терентьевым.

Иной оборот приняло дело с разрешением вопроса об организации краевой коммуны. Проект устава краевой коммуны был доложен И. Сафьяновым на пленуме съезда. Основные положения его сводились к следующему:

1. Все трудящиеся русской колонии Танну-Тувы составляют коллектив, для чего обобществляют простой и сложный инвентарь, тяговую силу, земельные и луговые угодья, промышленные и промысловые предприятия и ту часть животноводческой отрасли хозяйства, которая носит или может носить товарный характер.

2. Члены коммуны остаются на своих местах—в селах, деревнях или заимках, и впредь до особого постановления съезда коммуны в их ведении должна находиться та обобществленная часть имущества, которой они прежде владели на правах частной собственности.

3. Весь скот, промышленные предприятия и другое имущество, национализированное у крупных частных владельцев или конфискованное у активных контрреволюционеров, поступает во владение коммуны и составляет неделимый фонд ее.

4. Все хозяйство коммуны ведется по единому организационно-производственному плану, составляемому советом коммуны, избираемым на съезде.

5. Членами коммуны могут быть только трудящиеся, живущие личным трудом; наемный труд в коммуне не допускается.

6. С организацией коммуны деятельность Краевого совета депутатов как органа пролетарской диктатуры не прекращается.

7. Верховным законодательным органом коммуны является съезд, который утверждает устав и всякие изменения его, заслушивает отчеты о деятельности, утверждает сметы и планы и выбирает исполнительные и руководящие учреждения коммуны: совет и ревизионную комиссию.

8. Коммуна организует в плановом порядке сбыт продукции и снабжение членов средствами производства и предметами потребления.

Съезд советов русской колонии в Танну-Туве, на котором решались вопросы о краевой коммуне и самоопределении Танну-Тувы

9. Культурные потребности членов коммуны и их семей обслуживаются коммуной за счет специальных фондов, получаемых путем отчислений от доходов коммуны.

10. Чистый доход коммуны распределяется в зависимости от качества и количества труда, вложенного каждым членом коммуны. Дети и нетрудоспособные члены коммуны обеспечиваются за счет коммуны из образуемых для этого специальных фондов [1].

К сожалению проект устава коммуны не сохранился ни в подлиннике, ни в копиях, и мы воспроизводим его со слов руководителей съезда тт. Терентьева М. и Сафьянова И. Когда проект коммуны был доложен съезду, делегаты заволновались. Шум и выкрики стали переходить в угрозы по адресу докладчика. Среди делегатов съезда оказались и такие, которые несколько месяцев назад поддерживали колонизаторов, пытавшихся использовать Февральскую революцию в империалистических целях. Да и далеко не все представители середняцкой массы русской колонии разделяли взгляды, высказанные докладчиком. Их особенно задело то, что им придется расстаться с привычным для них обиходом жизни и частной собственностью на значительную часть средств производства. Однако после горячих выступлений тт. Терентьева, Непомнящего С. и других рабочих-делегатов съезда возбуждение улеглось, и съезд постановил избрать специальную комиссию для детальной проработки вопроса об организации краевой коммуны.

В противоположность русскому съезду тувинский, на котором преобладающее большинство все же составляли представители аратского населения Танну-Тувы, происходил весьма спокойно и с большим подъемом. Тувинские делегаты съезда единогласно высказались за образование самостоятельной, ни от кого не зависимой республики, находящейся в дружеских отношениях с советской властью в России и русской трудовой колонией Танну-Тувы. На этом съезде были возвращены тувинцам их печати, отобранные ранее комиссаром Григорьевым, и заключен следующий договор, подлинный текст которого мы приводим:

«*ДОГОВОР*

представителей русского населения Урянхая и представителей девяти хошунов Танну-Тува-Улус (урянхайского народа), заключенный 16 июня 1918 г. в местности Хем-Бельдыр (при слиянии двух Енисеев).

Собравшиеся на общее собрание уполномоченные русских поселков вместе с полным составом Краевого совета, с одной стороны, и представители девяти урянхайских хошунов—с другой, заключили между собой настоящий договор на следующих условиях:

1. Шесть лет тому назад обманутые царскими чиновниками несколько урянхайских хошунов просили покровительства русского царя. Воспользовавшись этим, царское правительство взяло под свое управление весь урянхайский народ, объявив урянхайскую землю своей землей. Русский комиссар, запугав представителей хошунов, сменив некоторых из них, отобрал хошунные печати. Теперь, когда свободный русский народ свергнул своего царя и отстранил от власти

---

[1] По существу этот устав являлся уставом с.-х. артели, а не коммуны, поскольку не все имущество обобществлялось.

всех его чиновников, признав все их действия незаконными, урянхайский народ (Танну-Тува-Улус) объявляет, что отныне он освобождается от русского покровительства, будет управляться совершенно самостоятельно и считает себя свободным, ни от кого не зависимым народом.

2. Русский народ, приветствуя такое решение урянхайского народа, признает его справедливым и немедленно же возвращает все отобранные от хошунов царскими слугами хошунные печати. С этого момента все девять хошунов Танну-Тува-Улус считаются вполне самостоятельной и ни от кого не зависимой страной.

3. Объявляя себя независимым, урянхайский народ (Танну-Тува-Улус) не должен нарушать прав русских граждан и во имя дружбы предоставляет русским в постоянное пользование занятые ими раньше земельные участки.

4. В силу этого договора дальнейшее переселение в Урянхай (Танну-Туву) русских совершенно прекращается, та и другая сторона обязаны принять все меры, чтобы остановить это переселение.

5. Списки всех русских поселков и всего русского населения обоего пола должны быть доставлены Краевым советом в хошунные управления для сведения и распространения.

6. Перепродажа русскими земельных участков не допускается и преследуется законом; переселяться же из одного поселка в другой можно только с разрешения урянхайского и русского управлений.

7. Все вредные русские люди, нарушающие порядок и добрососедские отношения, должны быть строго наказываемы по приговору суда вплоть до высылки их из Урянхая (Танну-Тувы). Со своей стороны урянхайские власти должны строго судить своих людей, угоняющих у русских жителей скот и лошадей.

8. Рубка свежерастущего леса должна быть производима только с разрешения ближайшего к месту рубки урянхайского управления. Самовольная запашка новых участков земли, а также занятие новых покосных угодий воспрещается, и за нарушение этого постановления виновные строго наказываются.

9. Рыбная ловля в реках Урянхая разрешается при соблюдении правильных условий ловли. Ловля рыбы в озерах производится только с согласия хошунного управления.

10. Все мелкие судебные дела смешанного характера разбираются представителями русской и урянхайской народностей совместно; более же важные дела передаются на рассмотрение русско-урянхайского съезда.

11. Русские, приобретая товары для себя, должны принимать во внимание и нужды урянхайского народа, снабжая все население страны необходимыми товарами. Со своей стороны, урянхайский народ, поддерживая русскую промышленность, должен доставлять для обработки сырые продукты в разного рода промышленные предприятия или трудовые коммуны.

12. В случае опасности с какой-либо стороны для урянхайского народа или русских, обе народности должны давать дружный отпор, защищая свои интересы общими силами» [1].

Этим договором ликвидировалась империалистическая политика царизма в Танну-Туве, и тувинские араты из колониальных рабов превращались в правомочных хозяев своей страны. Правда, наступившая тотчас после съезда контрреволюция и интервенция в Сибири помешали немедленно провести этот договор в жизнь. Но через три года, на исходе гражданской войны, в 1921 г., договор этот был восстановлен [2], и в Танну-Туве образовалась самостоятельная Танну-тувинская народная республика, которая через восемь лет после

---

[1] За возвращение печатей и заключение этого договора колчаковское правительство в 1919 г. собиралось судить Ин. Сафьянова, предъявив ему обвинение по 100 статье царского уголовного уложения как за государственную измену и «отторжение части Российской империи—Урянхайского края».

[2] На съезде в поселке Атамановка (Сух-Баджи) 16 августа 1921 г.

своего образования, устранив от власти баев и феодалов, превратилась в действительно подлинно народную Тувинскую Аратскую республику.

Заключение этого договора совпало с мятежом чехо-словаков на линии Сибирской железной дороги и выступлением контрреволюционного казачества и кулаков в Минусинском крае. Минусинский совет, оказавшись в критическом положении, после отправки значительной части оружия и людей на помощь Красноярску, ведшему войну с чехо-словаками, затребовал у Краевого совета русской колонии Танну-Тувы обратно пушку и все другое оружие, посланное в Туву из Минусинска с экспедицией в конце марта. Еще не успели закончиться русский и тувинский съезды, как оружие было отправлено на плоте в Минусинск. Вскоре после этого от Минусинского совета пришло категорическое требование о выезде в Минусинск для усиления там партийной и советской работы т. И. Сафьянова. Все это бесспорно ослабило позиции сторонников образования краевой коммуны и советской власти в русской колонии Танну-Тувы. Кулаки и колонизаторы вновь подняли головы. Они связались с усинскими контрреволюционерами и стали подготовлять переворот в русской колонии Танну-Тувы.

Когда Минусинская коммуна пала [1] и когда в Белоцарске стало известно, что отправленное на плоте оружие попало в руки белогвардейцев, колонизаторы и кулаки Танну-Тувы послали в с. Усинское нарочного. Оказалось, что и там советская власть уже свергнута и всем заправляют белогвардейские офицеры Крихно и Скорняков. Вскоре эти бандиты с отрядом вооруженных белогвардейцев отправились на зов колонизаторов в Танну-Туву. Красная гвардия Краевого совета, оставшаяся с небольшим количеством винтовок и весьма ограниченным запасом патронов, после непродолжительного, но ожесточенного боя была вынуждена сдаться. Во время столкновения было убито несколько человек. Краевой совет и все активные советские работники русской колонии были арестованы и отправлены в минусинскую тюрьму. Председатель Крайсовета т. Терентьев при аресте был жестоко избит.

Реакция на время восторжествовала. Тувинский народ, добившийся освобождения на съезде 16 июня 1918 г., вновь был порабощен, но лишь временно: через несколько месяцев после наступления реакции вспыхнуло восстание, и из самой густонаселенной, богатой части страны (район р. Кемчика) были выдворены все русские колонизаторы. В 1920—1921 гг., когда Танну-Тува стала ареной борьбы с белыми бандами генералов Унгерна, Казанцева и Бакича, тувинские араты помогали советской власти ликвидировать белых, отступавших под напором Красной армии из Сибири и Монголии в Танну-Туву.

Здесь необходимо отметить, что хотя стороной, непосредственно договаривавшейся с тувинским народом о самоопределении, являлись в 1918 г. уполномоченные русских поселков (Краевой совет русской колонии Танну-Тувы и съезд), но по существу эта работа была проведена Минусинской коммуной, поскольку от нее исходила инициатива,

[1] 24 июня 1918 г.

и уполномоченные Минусинского совета И. Сафьянов и М. Терентьев руководили делегацией на тувинском съезде и работой съезда русской колонии. Минусинская коммуна в то время представляла реальную силу, способную проводить политику пролетарского государства. Будучи органом пролетарской диктатуры на территории Минусинского края, Минусинский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в данном случае расширил свою компетенцию до пределов полномочного представительства РСФСР. Однако в тех условиях это являлось политически целесообразным и необходимым.

Глава VIII

ТРУДНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ВЫСТУПЛЕНИЕ КУЛАКОВ НА VI СЪЕЗДЕ

Трудности строительства и начало интервенции в Сибири

Контрреволюционный мятеж казачества, поднятый атаманом Сотниковым, вынудил Минусинский совет временно приостановить организационно-хозяйственную работу и все силы направить на ликвидацию белогвардейского выступления. Такая целеустремленность обеспечила успех в борьбе с сотниковцами. Успешно проведенная ликвидация сотниковщины должна была облегчить и действительно облегчила на некоторое время дальнейшую работу Минусинского совета. Но это облегчение оказалось кратковременным.

Перед Советом встали новые серьезные осложнения. Они коренились прежде всего в том соотношении классовых сил, которое имело место в Минусинском крае. Несколько тысяч рабочих, к тому же наполовину связанных с деревней, не успевшая еще организоваться деревенская беднота и небольшая группа молодежи и ремесленников города—вот те силы, на которые могли опираться парторганизация большевиков и Минусинский совет. Особенно следует отметить также малочисленность партийной организации, которая в этот период по краю насчитывала не более 100—120 человек.

Этим революционным силам противостояли: буржуазия города, деревенское кулачество и реакционное зажиточное казачество, имевшее большое влияние среди казаков-середняков и даже казачьей бедноты. Потерпевшие полную неудачу в открытом вооруженном выступлении против Минусинского совета реакционные силы направили теперь свое внимание на нелегальную контрреволюционную работу. Путем агитации против советской власти, путем распространения лжи и провокационных слухов они старались подорвать доверие середняцкой массы крестьянства к советской власти, открыто натравливая ее на Минусинский совет.

Исходным пунктом контрреволюционной агитации явились трудности, которые стояли в этот момент перед советской властью в Минусинском крае. Трудностей было очень много. Сотниковщина, оторвавшая от творческой работы на два месяца силы Минусинского совета, несмотря на полное свое поражение, нанесла огромный ущерб организационно-хозяйственной работе Совета. На несколько недель была почти полностью прекращена работа важнейших отделов

Совета. И это не прошло безрезультатно. Отделы Совета и Исполком не могли сразу после ликвидации сотниковщины начать работать с таким же напряжением, как в первые месяцы советской власти, так как переход от чисто военной работы к административно-хозяйственной и организационной вызвал новую перестановку сил. И кроме того задачи, вставшие теперь перед Советом, в значительной части являлись новыми в связи с приближением весеннего сева и летних полевых работ.

Нужно было обеспечить беднейшее население края продовольствием. Запасных фондов в складах сельских обществ не имелось. Необходимы были различные части для ремонта сельскохозяйственных машин, которые весьма сильно износились. Нужно было обеспечить край новыми сельскохозяйственными машинами. Кормов для лошадей у деревенской бедноты на время весенней посевной кампании также совершенно не было. Во многих волостях вследствие неурожая 1917 г. отсутствовали семена.

Временами Совет испытывал большие финансовые затруднения, не имея средств даже на самые необходимые нужды. Проведенное после ликвидации сотниковского мятежа взыскание контрибуции с богатой верхушки казачества в размере 100 тыс. рублей не разрешало финансовых затруднений. Как мера воздействия на контрреволюционеров эта контрибуция в значительной степени себя оправдала; что же касается значения ее как меры, которая могла бы улучшить финансовое положение Исполкома, она не имела большого значения; да такой задачи при проведении этого мероприятия Совет и не ставил.

Одновременно усилились хлебные затруднения. Кулачество деревни и городские спекулянты имели хлеб, но получить его для снабжения рабочих и обеспечения деревенской бедноты семенами в нужных размерах Совет не мог. Кулачество располагало также запасными частями для машин, кормами для лошадей и большими запасами семенного материала, но отказывалось продавать все это. Оно указывало бедноте на Совет, который якобы должен был и мог обеспечить бедноту посевным материалом, но не хотел.

Контрреволюционная агитация все шире и шире распространялась по краю. Буржуазия и правые эсеры пользовались всяким случаем для распространения провокационных слухов.

Эсеровская газета «Знамя труда», редактируемая Злобиной, травила отдельных работников Коммуны, помещая вымышленные «корреспонденции с мест» самого отъявленного контрреволюционного характера, нисколько не стесняясь явной лжи, лишь бы добиться дискредитации большевистской власти.

Вместе с тем в это же время в Минусинске были получены тревожные вести из Танну-Тувы. Контрреволюция в Танну-Туве на этот раз была разбита и разоружена, но самый факт выступления кулаков и убийство двух виднейших большевиков—Беспалова и Крюкова—оказали влияние на активизацию контрреволюционных сил в г. Минусинске и во всем крае.

Все это чрезвычайно затрудняло работу Минусинского совета в деревне, особенно по укреплению власти сельских советов и развер-

тыванию мероприятий по подготовке товарообмена. Положение обострилось еще более, после того как в Минусинском крае были получены первые сведения о выступлении чехо-словаков на линии Сибирской ж.-д. магистрали.

В лице чехо-словацких войск и присоединившихся к ним белогвардейских офицеров выступала крупная контрреволюционная сила. Положение, в котором оказались сибирские советы, становилось угрожающим.

Рост контрреволюционного движения в крае и меры борьбы с ним

Буржуазией, кулачеством, казаками, а также буржуазными и мелкобуржуазными партиями Минусинского края известие о выступлении чехо-словацких эшелонов на линии Сибирской ж. д. было встречено с большими надеждами. По всему краю понеслись провокационные слухи о подготовке Минусинским советом красногвардейских отрядов, якобы «для грабежа имущих и трудовых крестьян». Начала́сь прямая агитация за поддержку чехо-словаков, ведущих будто бы борьбу за учредительное собрание. Эта агитация имела место не только в отдаленных районах края, но и в самом г. Минусинске.

Так в двадцатых числах мая 1918 г., после публичного доклада представителя Среднесибирского областного бюро Российской коммунистической партии (большевиков) т. Я. Е. Боградa на тему: «Большевики и меньшевики», в прениях выступили правые эсеры Добров Е., Расколенко и др. Они открыто высказывались против советской власти, против диктатуры пролетариата, стесняющей, по их мнению, свободу и демократию.

Кулаки и правые эсеры не ограничивались агитацией против советской власти и распространением провокационных слухов. Они повели организованную борьбу в селах и деревнях против сельских советов и особенно тех из них, которые более энергично и настойчиво проводили в жизнь директивы партии и советской власти. Общее собрание крестьян села Маломинусинского переизбрало 8 мая 1918 г. сельский совет только потому, что он не понравился кулакам. Как видно из протоколов его заседаний и переписки Минусинского исполкома, этот сельсовет работал в строгом соответствии с данными ему директивами. Созданные им комиссии тщательно выявили излишки хлеба у жителей села и произвели их изъятие, согласно указаниям продовольственного отдела Минусинского совета. Маломинусинский сельсовет штрафовал самогонщиков и торговцев самогонкой. Вполне понятно поэтому, почему он вызвал ненависть со стороны кулаков. Однако и после переизбрания Маломинусинский сельсовет не передал своих полномочий вновь избранному совету, состоявшему из кулаков и подкулачников, и запросил Минусинск, как быть и что делать. 31 мая от отдела по организации советов на местах было получено им указание—власти не передавать. В связи с этим Маломинусинский совет вынес следующее решение:

«Власть ныне существующего совета не передавать вновь избранному, во-первых, на основании предписания отдела по организации советов Минусинского исполкома и, во-вторых, потому, что в протоколе общего собрания не было указано причин переизбрания сельсовета».

Случаи перевыборов не угодных кулакам сельсоветов, имевшие место и прежде, стали теперь учащаться. Для характеристики напряженности классовой борьбы в деревне в этот период приведем корреспонденцию «Нагайка воскресает», помещенную в газете «Известия» за подписями Сергеева, Степанова и Спорлова. В этой корреспонденции сообщалось, как в казачьей станице Таштып один из кулаков, некто Сипкин, обслуживавший почтовой гоньбой определенный участок тракта, стал саботировать своевременную доставку почты:

«Вот однажды,—пишут авторы корреспонденции,—вместо почты Сипкин привез пассажиров. Отпряг лошадей, собрал около потребительской лавки полдюжины казаков и сообщил им весьма радостную весть, что есаул Семенов взял Иркутск, много расстрелял большевиков и скоро будет в Красноярске. Казаки за последнее время настолько повысили свой тон, что всюду держат себя вызывающе, особенно к нам, почтовым служащим. Председателя Таштыпского совета Потанина загнали в такую трущобу, откуда ему невозможно выйти без посторонней помощи. Ему даже не разрешают вывешивать самовластно объявления о явке на общее собрание. Нередко теперь слышны возгласы казаков: «не радуйтесь, что взяли с нас контрибуцию, придет Семенов, мы с вас контрибуций брать не будем и расправимся по-другому». Богатые казаки, почуяв силу, собрались 29 апреля в небольшом количестве и мигом переизбрали совет, который в прежнем своем составе имел несколько истинных выразителей воли трудового народа. Новый состав совета образован исключительно из преступников и пособников сотниковского мятежа. Сотниковцы теперь свободно собираются на частных квартирах и подготовляют силы для контрреволюции. В противовес им мы свою силу противопоставить не в состоянии».

Фаерман Екатерина.
Член Исполкома и руководительница отделов по организации советов на местах и медико-санитарного. Активная участница Октябрьского переворота и социалистического строительства Минусинской коммуны.

Как реагировал Минусинский совет на усиление контрреволюционной работы правых эсеров и кулаков? Имея опыт успешной борьбы с казаками-сотниковцами, он предпринял меры двоякого характера: во-первых, усилил агитацию на местах и укрепил связи с сельскими советами через специальный орган, на который было возложено руководство ими, и, во-вторых, усилил подготовку вооруженных сил для борьбы с контрреволюцией. Руководство работой сельсоветов было поручено отделу по организации советов на местах.

Отдел по организации советов на местах образовался еще 8 марта, тотчас же после ликвидации сотниковского восстания. Во главе

его были поставлены тт. Фаерман Е.[1] и Терентьев М. Через особых инструкторов отдел руководил выборами и работой сельских и волостных советов. В течение первых двух месяцев своей работы он сумел добиться значительных успехов: по всем селениям края были организованы сельсоветы, осуществлявшие власть в деревне на основе выработанного Коммуной положения о сельских и волостных советах. Отдел сумел завоевать авторитет среди широких масс крестьянства и являлся в отношении развертывания советской работы на местах главным организующим центром. В описываемый период обострения классовой борьбы, в связи с наступлением кулачества, на отдел выпала ответственнейшая задача руководить практически классовой борьбой в деревне, поскольку парторганизация большевиков не имела возможности выделить специальных работников для ведения этой работы. В основном отдел по организации советов на местах справился с возложенными на него задачами. Кулацкие атаки на сельсоветы получили отпор, и работа по организации деревенской бедноты наладилась.

Мероприятия по подготовке боевых отрядов Коммуны проводились военным отделом Совета. Им были выработаны особые правила приема на службу в минусинский отряд Красной армии[2]. Руководствуясь этими правилами, имелось в виду набрать в отряд политически надежных людей, готовых в любой момент умереть за советскую власть. Правила эти были объявлены в газете «Известия» 1 июня 1918 г. Они предусматривали при вступлении в ряды Красной армии необходимость представления рекомендаций от партийной или профсоюзной организации и в исключительных случаях допускали рекомендации отдельных членов Совета и Исполкома, а также других общественных организаций, стоящих на платформе советской власти. Особенное внимание в этих правилах обращалось на политическую благонадежность и состояние здоровья вступающих. Всем организациям и лицам, дающим рекомендации будущим красноармейцам, предлагалось проявлять особую осторожность.

Подготовка к созыву VI съезда

Описанная выше хозяйственная и политическая обстановка в крае выдвинула ряд весьма важных и неотложных вопросов, требовавших немедленного разрешения. Минусинский совет решил созвать на 1 июня 1918 г. съезд советов, на котором эти вопросы должны были найти свое разрешение. Норма представительства на съезд

---

[1] Екатерина Львовна Фаерман, быв. политическая ссыльная, прекрасный оратор и организатор. Хотя в 1917—1918 гг. и состояла лидером Минусинской группы левых эсеров, но активно работала в Совете и Исполкоме. Сидя в 1919 г. в колчаковской тюрьме, она объявила себя коммунисткой и с тех пор состоит членом ВКП(б).

[2] Еще во время похода Минусинского совета против банды атамана Сотникова Красная гвардия стала именоваться «Отрядом Рабоче-крестьянской красной армии». Однако, по существу, это была не Красная армия, а Красная гвардия, действовавшая на основе особого красногвардейского устава, выработанного Минусинским советом.

была определена следующая: по одному делегату от сельских советов и по 2—3 делегата от советов рабочих депутатов. Основной задачей съезда Совет ставил объединение вокруг себя рабочих и трудовой части крестьянства для борьбы с развивающейся контрреволюцией в крае и преодоления хозяйственных затруднений. В порядок дня съезда были поставлены следующие вопросы: 1) доклады с мест о деятельности волостных советов, местных судов и о нуждах деревни, 2) текущий момент—события, происходящие в Советской России и за границей, 3) обязательное всеобщее обучение военному искусству, 4) доклад о деятельности Минусинского совета и денежный отчет Совета, 5) о проведении в жизнь закона о социализации земли, 6) о беженцах и переселенцах, 7) доклад о ликвидации сотниковского мятежа, 8) школьный вопрос, 9) продовольственный вопрос, 10) о почтовой гоньбе, 11) о налогах, 12) текущие дела.

Обширность повестки и некоторая неупорядоченность вопросов в смысле их расположения бросаются в глаза прежде всего. Почему Совет поставил первым вопросом доклады с мест? Правильно ли это было сделано?—Правильно. И вот почему. Несмотря на усиление связи с сельскими советами, несмотря на то, что руководство ими со стороны отдела по организации советов на местах усилилось, Совет все же не имел достаточной информации с мест, не располагал полными сведениями о работе сельсоветов и об отношении к ним середняцкой массы крестьянства.

Кулацкие элементы деревни местами открыто выступали против сельских советов, остальная часть крестьянства за исключением работников сельсоветов и бедноты не проявляла в этот момент нужной активности. Среди середнячества уже не чувствовалось того отношения к советской власти, какое имело место три месяца назад во время борьбы с Сотниковым и его бандой.

Ставя первым вопросом доклады с мест, Совет хотел получить более точную картину о происходивших в то время в деревне социально-классовых сдвигах. Поэтому следует указанную последовательность вопросов порядка дня VI съезда считать совершенно правильной.

Если V чрезвычайный съезд рабочих и крестьян происходил в исключительных условиях для края (выступление контрреволюционного казачества против советской власти), то VI съезд созывался в условиях исключительно трудных для всей страны, в условиях развертывавшейся гражданской войны и обострения продовольственного кризиса. Если V съезд на первый план выдвигал основной вопрос порядка дня—мятеж атамана Сотникова и ликвидацию его, то VI съезд должен был в первую очередь разрешать такие вопросы, как обучение военному искусству, продовольственный, переселенческий, национализация предприятий, вопрос о налогах, вопрос о трудовой норме землепользования и т. д., имевшие огромное значение. Таким образом, несмотря на видимую хаотичность порядка дня съезда, надо со всей решительностью подчеркнуть, что разрешение всех намеченных вопросов вызывалось настоятельной необходимостью и бесспорно устранило бы в дальнейшем целый ряд трудностей в работе Минусинского совета, давало ему бóльший опыт

работы местных советов и еще более сближало руководящий состав Минусинского совета с крестьянскими массами края для борьбы с наступающей контрреволюцией.

Но события развернулись так, что этих вопросов разрешить на съезде не удалось.

Состав съезда и контрреволюционные выступления кулаков

VI съезд открылся 1 июня 1918 г. в 10 часов утра в помещении театра. Отсутствие достаточных сведений о ходе выборов делегатов не дало возможности Совету своевременно регулировать социальный состав съезда. Деревенская беднота, занятая окончанием полевых работ, не выезжавшая зачастую даже на праздники с пашни, недостаточно была привлечена к выборам делегатов на VI съезд. Кроме того пониженная политическая активность середняцкой массы деревни, усилившаяся с момента выступления чехо-словаков, дала возможность кулакам, свободным от полевых работ вследствие применения наемного труда, избрать делегатами на съезд своих людей.

Весь первый день съезда прошел в бесконечных спорах и криках о том, допускать или не допускать на съезд с правом решающего голоса распущенную Минусинским советом городскую думу. Кулаки, составлявшие значительную группу среди делегатов потребовали приглашения на съезд представителей бывшей городской думы, в том числе отъявленных контрреволюционеров и черносотенцев— Чибизова, Богачева, Квашнина и др. Несмотря на упорное сопротивление, оказанное Советом и бедняцко-середняцким меньшинством съезда, кулацкое большинство приняло решение допустить на съезд с правом решающего голоса 16 представителей бывшей городской думы.

Далее съезд избрал кулацкий контрреволюционный президиум и лишил права участия на своих заседаниях весь состав Минусинского совета и все профессиональные организации города. В заключение съезд пригласил ликвидированную V съездом рабочих и крестьян земскую управу в лице ее наиболее реакционных представителей.

Как раз в это время в Минусинске были получены тревожные сведения о захвате чехо-словаками городов Мариинска, Канска и Нижнеудинска, о расстреле членов Нижнеудинского совета и о переходе власти в Нижнеудинске в руки контрреволюционеров. Стало совершенно ясно, что между событиями в Минусинском крае и в других местах Сибири существует связь. Имелись основания думать, что VI съезд может стать органом мобилизации контрреволюционных сил и поэтому его необходимо распустить. Вопрос заключался лишь в том, как поступить с той частью делегатов, которая оказалась на съезде в меньшинстве и желали бы при всяком положении работать вместе с Советом и парторганизацией большевиков.

Президиум Минусинского совета, на заседании которого присутствовал представитель Центросибири т. Я. Е. Боград, наметил тактическую линию поведения по отношению к VI съезду. Было решено съезд расколоть, вырвать окончательно из-под влияния кулаков

левую, бедняцко-середняцкую часть съезда. И, если не удастся привлечь на сторону Совета хотя бы половину делегатов съезда, то правую, кулацкую часть съезда распустить.

Весь день по городу распространялись нелепые провокационные слухи о том, что якобы начались избиения членов Совета и Исполкома и что инициаторов этого избиения надо поддержать.

Установив связь с левой частью делегатов VI съезда, президиум Совета обсудил совместно с делегатами этой части съезда основные пункты декларации, которую левые делегаты должны были огласить на второй день съезда. Декларация выясняла причины раскола на VI съезде и намечала линию борьбы с кулацким большинством съезда. Вот текст этой декларации:

«Принимая во внимание,

1) что большинство съезда пригласило на съезд представителей несуществующей городской думы и обошло при этом Объединенный совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, представляющий трудящуюся массу города и деревни, чем съезд ясно обнаружил стремление войти в союз с городской буржуазией, против трудового народа города и деревни;

2) что то же большинство съезда явно обнаружило свое кулацкое лицо, выбрав в президиум торговцев и спекулянтов Ковригина и Пшеничникова, допустив на съезд с правом решающего голоса лиц, привлеченных и обвинявшихся в контрреволюционных деяниях—Чибизова, Бедро, Квашнина, Толмачева и др.;

3) что участие на съезде городской и деревенской буржуазии в корне противоречит основному закону Советской социалистической республики, по которому право голоса в решении государственных дел принадлежит лишь трудящимся, а не контрреволюционной буржуазии, левая часть VI съезда, стоящая за власть трудового народа, покидает съезд и устраивает новый съезд трудового крестьянства, куда просит трудящихся города и профессиональные союзы послать своих представителей и приглашает Минусинский совет явиться на этот съезд и отчитаться перед ним во всех своих действиях, поскольку он (съезд) является представителем тех самых трудовых масс, которые избирали Совет».

К этой декларации левой части VI съезда присоединились *хакасские делегаты* съезда, представлявшие собой национальный район края, ставший впоследствии автономной национальной областью. Профессиональные союзы города, Союз увечных воинов и ряд других общественных организаций, а также представители Енисейского губисполкома и Центросибири заявили на съезде, что они также присоединяются к декларации левой части съезда.

После оглашения декларации левые делегаты съезда покинули заседание и устроили в другом помещении свое совещание, на которое официально пригласили Минусинский совет и представителей Губисполкома и Центросибири[1]. На этом совещании был принят следующий порядок дня: 1) создавшееся в связи с расколом на VI създе положение, 2) доклад о деятельности Минусинского совета, 3) денежный отчет Совета и выборы ревизионной комиссии, 4) о развертывании товарообмена в крае, 5) о сборе налогов и 6) о перевыборах Минусинского совета.

По первому вопросу было принято следующее решение:

«1) ни в какие соглашения с представителями городской буржуазии и деревенскими кулаками на VI съезде не входить; 2) делегатов VI съезда, считаю-

[1] Представителем Центросибири был Я. Е. Боград.

щих себя сторонниками власти трудового народа и оставшихся еще на съезде пригласить принять участие в настоящем совещании; 3) в случае невозможности для левой части съезда по своей малочисленности объявить себя правомочным съездом, поручить Минусинскому совету созвать новый съезд без участия в нем буржуазии, спекулянтов и кулаков».

Кулацкое большинство съезда, оказавшись изолированным от рабочих, хакасских и значительной части крестьянских делегатов, составлявших левую часть съезда, не имея возможности из-за отсутствия докладчиков обсуждать и решать вопросы, поставленные в порядок дня, растерялось и переменило тактику. Оно увидело свой провал и повело агитацию за возвращение на съезд ушедших делегатов. Когда эта попытка оказалась совершенно бесплодной, кулацко-буржуазное большинство съезда обратилось к левому меньшинству, заседавшему в другом здании, со следующим предложением:

«Вследствие заявления члена Минусинского совета т. Ганченко, что Минусинский совет и левое крыло съезда могут принять участие в работах съезда, если Совету будет дано право решающего голоса на съезде по вопросам общего характера, VI съезд постановляет просить через президиум Совет и левое крыло пожаловать в здание театра для совместных работ с VI съездом на следующих условиях: всем выборным членам Совета, кроме кооптированных, по всем вопросам общего характера, не имеющим отношения к деятельности Совета, предоставляется право решающего голоса. Между прочим, доводим до вашего сведения, что VI съезд крестьянских депутатов изъявил желание выслушать от вас письменное решение по настоящей резолюции не позднее 8 часов утра 3 июня».

Ни письменного, ни устного ответа на это предложение кулацкой части VI съезда не последовало. Совещание левой части съезда постановило ответа не давать до тех пор, пока на съезде будут главенствовать кулаки.

Между тем заседание кулацкой части VI съезда все больше и больше превращалось в контрреволюционный митинг. Там произносились погромные речи против Минусинского совета и советской власти вообще.

Мероприятия Минусинского совета в связи с выступлением контрреволюционеров на VI съезде

На совещании левой части съезда были заслушаны следующие две телеграммы из Красноярска и Иркутска, рисующие положение на линии Сибирской железной дороги:

«1. Красноярск 2 июня. Мариинск и Канск захвачены мятежными чехословаками. Контрреволюционеры организуются, угрожают другим городам. Спешно формируйте отряд, шлите в Красноярск. О сделанном сообщите. Подписи. За председателя Губисполкома Демидов. Командующий войсками Марковский.

2. Иркутск. 3 июня 1918 г. С чехо-словаками ведутся переговоры в целях мирной ликвидации конфликта. Мирная делегация выехала из Красноярска в Мариинск. В Нижнеудинске контрреволюционеры подняли головы. Совет свергнут, профессиональные союзы разогнаны, есть жертвы. Меньшевики и правые эсеры объединились. Власть в городе находится в руках бывшего члена государственной думы, контрреволюционера Манькова. При перевороте были использованы чехо-словацкие эшелоны, находившиеся на станции Нижнеудинск. Последние на требование Центросибири продолжать путь во Владивосток отвечают, что они подчиняются только распоряжениям «Национального

комитета», находящегося в Омске. Все меры к мирному исходу принимаются. Чехо-словаки могут последовать в полной безопасности дальше. Есть основание предполагать, что в среду чехо-словаков пробрались русские контрреволюционеры, которые провоцируют чехо-словаков и натравливают их на советскую власть. Иркутск в боевой готовности. Информационное бюро Центросибири».

После обсуждения в связи с этими телеграммами текущего момента совещание левой части VI съезда приняло следующие решения:

«1. Работы совещания прекратить, крестьянским и рабочим делегатам разъехаться по местам и разъяснить населению смысл происходящих событий в Сибири, а также то, что произошло на VI съезде». 2. Поручить Минусинскому совету принять решительные меры борьбы против контрреволюции, откуда бы она ни исходила. 3. Созвать на 21 июня VII съезд рабочих и крестьян края».

Совещание левой части VI съезда одобрило проведенное в ночь на 4 июня Минусинским советом избрание Военно-революционного штаба, на который была возложена вся полнота власти по борьбе с контрреволюцией.

Уже в день ухода левой части делегатов со съезда контрреволюционеры стали распространять слухи о предстоящем разгоне VI съезда и войне, которую большевики якобы хотят начать против крестьян. В целях борьбы с этой контрреволюционной провокацией население города было оповещено о том, что в действительности произошло на VI съезде. 2 июня Советом была выпущена специальная листовка к населению города и деревни. Листовка описывала контрреволюционное выступление кулаков на VI съезде и призывала рабочих, крестьян, красногвардейцев и молодежь к борьбе с врагами советской власти. Это обращение Совета имело большое значение. Начали быстро созываться общие собрания профсоюзов, красногвардейцев, милиционеров, Союза увечных воинов, Союза трудящейся молодежи и других организаций, на которых выносились требования решительных мер борьбы с кулацкой контрреволюцией на VI съезде. Одновременно выражались заверения в непоколебимой преданности советской власти и обещания самой активной поддержки и помощи в борьбе с контрреволюцией. Парторганизация большевиков и союз молодежи развили большую агитационную разъяснительную работу среди трудящейся массы населения.

Волна революционной агитации и подъем настроения массы трудящихся уменьшили пыл контрреволюционеров, и их влияние резко пошло на убыль. И только на митинговавшем VI съезде продолжали произноситься контрреволюционные речи.

В ночь на 4 июня Военно-революционный штаб Минусинского совета принял решение распустить VI съезд за его выступления против советской власти и за контрреволюционную агитацию, мотивировав это свое решение следующим образом:

«Ввиду того, что на заседании правой части VI крестьянского съезда ведется явно контрреволюционная агитация, направленная к свержению советской власти и ввиду участия в президиуме этой части съезда врагов революции— спекулянтов, крупных торговцев и других контрреволюционных элементов, правая часть VI съезда объявляется распущенной. Военно-революционный штаб».

Рано утром 4 июня все входы в здание театра были заняты красногвардейцами. Попытки кулацких делегатов VI съезда проникнуть

в здание театра оказались безрезультатными, и они вынуждены были разъехаться по домам. После этого Совет опубликовал обращение ко всем трудящимся Минусинского края: крестьянам, рабочим, казакам и хакассам. В этом обращении подробно излагались события на линии Сибирской железной дороги и в городах, занятых чехо-словаками, а также связь этих событий с кулацким выступлением на VI съезде. Обращение заканчивалось призывом не допускать на новый VII съезд, намеченный на 21 июня, кулаков и спекулянтов.

Так окончилось выступление контрреволюционеров на VI съезде. Обе стороны—Минусинский совет, разогнавший кулацкую часть съезда и избравший Военно-революционный штаб, и буржуазия начали усиленно готовиться к открытой борьбе. Военный отдел Совета стал форсировать вербовку добровольцев в Красную армию. С мест начали поступать сведения в Совет о том, что кулачество ведет весьма активно агитацию за создание своих—белогвардейских отрядов для борьбы с советской властью и что эта агитация в некоторых казачьих станицах имеет успех.

В связи с развивающейся в деревне контрреволюционной агитацией подготовительная работа Минусинского совета по созыву VII съезда проходила в исключительно трудных условиях. Вместе с тем Совет долгое время не получал информации из Красноярска, окруженного с востока и запада восставшими чехо-словаками и белогвардейцами. Иркутск был занят борьбой с атаманом Семеновым. Отрывочные неофициальные сведения, доходившие до Совета, неопровержимо говорили о том, что чехо-словацкое выступление ширится и в руки чехо-словаков и белогвардейцев переходят один за другим сибирские города. С каждым днем все больше и больше рушились надежды на мирный исход конфликта с чехо-словаками. В Красноярске в тот момент чувствовалась большая тревога. Хотя военное положение было объявлено для всей Сибири, тем не менее Минусинский совет решил издать особое постановление об объявлении военного положения в Минусинском крае.

В такой обстановке шла подготовка к созыву VII съезда. Задача, которая ставилась перед VII съездом, заключалась в том, чтобы поднять на борьбу с контрреволюцией весь Минусинский край — рабочих и бедняцко-середняцкую массу деревни, участников похода против атамана Сотникова в первую очередь, придать этой борьбе характер широкого массового движения, добиться от VII съезда того, чего без труда добился Минусинский совет на V чрезвычайном съезде в вопросе борьбы с Сотниковым.

По волостям были направлены агитаторы с заданием разъяснить задачи VII съезда и помочь деревенской бедноте провести своих делегатов на съезд. Но контрреволюционеры также не дремали. В деревню выехали самые махровые заправилы реакции, которые не были еще арестованы. Борьба сосредоточилась главным образом вокруг предстоящих выборов на съезд.

Получавшиеся сведения говорили о том, что успех в этой борьбе склоняется не на сторону Совета. Но занятые организацией вооруженных отрядов для борьбы с чехо-словаками и отправкой их в Крас-

ноярск, Минусинский совет и парторганизация большевиков не имели возможности бросить в деревню для борьбы с кулацкой агитацией новые силы.

Повестка дня VII съезда оставалась прежняя. Стояли те же самые вопросы и в том же порядке, что и на VI съезде. Теперь, как и на VI съезде, исключительно важное значение занимал вопрос о международном и внутреннем положении страны. Этот вопрос являлся основным, вокруг которого должна была произойти мобилизация масс на борьбу с контрреволюцией. Вместе с тем Минусинский совет должен был на VII съезде, как и во время сотниковщины, выдвинуть на первый план военные вопросы, поставить и разрешить их в первую очередь.

Глава IX

КУЛАЦКО-КАЗАЧЬЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ПОРАЖЕНИЕ КОММУНЫ

Хозяйственная и политическая обстановка перед VII съездом

Со времени роспуска Военно-революционным штабом Совета правой части VI съезда до созыва VII съезда прошло всего 20 дней, но в хозяйственной и политической обстановке края за это время произошли значительные изменения.

Вследствие перерыва сообщения на линии Сибирской железной дороги ухудшилось прежде всего снабжение края промтоварами, сократилась кооперативная торговля и усилилась спекуляция. Вместе с тем, стали усиленно подниматься вверх цены на продукты питания, особенно на хлеб. Национализированная промышленность, несмотря на то, что рабочие часто отрывались по зову Коммуны на защиту советской власти, в общем все же работала безостановочно. Однако из-за недостатка материалов и продовольствия и она начала сокращать производство. Перед VII съездом значительная часть рабочих ушла в красногвардейских отрядах на Мариинский фронт.

В деревне до крайности обострились отношения между кулаками и сельсоветами, группировавшими вокруг себя батраков, деревенскую бедноту и демобилизованных солдат.

Кулацко-казачья контрреволюция, подбадриваемая сведениями о продолжающемся захвате чехо-словаками и белогвардейцами городов Сибири, начала усиленно готовиться к VII съезду.

Совершенно бесспорно, что Минусинский совет переоценивал тогда соотношение классовых сил в свою пользу. Часть ответственных работников Совета жила еще традициями V съезда рабочих и крестьян, который на борьбу с Сотниковым сумел выделить намного больше сил, чем это требовалось для ликвидации его контрреволюционного выступления.

Не была также достаточно учтена общесибирская политическая ситуация. Если для Минусинского края условия были почти такими же, как перед V съездом (движение казаков на Минусинск, выступление контрреволюционеров в городе), то общесибирская политическая обстановка была теперь совершенно иной. Во время V съезда советская власть как в России, так и в Сибири прочно становилась на ноги, укреплялась. Восстание юнкеров в Иркутске в декабре

1917 г. показало, что нет той силы, которую можно было бы противопоставить тогда советской власти. В момент созыва V съезда значительная часть кулачества и зажиточного крестьянства находилась под впечатлением подавления иркутского восстания юнкеров, ареста сибирской областной думы и разгона учредительного собрания. Благоприятная общесибирская политическая обстановка облегчала тогда Минусинскому совету борьбу с контрреволюцией, в то время как контрреволюционеры действовали весьма нерешительно, не надеясь на свои силы.

Сейчас же, во время подготовки к VII съезду, контрреволюционеры получали бо́льшую уверенность в борьбе. Этому способствовали сведения, которые поступали из Красноярска и говорили об успехах чехо-словаков и белогвардейцев на линии Сибирской железной дороги.

Минусинским советом и парторганизацией не было также учтено и другое обстоятельство—состояние собственных рядов, особенно крестьянской секции Совета, в большинстве состоявшей из представителей середняцкой массы крестьянского населения. Почуяв опасность положения, некоторые депутаты Совета «серьезно заболели». В президиум Исполкома стали поступать заявления об отпусках. Усталость и болезнь были основными мотивами этих заявлений. Несмотря на уговоры и доказательства о невозможности уезжать в отпуск при создавшейся политической обстановке, со стороны отпускников была проявлена большая настойчивость, и некоторым из них все же удалось уехать. Это обстоятельство подействовало деморализующе на остающихся крестьянских депутатов. Хотя «отпускниками» являлись главным образом крестьянские депутаты, их поведение отражалось не только на авторитете Совета среди широких масс крестьянства, но и било непосредственно по работе Исполкома и отделов Совета, поскольку уходившие в отпуск зачастую занимали ответственные посты и до этого неплохо работали в отделах Совета в Исполкоме.

Концентрация контрреволюционных сил, перемирие с чехо-словаками и переговоры с Красноярском

Главными очагами концентрации контрреволюционных сил являлись крупные казачьи станицы Таштып и Каратуз. Несмотря на большое расстояние (около 300 километров), отделявшее их друг от друга, между ними была установлена тесная связь, сразу же после роспуска правой части VI съезда. Таштыпские казаки первыми откликнулись на белогвардейско-эсеровскую агитацию. Они сразу взялись за дело. Припрятанное оружие было быстро извлечено из секретных хранилищ и стало открыто красоваться на казаках, собиравшихся громить советскую власть в Минусинске. В Таштыпе окончательно замолкли отдельные голоса бедноты и «разночинцев», раздававшиеся раньше в защиту советской власти. К «унижению казачьей чести», нанесенному таштыпцам разоружением и вынужденной встречей с хлебом-солью Красной гвардии, прибавлялся другой мотив—месть за контрибуцию, вызывавшая звериную злобу,

особенно у тех из богатеев, кошелек которых пострадал после приезда в Таштып чрезвычайной следственной комиссии Минусинского совета, наложившей контрибуцию на активных контрреволюционеров, поддерживавших атамана Сотникова. Таштыпские казаки вспомнили материальный и моральный ущерб, нанесенный им Минусинским советом, и начали собираться в поход. Отряд таштыпцев являлся наиболее организованным и самым большим по численности. Он состоял из отъявленных монархистов-черносотенцев, готовых за одно слово «большевик» зарубить шашками или повесить на первом попавшемся столбе любого гражданина. Этот отряд явился основным ядром «вооруженных сил», на которые во время переворота опирались заправилы VII съезда.

Другим центром организации контрреволюционных сил являлась крупная станица Каратуз. В Каратузе хозяевами всех земель и угодий попрежнему оставались казаки, а крестьяне и «разночинцы» продолжали находиться у них в экономической зависимости. Во время сотниковского мятежа и казачьего съезда представители Минусинского совета, а затем V чрезвычайного съезда рабочих и крестьян вели в Каратузе переговоры о разоружении сотниковцев. Казачий съезд, созванный Сотниковым в Каратузе, был весьма возмущен мандатами делегатов бедняцко-середняцкой массы крестьянства, на которых имелся штамп Минусинского совета рабочих, крестьянских и *казачьих* депутатов. Больше всего казаков возмущало то, что представители советской власти могли говорить от имени трудового казачества. Однако в тот момент каратузские казаки не могли полностью удовлетворить атамана Сотникова. Он вывел свое войско из Каратуза в Таштып, где надеялся организовать первый опорный пункт общесибирской контрреволюции. Теперь, несмотря на то, что Каратуз был окружен деревнями, относившимися отрицательно к кулацко-казачьей контрреволюции, ему все же удалось там почти одновременно с Таштыпом организовать белогвардейский отряд для похода на Минусинск.

Кулачество других сел и деревень, особенно пригородных, хотя и проявляло энергию в мобилизации контрреволюционных сил, но создать крупные вооруженные отряды, подобно тому, как это имело место в Таштыпе и Каратузе, ему не удалось, потому что оно до самого последнего момента с опаской оглядывалось на Красную гвардию, которая в любой момент могла появиться и разгромить его.

Казачьи дружины, двигаясь из Таштыпа и Каратуза (от Каратуза до Минусинска около 100 километров), численно все больше и больше разрастались за счет кулаков и белогвардейских офицеров, встречавшихся на пути их следования. Вместе с тем, эти дружины, и особенно таштыпская, проводили насильственную мобилизацию населения, разгоняя при этом сопротивляющиеся сельские советы. Деревенская беднота, желая избежать этой мобилизации, при приближении казаков разъезжалась на поля и в лес, несмотря на то, что посевные работы к этому времени были уже закончены, а сенокос еще не начинался. Что касается кулаков, спекулянтов и богатых хакассов, то они, наоборот, заранее готовились в поход и радушно встречали приходившие казачьи дружины.

Нечего и говорить, что руководящим центром контрреволюции являлась буржуазия города Минусинска, регулярно получавшая информацию и располагавшая зачастую даже бо́льшими материалами о происходящих событиях, чем Минусинский совет. В городе образовался нелегальный штаб контрреволюционного восстания. Об этом стало известно уже после переворота из статей, опубликованных в контрреволюционной газете «Свобода и труд».

Развитие кулацко-казачей контрреволюции в Минусинском крае происходило на базе развертывания боевых действий интервентских войск англо-французского капитала. Сибирская буржуазия от монархистов до правых эсеров и меньшевиков включительно активно содействовала чехо-словакам К открытию VII съезда все соседние города Сибири находились уже в руках чехословаков и белогвардейцев.

Связь Минусинского совета с Красноярском порвалась еще за 5 дней до открытия VII съезда—16 июня. Во время бо́рьбы на съезде телеграф находился уже в руках контрреволюционеров. Чтобы получить хотя какие-либо сведения о происходящих событиях, Исполком в день открытия съезда решил воспользоваться прямым проводом Ачинско-Минусинской железной дороги. С этой целью на станцию Абакан были посланы представители Исполкома. На вопрос их по прямому проводу о положении в Красноярске, оттуда ответили, что у провода находится начальник гарнизона города Красноярска полковник Гулидов.

Известие, что в Красноярске пала советская власть, было для Минусинского совета совершенно неожиданным и оказало в дальнейшем большое влияние на исход борьбы с VII съездом. Оно тем более было поражающим, что еще 15 июня Губисполком послал Минусинскому совету телеграмму за подписью председателя Вейнбаума о присылке седел, лошадей и продовольствия. В этой телеграмме указывалось, что «Красноярский и Иркутский советы решили воевать до последнего человека и патрона».

Вообще вся информация из Красноярска до этого момента носила более или менее успокоительный характер. Основываясь на ней, Совет попрежнему считал, что судьба Минусинской коммуны будет решаться на Мариинском и Канском фронтах, а не в Минусинске.

Приведем наиболее важные сообщения, полученные Советом из Красноярска в последние дни Коммуны перед переворотом.

10 июня при разговоре по прямому проводу с Красноярском Минусинск узнал, что Красноярск связи с центром не имеет.

«За все время с момента выступления чехов,—сообщал Красноярск,—была получена одна радиограмма с указанием на то, что Совнарком поручил Троцкому разработать план принудительного набора в армию нескольких лет. На нашем фронте перемирие. О переговорах сведений не имеем. Подготовляем силы, чтобы быть готовыми к долгой борьбе с противником».

Красноярский совет и Центросибирь делали чрезвычайные усилия для предотвращения дальнейших столкновений с чехо-словаками. Перемирие, заключенное с ними на шесть дней, имело целью ликви-

дировать конфликт мирным путем и в то же время подготовить силы для борьбы с поднявшей голову контрреволюцией. За подписью комиссара Центросибири Лыткина в Минусинске была получена телеграмма о перемирии с чехо-словаками следующего содержания:

«Станция Суслово, 4 июня. Два часа 30 минут ночи. Мы, представители Центросибири, Красноярского и Томского исполкомов, подписав договор о перемирии на шесть дней, простирающийся на пространстве Мариинск—Иркутск, сегодня, 4 июня, выехали на запад от Мариинска для улаживания конфликтов, происходящих в Западной Сибири. Обращаем ваше внимание на вспыхнувшее контрреволюционное движение, возглавляемое временным сибирским правительством, находящимся в Новониколаевске. Контрреволюционные элементы, вдохновляемые правыми эсерами и меньшевиками, спровоцировали вооруженное сопротивление чехо-словаков, натравливая их против советов и всячески препятствуя мирному улаживанию конфликта. Меньшевики и эсеры выступают под бело-зеленым знаменем кадетов. Американская миссия всемерно содействует ликвидации конфликта чехо-словацких частей с советскими властями мирным путем. Спешно мобилизуйте силы для борьбы с контрреволюционерами и белогвардейцами, объединяющимися вокруг временного сибирского правительства. В заключение передаем договор, принятый нами и чехо-словаками. *Комиссар Центросибири Лыткин*».

К этой телеграмме был приложен договор о перемирии, заключенный с чехо-словаками при участии американской миссии. Поскольку он имеет большое историческое значение, мы считаем нужным привести его полностью.

ДОГОВОР

Нейтральная зона Восточно-мариинского фронта Томской губернии Российской советской федеративной республики.

В интересах скорейшей ликвидации мирным путем конфликта, возникшего между советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сибири, с одной стороны, и частями чехо-словацких войск, с другой стороны, 4 июня 1918 г. в 1 час ночи мы, нижеподписавшиеся представители Российской советской федеративной республики Федор Лыткин, Григорий Вейнбаум, Алексей Беленец и уполномоченный капитана Гайда, члена военной коллегии чехословацкой армии, капитан Кадлец при посредстве американской миссии во главе с гр. полковником Эмерсоном приняли ряд взаимно обязательных условий:

1. До заключения общего мира на протяжении всей Сибири на фронте между Мариинском и Иркутском устанавливается перемирие на шесть суток, срок которого истекает в 1 час ночи 10 июня.

2. Для заключения общего мира выезжает на запад от Мариинска мирная делегация в составе представителей Российской советской федеративной республики и американской миссии во главе с гр. полковником Эмерсоном.

3. Настоящий договор вступает в силу с момента подписания его обоими договаривающимися сторонами и посредниками.

4. Текст настоящего договора вручается представителям договаривающихся сторон и их посредникам.

Подписали: Представитель Российской федеративной советской республики и народный комиссар советского управления Сибири при Центральном исполнительном комитете советов Сибири Федор Лыткин. Председатель Енисейского губернского исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Григорий Вейнбаум. Председатель Томского губернского исполкома Алексей Беленец. По уполномочию капитана Гайда, член военного комитета чехо-словацкой армии, капитан 7-го Тотранцкого стрелкового полка гр. Кадлец. Представитель Соединенных штатов Америки, председатель миссии русско-американского инженерного железнодорожного корпуса, полковник Эмерсон. Американский вице-консул Эдуард Томас. Военный атташе при посольстве в России Слоттер».

Перемирие, заключенное на неделю, не было использовано сибирскими советами в достаточной степени для подготовки сил к войне. Усилия представителей советской власти в Сибири разрешить конфликт с чехо-словаками мирным путем не привели к положительным результатам. События развивались в противоположном направлении. Наоборот, чехами перемирие было использовано для обхода частей Красной гвардии на Мариинском фронте.

Это стало ясным уже 13 июня, через три дня после окончания срока перемирия. Несмотря на оптимизм красноярцев в отношении Восточного семеновского фронта, переданная ими информация по прямому проводу носила в основном весьма тревожный характер.

В час ночи 13 июня 1918 г. Красноярск сообщал:

«Железнодорожная линия от Мариинска до ст. Каргат Омской железной дороги находится в руках чехо-словаков и белогвардейцев. Нижнеудинск и Канск также в руках чехо-словаков и белогвардейцев. При содействии американцев перемирие продлено. На Семеновском фронте дела у нас идут прекрасно. Семенов если не уничтожен окончательно, то это вопрос нескольких дней. Мы сможем теперь снять с Семеновского фронта резервы с большим количеством боевого снаряжения. Иркутск лихорадочно делает военные приготовления. Все чехи, которые были на станции Иннокентьевская, ушли во Владивосток. Восстание чехов и белогвардейцев не случайно. Заговоры были исподоволь организованы сибирскими областниками. Это видно из документов, перехваченных чрезвычайной следственной комиссией по борьбе с контрреволюцией, которые будут опубликованы по окончании военных действий. Из этих же документов с несомненностью устанавливается связь белогвардейцев с Семеновым. Эмиссары и все члены сибирского временного правительства—областники, кооператоры и правые эсеры: Нил Фомин, Пославский, известный кооператор и правый эсер Сазонов, кооператор и член сибирского временного правительства Маньков, (б. член Государственной думы). В Западной Сибири руководят Томский губернский комитет эсеров и офицеры-монархисты. Весьма любопытно, что небезызвестный красноярцам и минусинцам Сотников состоит начальником кавалерийского отряда в Томске. Приказы о мобилизации кавалерии подписываются Фоминым и Сотниковым. Начальником западносибирского штаба состоит известный монархист, б. жандармский офицер, полковник Гришин. Как установлено из перехваченной тайной переписки, в эсеровской организации он носил кличку «Алмазов». Теперь для вразумления всех сторонников сибирского временного правительства он подписывается двойной фамилией—Гришин-Алмазов. Во главе Канского отряда чехо-словаков стоит русский офицер, б. полицейский чиновник. Наглость этих господ достигла такой степени, что даже многотерпеливые меньшевики не вынесли и уже протестуют в Томске против монархической и погромной политики, которую ведет там комиссар временного сибирского правительства Перелешин. По дошедшим сведениям власть в Томске перешла в руки эсеров и меньшевиков. Естественно, что сорганизовавшаяся в Томске власть как не имеющая связей с центром осталась без денег. Эсерам и меньшевикам пришлось устроить внутренний трехмиллионный заем и обратиться за содействием к Томскому биржевому комитету. Томские купцы и биржевики категорически заявили, что они деньги дадут лишь в том случае, если официальным флагом сибирского временного правительства будет бело-зеленый кадетский флаг. Пусть каждый рабочий и крестьянин знают, как дешево господами меньшевиками и эсерами продается знамя, окропленное кровью миллионов и освященное героической борьбой истинных социалистов. Что мы читали из газет о событиях на отдаленной Украине, то теперь можно наблюдать в Томской губернии. Чуть ли не в два—три дня восстановились прежние романовские порядки, офицеры и чиновники разгуливают в мундирах с орденами и медалями царской милости. С центром у нас связь прервана, потому что между Омском и Челябинском порваны провода. Сегодня получена радиограмма из Москвы. На 28 июня в Москве созывается Всероссийский съезд советов. В России объявлена мобилизация рабочих и красногвардейцев для борьбы за хлебную Сибирь и хлебный Дон, где вспыхнуло контрреволюционное восстание, организованное

генералом Красновым. К Канску нами стянуты большие силы. Надеемся в случае открытия военных действий на успех. Трудовое крестьянство Канского уезда—переселенцы на нашей стороне».

Минусинский совет, полагаясь на силу и организованность большевиков в Красноярске, не сделал из этой информации надлежащих выводов о том, что советская власть в Сибири находится в критическом положении и необходимы совершенно исключительные, героические меры, чтобы найти выход из создавшегося грозного положения.

Через два дня после этих переговоров, 15 июня Енисейский губисполком шлет Минусинскому совету последнюю телеграмму следующего содержания:

«Красноярск. 15 июня. Минусинскому совдепу. Приложите все усилия к присылке седел, лошадей и продовольствия. Мирные переговоры кончились ничем ввиду категорического заявления чехо-словаков о нежелании уезжать из России. Война принимает затяжной характер. Чехи намерены освободить Николая Романова, заточенного в Екатеринбурге. Не забывайте ни на одну минуту, что речь идет о спасении революционной России. От продовольствия зависит наша обороноспособность. Рабоче-крестьянские массы начинают усиленно организовываться для отпора иноземным захватчикам, вероломно напавшим на революционную Россию. Чехи хотели отобрать у крестьян землю, а буржуазия всюду, где стояли чешские войска, восстанавливала царизм. Красноярский и Иркутский советы решили воевать до последнего человека, до последнего патрона. Ваш святой долг дать нам продовольствие.

Председатель Губисполкома Вейнбаум».

Еще до получения этой телеграммы вечером того же дня Минусинский совет вызвал Губисполком для переговоров по прямому проводу. Минусинский совет запрашивал:

«Сообщите пожалуйста, какие произошли перемены за последние дни на Мариинском и Семеновском фронтах».

Губисполком отвечал:

«О Семеновском фронте сведений точных нет. На Мариинском перемирие заканчивается. Всякие мирные переговоры окончены. Чехи поставили своей задачей свержение советской власти. Линия железной дороги занята чехо-словаками от Златоуста до Мариинска, включая города: Челябинск, Омск, Петропавловск и др. Положение серьезное. Как дела у вас?».

Минусинский совет:

«У нас дела обстоят пока благополучно».

Губисполком:

«Томск находится в руках белогвардейцев. Направляйте все усилия к формированию отрядов и отправке их в Красноярск, а также примите меры, самые радикальные к доставке продовольствия. Завтра, 16 июня, открываются военные действия, и каждый солдат будет иметь решающее значение».

Минусинский совет:

«Все зависящие от нас меры по формированию отрядов и доставке продовольствия будут приняты. Посылайте газету. На каких фронтах предполагается открыть военные действия? Как обстоит дело в Иркутске?»

Губисполком:

«Военные действия открываются на обоих фронтах. Про Иркутск неизвестно».

На этом разговор был закончен. 16 июня в 12 часов дня Красноярск по прямому проводу передал последнее сообщение:

«Сегодня на Мариинском фронте начались бои с чехо-словаками».

А в девять часов вечера того же дня, как мы уже знаем, условленные переговоры Минусинского совета с Губисполкомом не могли состояться из за порчи проводов.

Чрезвычайно обострившееся продовольственное положение, в котором находилась Сибирь и в частности Красноярск, вызывали те настойчивые требования Губисполкома к Минусинскому совету, которые он повторял во всех своих телеграммах и при всех переговорах по прямому проводу. Последнее требование Губисполкома о присылке продовольствия Минусинский совет удовлетворить был уже не в силах. Следует отметить вместе с тем, что помощь Минусинского совета хлебом Красноярску, оказанная в начале июня после приезда в Минусинск представителей Губисполкома Боград, Демидова и А. Лебедевой, имела серьезное значение. Это в свое время было отмечено газетой «Красноярский рабочий», органом губернской организации РСДРП(б). Требования же Красноярска о продовольствии в середине июня Минусинский совет уже не был в состоянии выполнить потому, что он сам в это время находился в критическом положении Власть его в крае все более и более территориально суживалась и кроме того заготовленный хлеб нельзя было подвезти к пристаням реки Енисея, так как последние в тот момент были заняты белогвардейцами.

Участие Минусинского совета в борьбе с чехо-словаками

Несмотря на плохую связь с советскими центрами Сибири, Минусинская коммуна не ограничилась посылкой одного продовольствия. Она готовилась к вооруженному отпору контрреволюции в крае и одновременно с этим оказывала поддержку Красноярску в его войне с чехо-словаками и белогвардейскими бандами посылкой отрядов, оружия, седел и лошадей.

Еще на заседании 6 июня, через два дня после решения о разгоне правой части VI съезда, Минусинский совет принял следующее постановление:

«Принять самое энергичное участие в проведении в жизнь постановления левого крыла VI съезда[1]. Поручить военному отделу в срочном порядке приступить к организации отряда, который отправить в Красноярск. Все отделы, в частности продовольственный, должны всеми мерами содействовать организации этого отряда».

Хотя прием добровольцев в Красную армию был открыт еще со времени ликвидации сотниковщины, все же благодаря недостаточной организации этого дела создать большой по численности отряд добровольцев Красной армии не удалось. Это обстоятельство понудило Совет усилить через военный отдел набор добровольцев. Военный отдел опубликовал в газете «Известия» объявление о наборе, которое не сходило с передней страницы газеты до последнего номера, вышедшего 21 июня, за два дня до падения Коммуны. В этом объявлении сообщалось:

---

[1] Постановление левого крыла съезда говорило о самой решительной борьбе с надвигающейся контрреволюцией, откуда бы она ни исходила.

«31 мая военным отделом открыт прием желающих вступить в Красную армию. Товарищи! крестьяне и рабочие! Спешите вступить в ряды своей армии для защиты завоеваний революции!»

После постановления Совета от 6 июня приток добровольцев в Красную армию увеличился. Военная сила Минусинского совета стала расти. В первых числах июня Исполком отправляет в Красноярск трехдюймовое орудие со снарядами, которое было получено из Красноярска во время сотниковщины. По поводу высылки этого орудия председатель Минусинского совета и Военно-революционного штаба Трегубенков имел 10 июня следующий разговор по прямому проводу с зам. пред. Губисполкома Демидовым. На вопрос Демидова о причинах задержки высылки орудия и снарядов Трегубенков отвечал:

«Задержка в высылке орудия и снарядов произошла благодаря контрреволюционному выступлению на VI съезде, которое сейчас ликвидировано. В недалеком будущем пошлем отряд красноармейцев. Можно или нет посылать без оружия? Сообщите нужное количество красноармейцев».

Демидов:

«Без оружия посылать можете, но обязательно обмундированных. Кроме того, желательна присылка конных отрядов из числа надежного казачества. Было бы желательно получить от вас не позднее 14 июня обмундированных людей. Орудие необходимо как можно скорее».

Трегубенков:

«К 14 невозможно. Нужны ли пулеметы?».

Демидов:

«Пулеметы обязательно с пулеметчиками. Сообщите, какое количество людей и когда можете послать. Мне это важно знать для моих расчетов на фронте».

Трегубенков:

«Мы примем все меры к скорейшей высылке. Количество определить трудно».

Демидов:

«Можете ли гарантировать к 14-му?»

Трегубенков:

«Нет. Сообщайте нам чаще телеграфом о положении дел у вас в Красноярске, Мариинске и др.».

Демидов:

«Нельзя ли взять рабочих с копей?»

Трегубенков:

«Имеем в виду».

После этих переговоров в тот же день, 10 июня, было созвано экстренное заседание пленума Совета, на котором

«по докладу Военно-революционного штаба о происходящих событиях в России и Сибири и о деятельности Военно-революционного штаба постановлено:—Военно-революционный штаб, созданный во время контрреволюционного VI съезда, не распускать, но предоставить право членам штаба по возможности работать в отделах».

Последнее решение объяснялось исключительно недостатком работников в Совете. Следующий вопрос, который обсуждался на этом же пленуме Совета, был набор в Красную армию. По нему Совет вынес следующее постановление:

«Поручить военному отделу срочно подготовить план набора в Красную армию, организовав в первую очередь добровольческие отряды. Если добровольная мобилизация даст положительные результаты, то принудительного набора не производить».

В связи с этим постановлением военный отдел обратился ко всем волостным и сельским советам Минусинского края с воззванием следующего содержания:

«Большая часть Сибирской железной дороги захвачена и разрушается взбунтовавшимися чехо-словаками, не пожелавшими разоружиться. К ним присоединились разного рода негодяи, изменники из буржуев, бывших офицеров и царских чиновников. Захватив города Мариинск, Канск, Нижнеудинск и другие населенные пункты, они уничтожают там советскую власть. В Нижнеудинске арестовали и даже расстреляли несколько членов Совета. Прервав сообщение с городами Сибири и России и препятствуя подвозу продуктов и товаров, они подвергают всю Сибирь ужасным бедствиям. Красноярский совет обратился к нам за помощью, которую мы должны оказать. Ведь нельзя же нам равнодушно смотреть, как на наших глазах убивают наших товарищей, разрушают наше достояние и уничтожают все то, что народ завоевал себе ценой тяжелых усилий, крови и страданий. Все должны стать на защиту родины и своих поруганных захватчиками прав. Вечный позор будет тому, кто останется глухим к этому призыву.

В случае, если добровольцев окажется мало, будет введена всеобщая воинская повинность и объявлена мобилизация. Надеемся однако, что товарищи—рабочие и крестьяне—сами поймут необходимость итти на защиту родины и своих прав и не заставят советскую власть прибегать к принудительному набору. Организуемые отряды, по возможности обмундированные и вооруженные, необходимо немедленно направлять в город Минусинск для формирования частей и отправки их в Красноярск. О ходе организации набора немедленно сообщайте в военный отдел с нарочным».

В том же номере газеты «Известия» было помещено в виде аншлага следующее объявление:

«Товарищи рабочие, крестьяне, защитники советской власти! Товарищи бывшие солдаты! Все, кому дорога власть трудящихся, все, кто желает стать на защиту советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, являйтесь в военный отдел Минусинского совета для записи в Красную армию».

Взять у населения седла для фронта, о которых неоднократно запрашивал Губисполком, оказалось делом весьма трудным. Военно-революционный штаб объявил мобилизацию седел, опубликовав свое постановление в газете «Известия» от 14 июня 1918 г. Это постановление приводим полностью:

«Предлагается всем гражданам, имеющим седла, заявить об этом в военный отдел (бывшее присутствие по воинской повинности) в однодневный срок. По осмотре пригодные седла будут приобретаться для нужд армии по ценам, выработанным особой оценочной комиссией. Граждане, не заявившие об имеющихся у них седлах, в случае обнаружения таковых будут привлекаться к ответственности по законам военно-революционного времени. Военно-революционный штаб».

Одновременно с объявлением мобилизации седел в городе, в казачьи станицы были направлены казаки, члены Минусинского совета, для проведения там работы по мобилизации седел. Однако это мероприятие запоздало и не дало положительных результатов. Контрреволюционеры в это время уже захватили казачьи станицы, успели вооружиться и готовились к выступлению против Минусинского совета. Собрана была лишь небольшая партия седел в городе, которая затем была отправлена в Красноярск.

Если исключить эту неудачу с набором седел в казачьих станицах, то следует признать, что Минусинская коммуна сделала все воз-

можное в тех условиях для военной помощи Красноярску в его борьбе с чехо-словаками и белогвардейцами. Обязательной мобилизации Совет не провел потому, что добровольный набор в Красную армию дал удовлетворительные результаты как со стороны количественной, так и качественной в особенности. Добровольцами шли наиболее сознательные элементы из рабочих, деревенской бедноты и солдат-фронтовиков. Обязательная мобилизация при пассивности и колебаниях середняка, а также вследствие слабости учетного аппарата легко могла бы привести к тому, что в Красную армию попали бы классово чуждые элементы и использовали бы свое право носить оружие для борьбы с советской властью.

Русин Терентий.

Рабочий—член Совета, активный участник Октябрьского переворота и один из организаторов Красной гвардии. Ушел с отрядом на помощь Красноярску во время выступления чехов.

Бесспорно, что Минусинский совет выступил на борьбу с чехо-словаками позднее других советов Сибири. Причиной этому явилось не только отдаленность его от линии железной дороги, а стало быть и от арены борьбы, но главным образом наличие контрреволюционных выступлений в крае и за границей, в соседней Танну-Туве, куда, как уже было сказано, Минусинский совет послал вооруженный отряд с имевшимся в его распоряжении трехдюймовым орудием, значительным количеством снарядов, пулеметами, винтовками и патронами. Посылка отряда в Танну-Туву, выступление кулаков на VI съезде и наконец мобилизация контрреволюционных сил перед VII съездом,—все это бесспорно задержало вооруженные силы в крае. Тем не менее в Красноярск все же было отправлено два отряда с полным боевым снаряжением, численностью около 400 человек. Ниже мы увидим, с каким количеством винтовок и патронов остался Минусинский совет к моменту нападения на город белогвардейских банд. Незначительное количество оружия, оставшееся у Совета, показывает, что все возможное в смысле участия Минусинска в общей борьбе с чехо-словаками было сделано. Но соотношение борющихся сил на линии Сибирской железной дороги было настолько не в пользу советской власти, что эта помощь Красноярску со стороны Минусинска не могла оказать заметного влияния на ход и исход борьбы молодой, еще не окрепшей, Красной армии Сибири с прекрасно вооруженными интервентскими полками чехо-словаков и русскими белогвардейцами.

Подготовка Минусинского совета к борьбе с контрреволюцией в крае

Одновременно с той большой работой, которую проводил Минусинский совет в отношении помощи Красноярску в его борьбе

с чехо-словаками, он усиленно готовился к отражению нападения местных контрреволюционных сил, выступление которых становилось все более и более очевидным.

Военное положение, объявленное по всей Сибири, 6 июня было распространено и на Минусинский край со всеми вытекавшими отсюда последствиями. В первую очередь административным отделом Совета была объявлена регистрация и сдача оружия. Сдаче подлежало все огнестрельное оружие, как винтовки, так и охотничьи ружья всех систем и боевые припасы. Не исключалось даже то оружие, на которое уже были выданы разрешения.

В № 121 газеты «Известия» от 6 июня было помещено следующее объявление Совета:

«Ввиду выступлений контрреволюционеров с оружием в руках против советской власти, имевших место в некоторых городах Сибири, Минусинский совет избрал Военно-революционный штаб для предупреждения подобных попыток здесь, в Минусинском крае. Отныне все распоряжения Военно-революционного штаба обязательны для всех граждан Минусинского края. Минусинский совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов».

16 июня в той же газете было помещено объявление о регистрации бывших офицеров следующего содержания:

«Предлагается всем гражданам, бывшим офицерам, проживающим в городе Минусинске, в трехдневный срок со дня сего явиться в военный отдел для регистрации. Бывшие офицеры, проживающие вне города, должны явиться в недельный срок сами или, если этого сделать нельзя за дальностью расстояния, то представить документы с уведомлением о своем постоянном месте жительства и профессии. Сведения эти необходимы для учета. Неявившиеся или не представившие о себе сведений в указанные сроки будут привлекаться к ответственности. 15 июня 1918 г. г. Минусинск. Военный отдел».

Если объявление о регистрации оружия в известной мере достигло своей цели, и жителями города было сдано довольно много оружия, то объявление о регистрации бывших офицеров почти не дало никаких результатов. Основная причина этой неудачи заключалась в том, что объявление было издано слишком поздно, т. е. буквально за несколько дней до открытого выступления контрреволюционеров против советской власти. Контрреволюционное офицерство в момент появления этого объявления имело уже полную возможность избежать регистрации. Оно принимало активное участие в формировании кулацко-казачьих дружин в станицах и крупных старожильческих селах и конечно не подчинилось объявлению о регистрации, направленной против них. Из внегородских офицеров никто для регистрации не явился и своих документов не прислал. Офицеры, проживавшие в городе, за исключением нескольких человек, также уклонились от регистрации, отлично понимая, в каком положении находится советская власть в Сибири и надеясь, что игнорирование явки может пройти для них безнаказанно. Кроме того, у них была полная возможность беспрепятственно выехать из города.

В минусинском доме лишения свободы сидело около 30 офицеров — участников мятежа атамана Сотникова. После разгона правого крыла VI съезда и усиления контрреволюционной агитации в крае Исполком запросил у Губисполкома разрешения перевести офицеров-сот-

никовцев в Красноярск, мотивируя это между прочим и тем, что следственное дело по сотниковскому мятежу велось губернской чрезвычайной следственной комиссией. Губисполком передал просьбу Минусинского исполкома чрезвычайной следственной комиссии и вскоре, согласно ее постановлению, сотниковские офицеры были переведены в Красноярск. Это мероприятие, не заключавшее в себе чего-либо особенного, все же с точки зрения обеспечения более успешной борьбы с контрреволюцией в крае имело некоторое значение. Офицеры, находясь в минусинском доме лишения свободы, несмотря на довольно строгий тюремный режим, как выяснилось впоследствии, поддерживали связь с контрреволюционерами на воле, давая последним ряд советов и указаний военного характера. С переводом их в Красноярск эта связь нарушалась и тем самым силы местной контрреволюции ослаблялись.

К числу мероприятий по борьбе с наступавшей контрреволюцией следует отнести также закрытие газеты правых эсеров «Знамя труда» и арест четырех видных эсеров—Злобиной, Пруссака, Моравского и Матусевича.

Правоэсеровская газета «Знамя труда» открыто призывала в это время крестьянство к борьбе с большевиками. Она ежедневно выливала ушаты гнусных инсинуаций на Исполком и Совет. Ложью и вымыслами эта газета старалась дискредитировать отдельных работников Коммуны и особенно членов президиума Совета и Исполкома. Идеологически газета возглавляла контрреволюционное кулацко-казачье движение в крае. 4 июня Военно-революционный штаб постановил закрыть газету «Знамя труда» на один месяц. Крестьянская секция Совета, тогда еще не охваченная малодушием и отпускными настроениями, вынесла решение о закрытии «этой подлой антикрестьянской газеты навсегда».

После закрытия «Знамени труда» эсеры вынесли свою контрреволюционную агитацию на открытые собрания в городе и сельские сходы. Они продолжали призывать буржуазию, мещан города и кулаков к вооруженной борьбе с «узурпаторами-большевиками».

Уже на второй день после закрытия газеты Военно-революционный штаб вынужден был вынести упомянутое решение об аресте группы правых эсеров, активных контрреволюционеров. Это решение проводилось в жизнь следственной комиссией Революционного трибунала. Злобина, Пруссак, Моравский и Матусевич были арестованы за открытый призыв к борьбе с совластью.

Все эти мероприятия бесспорно на ближайшее время в некоторой части облегчали работу Совета и партийной организации по мобилизации революционных сил на борьбу с контрреволюцией и формированию вооруженных отрядов. Однако это уже не могло предотвратить поражения Коммуны, а лишь только оттягивало его.

Выше указывалось, что белогвардейская и эсеровская агитация, разлившаяся по всему краю, давала в тот момент определенные результаты. Среди зажиточных слоев деревни росло враждебное отношение к советской власти. К представителям советской власти, командированным в сельские местности, все чаще и чаще стало проявляться неприязненное отношение. Особенно оно сказывалось в отношении

членов Енисейского губисполкома, находившихся в командировке по заготовкам хлеба. Дальнейшая работа по хлебозаготовкам становилась невозможной не только в казачьих станицах, где уже организовались контрреволюционные банды, но и в ряде старожильческих сел: Шалаболинском, Абаканском, Идринском, Бейском и др. В подтаежных селах, где сельсоветы организовались почти без всякого влияния отдела по организации советов, куда редко удавалось заезжать представителям парторганизации и Совета, влияние контрреволюционеров также росло. Левобережье Енисея, особенно те части его, которые были далеко расположены от каменноугольных копей, медных рудников и Абаканского металлургического завода, были охвачены влиянием таштыпских казаков и хакасских баев. Таким образом круг влияния Минусинского совета стал все более и более ограничиваться и суживаться, и к 19 июня Минусинск уже представлял собой со всех сторон осажденный город. Кулацко-казачьи отряды следовали по направлению к городу вместе с делегатами на VII съезд под предлогом охраны съезда от «нападок» Совета. Однако опасаясь преждевременного столкновения с Красной гвардией, эти отряды остановились у черты города, заняв выгодные позиции для боевых действий.

Эвакуация Губисполкома на остров Диксон и полная изолированность Минусинского совета

Выше мы уже сообщали, что 16 июня связь по прямому проводу с Красноярском прервалась. Однако после этого прошло еще три дня, прежде чем Коммуна узнала о падении Красноярска. Упоминавшийся нами выше разговор по прямому проводу со станции Абакан совпал с окружением города кулацко-казачьими бандами.

Что же случилось в Красноярске, почему Губисполком так неожиданно отступил? В этом событии самым поражающим было то, что его никто не ожидал. Ведь последняя телеграмма Губисполкома говорила о борьбе до последнего патрона и человека. С другой стороны, для минусинцев в тот момент было совершенно непонятным, почему Губисполком, располагая сильным и хорошо вооруженным отрядом, отступил к Ледовитому океану, а не на юг, где имелись прекрасные естественные позиции в виде Саянских гор, продовольственная база, медные и свинцовые рудники и возможность отступления в Танну-Туву и Монголию в случае неудачи или необходимости вести войну в течение долгого времени. Отрезанный от Иркутска в результате занятия чехами городов Канска и Нижнеудинска и от Западной Сибири захватом городов Мариинска и Новониколаевска[1], Красноярск не имел возможности удержать за собой территорию, находившуюся между Мариинском и Канском. Красногвардейские части Губисполкома не смогли сдержать натиска перешедших в решительное наступление со стороны Мариинска и Канска чехо-словацких отрядов, использовавших заключенное перемирие для обхода с флангов и тыла

[1] Впоследствии, при восстановлении советской власти в Сибири, переименован в Новосибирск. Ныне центр Западносибирского края.

Красной гвардии. Только что сформированные красноармейские части Губисполкома не имели опытного командного состава и достаточных технических средств. 17 июня они оставили Ачинск и отступили к Красноярску; туда же отошли и красногвардейские части с Канского фронта. Для Губисполкома становилось ясным, что сдержать наступление чехо-словаков и присоединившихся к ним белогвардейских банд невозможно. Падение Красноярска делалось неизбежным.

Перед губернской организацией большевиков и Губисполкомом встал вопрос: как быть — умереть в неравной борьбе, показав пример героизма, или собрать все наличные силы (партийные, советские и военные), взять ценности из банков, забрать продовольствие и оружие и отступить, сохранив силы для дальнейшей борьбы за пролетарскую революцию в Сибири. По этому вопросу не было никаких разногласий. Решено было отступить, оставив необходимое число людей для нелегальной большевистской работы в Красноярске.

Отступать можно было только по реке Енисею вверх на Минусинск или вниз на город Енисейск. Этот вопрос вызвал серьезные разногласия. Одна часть Губисполкома настаивала на целесообразности эвакуироваться вниз по Енисею до впадения его в Ледовитый океан, на остров Диксон, куда в это время должны были притти советские пароходы из Архангельска. Сторонники этого плана рассчитывали, видимо, выждать некоторое время в низовьях Енисея и затем снова на пароходах подняться вверх для продолжения борьбы.

Другая, меньшая, часть Губисполкома держалась противоположного взгляда на вопрос о пути отступления. Она предлагала эвакуироваться на Минусинск, соединиться с Минусинской коммуной и организовать наступление на контрреволюцию и интервенцию с юга или в крайнем случае отступить дальше за Минусинск по направлению к Танну-Туве и там создать базу для борьбы с контрреволюцией. Слабые стороны первого варианта заключались в том, что если бы даже и удалось достичь на пароходах острова Диксон, то в низовьях Енисея нельзя было бы рассчитывать на усиление вооруженного отряда ни людскими силами, ни материальными средствами, и особенно совершенно невозможно было рассчитывать на пополнение продовольственных запасов и топлива для пароходов. Кроме того при отступлении на север крупные большевистские силы, которыми располагал Красноярск, на весьма долгое время изолировались бы от борьбы с контрреволюцией, ибо остров Диксон находится от линии Сибирской железной дороги на расстоянии 2½ тыс. километров в совершенно безлюдной местности и представляет собою район, абсолютно неподходящий для организации революционных сил.

Решение Губисполкома отступить на остров Диксон было явно непродуманным и ошибочным. Оно деморализовало отступающие части Красной гвардии и Красной армии; дезориентировало Минусинский совет, которому было известно решение Губисполкома воевать до последнего человека и патрона, оно являлось неожиданным и для Иркутска, который также не рассчитывал на уход Енисей-

ского губисполкома в столь отдаленные и безлюдные места. Эвакуация красноярцев вниз по Енисею освобождала вместе с тем силы чехо-словаков и белогвардейцев для борьбы с Центросибирью на Иркутском фронте.

Выгоды второго варианта были совершенно очевидны и бесспорны. Отступление на Минусинск при уводе всех пароходов и вывозе ценностей дало бы огромные преимущества. Они получались бы прежде всего от соединения вооруженных сил Губисполкома и Минусинской коммуны. Это соединение дало бы возможность продолжать борьбу на таком участке территории, который представлял большую ценность в стратегическом отношении, и отвлекло бы контрреволюционные силы от Иркутска, так как казачество Минусинского края было бы в этом случае целиком занято военными действиями в Минусинском крае. Однако самое главное преимущество второго варианта заключалось в возможности пополнения отрядов Красной армии людскими ресурсами. Как мы увидим ниже, бедняцко-середняцкая масса минусинского крестьянства уже в ноябре 1918 г. устроила восстание против контрреволюционного сибирского правительства, которое окончилось поражением только потому, что у повстанцев не было оружия и руководителей. При отступлении Губисполома на Минусинск, события во всей Сибири могли бы получить иной исход.

Организовав в Минусинском крае, хлебном и угольно-металлургическом районе Сибири, военную базу для борьбы с интервенцией и контрреволюцией, советы Енисейской губернии получили бы полную возможность завязать оттуда связи с Иркутским, Барнаульским, Бийским и другими советами Сибири, где сосредоточивались значительные силы советской армии [1].

Но несмотря на все эти преимущества второго варианта, Губисполком, не узнавши мнения по этому поводу Минусинского совета, принял первый вариант, не известив при этом Минусинск о своем решении.

19 июня 1918 г. Губисполком отступил на пароходах по направлению к Енисейску. Отступление было недостаточно организовано. Не все пароходы были взяты из затона. Один сильный пароход, который в дальнейшем сыграл роковую роль для отступающих, был оставлен на пристани. На этом пароходе предателем машинистом были в момент отплытия украдены золотники от машины. Необходимо было этот пароход обезвредить, взорвать, или наконец увести его на буксире за караваном отступающих. Этого сделано не было. Когда флотилия пришла в Енисейск, пароходы в начале стоянки так тесно были расположены один к другому, что можно было чрезвычайно легко сжечь всю флотилию, тем более, что охрана пароходов была совершенно недостаточной. Лишь на вторые сутки стоянки пароходы были разведены.

---

[1] Также совершенно отрицательно относились к эвакуации Губисполкома на остров Диксон руководитель Тасеевского партизанского фронта Енисейской губернии тов. В. Г. Яковенко и ряд других ответственных партийных и советских работников Канского уезда.

После отплытия флотилии из Енисейска среди красногвардейцев и красноармейцев начались разговоры—куда и зачем отступаем? Затем стало проявляться недоверие одного отряда к другому в отношении охраны ценностей. Все это подрывало дисциплину. Недовольство эвакуацией росло. На стоянках задерживались чрезвычайно долго.

Тем временем белогвардейцы организовали из Красноярска погоню. Пароход, оставленный на пристани без золотников в машине, оказался в совершенно исправном виде и стал догонять отступающих. В довершение всего на одной из стоянок флотилии Губисполкома один из пароходов последней снялся с якоря и совершенно неожиданно направился в сторону Красноярска. Никаких мер против изменника не было принято.

Достаточно было подошедшему к флотилии пароходу белых дать несколько артиллерийских выстрелов, как среди отступающих поднялась паника. Все бросились с пароходов на берег. Побежали в лес, где не было дорог, населенных пунктов, продовольствия и удобных позиций для боевых действий. Ушедшие далеко в лес гибли от голода. Белые охотились за ними, как за дикими зверями. Все оружие, ценности, продовольственные запасы и пр. были захвачены белыми. Основная руководящая группа партийных работников и членов Губисполкома во главе с председателем Вейнбаумом Г. С. была арестована, зверски избита и в дальнейшем погибла в Красноярской тюрьме.

Нападение на Минусинск кулацко-казачьих отрядов

Что происходило в Минусинске после эвакуации Енисейского Губисполкома? Минусинская коммуна жила после этого события еще пять дней. Дни эти были трагическим периодом Коммуны.

Коммуна боролась с наступающими врагами и искала выхода в установлении прерванной связи с Красноярском или Ачинском.

Наряду с ударами по контрреволюции путем закрытия эсеровской газеты, ареста эсеров, регистрации оружия и офицерства, перевода сотниковцев в Красноярск, накануне нападения белогвардейцев на город было издано следующее обязательное постановление Ревштаба:

«В минуту грозной опасности смертельные враги трудового народа с бешеной энергией ведут повсюду подлую агитацию, распуская среди крестьянского населения ложные слухи и клевету на народную советскую власть, борющуюся за спасение народа от порабощения иностранными врагами и России от гибели. Они, эти враги трудящихся, повсюду усердно внушают народу, что армия трудового народа, Красная армия, занимается только грабежами и убийствами, что большевики и Красная армия хотят отобрать от крестьян хлеб и сжечь села и деревни и тому подобную мерзость и гнусную клевету. Цель такой агитации со стороны всех этих провокаторов, шпионов, наемников буржуазии и иностранных капиталистов ясна—это подорвать в народе доверие к советской власти и не дать ей возможности организовать оборону от вражеского нашествия и контрреволюционных выступлений. Все эти мерзавцы, кулаки, грабители, мародеры, спекулянты, бывшие царские чиновники, жандармы, охранники, предатели из бывших офицеров, черносотенцы, прикрывающиеся даже именем социалистов, хулиганы, погромщики и тому подобная свора, питав-

шаяся многие годы потом и кровью трудового народа, хочет при помощи штыков германских, английских, французских, японских, чехо-словацких и других иностранных наемников и капиталистов вернуть старый режим, снова посадить на трон Николая Кровавого и залить кровью крестьян и рабочих всю Россию и Сибирь, установить свое царство произвола и насилия, царство нагайки и палачей. Военно-революционный штаб, избранный пленарным заседанием Совета для борьбы с контрреволюцией и решивший бороться до последней возможности за свободу трудового народа и независимость России от врагов внешних и предателей и изменников внутренних, именем республики трудового народа объявляет, что все враги трудового народа, все клеветники, шпионы и агитаторы против советской власти будут предаваться революционному суду с применением самых тяжких наказаний. Все местные власти в уезде обязаны принять самые решительные меры борьбы по пресечению и распространению ложных слухов, арестуя и доставляя в город всех агитирующих против Совета, кто бы они ни были, причем представители власти, не исполняющие свой долг, будут также предаваться революционному суду, как изменники. Отделам: административному и военному и штабу Красной армии вменяется в обязанность следить за неуклонным и точным выполнением настоящего постановления. Постановление входит в силу со дня опубликования.

г. Минусинск. 18 (5) июня 1918 г.

Военно-революционный штаб.»

Вместе с тем Исполком и парторганизация большевиков усиленно мобилизовали рабочих и деревенскую бедноту на борьбу с контрреволюцией. 18 июня в газете «Известия» было опубликовано обращение Военно-революционного штаба под заголовком: «Трудящиеся к оружию». В этом призыве к оружию указывалось на то, какая опасность надвигается со стороны контрреволюции и интервенции. Это обращение напоминало, как трудящиеся Минусинского края дружными усилиями ликвидировали мятеж атамана Сотникова и сообщало о занятии Западной Сибири чехо-словаками, преследующими цели свержения советской власти и освобождения заключенного в Екатеринбурге[1] Николая Романова. В призыве указывалось на существовавший в г. Томске союз между правыми эсерами и меньшевиками с буржуазией, которая дала эсерам и меньшевикам на контрреволюционную работу 3 млн. рублей. В заключении говорилось:

«Встаньте все, как один человек... Сплотившись крепкой стеной, революционный народ сможет показать иностранным захватчикам, как накладывать кровавую руку на завоевания революции. Итак, товарищи, все—к оружию, на защиту своих кровных интересов!! Да здравствует сильная, свободная армия, дающая отпор врагам!»

Парторганизация большевиков еще с момента разгона правой части VI съезда развернула большую агитационно-массовую работу среди рабочих города под лозунгом «беспощадная борьба с контрреволюцией кулаков и чехо-словаков». Парторганизация указывала всем профессиональным, советским и общественным организациям на опасность контрреволюции, призывала к усилению бдительности и готовности бороться с врагами советской власти.

Первым на призыв парторганизации отозвался Социалистический союз трудящейся молодежи, который заявил, что он готов вы-

---

[1] Главный город Уралобласти. По окончании гражданской войны был переименован в Свердловск.

ступить в нужный момент с оружием в руках на защиту Коммуны и пролетарской революции. Это заявление было подкреплено практической работой и борьбой многих членов Союза в отрядах Красной гвардии. Затем один за другим стали откликаться профессиональные союзы города, каменноугольных копей и рудников. Черногорские горняки в резолюции, помещенной в № 128 газеты «Известия» от 15 июня, выражали полную солидарность с левой частью VI съезда и высказывались за создание Военно-революционного штаба. В резолюции говорилось:

«Выразить свою непреклонную решимость защищать советскую власть от всяких подкопов извне и изнутри, всеми средствами, имеющимися в распоряжении черногорских рабочих».

Усилил в этот момент свою работу и Союз увечных воинов, всегда активно участвовавший в борьбе и строительстве Коммуны. Союз строительных рабочих в резолюции по текущему моменту выразил свое отношение в следующих словах:

«встать на защиту истинной власти трудящихся, на защиту советов с оружием в руках, если это потребуется для отражения контрреволюции, откуда бы она ни исходила».

Союз строителей, призывая крестьян встать на защиту советской власти, в качестве ближайшего и важнейшего мероприятия выдвигал предложение о поголовном вступлении членов Союза в ряды Красной гвардии. Приблизительно в таком же смысле высказывались рабочие кожевенного и шерстяного производств. Красногвардейцы резервной части выявили свое отношение в следующих словах:

«Настало время дать решительный бой буржуазной и эсеровской контрреволюции».

Наконец общее собрание членов всех профессиональных союзов г. Минусинска вынесло следующее постановление:

«вменить в обязанность всем членам профсоюзов, способным носить оружие, стать под ружье и отдать себя в распоряжение военного отдела Совета для защиты рабоче-крестьянской революции—как на месте, так и на внешнем фронте».

Эта готовность рабочих защищать советскую власть не была достаточно использована Минусинским советом, главным образом, из-за недостатка оружия. Достать оружие в это время из других городов было совершенно невозможно. Что же касается внутренних ресурсов, то в значительной мере они были уже использованы.

Если еще до отступления Губисполкома из Красноярска (18—19 июня) Минусинск находился на положении осажденного города, то эвакуация Красноярска создала полную изолированность Минусинской коммуны от всего остального мира. Она осталась как маленький островок среди океана бушующей контрреволюции. Кольцо сжималось все теснее и теснее. Совет и Военно-революционный штаб готовились к последнему бою. Располагались вооруженные отряды красногвардейцев, ставились пулеметы на главнейших направлениях движеня в город контрреволюционных банд. Один пулемет с несколькими десятками бойцов был расположен у моста на протоке

реки Енисея для обстрела подступов к городу. Другой—в каменном здании винного склада, стоявшем на большой дороге, ведущей в город. Третий пулемет был поставлен в здании Исполкома на балконе. Здание Исполкома было забаррикадировано. В стенах тюрьмы комиссаром т. Кратюк Н.[1] были сделаны бойницы и другие укрепления на случай долгой осады и с целью воспрепятствования белогвардейцам освободить заключенных контрреволюционеров. Довольно сильный отряд, но уже без пулемета, был расположен в здании казначейства, имевшем толстые каменные стены. В самом большом каменном доме города, принадлежавшем раньше купцу Вильнер и находившемся на площади, недалеко от Исполкома и Военно-революционного штаба, был помещен отряд особого назначения, вооруженный бомбами и револьверами и состоявший из партийцев и молодежи.

Кроме трех пулеметов «максима» и весьма ограниченного количества винтовок, в тот момент у Коммуны не было другого оружия. Особенно большая нужда была в патронах.

Решительного наступления кулацко-казачьих банд на город ожидали с часа на час. В ночь с 20 на 21 июня казачья банда в конном строю пыталась путем налета захватить город. Войдя незаметно на старую базарную площадь, казаки бросились в атаку на красногвардейские казармы. Однако встреченные огнем красногвардейцев и потеряв убитым своего командира (белогвардейского офицера учителя Кушнарева), они вынуждены были отступить и начать частую боевую перестрелку. Для помощи красногвардейцам, находившимся в казармах, Военно-революционным штабом был послан отряд особого назначения. Этому отряду с помощью красногвардейцев, расположенных в казармах, удалось вытеснить казачью банду из города. Четыре товарища при этом были ранены. Один из них—Калеватов впоследствии умер от ран, несмотря на оказанную ему своевременно помощь.

Утром был произведен другой казачьей бандой новый налет на здание Исполкома, где помещался Военно-революционный штаб. Этот налет был рассчитан на то, чтобы застигнуть штаб и Исполком врасплох, и к моменту открытия VII съезда арестовать руководителей Минусинской коммуны. Однако благодаря решительным действиям командира т. Базаркина А. отряд дружными залпами из окон и с балкона здания Исполкома заставил казачью банду, не дойдя до баррикад, повернуть назад и отступить.

Открытие VII съезда[2] и переговоры Совета со съездом и штабом контрреволюционных дружин

В такой военной, по существу уже боевой, обстановке, 21 июня в 10 часов утра состоялось открытие VII съезда. Открывая съезд,

---

[1] Бывший политический ссыльный, член организации большевиков.

[2] VII съезд безусловно нельзя считать съездом советов, так как не только нормы представительства, но и классовый состав его были нарушены поднявшей голову контрреволюцией.

Исполком и другие руководящие органы Коммуны имели в виду сделать последнюю попытку привлечь на свою сторону середняцкие массы крестьянства и тем самым получить возможность перейти в наступление против кулацко-казачьих банд, окруживших город. Делегаты съезда беспрепятственно проникали в город, несмотря на заставы белогвардейцев. Судя по настроениям их, нельзя было с уверенностью ожидать, что съезд станет на сторону Совета. Но в тот момент не было иного выхода, как только открыть съезд. Отказаться от этого—означало бы сразу поставить себя во враждебное отношение к той части середняков, которая бессознательно шла за эсерами и кулаками.

Съезд открылся председателем Минусинского совета К. Трегубенковым. В президиум были избраны самые отъявленные контрреволюционеры с правым эсером Силиным во главе. Ни одного члена Совета или Исполкома в президиум избрано не было. Зал театра, где происходило открытие съезда, был наполнен злобой и ненавистью к каждому партийцу и члену Совета.

Отвратительные, раскрасневшиеся от жары, покрытые потом, толстые и красные лица кулаков, скрежетавших зубами при каждом произношении слово «совет», «большевик», «красногвардеец» и т. д., создавали тяжелую картину. Однако вначале эти слова вызывали у делегатов съезда не только приступы бешенства, но и некоторую боязнь.

После избрания президиума съезд принял следующие решения: 1) именовать себя чрезвычайным; 2) допустить на свои заседания с правом решающего голоса всех приехавших в город «крестьян»; 3) обязать Минусинский совет не уходить со съезда; 4) предоставить в распоряжение съезда типографии и рабочих для печатания работ съезда; 5) воспретить газете «Известия» критиковать работу съезда и его решения; 6) добиться от Совета и Военно-революционного штаба неприкосновенности делегатов съезда. Таким образом VII съезд в самом начале уже совершенно явственно выявил свой контрреволюционный характер.

Здесь следует дать харастеристику классового состава VII съезда.

Если на VI съезде были в значительной части представлены сочувствовавшие советской власти середняки и деревенская беднота, которые потом образовали левую часть VI съезда, ушедшую от кулацкого большинства, то делегаты VII съезда, за исключением незначительной части колеблющихся середняков, были в большинстве своем богатые казаки, кулаки, спекулянты и прочий контрреволюционный сброд. Часть же делегатов съезда от крестьян—бедняки и середняки—или просто не явились на съезд, или очень быстро ушли с него. Активное участие в работах VII съезда принимали руководители и заправилы контрреволюционных кулацко-казачьих дружин, окруживших город. Бо́льшую половину съезда составляли кулаки и подкулачники, явившиеся без всяких полномочий и никем не избранные. Этим самозванным «представителям» съезд под предлогом «исключительных условий» предоставил право решающего голоса.

Как же поступил съезд с делегатами от профессиональных союзов г. Минусинска?

«Городские профессиональные организации приглашаются на съезд с правом совещательного голоса.

Президиуму поручается выработать и представить на рассмотрение съезда список тех профессиональных организаций, от которых должны быть приглашены представители на съезд в качестве сведущих людей с правом совещательного голоса. Право решающего голоса профессиональным организациям города не дается в виду того, что представительство от города на съезд должно быть выражено делегатами городской думы, избранными от всех жителей города, в том числе и профессиональных организаций»[1].

Далее, в протоколах съезда написано, что

«представительство на съезде от политических партий съезд единогласно отклоняет».

Этими замечаниями в основном исчерпывается характеристика социального состава VII съезда. Если к ней прибавить еще решение съезда, предлагавшее распущенной Советом городской думе срочно созвать экстренное заседание и выбрать делегатов на съезд, то будет совершенно отчетливо и выпукло выступать контрреволюционное лицо этого сборища кулаков, богатых казаков и городской буржуазии, пылавших звериной ненавистью к диктатуре пролетариата и готовых в любую минуту растерзать на куски людей, дерзнувших затронуть классовые интересы эксплоататоров. На стороне революции была лишь незначительная часть делегатов.

Сделанное при открытии съезда председателем Силиным заявление, что нападавшие ночью и утром на город казачьи банды выступали неорганизованно и не имели никакой связи с делегатами съезда, было настолько лицемерно-лживым, что никто этому не поверил и не придал серьезного значения. Для всех была ясна связь подавляющего большинства делегатов съезда с заправилами контрреволюционных банд.

Начальники кулацко-казачьих дружин—старые казаки, хорунжие, офицеры казачьего войска и офицеры царской армии, с самого начала поддерживали со съездом связь, регулярно информируя своих дружинников о ходе работ съезда и ежечасно передавая директивы и указания своему войску.

Однако было бы неправильно утверждать, что на заседаниях VII съезда совершенно отсутствовали представители середняцкой массы крестьянства. Их было незначительное меньшинство, но они безусловно присутствовали. Мы уже знаем, что основная масса середняков в Минусинском крае активно поддержала Октябрьский переворот и участвовала в борьбе с атаманом Сотниковым. Теперь значительная часть середняков колебнулась в сторону буржуазии. Типичным выражением этого колебания от сочувствия и активной поддержки Коммуны до выступления на кулацко-казачьем съезде явился факт

[1] Это и все остальные, помещенные ниже, постановления VII крестьянского съезда, цитируются по копии протоколов съезда, находившейся в распоряжении авторов книги.

перехода части крестьянских депутатов Минусинского совета на сторону контрреволюционного съезда.

Еще накануне своего предательства эта группа крестьянских депутатов вынесла решение бороться с контрреволюцией в лице VII съезда до конца, и, если нужно, умереть с оружием в руках. Но не прошло и 24 часов, как та же группа депутатов пошла на съезд просить разрешения принять участие в его работах. Ниже мы подробнее остановимся на этом событии.

Следует отметить видную роль правых эсеров в организации контрреволюционных сил перед VII съездом. Кулаки видели в правых эсерах своих идейных руководителей. Эсеровские агитаторы в деревнях являлись лучшими гостями кулачества, которое относилось к ним с величайшим вниманием.

Выполнивши задачу по подготовке VII съезда, эсеровская организация в лице П. Силина, П. Тарелкина, Романа Троцкого, Гурова, Добрицкого и др. руководила работами этого контрреволюционного съезда. В президиум съезда входили правые эсеры[1]. Съезд поручил эсеровской организации восстановить земство и наладить работу этого контрреволюционного учреждения.

Съезд избрал новый орган власти—комиссариат в числе 6 человек, из них трех от крестьян—Силина (председателя съезда, правого эсера), Гурова (кулака, правого эсера, члена Всероссийского учредительного собрания) и Рыжкова; одного от хакассов—Майнагашева (реакционера, крупного скотовода); одного от казаков—Мосина (монархиста) и одного от городской буржуазии—Тарелкина, (правого эсера, махрового реакционера, ставшего впоследствии колчаковским комиссаром и беспощадно подавившего крестьянское восстание в 1918 г.). Этой группе отъявленных контрреволюционеров и была передана кулацким съездом власть в Минусинском крае.

Политико-экономическая платформа съезда представляла собой возврат к старому, возврат полный и немедленный, и ликвидацию, также полную и немедленную, всего того, что было сделано Минусинской коммуной в интересах рабочих и всех трудящихся в деле свержения ненавистного капиталистического строя и замены его новым строем—социалистическим.

После принятия съездом решения, обязывавшего весь состав Совета быть на съезде, все присутствовавшие члены Совета и Исполкома покинули заседание съезда.

Кулацко-казачьи банды, окружавшие город, проявляли в этот момент нетерпение и пытались выступить самостоятельно, независимо от съезда.

В ночь с 21 на 22 июня из штаба кулацко-казачьих дружин в Военно-революционный штаб Коммуны явилась делегация, проведенная по городу с завязанными глазами. Она предъявила требование о разоружении Красной гвардии. Этот ультиматум был решительно отвергнут Военно-революционным штабом, и делегация контрреволюционеров также с завязанными глазами была выведена

---

[1] «Работами» президиума VII съезда руководил правый эсер П. Силин, демагог и политический авантюрист.

на окраину города. Утром на заседании съезда член Совета Кузнецов, по своей личной инициативе, сообщил съезду о требованиях, предъявленных Совету со стороны штаба кулацко-казачьих дружин. Обсудив этот вопрос, кулацкое большинство съезда решило послать «ноты» к обеим вооруженным сторонам—Совету и кулацко-казачьим дружинам с требованием «подчиниться воле VII чрезвычайного крестьянского съезда» и предложением—«признать съезд единственным хозяином края, без разрешения которого ни Совдеп, ни крестьянско-казачьи дружины не должны предпринимать военных действий друг против друга».

После принятия этой резолюции, требовавшей от Совета подчинения кулацкому съезду, делегаты съезда заслушали телеграмму из Ачинска от контрреволюционного временного правительства Сибири, в которой сообщалось о том, что почти по всей Сибири советская власть свергнута. Это сообщение вызвало неистовую радость у кулацкого большинства съезда и чрезвычайно обострило отношения между съездом и Советом.

Ультиматум VII съезда Минусинскому совету и решение Совета в связи с создавшимся положением

Оставленные на съезде для наблюдения за его работами члены Военно-революционного штаба и Исполкома передали Совету требование съезда не предпринимать военных действий против кулацко-казачьих дружин. Совет на это решение съезда ответа не дал. В этот момент на съезде была получена резолюция кулацко-казачьих дружин с требованием дать им разрешение на занятие города в боевом порядке. В ответ на это требование съезд обратился к Минусинскому совету со следующим ультиматумом:

«1. Предложить Минусинскому совету во избежание вооруженного столкновения и для разрешения конфликта мирным путем подчиниться воле крестьянского съезда безусловно и беспрекословно. 2. Немедленно начать разоружение советских военных сил как в городе, так и в уезде, с помощью особой, уполномоченной от съезда, комиссии. 3. Немедленно снять осадное положение, объявить как город, так и уезд в состоянии возврата к мирному положению. 4. Настоящее постановление сообщить как Совету, так и стоящим у ворот г. Минусинска казацко-крестьянским дружинам».

Наступил решительный момент. Получив этот ультиматум, Минусинский совет устроил экстренное заседание, на котором подверг обсуждению наглое предложение контрреволюционеров. В резолюции, принятой Советом по поводу ультиматума съезда, проводилась тактика, близко напоминавшая ту, которой придерживался Совет во время ликвидации мятежа атамана Сотникова. Совет прибегнул к тактике оттяжки времени, с тем чтобы, используя это, попытаться еще раз связаться с уцелевшими отрядами Красной гвардии Сибири и выяснить положение на иркутском и других фронтах. Кроме того, Совет учитывал возможность перенесения заседаний съезда из города в одно из крупных сел, находившихся недалеко от города. Эта возможность была реальной потому, что на съезде неоднократно раздавались голоса о перенесении заседаний в

одно из крупных сел в целях безопасности на случай открытия боевых действий между Советом и кулацко-казачьими дружинами. Резолюция Совета на ультиматум съезда была составлена в следующих выражениях:

«До точного выяснения положения о власти в России и Сибири Минусинский совет не может передать власти VII съезду. Ввиду истечения полномочий многих членов Совета, Совет предлагает крестьянскому съезду, чтобы на местах было немедленно приступлено к перевыборам Совета. Совет предлагает съезду немедленно избрать из своей среды ревизионную комиссию, которая и останется на месте в Минусинске для контроля над деятельностью Совета, впредь до приезда нового состава Совета. Совет предлагает назначить срок для приезда новых членов Совета не позднее, чем через 2 недели с момента постановления съезда».

Несомненно, что старая выжидательная тактика при новых изменившихся условиях уже означала по существу капитуляцию Совета. Но кулацкое большинство VII съезда не удовлетворилось и этим ответом Минусинского совета. После весьма продолжительных прений съезд принял решение, в котором указывалось, что «ответственность за все, что может в дальнейшем произойти, возлагается на Совет и Красную гвардию, не пожелавших подчиниться воле съезда». Таким образом съезд снимал с себя ответственность за ожидавшийся погром сторонников советов и возлагал ее на Совет. Вместе с тем съезд потребовал от членов Совета, случайно оказавшихся на заседании, чтобы они немедленно подчинились его решениям. В ответ на это требование съезда выступил один из начальников Красной гвардии т. Зазыба. Он счел возможным дать формальное согласие подчиниться решениям съезда. Тогда президиум съезда обратился к нему от имени делегатов съезда со следующим предложением:

«Съезд предлагает вам задержать членов Исполнительного комитета, членов красногвардейского Военно-революционного штаба и всех начальников красногвардейских отрядов за их упорное нежелание подчиниться воле крестьянского съезда».

Получив эту резолюцию съезда на руки, Зазыба пришел в Военно-революционный штаб и рассказал ему обо всем, что с ним случилось на съезде, заявив, что он совсем не намерен был и не думает что-либо предпринимать против советской власти, но проявленное им малодушие на съезде поставило его в столь фальшивое положение.

Все эти события происходили в промежуток времени от 21 до 23 июня. 23 июня было последним днем существования Минусинской коммуны. Это был самый тяжелый день. Он начался с уже упоминавшегося нами предательства членов Совета — крестьянских депутатов и окончился принятием ультиматума VII съезда.

Вот как этот день запечатлен в «протоколе VII крестьянского съезда», составленном контрреволюционерами, врагами Коммуны, и потому не отражающем с полной объективностью картины происходивших событий. Но мы все же считаем возможным привести выдержки из этого протокола, поскольку других документов об этом дне нет и у нас есть возможность на основе личных воспоминаний опровергнуть все допущенные протоколом извращения.

«Протокол VII крестьянского съезда. 3-й день съезда. Заседание 10 (23) июня 1918 г. Председательствует т. Силин.

Принимается постановление: Объявить дальнейшие заседания съезда закрытыми, во избежание излишнего шума и для успокоения многих делегатов съезда, получивших откуда-то сообщение, что возможны попытки срыва заседаний крестьянского съезда.

Зачитывается внеочередное заявление Совдепа, из которого видно, что Совдеп просит съезд приступить к немедленному его переизбранию. Во время оглашения настоящего заявления председательствование на съезде переходит к С. Кузьмину.

Гр. Непомнящий, читавший заявление Совдепа, обращается к съезду с вопросом—была ли накануне вечером вынесена резолюция, приказывающая красногвардейцам задержать членов Исполкома, членов Военно-революционного штаба и начальников отрядов Красной гвардии? На вопрос Непомнящего съезд отвечает отрицательно и предлагает ему для более точного выяснения всех обстоятельств принести текст упомянутой им резолюции. Председатель Силин возвращается на съезд и ведет дальнейшую работу съезда.

Гидлевский, Кенсорин. Член комитета Минусинской организации большевиков. Комиссар административного отдела Совета и секретарь Военно-революционного штаба.

Тем же гр. Непомнящим оглашается заявление красногвардейского Военно-революционного штаба следующего содержания: «Вооруженными силами, находящимися в распоряжении VII крестьянского съезда, предательски убит тов. Герасимов, который предварительно был связан убийцами. Тов. Герасимов был рабочим и служил на Алтайской народной экономии. Военно-революционный штаб настаивает, чтобы съездом были приняты меры для предотвращения подобных зверств, в противном случае все заложники, задержанные штабом, будут немедленно расстреляны. Председатель К. Трегубенков. Секретарь К. Гидлевский».

В дополнение к заявлению гр. Непомнящий сообщает, что труп Герасимова привезен к пожарному депо и, если делегаты пожелают, они могут его осмотреть.

Заявление красногвардейского штаба вызывает в участниках съезда негодование. С мест раздаются требования, чтобы труп Герасимова был немедленно увезен, а гр. Непомнящему указывается, что собственное поведение членов Совдепа является основной причиной народного возмущения, которое часто выливается в такие суровые формы возмездия, как например случай с Герасимовым. В зале поднимается шум, угрожающие выкрики по адресу гр. Непомнящего. Гр. Непомнящий покидает зал заседания; постепенно водворяется тишина.

Председатель крестьянской секции Минусинского Совдепа—гр. Алексеев спрашивает съезд, желает ли он, чтобы в работах съезда приняли участие члены этой секции? Попутно заслушивается заявление других членов крестьянской секции и увечных воинов о том, что они не участвовали на пленарном заседании Совдепа, происходившем накануне и потому, подчиняясь всецело воле съезда, просят допустить их к участию на съезде. От имени членов крестьянской секции Совета гр. Метельский заявляет, что они готовы приложить все меры к тому, чтобы склонить остальных членов Совдепа подчиниться воле съезда и отдаться всецело в его распоряжение.

С мест раздаются голоса: «Где вы были раньше-то? Мы третий день бьемся головой об стену, а вы только сегодня изволили пожаловать» и т. д.

Председатель съезда Силин говорит: «В данную минуту отдельные присоединения членов крестьянской секции Совдепа съезду совершенно не

нужны. Третий день съезд борется с Совдепом и настаивает на его подчинении; но несмотря на то, что в этой борьбе съезд употребил героические усилия, Совдеп до сих пор не изволит склонить своей непокорной головы и держит как город, так и уезд под угрозой этой убийственной бойни. За эти три дня мы видели множество выступлений на съезде членов Совдепа, но до сих пор они ни к чему не привели. Третий день мы нервничаем и волнуемся. Третий день город дрожит под страхом расстрела, а между тем Совдеп во всех своих выступлениях на съезде преследовал, видимо, единственную задачу тянуть без конца бесплодную канитель и мучить как съезд, так и город. Подчеркиваю последний раз, что воля съезда вполне определенна и ясна, что пора съезду перестать вести с Совдепом бесплодную торговлю. Не забывайте, товарищи делегаты, что вы здесь хозяева и выявленная вами воля в постановлениях съезда должна быть законом для всех учреждений и лиц. Совдеп не желает подчиниться вашей воле. Ведь вчера еще вы приняли постановление, в котором заявили, что чувствуя бессилие разрешить конфликт мирным путем, вы слагаете с себя ответственность за дальнейшие события. Этим постановлением вы окончательно отвергли от себя Минусинский Совдеп за его преступное упорство и неподчинение. Так пусть же он и не существует для вас. Сейчас вы слышали предложение гр. Метельского, сделанное от имени крестьянской секции. Они хотят употребить все силы, чтобы призвать Совдеп к повиновению. На это я просил бы съезд ответить им—как хотите, это ваше личное дело. А у съезда с Минусинским Совдепом всякие разговоры и счеты окончены».

Отдельные члены крестьянской секции заявляют, что они пойдут сейчас и употребят все усилия, чтобы склонить Совет к подчинению. «Ваше личное дело»,—отвечает им председатель.—«Мы пойдем и от имени съезда, как члены крестьянской секции, будем настаивать на подчинении остальных членов Совдепа».—Председатель перебивает: «Нет, у съезда с Совдепом закончены все разговоры и счеты. Совдепа для съезда больше не существует, и тратить свое дорогое время на новые переговоры съезд не желает. Не думайте, что это мое личное мнение. Нет, это воля всего съезда. Если хотите, это покажет сейчас голосование. Итак, я ставлю на голосование. Пусть поднимут руки те, кто находит, что Совдеп для съезда больше не существует, что с ним покончены всякие переговоры». Съезд единогласно подтверждает слова председателя. «Вы видели,—спрашивает председатель членов крестьянской секции Совдепа,—такова воля VII крестьянского съезда. Идите и ведите с Совдепом переговоры от себя лично, а нам не мешайте работать. Нас ждут делегаты от крестьянско-казачьих дружин, привезшие заявление, которое мы должны сейчас выслушать».

Тов. Ишенишников говорит от имени крестьянско-казачьих дружин, которые предлагают VII крестьянскому съезду покинуть г. Минусинск и продолжать работу в деревне Маломинусинской.

Члены крестьянской секции Совдепа вновь просят допустить их к участию в работе съезда. Возражает им председатель съезда: «Нет, по моему личному мнению, съезд не должен этого делать и вот почему: вы являетесь членами Минусинского совдепа, который до сих пор не подчиняется крестьянскому съезду. Ваше участие на съезде было бы возможно только со всем Совдепом, а раз вы от него откололись, то вас следует рассматривать как частных граждан, которым присутствие на съезде закрыто. Нам нужен был весь Совдеп, а не отдельные его члены. Вы говорите, что постараетесь уговорить остальных членов Совдепа на подчинение съезду. Идите и сделайте это, и тогда воля съезда может быть другой, а пока этого еще не сделано, вам не может быть разрешено участие в работах съезда».

Члены крестьянской секции продолжают настаивать. Чтобы покончить раз навсегда с этим вопросом председатель предлагает съезду принять следующую резолюцию: «Вчерашний весь день VII чрезвычайный крестьянский съезд употребил на то, чтобы выявить свою волю к обоим враждующим сторонам—к Совдепу с его красногвардейцами и к вооруженному крестьянству, стоящему за городом. Воля крестьянского съезда—единственного хозяина всего Минусинского края—была выражена в особых постановлениях. Постановления эти в копиях были переданы той и другой враждующей стороне. При этом съезд отмечает, что вооруженное крестьянство заявило о своем подчинении воле съезда. Совдеп не сделал этого до сих пор. Крестьянский съезд не желает попусту тратить свое дорогое время на единоличное выступление членов Сов-

депа. Только при условии, что Совдеп в полном его составе, а с ним и его вооруженные силы выполнят вчерашнее постановление, съезд будет вести с ним дальнейшие разговоры. Пока же этого сделано не будет, съезд в дальнейшем не вступит ни в какие безрезультатные разговоры. Настоящее постановление является последним ответом Совдепу и его вооруженным силам.

Что же касается заявлений крестьянской секции Совдепа в лице гр. гр. Алексеева, Метельского и др., из которых видно, что они намерены употребить все свои силы на привлечение Совдепа к подчинению, то съезд постановляет: 1) принять эти заявления к сведению, 2) объявить Алексееву, Метельскому и др., что их благие намерения съезда совершенно не касаются, и на их собственной гражданской обязанности лежит дальнейшая работа в том же направлении, 3) в последующих своих занятиях съезд прекращает всякие переговоры как с Совдепом, так и с отдельными его членами, видя в этом одну лишь проволочку времени, которая может повести к столкновению вооруженных враждебных сторон».

Эта резолюция ставится на голосование и единогласно принимается. Члены крестьянской секции Совдепа получают в Президиуме копию резолюции и уходят из зала. После перерыва съезд приступает к обсуждению предложения перенести занятия в деревню Маломинусинскую.

К моменту голосования этого предложения на сцену с улицы входят члены Минусинского совдепа. Председатель спрашивает: «Кто и зачем вошел на заседание съезда? Разве вы не знаете, что заседания съезда закрыты для посторонних?»—Председатель Совета—Трегубенков, просит слова. Председатель съезда отказывает. Трегубенков и другие члены Совдепа настаивают.—«Хорошо,—говорит Силин,—пожалуй, можно еще раз попробовать говорить с Совдепом, но только вот каким путем: если съезд разрешит, то я вновь повторю наш ультиматум, а Совдеп пусть потрудится дать на все вопросы вполне определенный и окончательный ответ. Разрешает мне съезд сделать это?»—«Разрешаем»—единогласно отвечает весь зал. «Итак, с разрешения съезда, я начинаю. Первый пункт нашего ультиматума: подчиняется ли Совдеп воле VII чрезвычайного крестьянского съезда?» Трегубенков: «Принято». Председатель Силин: «Хорошо. Второй наш пункт. Немедленное разоружение всех советских вооруженных сил. Принято или не принято?» Трегубенков: «Принято».

Во время этого диалога зал молчит, жадно ловя каждое слово. По окончании всех вопросов раздается один общий вздох облегчения. Сознание, что конфликт разрешился мирным путем и что угроза вооруженного столкновения миновала, совершенно меняет настроение съезда: из хмурого и озлобленного сразу перешедшее в радостное и великодушное. Трегубенков просит у съезда гарантий полной неприкосновенности личности для всех членов Совдепа, для членов Военно-революционного штаба, для начальников красной гвардии и рядовых красногвардейцев, а также для профессиональных союзов и политических партий. Съезд дает просимую Трегубенковым гарантию, но при непременном условии, чтобы в каждую минуту по требованию съезда или уполномоченных им лиц, все являлись и давали отчет о своей деятельности.

Избирается временная распорядительная комиссия для приведения всех постановлений съезда в исполнение. В состав этой комиссии входит президиум съезда, состоящий из 10 человек, и к ним добавляется еще 30 человек. Председатель объявляет, что дальнейшая работа по разоружению красной гвардии и водворению в городе хотя бы какого-нибудь порядка легче выполнима избранной распорядительной комиссией, а потому он настоящее заседание закрывает и просит всех собраться на следующий день к 9 часам утра. Заседание закрывается. В зале крики радости. Раздается единодушное «ура». Все поздравляют и жмут друг другу руки. Многие плачут и целуются».

О чем говорят эти выдержки из протокола VII съезда? Они говорят прежде всего о напряженной борьбе Минусинского совета со съездом и решительных действиях Военно-революционного штаба. Они говорят нам о трусости и предательстве крестьянской секции Совета во главе с Алексеевым и Метельским. Они говорят нам также о тесной связи VII съезда со штабом кулацко-казачьих банд, осадивших город.

22 июня Минусинский совет отказался подчиниться съезду, и Военно-революционный штаб начал готовиться к боевым действиям.

А на другой день картина резко изменилась: президиум Совета явился на съезд и заявил о согласии принять ультиматум съезда.

Что же заставило Совет круто переменить решение и чем это решение мотивировалось?

Бесспорно предательство крестьянской секции Совета сыграло здесь определенную роль. Большое значение имел также и недостаток оружия и особенно патронов. Но самым главным было не это. Если бы Минусинский совет в этот момент не был полностью изолирован от сибирских советов и центров советской власти, если бы он не оказался в совершенно безвыходном положении, лишающем его возможности сопротивления, тогда и предательство крестьянских депутатов и недостаток оружия не играли бы такой большой роли. Председатель съезда Силин, убеждая на VII съезде делегатов, уже после поражения Минусинской коммуны, подчиниться требованию Сибирского правительства о мобилизации, мотивировал, между прочим, свое предложение следующим образом:

«Судьба большевиков должна быть уроком для вас. Вы сами видели, что нашему Минусинскому совдепу ничего больше не оставалось, как сдаться. А почему?—Да потому, что на всей территории Сибири советская власть пала».

Решение большинства принять требование VII съезда вызвало недовольство среди части членов Совета и Военно-революционного штаба. После предательского ухода крестьянской секции на съезд в Совете и Военно-революционном штабе наметилось два выхода из создавшегося положения: первый—дать бой на улицах Минусинска кулацко-казачьим бандам и отступить по направлению к Тангу-Туве или, в крайнем случае, умереть за дело пролетарской революции; второй—используя настроения середняцкой части VII съезда, попытаться сохранить силы для дальнейшей борьбы, для чего согласиться временно на разоружение. Сторонники второго варианта выдвигали ряд веских аргументов: во первых—вступая в бой с кулацко-казачьими бандами и разгоняя VII съезд, Совет тем самым вступал бы в конфликт и с середняцкой массой крестьянства, которая жила в то время еще иллюзиями формального буржуазного демократизма и по своей несознательности могла рассматривать стрельбу по кулацко-казачьим бандам как выступление против крестьянства вообще; во вторых—Минусинская коммуна не располагала достаточным вооружением для того, чтобы разбить противника, в 10 раз превосходящего ее по численности; и в третьих—в случае неудачного исхода боевых действий у Минусинского совета не было бы возможности эвакуировать с территории, занятой врагом, семьи рабочих и красногвардейцев, а это неизбежно обрекало их на расправу озверевшей контрреволюции.

После долгих прений был принят второй вариант. Военно-революционному штабу хорошо были известны слабость военной организации и крайний недостаток патронов, поэтому большинство его не возражало против сдачи власти VII съезду и разоружения. Все вооружение Коммуны в тот момент состояло из трех пулеметов системы «максима», 269 винтовок и небольшого количества бомб и револьверов. Патронов было не более 5—7 штук на винтовку, а пулеметы были обеспечены патронами еще в меньшей степени.

Трудно, неимоверно тяжело было Совету и Военно-революционному штабу принимать решение о сдаче оружия. Но они тогда не видели другого выхода. Учет соотношения борющихся сил и настроений середняцкой массы крестьянства вынудил их пойти на это решение.

Совет принял требования съезда о сдаче власти и разоружении и через председателя Военно-революционного штаба т. Трегубенкова объявил об этом VII съезду.

Распорядительная комиссия съезда тотчас же приступила к приемке дел Совета и к разоружению всех боевых отрядов Коммуны. Известие о сдаче власти съезду и разоружении было встречено некоторой частью красногвардейцев, рабочих и трудящейся молодежью отрицательно. Отдельные товарищи не хотели сдавать оружия, незаметно уходили и зарывали унесенные с собой револьверы и бомбы. Один красногвардеец, охранявший пост у винного склада, застрелился, когда ему предложили сдать винтовку представителю распорядительной комиссии VII съезда. Наряду с этим были и оптимисты, которые повсюду рассказывали о состоявшемся якобы примирении Совета со съездом, целовании и обнимании делегатов VII съезда с членами Совета и Военно-революционного штаба. В подтверждение своих оптимистических настроений они ссылались на циркулировавшие по городу слухи о том, что якобы VII съезд намерен предложить командующему вооруженными силами Совета т. Лебедеву Г. принять командование «над вновь организуемой армией VII крестьянского съезда».

Однако все эти иллюзии весьма быстро рассеялись, как дым, и на сцену выплыло кровожадное лицо кулацко-казачьей контрреволюции.

Глава X

БОРЬБА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МИНУСИНСКОМ КРАЕ

Контрреволюция торжествует

Ночью, с 23 на 24 июня, когда заставы и патрули Красной гвардии были сняты и разоружены, в город с разных концов его стали входить вооруженные белогвардейские банды. Утром они устроили погром. Ловили коммунаров на улицах и в квартирах, жестоко их избивали и под торжествующие крики и аплодисменты буржуазии волокли избиваемых по грязи в тюрьму. Особенной свирепостью отличались таштыпские казаки во главе с Еремеевым, Оленниковым, Баевым и Зыряновым. Избивая членов следственной комиссии (тт. М. Сафьянова и К. Гидлевского), ездивших от Минусинского совета в Таштып для выявления активных участников сотниковского мятежа, эти бандиты грозились теперь увести президиум комиссии в Таштып, засыпать этим товарищам там мелким конским волосом глаза и заставить вертеть колеса у мельницы и других кустарных предприятий местных кулаков. Одного из видных работников Совета — председателя солдатской секции т. Шаповалова, кулаки заставили вырыть могилу, а затем зарыли его в ней еще живым. Особенно сильно был изуродован И. Сафьянов, который по вызову Минусинского совета срочно отправился на лодке по Енисею из Танну-Тувы, подвергаясь большому риску быть разбитым волнами порогов. Однако он сумел незаметно ночью проплыть через все посты и заставы белогвардейцев, миновал пороги и благополучно доплыл до Минусинска. А здесь был схвачен белогвардейцами и подвергнут жесточайшим пыткам.

Все это делалось при ближайшем участии эсеров и меньшевиков, которые великолепно знали что VII «крестьянский» съезд гарантировал неприкосновенность личности всем членам Исполкома, Совета и Военно-революционного штаба, начальникам Красной гвардии, всем рядовым красногвардейцам, членам профсоюзов и политических партий. Разгулявшаяся белогвардейщина, разумеется, совершенно игнорировала это постановление VII съезда. Утром 24 июня хозяином положения в городе сделался штаб кулацко-казачьих банд и стоявшая за его спиной озверелая буржуазия.

Группа членов Военно-революционного штаба пыталась было потребовать от VII съезда выполнения принятого им накануне обязательства и отправилась с этой целью в здание театра, где происходило заседание съезда. Но по дороге эти товарищи были окружены казаками и белогвардейскими офицерами и под крики, насмешки и издевательства толпы приведены в здание съезда, откуда вскоре отправлены, с согласия президиума съезда, в тюрьму. Так ответил съезд на требование выполнить принятое им на себя обязательство.

В первый же день погрома вся руководящая группа работников Минусинской коммуны была посажена в тюрьму. Контрреволюция торжествовала. Надолго ли? Четыре-пять месяцев прошло с тех пор, и в Минусинском крае началось крестьянское восстание под лозунгом восстановления советской власти.

Коммуна пала. Ее активные защитники и руководители были заточены в застенках местной тюрьмы.

На большевиков и лиц, имевших хотя бы некоторое отношение к Совету, буквально охотились. Попытки части товарищей выбраться из города и скрыться в деревнях и на промышленных предприятиях края в большинстве случаев кончались провалом. Многие из них были растерзаны озверевшей контрреволюционной буржуазией. Многие же арестовывались и бросались в тюрьму, которая оказалась настолько переполненной, что в камерах было тройное против нормы «население».

Руководители Совета и местной парторганизации большевиков были изолированы от остальной массы коммунаров и рассажены по одиночкам. Для них был установлен специальный каторжный режим, а в некоторых случаях и особый военный караул из организованной специальной офицерской части, казаков и дружинников-белогвардейцев.

Издевательство над заключенными во время проверок и через волчок двери камеры, стрельба по окнам заключенных были обычным явлением в «демократической» тюрьме временного сибирского правительства, возникшего под непосредственным идейным и организационным руководством эсеров и меньшевиков, участвовавших в свержении советской власти совместно с местной и иностранной буржуазией.

Парторганизация большевиков была разгромлена.

В деревнях края местные кулаки жестоко расправлялись с советскими и партийными работниками, пополняя ими и так уже переполненную минусинскую тюрьму.

Некоторых по дороге убивали. Над большинством из них неимоверно издевались. Так например, арестованного в станице Таштыпской председателя станичного совета т. Потанина—преданного защитника советской власти—по дороге в минусинскую тюрьму несколько раз выводили на расстрел, пытая страхом смерти, и под конец отстрелили ему на одной руке пальцы.

Убивали не сразу, а обычно с намерением как можно сильнее и дольше продлить мучения своей жертвы. Охота на заключенных в тюрьме составляла любимое занятие эсеровских офицеров. Один из таких молодцов выстрелом из винтовки в окно камеры размозжил

на куски разрывной пулей голову члену совета и комиссару Батеневской овцеводческой экономии т. Харлашину.

Разгул белых банд подогревался возродившейся контрреволюционной печатью, клеветавшей на Совет, парторганизацию и отдельных работников и распространявшей при этом заведомо ложные слухи.

Весьма характерным в этом смысле было извещение минусинской газеты «Свобода и труд» о том, что «с целью скрыться и избежать ответственности руководитель местных большевиков и советской власти Алексей Плотников пытался выехать из города, спрятавшись в возу сена». И это писалось с ведома руководителей и вдохновителей переворота, знавших, что т. Плотников по их же непосредственному распоряжению вместе с другими в первый день переворота был посажен в тюрьму, где и находился все это время. Распускались ложные слухи о «бегстве ответственных работников Совета, захвативших с собой народные деньги и различные ценности».

Избиения, обыски и грабежи приняли настолько угрожающий характер, что даже такой махровый контрреволюционер, как Бедро, вынужден был сделать внеочередное заявление заседавшему еще VII съезду о том, что «в городе производятся обыски и грабежи людьми, которые надели белые и зеленые нашивки» [1].

Это лишь краткое и притом далеко не полное описание всего происходившего в Минусинском крае после падения Коммуны. Враг советов жестоко мстил и в своей классовой мести хотел утопить в море крови тех, кто самоотверженно боролся за новый общественный строй—за социализм.

Террор в отношении работников Минусинской коммуны еще более усилился, когда они были переведены в красноярскую тюрьму и когда в Сибири воцарился Колчак. Колчаковский генерал Розанов объявил заключенных красноярской тюрьмы, в том числе большевиков и беспартийных советских работников Минусинской коммуны, заложниками, которые подлежали расстрелу за нападение красных партизан на колчаковские и интервентские войска.

Разлад в рядах контрреволюции на VII съезде

После падения Коммуны VII съезд «работал» еще 6 дней. 29 июня, в 2 часа 30 минут, как написано в протоколах съезда, он был закрыт после принятия последней резолюции—обращения к населению. Чем же был занят в эти дни съезд? Что он показал и обнаружил в процессе своей работы?

25 июня съезд решил «упорядочить и точнее определить права участников съезда», для чего избрал мандатную комиссию, написав для нее особый наказ. О необходимости такой меры председатель съезда Силин заявил следующее:

«Если для борьбы с Совдепом нам достаточно было сказать, что мы все здесь равны, все имеем право решающего голоса, то для дальнейшей законодательной работы такого заявления окажется мало» [2].

---

[1] Протокол VII чрезвычайного съезда—шестой день съезда; утреннее заседание 13/26 июня.

[2] Здесь и позднее мы цитируем выдержки из протокола VII чрезвычайного съезда, происходившего в Минусинске с 21 по 29 июня 1918 г.

Мавр сделал свое дело, мавр может теперь уйти—таков был смысл решения съезда, которым главари съезда постарались «отсеять» ненужный и неугодный им элемент из середняцких слоев крестьянства.

Одновременно с этим начинается восстановление упраздненных Советом органов «самоуправления». Распущенной Советом городской управе предложено

«немедленно приступить к исполнению своих обязанностей и созвать экстренное заседание Городской думы, которая должна избрать и прислать на съезд своих представителей».

Особо ярко выявилась контрреволюционная сущность новоявленной власти в наказе для мандатной комиссии, по которому

«городские профессиональные организации приглашаются на съезд с правом *совещательного* (курсив наш.—*Авторы*) голоса.

«представительство от волостей для настоящего съезда не нормируется пропорционально, ибо съезд был созван при условиях исключительного характера, и некоторые волости прислали увеличенное число делегатов с правом решающего голоса».

В этот же день «для пользы и интересов дела» съездом кооптируются известные контрреволюционные вдохновители переворота И. Бедро и лидер эсеровской организации Евг. Добров. Наказы с мест не обсуждаются.

«...ввиду того, что они касаются, главным образом, большевистской власти и теперь по свержении советской власти потеряли свое значение».

26 июня председателем военного подотдела Бурундуковским было сообщено съезду о принятом при разоружении Красной гвардии оружии. 3 пулемета, 269 винтовок, 14 гранат, 7 шашек, 4 ружья, 5 пулеметных лент, 2 трехдюймовых снаряда, 1 ящик револьверных патронов разных систем и 1 седло—таковы были «трофеи», полученные после свержения советской власти.

Эти цифры говорят о том, что оружие было сдано не все. Часть его была припрятана и в дальнейшей борьбе за советскую власть была использована.

В этот же день съезду было сообщено, что телеграммой губернского комиссариата назначены в уездный комиссариат Майнагашев, Тарелкин и Феоктистов. По предложению Бедро состав уездного комиссариата был увеличен съездом до 6 человек (3—от крестьян, 1—от казаков, 1—от хакассов и 1—от города). В результате выборов, как мы уже знаем, комиссариат сформировался в следующем составе: от крестьян—Силин, Гуров, Рыжов; от казаков—Мосин; от хакассов—Майнагашев и от города—Тарелкин. Председателем комиссариата был избран эсер Гуров—бывший член учредительного собрания.

Далее съезд предложил крестьянам «немедленно озаботиться внесением недоимок за 1917 г. и своевременным пополнением новой сметы».

С этого и начались разногласия на съезде между кулацко-казачьей верхушкой и рядовыми делегатами.

Особо горячие прения вызвал вопрос о восстановлении судебно-следственных органов. Защитники «демократии» решили здесь вернуться к царским законам XIX века и постановили:

«Поручить земской управе в течение недели созвать участковые съезды представителей на земские собрания и предложить им избрать на этих съездах народных участковых судей и присяжных заседателей к ним, согласно положения 1864 г.».

27 июня съезд определил свое отношение к временному правительству автономной Сибири, заявив в резолюции, предложенной Бедро, что

«... выбирая истинную власть в лице временного уездного комиссариата, поручаем ему итти в согласии с временным областным правительством».

Восстановлена была также уездная земская управа, которой предложено было немедленно приступить к работе; все советские судебные установления были отменены, а волостные суды должны были руководствоваться временными правилами о судах.

Во всех своих мероприятиях местная контрреволюционная власть поистине предвосхищала линию временного сибирского правительства, которому очень часто приходилось лишь только записывать в свои постановления то, что было уже проведено на местах. Немногим позже решения VII съезда (4 июля 1918 г.) временное сибирское правительство издало постановление об аннулировании декретов советской власти, а 6 июля о недопущении к общественной работе советских организаций.

В области торговли и промышленности съезд постановил:

«допустить полную свободу торговли и промышленности под контролем государства с уплатой всех причитающихся налогов».

Это значило, в переводе на язык действительности, допустить полнейшую свободу эксплоатации рабочих масс и самую бессовестную спекуляцию со стороны торговой буржуазии и местных лавочников. Кооперацию, которая сыграла предательскую роль по отношению к советской власти, VII съезд решил «всемерно поддерживать».

Для разрешения земельного вопроса был восстановлен земельный комитет, который должен был выполнять работу по подготовке материалов к учредительному собранию. «Земельный же вопрос в общем масштабе», по мнению съезда, «подлежал разрешению Всесибирским учредительным собранием». Земельный комитет возглавила ярая противница советской власти эсерка Лидия Злобина.

28 июня была принята резолюция о переселении, согласно которой

«при наличии объявленной Временным правительством автономии Сибири, переселенческий вопрос должен быть чисто сибирским вопросом... и чтобы переселение из России велось только с ведома Сибирского правительства при полном соблюдении прежде всего интересов самой Сибири».

В этом решении сказалась вся мелкобуржуазная ограниченность народнической «теории», ее контрреволюционность и полное непонимание экономических процессов развития всего народнохозяйственного организма б. царской России вообще и Сибири в частности.

Земской управе было поручено немедленно восстановить деятельность Продовольственного комитета.

В этом же заседании были выбраны руководители военного дела. Начальником гарнизона был избран Прохоров, начальником «Военно-революционного» [1] штаба—Тудояков.

---

[1] Правые эсеры, подобно германским фашистам, называли «национальной, народной революцией»—буржуазную контрреволюцию и самую оголтелую реакцию.

Если вначале «работа» съезда протекала более или менее согласованно, часто даже при единодушном одобрении выносимых решений, то с 28 июня, после обсуждения вопроса о мобилизации, обнаружилась весьма серьезная червоточина, показавшая всю мизерность новой власти, не имевшей по существу поддержки широких масс среднего крестьянства.

В протоколах съезда записано, что

«По вопросу о мобилизации идут продолжительные, очень горячие прения».

И это не случайно, так как рядовые делегаты начали понимать истинные намерения руководителей съезда и казачье-кулацкой головки.

Ряд ораторов в своих выступлениях отрицал возможность мобилизации. В результате съезд принял компромиссную резолюцию:

«Поручить комиссариату возможно скорее выяснить всесторонне вопрос и возможно скорее оповестить население как о целях, так и о порядке предложенной мобилизации. Население обсудит вопрос на местах, после чего должен быть созван экстренный VIII съезд из представителей по одному от волости, которые явятся с письменными указаниями и решат окончательно вопрос о мобилизации. До тех пор никаких мобилизаций не должно быть: ни казаков, ни офицеров».

Этим постановлением VII съезд уже вступал в определенный конфликт с Временным сибирским правительством, объявившим мобилизацию офицеров и нуждавшимся в вооруженной силе для борьбы против советов.

На завтра ожидался приезд в Минусинск старого знакомца — *атамана казачьих войск Сотникова*.

29 июня Сотников сделал доклад о происшедших событиях и поставил в упор перед съездом вопрос о мобилизации, требуя отмены накануне вынесенной резолюции.

Сотников заявил, что

«если съезд принял резолюцию о признании и поддержке Временного правительства автономной Сибири, то съезду не следовало бы выносить резолюцию о запрещении мобилизации казаков и офицеров».

При обсуждении доклада Сотникова разыгралась весьма интересная сцена, которую воспроизводим полностью по протоколам съезда.

«... Член Учредительного собрания *К. С. Гуров* подробно рассказывает о разогнанном большевиками Всероссийском учредительном собрании, о его составе и деятельности, прекратившейся под давлением и угрозой... Член съезда *Гилевич* заявляет с места, что сидящий у стола атаман Сотников все время что-то пишет, что он, вероятно, записывает фамилии ораторов, высказывающихся против мобилизации, для какой-нибудь цели. В зале поднимается шум. Атаман *Сотников*, возмущенный брошенным ему обвинением, подает председателю съезда бумажку, на которой он записал задаваемые ему вопросы и просит его огласить съезду содержание этой бумаги. Председатель *Силин* читает все записанное Сотниковым на бумажке и оказывается, что там ничего нет, кроме вопросов, приготовленных для доклада съезду.

Тот же *Гилевич* заявляет съезду, *что бывшее Всероссийское учредительное собрание представляло из себя в большинстве буржуев и капиталистов, за что его и разогнали*».

Гуров и др. дают Гилевичу горячую отповедь и постепенно в зале водворяется деловое настроение. Атаман *Сотников* горячо призывает съезд встать на защиту автономной Сибири. Оратор заявляет, что он приехал с приказом Сибирского правительства произвести мобилизацию казаков и, если съезд выскажется против всякой мобилизации, он вынужден будет сообщить об этом Правительству. Сотников указывает, что, если съезд вынес резолюцию о доверии Временному правительству, то не может быть и речи о каком-либо запрещении мобилизации. Принимается единогласно следующее постановление: вопрос о мобилизации решить путем созыва чрезвычайного крестьянского съезда, назначенного на 29 июня старого стиля, с представительством по одному делегату от каждого селения.

Атаман *Сотников* заявляет, что несмотря на состоявшееся постановление, он будет производить, согласно приказа Временного правительства, мобилизацию казаков, а о вынесенном постановлении сообщит по принадлежности. Всякие возникшие по этому делу последствия он относит на ответственность съезда, о чем и считает необходимым сейчас заявить. Председатель Уездного Комиссариата *К. С. Гуров* заявляет, что ввиду возникших разногласий в постановлениях съезда с приказом Временного правительства, он не находит для себя возможным оставаться в комиссариате и просит освободить его от этой должности.

Атаман *Сотников* произносит горячую речь о «защите измученной родины», просит съезд не мешать действиям Правительства и высказывает уверенность, что казачество пойдет за ним. Один из делегатов съезда, казак, заявляет, что «казачество все до одного человека пойдет на защиту родины», несмотря ни на какие резолюции съезда.

Член комиссариата *И. И. Мосин* настойчиво заявляет съезду, что он слагает с себя обязанности члена комиссариата.

Гр. Бедро заявляет, что вопрос о мобилизации может быть решен только съездом 29 июня. Атаман *Сотников* покидает заседание съезда [1].

Эта длинная цитата с необычайной ясностью вскрывает тот разброд, который начался с первых же шагов деятельности новой власти и показывает, в какое противоречие поставило себя Временное сибирское правительство по отношению к крестьянским массам, с одной стороны, и насколько обострялись отношения минусинского крестьянства с казачеством,—с другой.

Из затруднительного положения вывел съезд прожженый демагог эсер Силин. После демагогического выступления он предложил из резолюции снять слова «казаков и офицеров».

«С какой стати,—заявил Силин,—мы будем препятствовать казакам и офицерам решать этот вопрос самим. Ведь тем же казакам мы дали право самостоятельно избирать в комиссариат, кого они только пожелают; такую же самостоятельность мы даем инородцам и городу. Пусть и в вопросе мобилизации они будут самостоятельны. Хотят служить—пусть мобилизуются. Ведь это добрая воля и казаков и офицеров».

После этого ловкого маневра, сделанного Силиным с заранее обдуманной целью обмануть рядовых крестьян и казаков, съезд принял следующую резолюцию:

«Обязать комиссариат созвать крестьянский съезд, по одному представителю от каждого селения, немедленно по получении телеграммы о мобилизации; что касается мобилизации казаков и офицеров, то таковая может производиться на добровольных началах».

---

[1] Протоколы VII чрезвычайного съезда, происходившего в г. Минусинске 21—29 июня 1918 г.

На этом VII съезд закончил свою работу, а широкие массы середняцкого крестьянства убедились, что мобилизация казаков и офицеров «на добровольных началах» станет отправным пунктом и для мобилизации крестьянского населения.

Мы совершенно сознательно остановились более подробно на работе VII съезда в первые дни после падения Коммуны, так как по существу она освещает и все последующие события, развернувшиеся в крае. В приведенных решениях съезда совершенно отчетливо определилось лицо новой власти, ее политика почти во всех областях. Наряду с этим на съезде выяснилось, что даже зажиточный крестьянин-старожил воевать не хочет.

Некоторые делегаты съезда «учуяли» действительные намерения «защитников демократии» и уже тогда поняли всю ошибочность своих действий против советской власти.

«Демократическим» иллюзиям сибирской контрреволюции не удалось даже расцвесть.

Если мелкобуржуазные болтуны из лагеря эсеров и меньшевиков лелеяли еще мечту о созыве учредительного собрания, о «свободной системе парламентаризма», то устами лидера омских кадетов Жардецкого уже в июле 1918 г. буржуазия заговорила о «твердой власти».

На съезде торгово-промышленников в Омске Жардецкий заявил:

«... Время обаяния мифов и иллюзий миновало,—общественная мысль пришла к выводу, что в стране, где ведется стремительное наступление врага, где бушуют страсти гражданской войны, неизбежно должна быть *введена твердая единоначальная власть*, могущая спасти государство. (Шумные аплодисменты всего зала.) Власть не может быть под контролем каких бы то ни было депутатов. Никакие присяжные типа Керенского, никакие литераторы типа Чернова не должны стоять у власти.

Задача власти—организовать оборону страны совместно с нашими союзниками и созвать новое Учредительное собрание.

Никакие представительные учреждения, созданные на предмет контроля, не должны иметь места...

Говорят об Областной думе. Ни в коем случае она не может быть восстановлена, и Временное правительство должно отказаться от этой мысли. (Аплодисменты.) [1]

Эсеры и меньшевики всеми своими действиями расчистили путь к приходу Колчака. Они явились тем прочным фундаментом, на котором было воздвигнуто здание оголтелой контрреволюции, получившей в истории название «колчаковщины».

Поэтому совершенно понятно, почему с первых же дней падения советской власти стало пробиваться наружу недовольство широких крестьянских масс режимом Временного сибирского правительства. Минусинское крестьянство и рабочие не составляли исключения. Они одни из первых подняли знамя восстания против угнетателей за власть советов, за восстановление Минусинской коммуны.

---

[1] *Максаков и Турунов*, Хроника гражданской войны в Сибири в 1917—1918 гг., стр. 207—208. Выдержки из речи Жардецкого на съезде представителей торговли и промышленности в Омске, в июле 1918 г.

Ноябрьское восстание рабочих и крестьян

Несмотря на то, что еще в конце августа 1918 г. в Красноярск стали поступать сведения о тревожном настроении некоторых волостей Канского уезда, а 12 октября того же года на имя окружного генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа было сообщено о появлении повстанческого отряда в районе Уярской волости, у разъезда Громадского Сибирской железной дороги, началом партизанского движения в б. Енисейской губ. следует считать восстание минусинских рабочих и крестьян в ноябре 1918 г. Некоторые историки гражданской войны в Сибири (т. Вегман) склонны даже рассматривать его началом партизанского движения всей Сибири.

Не ставя себе задачей освещать в полном объеме и описывать во всех деталях минусинское восстание крестьян 1918 года, мы воспроизведем здесь лишь главные, основные этапы борьбы за советскую власть, против Временного сибирского правительства в этот период, отделенный от падения Минусинской коммуны весьма кратким промежутком времени.

О причинах восстания можно судить даже по отчету карателя минусинских рабочих и крестьян генерал-майора Шильникова, где он пишет, что

«одной из причин озлобления против казаков были незакономерные действия станичного атамана станицы Каратуз Шошина, который очень часто допускал кулачную расправу с крестьянами» [1].

Конечно более ценным документом для выявления непосредственной причины восстания являются воспоминания т. Обухова Н., участника этого восстания и одного из его руководителей. В своей статье «Восстание минусинских крестьян в 1918 г.» он пишет:

«Временное сибирское правительство, как называлась новооформившаяся контрреволюционная власть, нуждалось в солдатах. В августе месяце оно начало проводить мобилизацию родившихся в 1898 г. Новому правительству также нужны были деньги, и с первых же дней своего существования оно начало облагать крестьянство налогами и выколачивало недоимки даже за дореволюционное время. Крестьянство всколыхнулось и упорно отказалось давать детей в солдаты и платить налоги» [2].

И дальше т. Обухов приводит весьма яркое постановление общего собрания граждан села Субботинского, жителем которого он был сам.

«В виду того,—читаем мы в этом постановлении,—что наших детей хорошо не одевают, посылают на фронт против рабочих и крестьян России, что войско им нужно для защиты буржуев и капиталистов—солдат не давать. Вместе с этим, принимая во внимание, что правительство не отражает воли трудящихся и эксплоатируемых, что оно не защищает их интересы, таковое не признавать, о чем уведомить уездное управление» [3].

И если генерал Шильников делает лишь намеки на причины восстания, стараясь отнести их на счет личных качеств атамана Шошина

---

[1] Партизанское движение в Сибири», Центрархив, 1925 г., т. I, Приенисейский край, стр. 31.

[2] «Сибирские огни», 1929 г., книга 6-я, стр. 141.

[3] Там же, стр. 141.

и других, то приведенные нами выдержки из статьи т. Обухова вскрывают всю политику новой кулацко-эсеровской власти, направленной на защиту интересов буржуазии, на подавление трудящихся масс.

Восстание вспыхнуло в с. Дубенском, крестьяне каторого еще в царское время отличались «неповиновением начальству».

Вот как описывает т. Обухов начало восстания в своей статье, на которую мы уже ссылались раньше:

«Но как только уездной власти стало известно о «свободах» и вообще о настроении крестьян с. Дубенского, туда немедленно был выслан отряд казаков и милиционеров в количестве 40 человек под командой начальника милиции Зефирова [1]. Отряд прибыл в Дубенское 9 ноября; занялся ловлей большевиков и выпорол нагайками 27 человек. Все это делалось под видом борьбы с тайным винокурением...

Весть об избиении 27 крестьян с. Дубенского быстро обежала весь уезд. Крестьянство возмущалось действиями казаков и милиционеров. Началась подготовка к вооруженному выступлению» [2].

Первыми на помощь дубенцам явились крестьяне д. Черемушки, *которые с пением революционных песен* ворвались в с. Дубенское и разбили весь белогвардейский отряд [3], затем двинулись в с. Сагайское, где уже был сформирован отряд под командой т. Ищенко И.

Около 10 часов вечера 10 ноября телеграф между Каратузом и Минусинском был испорчен.

На рассвете 11 ноября соединенные силы крестьян под командой т. Кульчицкого повели наступление на казачью станицу Каратуз, где были сосредоточены значительные силы белых.

Станица была охвачена в кольцо. Белые заперлись в церкви. Осажденным было предложено сдаться. В ответ на это предложение из церкви было сделано несколько выстрелов, в результате чего убито 2 человека. Эти жертвы и послужили причиной расправы над 27 казаками станицы Каратуз. Крестьяне с криками «ура» бросились в атаку, сорвали двери, захватили всех там находившихся со всеми запасами продовольствия и оружия.

Одновременно с этим происходила организация отрядов и в других пунктах края.

В с. Григорьевском был организован отряд под командой т. Зенкова, охранявший первое время Усинский тракт. В южной части Минусинского края движение приняло вообще более широкий размах. Там организовалась целая группа отрядов, что объясняется наличием в Ермаковском районе подпольной большевистской организации, имевшей связи с красноярской нелегальной партийной организацией. Так в с. Ермаковском был организован отряд до 1 000 человек, который занял станицу Нижний Суэтук и обезоружил находившихся там казаков. В с. Мигнинском отряд был организован большевиками тт. Баевым, Клешниным и Юферовым. В селе

---

[1] Народный социалист, арестовывался во время Октябрьского переворота Минусинским советом за сокрытие винтовок от Красной гвардии.

[2] «Сибирские огни», 1929 г., книга 6-я, стр. 142.

[3] По официальным данным были убиты: прапорщик Савельев, 7 казаков и милиционеров. Остальные участники белого отряда по одиночке вернулись в Минусинск. Сборн. «Партизанское движение в Сибири», Москва 1925 г., стр. 30.

Субботинском формирование отрядов было заранее подготовлено и при первом же получении пакета с извещением о восстании оно было закончено. Отряд в 170 человек, провожаемый *торжественной демонстрацией населения, с пением революционных песен, с красными знаменами и лозунгами «вся власть советам»* выступил из села в станицу Саянскую, где имелось много вооруженных казаков.

Второй отряд в 150 человек, к которому примкнуло население части селений бывшей Каптыревской волости, под командой т. Обухова выступил на Минусинск. К первому субботинскому отряду также присоединились некоторые села Каптыревской и Бейской волостей. Его численность достигла 2 000 человек.

Через два дня после взятия станицы Саянской, где были обезоружены казаки, у которых повстанцы захватили много оружия, организовался штаб южной группы повстанческих отрядов во главе с начальником штаба т. М. Соловьевым и командиром группы т. Ф. Кислицыным.

Все высшие и низшие командные должности в отрядах южной группы были выборными. Кроме командиров выбирались также политические уполномоченные, которые вместе с командирами решали все вопросы военной и хозяйственной жизни отрядов. Политические уполномоченные входили в состав штаба группы на одинаковых правах с командным составом. Эта группа отрядов имела до 400 винтовок и 100 гранат. На нее была возложена задача захватить тюрьму, *освободить большевиков, в которых повстанцы видели признанных организаторов и руководителей в борьбе за восстановление советской власти.*

В Нижнемихайловской волости организовался отряд в 500 человек под командой члена Минусинского совета коммуниста т. Гапченко.

Выделенная из этого отряда небольшая часть в 40 человек, под командой участника похода против Сотникова т. К. Лебедева, была брошена в Бейский район для организации там вооруженных сил против центра минусинского казачества—станиц Таштыпской, Арбатской и Монакской.

Уже к 15 ноября там образовался крупный отряд в несколько тысяч человек со штабом в с. Юдинском. Задачей отряда т. К. Лебедева было занятие не только трех казачьих станиц и разоружение казаков, но и установление связей с рабочими рудников «Юлия», «Улень», а также Абаканского железоделательного завода, и дальнейшее продвижение соединенными силами на Минусинск. Однако осуществить целиком поставленную задачу отряду К. Лебедева не удалось, так как события, развернувшиеся под г. Минусинском, совершенно изменили соотношение сил и обстановку восстания.

К моменту осады г. Минусинска повстанцы сформировали всего 10 отрядов численностью от 800 до 6 000 человек в каждом.

Осаде Минусинска предшествовало занятие с. Городок, лежащего на пути из с. Абаканского в Минусинск.

Вступив 11 ноября поздно вечером в с. Городок, отряд т. Ищенко принял все меры к защите его от ожидавшегося нападения. Были высланы дозоры, сооружены баррикады и отряд приведен в боевую готовность.

14 ноября в 12 часов ночи было замечено продвижение белогвардейских войск, которые вскоре повели первое наступление. Несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь со стороны противника, он был отброшен и отступил к Минусинску, понеся потери людьми и лошадьми.

После этого повстанцы решили сами повести наступление на Минусинск. Однако при движении на Минусинск в отряде Ищенко возникли разногласия, в результате чего пришлось отказаться от наступления и вернуться обратно в с. Городок.

Противник учел обстановку и повел второе наступление с бо́льшими силами и лучшей технической вооруженностью.

16 ноября [1] в 2 часа ночи противник в количестве не менее 500 человек с тремя пулеметами и несколькими орудиями подступил к селу Городок со всех сторон. Вот как описывает момент городчанского боя т. Обухов:

«Противник пустил в ход ракеты, которые освещали улицы и баррикады и зажгли клади хлеба. Село было настолько освещено, что противник имел полную возможность производить стрельбу без промаха. Под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня части противника и в особенности прибывший из Нижнеудинска отряд, состоявший исключительно из унтер-офицеров, бросился в атаку. Противник победил. Повстанцы отступили в полном беспорядке. Путь отступления для значительной части повстанцев был отрезан. Река Туба едва успела покрыться тонким слоем льда, который не выдерживал тяжесть человека. Люди тонули. Пули подкашивали отступающих. Озверевшие победители устроили небывалую расправу... В результате 93 жертвы: 93 убитых и расстрелянных рабочих, бедняков и середняков, боровшихся за советы, и среди убитых несколько женщин и детей» [2].

Эта неудача, явившаяся следствием чрезвычайно плохой связи и неорганизованности повстанцев, все же не остановила их от попытки осуществить свою главную задачу—захватить г. Минусинск.

К моменту осады Минусинска силы повстанцев имели следующее расположение: 1, 2 и 3-й отряды занимали район сел Большая Иня, Малая Иня и Ничка; 4, 5 и 6-й отряды к этому времени уже были разбиты в городчанском бою (об этом поражении главный штаб повстанцев не сообщал, чтобы не вносить деморализации в остальные отряды).

7-й отряд (2 000 человек) находился в районе станции Саянской, 8-й (800 человек) был на охране Усинского тракта и прикрывал тыл с юга; 9-й (6 000 человек) занимал район Лугавской волости; 10-й отряд под командой т. Лебедева К. находился в Бейском районе. Минусинск был таким образом охвачен с трех сторон [3]. Свободным оставался только путь на северо-запад к с. Абаканскому и к Усть-Абаканской управе, т. е. был открыт путь именно там, где повстанцы уже понесли поражение.

---

[1] По отчету ген.-майора Шильникова наступление происходило 20/XI.
[2] «Сибирские огни», 1929 г., книга 6-я, стр. 146.
[3] Расположение и численность сил повстанцев несколько разнятся от тех данных, которые приводит в своем докладе ген. Шильников. Но и он утверждает, что кроме «запасной» армии в 500 человек, Бейской (2 000) и Усинского отряда, против города было собрано около 10 000 «мятежников». Также Шильников указывает в своем докладе на стремление повстанцев связаться с рабочими рудников, копей и заводов края.

Главный штаб повстанцев во главе с т. Ощепковым и командующим войсками т. Кульчицким находился в Малой Ничке. В час ночи 16 ноября т. Обухов как начальник штаба и командир 9-го отряда получил из главного штаба оперативный приказ, который гласил:

«По войскам крестьянских революционных армий

1918 г. Ноября 3 (16) дня.

ПРИКАЗЫВАЮ:

«Командирам 1, 2 и 3-й армий в час ночи 5 (18) ноября двинуться в наступление на город Минусинск, в 5 часов утра занять участок северной части города, на восток до винного завода.

Командиру 9-й армии выступить из Даниловского завода, в час ночи повести наступление на Минусинск по восточному участку, начиная от винзавода и на юг до протоки.

Командиру 7-й армии повести наступление с юга и занять тюрьму».

В этом же приказе было указано, какая должна быть связь и т. д. Однако самым слабым местом во всех военных операциях повстанцев была именно связь.

Распоряжения 7-й армии (отряду) были даны через штаб 9-й армии (отряда), который по выяснении состояния дела сообщил главному штабу, что.

«приказ своевременно выполнен быть не может, так как 7-я армия еще не находится на месте и прибыть к указанному сроку не может».

Наступление было отсрочено до 21 ноября. Но и к этому времени от 7-й армии не поступило никаких известий.

Впоследствии оказалось, что курьеры 9-й армии и почта для 7-й армии задерживались в с. Шушенском [1] белогвардейской дружиной, организованной б. членом первой государственной думы трудовиком Симоном Ермолаевым [2], который по-своему перерабатывал распоряжения повстанческих отрядов. Курьеров 9-й армии дружина Ермолаева арестовывала, а на полученную корреспонденцию составляла и давала подложные ответы.

Попытка 9-й армии поставить перед главным штабом вопрос об отсрочке наступления до установления связи с 7-й армией успехом не увенчалась. Главный штаб принял решение наступать 21 ноября.

Вот как описывает начало этого наступления в своей статье т. Обухов.

«К 5 часам утра 21 ноября передовые части 9-й Красной армии входили в бор, который находится в семи верстах от Минусинска. На восточной опушке бора можно было ожидать сильное сопротивление, так как именно в этом направлении противник занимал довольно удобную позицию.

Было дано распоряжение развернуть колонны в цепи, и шеститысячная масса, вооруженная чем попало, развернула свой фронт, который, примыкая левым флангом к протоке Енисея, правым тянулся на две версты севернее «Клоповой» заимки.

---

[1] То самое село, где в 1896—1899 гг. находился в ссылке т. Ленин.

[2] Местный кулак, спекулянт, ярый враг советской власти. Будучи членом трудовой группы I государственной думы, подписал «Выборгское воззвание».

Раздались первые выстрелы со стороны противника. Вскоре сторожевые части противника отступили. Нашим был дан приказ—ни одного патрона в воздух, ибо их было у нас чрезвычайно мало. Первые выстрелы противника были очевидно сигналом к тому, чтобы минусинский гарнизон выступил. Через несколько минут части противника потянулись из города к бору. Было очевидно, что противник примет бой на восточной части города, т. е. встретит нас у опушки бора.

Выстрелы противника вызвали подъем духа повстанцев. Четыре цепи уверенно двигались вперед. Непрерывно катилось громкое «ура» шести тысяч голосов. Команда командиров заглушалась голосами и возгласами повстанцев, вооруженных дубинами, пиками, кольями, топорами, берданками, дробовиками...

«Даешь наши потерянные советы!» и «Власть советам даешь!»—кричали повстанцы.

После первых же выстрелов противника началась провокаторская работа кулаков, затесавшихся в наши ряды. Пускались зловещие слухи, будто противник окружает нас тяжелыми орудиями, газами и т. д. К нашему великому несчастью, Ничкинский гарнизон, а вместе с ним и главный штаб не выступили на Минусинск своевременно. Главштаб не исполнил своего собственного приказа. Связь совершенно отсутствовала. Правый фланг 9-й армии оказался обнаженным и без поддержки» [1].

При приближении частей повстанцев белые открывали пулеметный и ружейный огонь, пуская в атаку до 10 раз свои кавалерийские части. Каждый раз атаки отбивались. Противник оставлял убитых и раненых. Дальнейшее наступление на город оказалось опасным, так как при выходе повстанцев за опушку бора противник сейчас же открывал артиллерийский огонь.

Однако, несмотря на начавшееся дезертирство, главные части отряда продолжали наступать. Их упорство вынужден был признать даже ген. Шильников, который в своем отчете о ликвидации восстания писал:

«Наступали несколькими цепями с криком и шумом. Наше орудие, будучи обстреливаемо ружейным огнем, непрерывно обстреливало наступавших в разных направлениях,—после артиллерийского выстрела волна наступавших хлынет назад, но как только огонь переносится на другую цель, они снова возвращаются и двигаются вперед. Заметно было большое упорство. К сумеркам положение было таково: цепи мятежников у протоки и дороги с села Луговского и Даниловского завода подошли к окраине города на 1½—2 версты; большие массы скопились в лесу против винного склада и кладбища в 1—1½ верстах от города. Пришлось двинуть последний резерв—красноярскую команду на этот угрожаемый участок» [2].

Бой длился несколько часов. В 7 часов вечера дезертирство усилилось. В рядах повстанцев началось разложение. В это время получено было распоряжение от главного штаба повстанцев об отступлении для отдыха и дальнейшего наступления в 5 часов утра. Собрать силы для этого наступления уже не удалось, так как 9-я армия, получив приказ об отступлении, фактически покинула фронт; 7-я же армия, выступившая все же к Минусинску по своему почину, встречая на пути дезертиров, распространявших ложные слухи о полном разгроме 9-й армии, решила вместе с командным составом на помощь фронту не двигаться и фактически разошлась.

---

[1] «Сибирские огни», книга 6-я, стр. 148—149.

[2] Сборник Центроархива «Партизанское движение в Сибири» т. I, стр. 27.

Оставшиеся силы не смогли уже сдержать натиска противника, который в ночь на 22 ноября сделал еще две атаки. Первая атака противника, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, была все-таки отбита. Вторая же атака внесла в ряды повстанцев сильное замешательство, в результате которого к утру 22 ноября части повстанцев были совершенно небоеспособны.

Так кончилось первое восстание минусинских рабочих и крестьян, проходившее под лозунгами партии большевиков и советской власти. Началась жестокая расправа с восставшими селами. Эта расправа в отчете генерала-карателя Шильникова описана под названием «Экспедиция в уезде»:

«23 ноября в 23 часа, писал в своем отчете генерал Шильников, учебная команда 10-го Байкальского полка, команда красноярского местного батальона, 2 сотни Енисейского казачьего полка, орудие и 5 пулеметов под командой есаула Бекович-Валуйского выступили в Даниловский завод, который на рассвете заняли, но мятежников там уже не оказалось» [1].

Покинутыми оказались и другие селения, из которых повстанцы с своими семьями ушли в тайгу или на ближайшие заимки. Там, где они оставались, карательной экспедиции оказывалось сильное сопротивление. Из отчета же ген. Шильникова мы узнаем, что 25 ноября карательный отряд, заняв деревню Верхний Суэтук, встретил там засаду в 15 человек, которые...

«... забаррикадировали улицы боронами, сами заперлись на окраине в доме, устроив себе за забором укрытия от огня» [2].

«Для ликвидации 10-й армии К. Лебедева было послано несколько карательных отрядов, которые и расправились с повстанцами бейского района. 3 декабря карательными отрядами было занято с. Юдинское, а 7 декабря в Минусинск вернулся отряд, посланный для ликвидации «беспорядков» в рудничном районе, где на рудниках «Юлия» и «Улень» и ст. Сон, Ачинско-минусинской ж. д., вблизи озера Шира, по донесению милиции и администрации рудников, началось волнение, которым руководил Конопелько» [3].

Расправа с повстанцами была жестокая. Расстреливали по деревням, по дорогам, в тюрьме без всякого суда и следствия.

«По скромным подсчетам, как сообщает тов. Обухов, было убито до 3 000 крестьян [4]».

Даже по официальным сведениям о деятельности военно-полевого суда в г. Минусинске на 12 февраля 1919 г., значилось:

«1) смертных приговоров—87; 2) приговоров, осуждающих на бессрочную каторгу—6; 3) приговоров, осуждающих на 20-летнюю каторгу—44...» [5].

Кроме этого многие подверглись штрафу от 100 до 2 000 рублей.

Поражения можно было бы безусловно избежать при иной организации восстания. Это признает и сам т. Обухов, который, анализируя причины поражения, пишет:

---

[1] Сборник «Партизанское движение в Сибири», книга 6-я, стр. 28.
[2] Там же стр. 88.
[3] Там же, стр. 29.
[4] «Сибирские огни» 1929 г., книга 6-я, стр. 151.
[5] Сборник «Партизанское движение в Сибири», т. I, стр. 33.

«Недостаток хорошего командного состава и организаторов является одной из причин, вследствие которой восстание было жестоко подавлено. Да и сама мобилизация повстанцев происходила крайне примитивно. Мобилизовали всех мужчин от 17 до 50 лет, а местами и до 60 лет. Среди мобилизованных были кулаки, сельская интеллигенция, которые шли по принуждению и занимались только дезорганизацией рядов. Главная же причина поражения заключалась в отсутствии хорошо организованного сплоченного политического центра в лице большевистской организации. Восстанием руководили отдельные большевики, без связи с подпольной большевистской организацией. Действовали на свой страх и риск» [1].

К этому необходимо еще добавить совершенно неудовлетворительную связь с отдельными отрядами, изолированность главных отрядов повстанцев от рабочих центров края и отсутствие надлежащей революционной дисциплины.

Однако даже при всех этих недостатках был момент, когда повстанцы при малейшем дополнительном натиске могли бы захватить город. Ген. Шильников, описывая бой под г. Минусинском, совершенно определенно сообщал о катастрофическом положении города:

«Патронов к 3-линейным винтовкам совершенно не было; к берданам почти тоже; снарядов осталось 15 штук. Положение города было критическое, если бы эта банда ночью бросилась в город» [2].

Серьезность положения, созданного восстанием, несомненно сознавали и губернские власти. Исполнявший обязанность енисейского губернского комиссара Доценко, начиная с 12 ноября, регулярно, особыми рапортами, информировал министра внутренних дел о развитии восстания и предпринимаемых для его ликвидации мерах. 27 ноября особой телеграммой он сообщил об окончании ликвидации восстания и аресте Кульчицкого, впоследствии казненного.

Несомненно, что это массовое вооруженное восстание минусинских рабочих и крестьян являлось ярким протестом против временного правительства Сибири. *Оно началось и проходило под лозунгами партии большевиков за восстановление власти советов*, хотя правильно организованного руководящего партийного центра и не было. Великие идеи Октябрьской революции несли с собой минусинские повстанцы и их смелым выступлением началась борьба всех трудящихся б. Енисейской губернии. Это восстание подготовило почву для дальнейшей борьбы за власть советов на территории Минусинского края и Танну-Тувы, которая была успешно завершена краснопартизанской армией Кравченко и Щетинкина.

Вступление в пределы Минусинского края партизанской армии Кравченко и Щетинкина

После кровавой расправы с ноябрьским восстанием в Минусинском крае наступила полоса «затишья» и «успокоения», но не надолго. Новый подъем революционное движение получило через 6 месяцев,

---

[1] «Сибирские огни», 1929 г., книга 6-я, стр. 151.
[2] Сборник «Партизанское движение в Сибири», 1925 г., стр. 27

в июне 1919 г., с приходом в пределы Минусинского края партизанской армии под командой тт. Кравченко и Щетинкина.

Армия Кравченко и Щетинкина вынуждена была оставить Красноярский фронт, на котором дралась против внутренней и внешней контрреволюции за советскую власть в течение почти 7 месяцев, вписав много славных и геройских подвигов на страницы истории гражданской войны.

Превосходство сил противника заставило партизанскую армию Кравченко и Щетинкина отступить со своими учреждениями, организациями и военным хозяйством, а также и со всеми ранеными в пределы Минусинского края.

17 июня 1919 г. центр красноярского партизанского района—Степной Баджей—был оставлен, и многотысячная армия партизан при невероятно тяжелых условиях стала продвигаться на юг, в Минусинский край.

Без боя были заняты первые деревни Минусинского края—Козино и Мигна, которые естественно превратились в военный лагерь. С первого же момента вступления в пределы края партизанская армия встретила радушный прием со стороны населения.

«По всем деревням нас встречали восторженно, так как большинство крестьян, за исключением единиц, были нашими сторонниками. Для армии по постановлениям своих сходов они давали все, даже деньги».

Так описывает отношение минусинского крестьянства к партизанской армии т. Рогозин, один из активных участников этого похода, в своей брошюре «Партизаны Степного Баджея» [1]. О планах продвижения партизанской армии сообщается в только что упомянутой брошюре т. Рогозина, который на стр. 108 приводит мнение т. Кравченко, высказанное на специальном совещании руководителей и принятое общим собранием партизан в долине речки Жаймы:

«Итти по Минусинскому уезду, предлагал т. Кравченко, к д. Григорьевке, оставляя в стороне Минусинск и по Усинскому тракту выбраться в Урянхайский край [2]. Если же выхода в Минусинский уезд не будет (можно было предполагать, что выходы окажутся запертыми белыми войсками), то таежными тропами итти восточнее, по направлению к Иркутску, и около «Белогорья» свернуть на юг, выйдя прямо в Монголию. Дальше завязать сношения с монгольским правительством и просить его пропустить с оружием в руках по направлению к Ташкенту на соединение с советскими войсками. Если же мы заперты не будем, то итти по Минусинскому уезду, но никаких советских организаций не создавать (в Минусинске мы не должны задерживаться, потому что у нас очень мало снаряжения, а что делается на западе мы не знаем), учитывая то обстоятельство, что мы не будем здесь останавливаться и вследствие этого нет никакого смысла подводить крестьян под порки и расстрелы. Поэтому же в ряды нашей армии из деревень никого брать не следует. Если же будет благоприятная обстановка, то Минусинск взять, для того только, чтобы изъять мануфактуру, кожу, порох, свинец, пистоны, медикаменты и перевязочные средства, потом его оставить обратно и выбраться через Григорьевку и Урянхай»

---

[1] *Рогозин*, Партизаны Степного Баджея, «Новая Москва», 1926 г., стр. 117

[2] Так называлась до Октябрьской революции и в период колчаковщины Танну-Тува. Официальное название «Урянхайский край» было затем заменено «Танну-Тувой» на съезде тувинских хошунов в 1921 г.

Очевидно, обстановка не благоприятствовала занятию Минусинска, и армия решила пройти прямо в б. Урянхайский край. Идя по Минусинскому уезду, армия больших боев не вела. Кое-где происходили перестрелки и мелкие стычки; почти все деревни занимались без боя. Белых войск было мало, и минусинское белое командование сколачивало дружины из местных кулаков и других контрреволюционных элементов.

В первых числах июля была занята Григорьевка. Отсюда штаб партизанских войск решил на время перейти в наступление и захватить г. Минусинск для изъятия из его складов необходимого армии снаряжения. Однако план захвата Минусинска рухнул из-за невыполнения командиром Манского полка (Федором Боганом) данного ему распоряжения перейти на правый берег р. Ои, в результате чего отряд т. Щетинкина оказался под Казанцевой отрезанным, а сам Ф. Боган убит. При отступлении из Григорьевки партизанской армии пришлось принять бой, в результате которого оказался отрезанным и захваченным белыми партизанский обоз. Второе столкновение произошло на переправе через р. Ус с казаками и усинскими дружинниками, засевшими в засаде на «Сахарной голове»—голом утесе вышиной в 20 сажен, расположенном у самой переправы. Переправляться через Ус оказалось невозможным. Но тут на помощь пришли блуждавшие по тайге минусинские повстанцы 1918 г., которые взялись звериными тропами провести партизанскую армию в тыл противника. Операция окончилась удачно, казаки и дружинники были разбиты. В результате этого боя партизанская армия получила 2 пулемета и несколько десятков винтовок. Казаков было убито около 60 человек. Партизаны потеряли 1 убитым и 1 раненым. После этого было занято Усинское, крупное, богатое кулацкое село, около которого на брошенных заимках (средние и крупные поместья скотоводов и мараловодов) партизаны забрали для нужд своей армии оставленное бежавшими кулаками имущество. В с. Усинском главные силы партизанской армии соединились с отрядом т. Щетинкина, который после казанцовского боя благополучно вышел по заброшенной горной тропе в Усинский район.

Оставив в с. Усинском для охраны тыла Манский полк, партизанская армия двинулась к Белоцарску (ныне Кызыл-Хото, столица Танну-Тувинской республики), реквизируя на пути для нужд истомленных боями и тягчайшими переходами партизан имущество русских кулаков-колонизаторов, бежавших на плотах в Минусинск и в Монголию при приближении красных партизан к с. Усинскому.

Занятие Белоцарска (Кызыл-Хото)

При занятии Турана, селения, находящегося в 50 километрах от Белоцарска, партизанская армия пополнила свое вооружение двумя возами винтовок и бердан, которые были закопаны колчаковскими полицейскими в землю для раздачи их впоследствии белым дружинникам. Кроме того в Туране же у местных богачей Вавилина и Медведева было взято до 1 000 лошадей.

В пределы Танну-Тувы (б. Урянхайский край) партизанская армия вступила в тот момент, когда вооруженный отряд монголов, посланный монгольскими феодалами под командой Хатан-Батыр-Вана для завоевания «Урянхая», воевал с колчаковским уполномоченным, комиссаром Турчаниновым. Монголы использовали недовольство тувинского народа захватом земель русскими колонизаторами, который при Колчаке принял самые необузданные наглые формы. Тувинцы, подняв восстание против русских белых, жгли русские заимки и угоняли скот в Монголию, а монголы, помогая тувинцам, в то же время подготовляли оккупацию страны. Казаки Турчанинова жесточайшим образом расправлялись с тувинскими повстанцами. После поражения казаков у «Сахарной головы» Турчанинов отдал приказ об эвакуации Белоцарска. Вся местная буржуазия, чиновничество и интеллигенция в панике бежали на плотах в Минусинск, оставив Белоцарск совершенно пустым. Сам Турчанинов, захватив большую сумму денег, с небольшим конвоем бежал в горы.

Там конвой его, соблазненный деньгами, взбунтовался, завел Турчанинова в глухую тайгу, бросил его одного вдали от дороги и захватил деньги. По рассказам тувинцев Турчанинов через несколько дней сошел с ума и покончил самоубийством.

27 июля Белоцарск был занят без боя красными партизанами. Это произошло через год после поражения Минусинской коммуны.

В Белоцарске партизанская армия взяла 100 пудов пороха, около 1 000 пудов свинца и много брошенных в Енисей винтовок и патронов.

Дав отдых бойцам, прошедшим в неимоверно трудных условиях более 1 000 километров, штаб армии приступил к укреплению Белоцарска.

По самому берегу Енисея, против города, были выкопаны две линии окопов, устроены на фронтовой линии квартиры и приняты другие меры военной предосторожности. На 30 июля был созван армейский съезд, на котором т. Кравченко сделал доклад о проделанной работе главного штаба и дальнейших задачах армии. Съезд под аплодисменты благодарил штаб за проделанную трудную работу и вынес ему доверие. На съезде много говорилось о пути в Монголию, хотя ни к чему определенному не пришли, решив только вести переговоры с Хатан-Батыр-Ваном о пропуске. Вскоре после съезда в Белоцарск приехал и сам Хатан-Батыр-Ван со своей свитой, которому т. Кравченко передал ноту следующего содержания[1]:

«Мы—военно-революционная организация из крестьян и рабочих Енисейской губернии, восставших и самоорганизовавшихся в пределах вышеуказанной губернии. Мы ведем борьбу с Омским правительством, возглавляемым адмиралом Колчаком, который задался целью вновь насадить в России самодержавие. Для осуществления этой цели и создания монархической власти правительство адмирала Колчака ведет кровавую борьбу на всей захваченной территории Сибири. Сжигаются целые крестьянские селения, насилуются женщины, расстреливаются сотни и тысячи невинных людей; целые тысячи бросаются по тюрьмам и умирают в страшных пытках; десятки тысяч избиваются нагайками и шомполами. Осуществляемый адмиралом Колчаком монархиче-

[1] Цитируется по брошюре т. *Рогозина*, Партизаны Степного Баджея, изд. «Новая Москва», 1926 г., стр. 148—150.

ский строй невыгоден сам по себе и Монголии. Монголия должна помнить, что низвергнутое правительство Николая II все время стремилось превратить Монголию в свою колонию, выкачивая из нее все для своего обогащения. И если подобная прежней монархии организация власти снова создастся, то она будет продолжать старую политику, прерванную революцией, совершенной русскими рабочими и крестьянами, передавшими правление Совету народных комиссаров, которые через советы хотят устранить на земле социальное и национальное неравенство всех народов, племен, рас и наций, отвергая аннексии (захват земли) и контрибуции (денежные обложения), выдвигая лозунг самоопределения наций. Мы являемся армией советов и проводим ту же политику. Но в силу сложившихся не особенно благоприятных для нас обстоятельств, под давлением иностранных войск: чехов, сербов, румын, итальянцев и других, помогающих осуществить адмиралу Колчаку монархический строй, мы принуждены были уйти из наших домов и докатиться до рубежа Монголии. Исходя из этого, мы и обращаемся к ургинскому правительству с настоящей грамотой и просим пропустить нас с оружием в руках через территорию Монголии для того, чтобы мы могли пройти на Ташкент, в ту область, где существует такая же форма организации власти, какая и у нас, и преследует те же задачи и дели, как и мы. Нам придется итти страной жаркой и безводной, итти тысячи верст. У нас имеется около 250 человек раненых; им такой путь будет невыносим и опасен. Поэтому мы обращаемся к ургинскому правительству с просьбой взять за имеющиеся у нас ценности, как-то: пушнину и золото в изделиях, россыпи и в монетах от нас всех раненых под свое покровительство и содержать их до выяснения политических обстоятельств и тем самым облегчить путь продвижения к Советской России».

Переговоры велись на русском и монгольском языках. Декларация, составленная в четырех экземплярах и скрепленная подписями той и другой стороны, была передана Хатан-Батыр-Вану, который вскоре после этого отправился для доклада в Ургу.

В это же время в партизанскую армию стали вливаться добровольцы из местных крестьян. Первым таким отрядом был отряд человек в 50, прибывший из деревень Подхребтинского (теперь Тесинкольского) района. Русское трудовое население колонии объединялось и шло в партизанскую армию для борьбы за восстановление советской власти.

Белоцарский бой

Сознавая всю опасность, которую сулила белым партизанская армия Кравченко и Щетинкина, находящаяся у них в тылу, колчаковское командование решило во что бы то ни стало ее ликвидировать. Для этой цели был снаряжен большой отряд с двумя орудиями и четырнадцатью пулеметами, под командой атамана Бологова, того самого казачьего офицера, который принимал активное участие в борьбе против Минусинской коммуны вместе с атаманом Сотниковым в начале 1918 г. Выбор Бологова был не случайным. Он был назначен потому, что еще до революции долго жил в «Урянхайском крае» и хорошо знал как условия жизни, так и географию страны. Кроме того он бесспорно имел личные связи с местным кулачеством.

О продвижении отряда Бологова сообщил Манский полк, находившийся, как уже упоминалось, в с. Усинском. Тов. Гусеву, командиру полка, было по телефону дано распоряжение дать Бологову бой под «Сахарной головой», а затем отступить к Турану, где, соединившись с Канским полком, снова дать бой белогвардейским отрядам. Гусев боя дать не решился, в результате чего, теснимый белыми,

вынужден был отступить к Белоцарску стороной, не соединяясь с Канским полком. Канскому полку после этого отдано было распоряжение двигаться к Белоцарску и переправиться на левый берег Енисея. 13 августа разведка доложила, что на правом берегу Енисея показались конные части белых. 14 и 15 августа шла подготовительная работа к бою. Партизаны Северо-Ачинского полка засели в окопы. Первоначально штаб решил

«на левый берег Енисея противника не пускать и оборонять позиции; выяснить его силы окончательно и уже после этого принять решительные меры».

Рано утром 16 августа в 7—8 километрах ниже Белоцарска заревели белогвардейские пушки. Это били по Манскому полку, который, не выдержав огня противника, отступил в степь на запад. Белые под прикрытием орудийного огня в 7—8 километрах ниже Белоцарска, около Булука [1] перебрались на левый берег Енисея. К 12 часам дня белые начали обстрел Белоцарска и тракта, по которому стали отступать партизанские обозы, полк особого назначения и беженцы. Затем конные части белых отрезали дорогу в с. Верхнеикольское, где у партизанской армии находился лазарет и мастерские, но вскоре брошенными на этот участок силами партизан белые были выбиты и путь на Верхнеикольское освобожден. Весь день шла перестрелка. Штаб распорядился не препятствовать белым переправляться. Партизанские же полки демонстративно отступили к Белоцарску. К вечеру он был ими оставлен без боя.

Оставляя Белоцарск, партизанское командование занимало лишь более выгодную для себя позицию. Когда это маневренное отступление было закончено, штабом было отдано распоряжение вновь перейти в наступление на Белоцарск по всему фронту. Наступление началось ночью дугообразными цепями, которые сжимались слева и справа по направлению к Енисею. Бологов, под покровом ночной темноты, был охвачен полукольцом красных штыков, пулеметов и шашек.

Вот как описывает этот решающий бой и его исход т. Рогозин в своей брошюре, на которую мы уже ссылались:

«Цепи двигались и сжимались. Пулеметы с той и с другой стороны трещали беспрерывно. С их стороны били пушки. Но что значит эта пальба по ночной темноте. Линия боя в полукольцевом разрезе была длиной на 2—2½ версты. Наши части дрались бешено, и цепи порой бежали вперед бегом. Белые тоже оборонялись упорно, но сдавали под нашим натиском назад. Часам к 12 ночи на 17 августа дуга из наших войск в полуразрезе 400—500 сажен сомкнулась и представляла теперь сплошную стену боевых цепей. Бой шел уже в самом Белоцарске. Пулеметная и оружейная трескотня не прерывалась. С той и с другой стороны раздавались крики—«Ура!» Все это перемешивалось со стонами и воплями раненых. Наконец наша пехота бросилась вштыковую, а кавалерия врукопашную. Ржание коней, стоны раненых и звон шашек—все сливалось, а стена за стеной рубились и рубились. Эта схватка продолжалась часа два. Наши войска до того остервенели, что дрались прикладами, бросались в безумной запальчивости, отнимали из рук врага оружие, били, кололи. Наконец правый фланг белых дрогнул. 300 человек новобранцев на этом фланге сдались, и свое оружие сразу же повернули на своих. Это решило исход боя. Неприятель дрогнул и откатился к самому берегу Енисея. Его преследовали наши пулеметы,

[1] Местность, где в 1868 г. была образована первая русская торговая фактория Веселкова.

и почти все белые были сброшены в Енисей. К 3 часам ночи все было кончено. Около 1 000 человек белых погибло в водах Енисея. Только часть командного состава да группа человек в 200, выбралась на правый берег Енисея и паническ бежала в сторону Уюка и Турана» [1].

По данным Рогозина партизаны потеряли 36 человек убитыми и 28 ранеными (т. Щетинкин в статье «Повстанцы Енисейской губернии», стр. 20, помещенной в приложении к октябрьскому № газеты «Советская Сибирь» за 1922 г., приводит иные цифры: убитых—37; раненых—44). В результате боя, сообщает Рогозин, партизанская армия захватила два трехдюймовых орудия горного образца, 250 снарядов, 12 пулеметов, 1000 винтовок, весь обоз со снаряжением и продовольствием. Убитых у белых было человек 300 и утонуло более 1000 человек [2].

20 августа партизанская армия хоронила павших в бою товарищей. Над поверхностью земли образовались три могильных кургана, а посреди их на двух столбах—большая доска, где были написаны фамилии убитых. Вверху над именами погибших товарищей резко выделялись слова:

«*Вечная память погибшим за идеалы советов*».

Так кончился знаменитый белоцарский бой, вселивший новую уверенность в ряды партизанской армии и явившийся поворотным пунктом в революционном движении Минусинского края.

Взятие Минусинска и образование Минусинской партизанской республики

Белоцарский бой кроме чисто военных трофеев дал в руки партизанской армии *ценные информационные сведения*. Попали путевые книжки, дневники и письма убитых офицеров и цензовиков солдат. В этих письмах чрезвычайно ярко отражалось положение колчаковской армии и правительства, которые катились к гибели. Среди этих документов была найдена секретная телеграмма генерала Сахарова, в которой он писал:

«На армию надежды нет. Тыл развинчен, расшатан большевистским духом. С продовольствием дело обстоит из рук вон плохо, некоторые части армейцев идут голодными и почти без обмундирования. Кругом среди частей войск ропот. Омск придется скоро сдать. Где будет точка опоры—неизвестно».

Совершенно естественно, что полученная информация подняла настроение частей партизанской армии, готовившейся к дальнейшим боям. *Встал опять вопрос, куда итти?* Единого мнения не было, и вопрос пришлось решать армейскому съезду. Тов. Кравченко, Армейский совет, представители Канского и Манского полков стояли за движение на Минусинск; Северо-Ачинский и Тальский полки во главе с тт. Щетинкиным и Ал. Марченко настаивали на продвижении в Мон-

[1] *Рогозин*, Партизаны Степного Баджея, «Новая Москва», 1926 г., стр. 158—159.

[2] В упомянутой выше статье т. Щетинкина приводятся другие цифры. До 500 человек оказалось убитыми; трофеи боя—2 орудия, 14 пулеметов, 2 000 винтовок, 300 000 патронов, 700 снарядов, много лошадей и другого имущества.

голию или в Томскую губернию. Съезд не разрешил этого вопроса, что создавало весьма тяжелое настроение. Однако после долгих споров т. Кравченко удалось убедить Щетинкина, и вопрос о взятии Минусинска был решен положительно.

Перед выступлением были приняты меры по ограждению русских переселенцев в Танну-Туве от набегов монгольских солдат.

После переговоров с монгольским штабом последний дал заверение о недопущении дальнейших насилий над трудовым населением русской колонии. Вернувшийся из Урги Хатан-Батыр-Ван подписал особое соглашение с партизанской армией. Нужно заметить, что этот монгольский захватчик вел в высшей степени двойственную политику. Грамота о разрешении партизанской армии пройти через Монголию, данная ургинским правительством, была у него еще до белоцарского боя, но он ее задерживал и выжидал исхода сражения. Вручил грамоту Хатан-Батыр-Ван партизанской армии лишь после решения партизан итти на Минусинск. Она была уже не нужна.

18 августа для преследования остатков отряда Бологова штабом были брошены два полка. По телефону из Усинского было передано, что белогвардейцы, разбитые под Белоцарском, бегут в панике, нигде не останавливаясь.

1 сентября 1919 г. партизанская армия двинулась на Минусинск. В Белоцарске остался организованный партизанской армией Краевой совет для управления делами русской трудовой колонии. Из колонистов, трудовых крестьян, была создана дружина самозащиты в количестве 150 человек.

Почти до самого Минусинска партизанская армия двигалась без боев, имея лишь несколько небольших перестрелок. Только в 25 километрах от Минусинска, под «Думной» горой, белые пытались задержать партизанскую армию, выставив отряд до 1 000 человек 11 сентября партизаны дали бой, длившийся 3—4 часа, в котором окончательно разбили белогвардейцев, захватив 4 пулемета, около 250 винтовок, много патронов и 150 пленных. Рано утром 13 сентября был взят без боя Минусинск, накануне покинутый местными властями, белогвардейскими воинскими частями и буржуазией.

«Картина встречи со стороны рабочего населения города и других трудящихся, симпатизирующих советской власти,—пишет т. Рогозин,—была поразительной. Громадная базарная площадь города была запружена народом с развевающимися всюду красными знаменами. Выражению чувств не было конца. Многие плакали. Кравченко, Щетинкина, партизан засыпали вопросами. Вся площадь волновалась и шумела от радостного настроения. В ответ на слова Кравченко, который говорил, стоя на телеге, о трудностях борьбы—с площади отовсюду кричали: «Мы пособим... Мы пойдем в ряды армии...» и так без конца» [1].

Приступили к налаживанию жизни в крае. *Образовался Временный исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов, председателем которого был выбран минусинец т. Вениамин Солдатов.* Создались и другие организации. Начали работать профсоюзы и Городской совет. Все имущество бежавших национализировалось. Мещанская публика в первые дни смотрела на партизан

[1] *Рогозин*, Партизаны Степного Баджея, «Новая Москва», 1926 г., стр. 170.

косо и подозрительно, днем на улицы не выходила, но постепенно и ее настроение стало меняться. 25 сентября начал работать Минусинский крестьянский съезд, при открытии которого т. Кравченко, обращаясь к делегатам, указал на необходимости дальнейшей борьбы против колчаковщины.

«... Если вы хотите,—говорил он,—чтобы победа была на стороне советов, то поддерживайте нас». Под гром аплодисментов съехавшиеся кричали: «Согласны! Дадим все, что будет требоваться для армии. Пойдем воевать добровольно!»

После этого было предложено выбрать для управления краем Краевой совет и его председателя.

Так на месте Минусинской коммуны *образовалась Минусинская партизанская республика, развернувшая в дальнейшем борьбу за соединение с частями Красной армии.*

Вскоре после крестьянского съезда был созван учительский съезд, который однако показал, что учительство ничему не научилось и ничего не поняло. Учителям была дана полнейшая свобода слова. Без всяких ограничений они говорили два дня. Две резолюции—первая о признании советской власти, а вторая—о признании учредительного собрания, предложенные по тактическим соображениям Армейским советом, были съездом отклонены; принята же была резолюция, составленная участниками съезда, о «нейтральности» учительства.

Жизнь в городе и в занятой партизанами части края постепенно входила в обычную колею. По селам и волостям было приступлено к налаживанию советского аппарата. В городе организовались разные мастерские по снабжению армии и начали работать промышленные предприятия. Одновременно партизанская армия стала пополняться отрядами добровольцев.

Интерес представляет попытка некоторой части белого офицерства, стоявшей на эсеровской платформе, завязать связь с партизанами для совместной борьбы против Колчака и наступления на запад с целью заставить большевиков признать Сибирское учредительное собрание. Соответствующее предложение было передано эсерами т. Кравченко. Выслушавши делегатов, Кравченко отклонил какие бы то ни было переговоры на выставленных условиях, заявив при этом, что он согласен вести переговоры лишь в том случае, если офицеры признают борьбу с Колчаком во имя победы советов. Делегатами офицеров это условие было отклонено, и они уехали. Было и другое предложение со стороны меньшевиков о введении земства, но и оно, как явная нелепость, также было отклонено.

С первых же дней пребывания в Минусинске армии Кравченко и Щетинкина начала выходить партизанская газета «Соха и молот». Вышло всего ее около 60 номеров. Это был настоящий периодический орган, хотя без строго установленных сроков выхода. В газете помещались статьи с критикой контрреволюционных партий и буржуазного парламентаризма, которому противопоставлялась система советов. Слаб был отдел иностранной информации. Хотя в основном «Соха и молот» проводила твердую советскую линию, но в некоторых случаях, по заявлению одного из основных ее сотрудников т. Рогозина, она все же «... не была строго выдержана в большевистском духе».

Но при всех своих недостатках газете «Соха и молот» все же сыграла огромную организующую роль в борьбе за советскую власть. Она была тем идеологическим и организующим фактором, который формировал политические настроения партизанских масс. В этом ее исключительная заслуга.

Налаживалась и хозяйственная жизнь. Были пущены в ход вальцовые мельницы; все другие предприятия промышленного типа также стали функционировать. Абаканский железоделательный завод, не работавший при Колчаке, начал вырабатывать 3-дюймовые снаряды и запальные трубки. Рабочие промышленных предприятий края получали армейские пайки, а также по мере возможности и обмундирование. Денежной платы никому не выдавалось. Все получали одинаковые пайки—от главнокомандующего и до рядового партизана, от заведывающего предприятием или отделом учреждения до служащего и рабочего. Все производимое поступало в центральный отдел снабжения, который в дальнейшем предполагал открыть несколько магазинов для обмена продукции промышленности на крестьянские продукты. Патронно-оружейные мастерские были оборудованы паровыми двигателями. Пустили в ход и кинематограф.

Годовщина Октябрьской революции прошла с большим подъемом; в город на митинг приехало много крестьян, которым большевистские ораторы разъясняли задачи пролетарской революции и необходимость продолжать борьбу за восстановление советской власти до полной победы. Энтузиазм был огромный. Тут же на площади за один час записалось около 300 добровольцев в партизанскую армию.

Начала развиваться и культурно-просветительная работа. Она главным образом сосредоточилась в городском театре, но большого развития получить не могла, так как своих сил нехватало, а старая интеллигенция либо сбежала, либо продолжала саботировать. В Минусинске был организован клуб социалистической молодежи. *Таким образом Минусинская коммуна 1917/18 г. начала постепенно возрождаться;* недоставало только ее актива, который частью погиб, частью находился еще в плену у колчаковского правительства.

Соединение с Красной армией

Основной задаче, стоявшей перед партизанской армией,—соединению с советскими войсками—подчинено было все. Налаживая хозяйственную и культурную жизнь в крае, партизанская армия всемерно старалась обеспечить себя военным снаряжением. Шла усиленная подготовка к новому наступлению. Однако оно задерживалось из-за Енисея, который еще не замерз. Когда морозы сковали льдом Енисей, с левого берега к партизанам начали по одиночке и группами перебегать колчаковские новобранцы. Были случаи перехода с оружием в руках целых рот. К моменту выступления партизан из Минусинска патронно-пистонные мастерские произвели 20 миллионов патронов; армия выросла до 15 000 человек и имела хорошую кавалерию в 4 000 шашек, 48 пулеметов и два 3-дюймовых орудия при нескольких сотнях снарядов.

Противная сторона тоже готовилась к наступлению. Военные операции развернулись в последних числах ноября, когда белые сделали попытку зайти в тыл партизанам с юга, со стороны д. Означенной. Однако белые были разбиты и рассеяны по минусинским степям. Вскоре белые понесли новое поражение в Подсинем и Усть-Абаканске, после чего они отступили на север к д. Бородиной, где вновь приняли бой, длившийся 3 дня, в результате которого они были выбиты из позиций, потеряв 60 человек убитыми.

В половине декабря вся левая сторона Енисея, составлявшая большую часть территории Минусинского края, была от белых очищена. В это же время у с. Новоселовского был разбит последний колчаковский отряд, после чего партизанская армия, разделившись на две части, двинулась по двум направлениям на линию Сибирской железной дороги, к городам Ачинску и Красноярску.

Вблизи этих городов и произошло соединение партизанских войск с регулярными частями Красной армии. Здесь слились два потока могучего революционного движения, боровшегося за власть советов, за диктатуру пролетариата, за международную пролетарскую революцию.

«Эта встреча,—пишет т. Рогозин,—никогда не может быть забыта. Партизаны и красноармейцы кидались друг другу в объятия, целовались, по рядам проносилось громкое «ура!». Из тысячи грудей раздавались крики «Да здравствует Советская республика и ее вожди!»

*

Мы не ставили себе задачи полностью исчерпать такую огромную тему, как партизанское движение в Минусинском крае. Это может с успехом служить предметом разработки совершенно самостоятельного труда. Давая краткое описание событий, развернувшихся после поражения Минусинской коммуны, мы хотели лишь *показать ту связь, которая была между деятельностью Коммуны и последующим революционным движением в крае*. Эта связь несомненно была, и истоки революционного движения 1918—1919 гг. следует искать именно в тех лозунгах Октябрьской революции, которые провозглашала и старалась проводить в жизнь Минусинская коммуна за время своего существования.

Все попытки смазать, затушевать или прямо исказить роль, значение и направление партизанского движения должны быть разоблачены, а с «теоретиками» «беспартийности движения», борьбы партизанских армий «за чисто крестьянские интересы», «за учредительное собрание», «изолированность» партизанского движения от города и т. д. должна вестись самая жестокая борьба.

Даже сделанное нами краткое описание событий со всей очевидностью опровергает эти «теории», льющие воду на мельницу классового врага. Те, кто усматривают в отсутствии партийных большевистских ячеек в партизанской армии тт. Кравченко и Щетинкина «беспартийность» движения и эсеровщину (а такие попытки есть даже со стороны некоторых участников партизанского движения), идеологически попадают в объятия бывшего министра сибирского прави-

тельства В. Крутовского, который еще в начале 1919 г. писал: «Чем больше присматриваться к этим движениям (речь идет о партизанском движении.—*Авторы*), чем больше узнаешь фактов, тем более приходишь к твердому убеждению, что здесь нет большевизма... Ничего тут партийного, строго определенного политического нет, это неопределенного характера инстинктивный массовый народный протест [1]».

Если в партизанской армии не было партийных организаций, работавших там по определенным директивам центра и ведущих протокольные записи, то это еще не есть основание для отрицания идеологического влияния на все движение в целом со стороны партии. В армии Кравченко и Щетинкина были члены партии, занимавшие руководящие посты (т. Сургуладзе, председатель Армейского совета, Савицкий—командир Канского полка, Рогозин—зав. отделом агитпропа и др.), которые несомненно это влияние осуществляли.

Лучшим доказательством влияния партии на все движение является лозунг борьбы за советскую власть, под которым боролись партизаны. Даже такой активный член белогвардейского «Союза возрождения России», как лидер сибирских эсеров, Евг. Колосов, вынужден был признать, правда, со свойственными ему манерами политического двурушничества, что... «крестьянское движение определялось в Сибири как движение большевистское и в известном смысле оно было таковым. Большевистские нелегальные организации скоро учли, особенно после неудачных опытов чисто городских восстаний, всю важность деревенского бунта и направили туда значительные силы» [2].

Партизанская армия Кравченко и Щетинкина, в которой было немало непосредственных строителей Минусинской коммуны, участников ноябрьского восстания 1918 г., рабочих предприятий края, боровшихся плечом к плечу против общего врага рабочих и крестьян, шла в своем героическом подвиге под красным стягом международного пролетариата, под непосредственным идеологическим руководством единственно революционной партии большевиков, осуществляя в кровавой борьбе лозунги Октябрьской революции, за которые боролась и Минусинская коммуна.

---

[1] «Сибирские записки», 1919 г. Красноярск.

[2] *Евг. Колосов.* Крестьянское движение при Колчаке, «Былое» № 20, 1922 г., стр. 239.

Глава XI

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МИНУСИНСКОМ КРАЕ И ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНЫ

Характерные особенности в деятельности советов 1917—18 гг. и работа Минусинской организации большевиков

Октябрьская революция благодаря героической борьбе пролетариата и руководимых им широчайших трудящихся масс, благодаря правильному руководству ленинской большевистской партии установила диктатуру пролетариата. Вся власть советам, экспроприация экспроприаторов, освобождение трудящихся, борьба за торжество социализма—вот лозунги, с которыми шел пролетариат на штурм твердынь капитализма. Ведя за собой бедняцкие массы крестьянства и добившись нейтрализации середняка, пролетариат решал попутно вопросы буржуазно-демократической революции—уничтожение остатков крепостничества, сословности, дворянского землевладения, колониального гнета национальностей и т. д.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представляя собой организационную форму диктатуры пролетариата, являлись боевыми штабами пролетарской революции. Они осуществляли всю полноту власти на местах и, не имея достаточного опыта, творили новые формы жизни, руководствуясь классовым чутьем пролетариата и марксистско-ленинским учением. По словам т. Ленина

«Советы, совершая коренную ломку буржуазной и помещичьей собственности, способствуя окончательному перевороту, сметающему все следы буржуазного строя, толкнули нас на путь, который привел народ к строительству новой жизни. Мы взялись уже за это великое строительство, и прекрасно сделали, что взялись» [1].

Помимо сказанного выше, характерными особенностями деятельности советов в период 1917—1918 гг. было то, что они действовали зачастую изолированно один от другого. Соседние уездные советы не имели достаточной связи между собой и со своими губернскими и областными центрами. Однако благодаря энтузиазму и сознательности пролетарской массы, и в первую очередь вследствие идейной ге-

[1] *Ленин*, Соб. соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 185—186.

гемонии большевизма во всех проявлениях Октябрьской революции, эта изолированность не препятствовала победам в гражданской войне и развертыванию социалистического строительства. Вместе с тем следует подчеркнуть, что изолированность в работе советов на местах приводила к тому, что они превращались как бы в самостоятельные республики-коммуны, рассчитывавшие главным образом только на свои силы и средства. В моменты напряженной гражданской войны связь между советами усиливалась, она выражалась тогда во взаимной поддержке людьми, оружием, продовольствием и т. д. Минусинская коммуна, действуя именем диктатуры пролетариата, именем советского рабоче-крестьянского государства, вела самостоятельную внешнюю политику, вступая в договора с соседними государствами, решала все вопросы государственного управления и преимущественно своими силами боролась с восстаниями казачества, буржуазии и кулаков. В момент чехо-словацкого мятежа на линии Сибирской железной дороги Минусинская коммуна оказывала помощь Красноярскому совету посылкой людей, лошадей, седел и продовольствия. С другой стороны, во время контрреволюционного восстания енисейского казачества Минусинскому совету помогали посылкой оружия Ачинский и Красноярский советы.

Связь с центром—ЦК РКП(б), Центральным исполнительным комитетом советов и Совнаркомом выражалась по преимуществу через печать. Советы на местах очень дорожили этой связью, ибо в публикуемых декретах, статьях и телеграммах из центра они получали необходимые директивы и моральную поддержку в героической борьбе за разрушение старого ненавистного строя жизни и создание пролетарского социалистического государства.

Таковы основные особенности деятельности советов на местах в период 1917—1918 гг.

В деятельности Минусинской коммуны эти особенности выявлялись совершенно отчетливо. Но в то же время Минусинская коммуна имела и свои специфические характерные черты, отличавшие ее от других сибирских и российских советов, вытекавшие из ее пограничного положения и всей социально-экономической и политической обстановки края.

В чем же конкретно заключались эти специфические особенности и как они отражались на борьбе за власть советов и в социалистическом строительстве Коммуны?

Минусинскому совету рабочих и солдатских депутатов пришлось совершать Октябрьский переворот и проводить свою работу в условиях весьма неблагоприятных для диктатуры пролетариата. Рабочих в крае было мало, а те, которые были, находились в отдаленных от города местах, будучи разбросаны небольшими островками в необъятном крестьянском море. Крестьянское окружение не могло не оказывать влияния на работу Минусинского совета и исполкома, заставляя в отдельных случаях считаться с давлением мелкобуржуазной стихии. На протяжении всей деятельности Коммуны с кулачеством велась ожесточенная борьба.

Однако, несмотря на такое крестьянское окружение, пролета-

риат Коммуны вел за собой основные середняцко-бедняцкие массы крестьянства, которые в момент III съезда, разгона Всероссийского учредительного собрания и особенно во время ликвидации сотниковского восстания проявили большой энтузиазм и с оружием в руках защищали советскую власть.

Бесспорно, что руководящему положению пролетариата в условиях крестьянского окружения способствовала работа местной организации РКП(б). Работа парторганизации до Октябрьского переворота, в момент его и во время III съезда рабочих и крестьян была уже отчасти описана. После принятия на III съезде бедняцко-середняцкими массами крестьянства решения о поддержке власти советов и образовании Коммуны, парторганизация заняла руководящее положение в Коммуне и сохраняла его вплоть до самых последних дней ее. Члены организации в отделах Совета, в Исполкоме и в Красной гвардии занимали руководящие посты. Конструирование Объединенного исполкома и в дальнейшем Объединенного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, направление экономической политики Коммуны, руководство классовой борьбой в городе и деревне и наконец проведение всех важнейших политических мероприятий,—все это проходило под руководством минусинской организации РКП(б). Сила и влияние парторганизации большевиков определенно сказывались и на работе минусинской группы левых эсеров. Факт образования этой группы, выход ее из общей эсеровской организации были проведены под влиянием Комитета большевиков. Когда стало известно, что лидер левых эсеров Фаерман Е. намерена со своими единомышленниками создать группу левых эсеров-интернационалистов,—Комитет большевиков принял меры к тому, чтобы в рабочем клубе левым эсерам было предоставлено помещение, стал выдвигать Фаерман и других левых эсеров на ответственные посты в Совете, поручать им доклады на съездах и вообще всемерно использовать работу отколовшейся левоэсеровской группы, которая после некоторых колебаний в дальнейшем установила контакт в работе с большевиками. Деятельность Красной гвардии, общественных организаций, Союза трудящейся молодежи, Союза увечных воинов и Центрального бюро профсоюзов направлялась Комитетом минусинской организации большевиков. В условиях напряженной классовой борьбы, переходившей не раз в форму гражданской войны, парторганизация большевиков большую часть своих сил отдавала работе Совета и Исполкома. Меньше времени уделялось чисто партийной работе. Однако, несмотря на это, все же наблюдался, хотя и медленный, рост организации. Приток в партию усиливался в наиболее трудные моменты жизни Коммуны—во время контрреволюционного восстания казачества и особенно в последние дни Коммуны. Это говорит за то, что авторитет партийной организации большевиков среди рабочих и бедняцкой части крестьянства был велик и возрастал еще сильнее, когда для Коммуны наступала опасность. Наблюдался также переход лучших товарищей от левых эсеров и меньшевиков к большевикам. Численность партийной организации большевиков перед концом Коммуны выражалась приблизительно в 110—120 человек.

Помимо самого города Минусинска, партийные ячейки имелись на Абаканском металлургическом заводе, руднике «Юлия», Черногорских каменноугольных копях и других предприятиях, а также в некоторых крупных селах Минусинского края.

Другой особенностью Минусинской коммуны было исключительное по своим размерам вовлечение крестьянства в советскую работу. Во время Октябрьского переворота большевикам-руково-

№ 89. Воскресенье 7 Апрѣля 1918 г. Цѣна 20 коп.

ТОВАРИЩ

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА
За 3 мѣсяц. 4 р. 50 к. 1 мѣсяц 1 р. 50 к.
ГАЗЕТА ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДѢЛЮ.

(ОРГАН МИНУСИНСКАГО КОМИТЕТА РОССІЙС. СОЦІАЛ-ДЕМ. РАБ. ПАРТІИ (большевиков).

Адрес редакціи г. Минусинск, Рабочій Клуб. Гоголевская улица № 57.

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТАМ.

Коммунистическая партія.

Общеевропейская война, а связанное с ней паденіе второго Интернаціонала-международного товарищества рабочих—явились показателем глубокого кризиса, переживаемаго соціал-демократіей. Неспособность рабочих партій—в цѣлом и общем—предотвратить войну и противодѣйствовать ей националистическо-оборонческая позиція, занятая вопреки постановленіям соціалистических конгрессов большинством общепризнанных вождей [illegible]

[illegible] ость вождей соціал-демократіи, измѣнивших рабочему классу, и явно или замаскировано услужающих капитализму [illegible] признать необходимости для рабочей партіи революціоннаго, активного преодоленія капитализма необходимости [illegible] диктуемое прямыми интересами пролетаріата.

Поэтому расхожденіе между оппортунистическою [illegible] соціал-демократіей и [illegible] фракціями, которыя заняли революціонную позицію, с каждым днем становится все глубже и резче.

[illegible] партіи в Россіи.

Международная [illegible] истическая рабочая революціонная [illegible] ія, распадающаяся на ряд національных секцій (русская секція германская и т. д.) пусть объединит только тѣ пролетарскія массы для которых захват власти пролетаріатом и осуществленіе соціализма становится ближайшей очередной задачей.

Открытое письмо Ленину

помѣщенно в „Те Каза" от 3-го января 1918 года.

Дорогой товарищ!

[illegible]

Газета «Товарищ» орган Минусинского комитета большевиков.

дителям Коммуны, удалось с честью выйти из затруднительного положения. На демагогические обвинения правых эсеров и буржуазии в узурпаторстве, незаконном захвате власти и т. п большевики ответили широчайшим вовлечением бедняцко-середняцкой массы крестьянства в советское социалистическое строительство и предоставлением депутатам от этой массы ответственных и руководящих постов в учреждениях Коммуны. В Президиуме Совета, Исполкоме, отделах Совета крестьянские депутаты составляли большинство. Председателем Совета и его товарищами были крестьянские депутаты. Внутри Совета имелась особая крестьянская секция, которая подготовляла к пленумам Совета решения по чисто крестьяским делам. Еще шире проявилась деятельность бедняцко-середняцкой массы крестьянства на местах—в сельских и волостных советах, которые осуществляли всю полноту власти в пределах изданного Минусинским советом «Положения о сельских советах крестьянских депутатов». Однако, как мы видели, слабость рабочей прослойки и преобладание крестьнских депутатов в Совете весьма отрицательно сказались в момент открытого выступления контр-

революции, когда крестьянская секция перешла на сторону VII кулацкого съезда.

Состав и структура руководящих органов Коммуны

Организационная структура центрального органа Коммуны—Минусинского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов—за время существования Коммуны претерпела ряд изменений. До III рабоче-крестьянского съезда руководящая власть в Коммуне осуществлялась Городским советом рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительным комитетом, переизбранным 31 октября, тотчас же после принятия резолюции о переходе власти к советам. После III съезда до начала января 1918 г. руководящее положение в Коммуне заняли Объединенный исполком, избранный на III съезде, и Городской совет рабочих и солдатских депутатов. Никакой двойственности власти это не порождало, так как и Объединенный исполком и Горсовет, несмотря на наличие в них левых эсеров и беспартийных, в основном были большевистскими органами власти. В начале января, когда подавляющее большинство сел и деревень Минусинского края избрало постоянных депутатов в Совет, в структуре центральных органов Коммуны произошли изменения, которые сохранились до последних дней. В связи с приездом крестьянских депутатов в город пленум Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов, совместно с Объединенным исполкомом и вновь приехавшими депутатами, вынес следующее решение:

«1) С 7 января 1918 г., ввиду наличия 26 депутатов, образуется постоянный Совет крестьянских депутатов Минусинского края; 2) Совет крестьянских депутатов сливается с Советом рабочих и солдатских депутатов; 3) Представителей в Объединенном совете от крестьян и рабочих должно быть поровну».

Крестьянское население края в этот момент составляло более 300 000 человек, рабочих же, вместе с членами семей, было всего около 20 тысяч [1]. Таким образом при равенстве представительства в Совете тех и других пролетарский характер власти выступал достаточно отчетливо. Пролетариат Минусинской коммуны осуществлял диктатуру при поддержке широчайших масс бедняцко-середняцкого крестьянства, ведя за собой эти массы по пути укрепления завоеваний Октябрьской революции. В основном деятельность Коммуны, несмотря на ее крестьянский состав, была проникнута выдержанной пролетарской политикой, направленной на защиту интересов рабочих и деревенской бедноты, на борьбу с эксплоататорскими элементами города и деревни. В последние месяцы деятельности Коммуны количество представителей в Совете от рабочих увеличилось, и рабочая часть превысила крестьянскую примерно на 10—12 депутатов. Произошло это потому, что в городе и на рудниках возникали новые рабочие организации—профсоюзы и советы рабочих депутатов, которые посылали в Минусинск своих представи-

[1] Без батраков и военнопленных империалистической войны, работавших на промышленных предприятиях.

телей для постоянной работы в Совете. В начале июня Объединенный совет состоял приблизительно из 87—90 депутатов. В числе их было: 29 представителей от волостей с крестьянским населением, 3 депутата от Хакасского национального района, 5—от трудового казачества и 50 депутатов от профессиональных союзов, местных Советов рабочих депутатов, Красной гвардии, Союза увечных воинов и Союза трудящейся молодежи. Сюда не включено еще 6 представителей от учительского профессионального союза, руководители которого занимали враждебную позицию по отношению к советской власти. Посланные в Совет представители учительства заявили, что они избраны с условием невхождения в Исполком Совета и другие исполнительные революционные органы Коммуны. Впоследствии своим поведением в Совете они ясно показали, с каким намерением они вошли туда. За исключением одной делегатки—Будариной, остальные 5 представителей учительства—Шумайлов, Калягин, Кушнарев, Базаркин и Скобеев оказались впоследствии организаторами белогвардейских заговоров, шпионами и саботажниками.

В перерывы между съездами все дела государственного управления в Коммуне решал Объединенный совет. Он вел борьбу с контрреволюционными выступлениями, представительствовал Коммуну в губернии, в центре и даже за границей[1], поскольку на долю Коммуны выпала борьба за освобождение тувинского народа от оков империалистической политики царской России.

Анализируя постоянный состав Объединенного совета, как он сложился в последние месяцы, можно сделать следующие выводы:

1. Значительная часть крестьянских и казачьих депутатов состояла из середняков и не проявляла большой активности в деятельности Коммуны.

2. Меньшинство крестьянских депутатов—Трегубенков, Катаев, Кулигин, Клешнин, Гапченко, Антонов, Мельников и некоторые другие, наоборот, не только выделялись своей активностью, но и занимали руководящие посты в Совете и в Исполкоме.

3. Рабочая часть Совета отличалась однородностью, большой сознательностью и активностью. Большинство рабочих депутатов состояло членами партии; часть их погибла во время эсеровско-колчаковской реакции славной смертью героев.

Актив Коммуны далеко не исчерпывался коммунистически настроенным большинством Совета. В профсоюзах, Красной гвардии, в Союзе трудящейся молодежи, в отделах Исполкома и в Союзе увечных воинов работало много товарищей, которые отдали делу Коммуны все свои знания, силы и даже жизнь.

Революционный пролетариат Минусинского края и его роль в борьбе и строительстве Коммуны

Совет Коммуны в своей деятельности опирался на профессиональные союзы, местные Советы рабочих депутатов, Красную гвар-

[1] В Танну-Туве.

дию, сельсоветы и на такие общественные организации, как Социалистический союз трудящейся молодежи и Союз увечных воинов.

Рабочая масса города и горнопромышленных предприятий края активно участвовала в свержении власти буржуазии и в течение всего периода существования Минусинской коммуны с оружием в руках поддерживала мероприятия Совета и парторганизации, борясь за социализм и защищая завоевания Октябрьской революции. Целый ряд фактов красноречиво свидетельствует об этом. Приведем наиболее характерные из них.

Рабочие *Черногорских* каменноугольных копей, главной угольной базы Минусинского края, узнав о попытке правых эсеров использовать в контрреволюционных целях III съезд, устроили 19 ноября 1917 г. митинг на копях и вынесли следующую резолюцию:

«Мы, рабочие и служащие Черногорских копей, в количестве 300 человек, совместно с рабочими железнодорожной станции Абакан, познакомившись с речами выступавших ораторов о положении дел в России, приветствуем Минусинский совет рабочих, крестьян и солдат и Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Приветствуем всех членов нового рабоче-крестьянского правительства. Насколько имеем сил, обещаем поддерживать советскую власть от всякого контрреволюционного посягательства. Долой власть аристократов и капиталистов, да здравствуют Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Да здравствует Учредительное собрание. Да здравствует социализм!»

Когда на Минусинск двинулись казачьи банды под командой атамана Сотникова, рабочие этих же Черногорских копей организовали свой отряд Красной гвардии и выступили с оружием в руках на защиту советской власти. В момент раскола, на VI крестьянском съезде, когда под влиянием буржуазной агитации и выступления чехо-словаков, крестьянская часть Совета заколебалась и в жизни Коммуны наступили критические дни, черногорские углекопы, выслушав доклад тов. Я. Бограда, выносят следующую резолюцию:

«Мы, рабочие, работницы, а также служащие Черногорских копей, собравшись на общее собрание в воскресенье, 9 июня, в количестве 100 человек и выслушав доклад представителя Минусинского совета [1] о всех событиях, имевших место на VI крестьянском съезде, и о происшедшем там расколе, постановили: 1) выразить свою полную солидарность с декларацией левой части съезда, 2) всецело одобрить решение Исполнительного комитета—создать Военно-революционный штаб для борьбы с надвигающейся в Минусинском уезде контрреволюцией, 3) признать, что роспуск правой части съезда является при создавшихся условиях единственно целесообразной мерой для предотвращения захвата власти в Минусинском уезде городскими торговцами и деревенскими кулаками, что несомненно повлекло бы за собой такие же кровавые эксцессы, которые имели место в Канске и Нижнеудинске, 4) обратиться с горячим призывом к трудовому крестьянству, казачеству и хакасскому населению не верить обманным речам противников советской власти, пытающихся ложью, клеветой и нелепыми выдумками уронить советы в глазах тех самых масс трудового народа, которые в этих советах представлены, 5) выразить свою непреклонную решимость защищать советскую власть от всяких подкопов извне и изнутри всеми имеющимися в распоряжении черногорских рабочих средствами, 6) заклеймить

[1] Я. Богра́д, уезжая из Минусинска на копи и рудники, получил мандат от Минусинского совета.

презрением тактику правых эсеров, пытающихся путем натравливания темных, бессознательных масс на советы, свалить советскую власть в тот момент, когда вся Европейская Россия и наши красные столицы стоят перед перспективой голодной смерти, 7) признать захват некоторых городов Сибири с помощью чехо-словаков предательским ударом в спину Советской республики, теснимой с запада и востока империалистами обеих коалиций».

Рабочие других каменноугольных копей—*Изыхских*, устроили 27 декабря 1917 г. общее собрание и вынесли по текущему моменту постановление следующего содержания:

«Собравшись сегодня по случаю праздничного времени почитать газеты, из которых видно, что враги трудового народа, буржуазия и ее прихвостни, бросаются, очертя голову, в последнюю смертельную схватку против народа, устраивают бойни, подобно как в Иркутске, мы крайне возмущены и шлем проклятие на голову зачинщиков этой бойни. Просим Минусинский объединенный исполнительный комитет иметь нас в виду на случай, если потребуются силы для подавления восстания врагов народа. Мы все, как один, придем на ваш зов, и тогда пусть эти изверги, веками упивавшиеся нашей кровью, продолжают мутить и устраивать бойни, пусть они тогда не обижаются, что мы не сумеем быть деликатными. Всеми силами протестуем против участия в Учредительном собрании кровожадных генералов, ярых врагов народа—Корнилова, Каледина, Керенского и остальной кровожадной компании. Долой кровопийцев! Им место в тюрьме, а не в Учредительном собрании. Да здравствует власть советов»!

Наконец рабочие третьих копей края—*Калягинских*, обсудив вопрос о выписке газеты «Известия» и ходе революционных событий в стране, вынесли следующее, весьма любопытное по стилю, содержанию и непосредственности постановление:

«Мы, рабочие и служащие, на общем собрании 26 декабря 1917 г., под председательством т. Чинского и при секретаре Лыкове, обсуждали следующие вопросы: 1) о выписке газеты «Известия» и 2) о ходе революционных событий в стране. После сделанного нам обширнейшего доклада, собранного из газетных сведений секретарем союза, единогласно постановили: 1) Выписать газету «Известия» за счет временного отчисления с 1 января 1918 г. на шесть месяцев. 2) Судя по газетным сведениям, за последнее время мы, рабочие, приходим, или, вернее сказать, нас приводит ход революционных событий в стране к следующему заключению. Воротясь к тому, как и кто начал первый революцию в России, то на страницах истории мы увидим, что первыми против бывшего деспотизма выступили мы, рабочие, в Петрограде, Москве и других заводских предприятиях России. К нашему справедливому выступлению присоединились солдаты, матросы и, наконец, крестьяне, что явилось оплотом единения трудового населения и от этого создалось в России народовластие. Но с самого начала революции российская буржуазия прыгала—как змеиный хвост, но народ был в сознании того, что раз голова отрезана, то прыгающий хвост так или иначе завалится в трещину. Долго еще хвост прыгал, нащупывая голову, да так и завалился в трещину под названием Дон. Далее, под давлением наших условий о будущем мире, заграничная буржуазия смотрит на российского трудового человека как на своего врага, и в отношении последних мы, рабочие Калягинских копей, понимаем так—им необходимо продолжать войну с целью, чтобы в России добиться обратного движения и заключить мир на почве захвата провинций, народностей и мировых рынков для сбыта товаров. Итак, заканчивая наше заключение о ходе революционных событий в стране, в связи с последними известиями о перемирии, от которого наши «союзники» уклоняются, вопреки этому мы постановили—выразить великую благодарность российской делегации в Бресте и советской власти в центре за то, что названная делегация и власть несут мир всему миру, и что гумманностью своей заставили признаться «обожаемых» наших союзников в их гнусной политике. К сему добавляем, что война в корне убита».

Рабочие медного *Уленьского* рудника в ответ на локаут, объявленный администрацией, организовали работы на руднике и просили Минусинский совет национализировать рудник. Аналогичная картина наблюдалась и на другом крупном предприятии цветной металлургии—руднике «*Юлия*». Таким образом за исключением двух-трех случаев (Ольховский рудник и Абаканский завод) рабочая масса города и горнопромышленных предприятий с первых же дней Октябрьского переворота встала грудью на защиту советской власти. Минусинская коммуна могла развернуть свою деятельность как для успешной ликвидации контрреволюционных восстаний, так и в отношении социалистического строительства, главным образом, благодаря беззаветной преданности делу Октярьской революции рабочих Минусинского края. Подъем революционного настроения в рабочей среде достиг высшего напряжения в последние месяцы существования Коммуны, когда атмосфера в крае чрезвычайно сгустилась вследствие выступления чехо-словаков на Сибирской железной дороге и в результате предательской работы белогвардейских эсеровских организаций и кулацкого выступления на VI крестьянском съезде. После демонстративного ухода со съезда левой большевистски настроенной части его, в городе состоялся ряд собраний профессиональных союзов, которые энергично протестовали против кулацкого выступления на съезде и отдавали свои силы в распоряжение Минусинского совета. Газета «Известия» № 119 от 4 июня сообщает, что

«Общее собрание профсоюза рабочих печатного дела постановило 3 июня 1918 г. всецело поддержать левое крыло VI крестьянского съезда и от правого крыла съезда никаких заказов не печатать; т. Шикунову поручается принять участие в работах левого крыла VI крестьянского съезда».

В тот же день несколько других профессиональных союзов устраивают вечером общее собрание для обсуждения вопросов, связанных с расколом на VI съезде. Газета «Известия» в хронике помещает об этом заметку следующего содержания:

«Несколько профессиональных союзов устроили 3 июня собрание для обсуждения вопросов, связанных с расколом на крестьянском съезде. Как известно, раскол произошел от того, что на съезд были допущены представители городской контрреволюционной буржуазии и вместе с тем были выдворены со съезда рабочие профессиональные союзы и Совдеп. Рабочие, приняв резолюцию протеста против действий правого большинства съезда, постановили всем собранием отправиться в Депо, где в это время заседало правое крыло крестьянского съезда. Стройными рядами, сосредоточенные, глубоко убежденные в правоте своего дела, шли рабочие по улицам города, привлекая к себе всеобщее внимание».

3 июня 1918 г. состоялось объединенное собрание союзов строительного, кожевенного и шерстяного производств, на котором было вынесено следующее решение:

«Присоединяясь к декларации левого крыла VI крестьянского съезда, объединенное собрание профессиональных союзов гор. Минусинска выражает свое глубокое возмущение действиями VI крестьянского съезда, лишившего делегатов рабочих права решающего голоса на съезде. Рабочие указанных производств заявляют, что с буржуазией от города и деревенскими кулаками, не

признающими советской власти, они не пойдут и поэтому всецело присоединяются к резолюции левого крыла съезда и призывают всех товарищей крестьян, которые стоят за власть трудового народа, соединиться с ними для совместной работы и, в случае выступления контрреволюционеров против существующей советской власти, рабочие готовы выступить с оружием в руках».

Эта резолюция была оглашена на заседании VI крестьянского съезда и была встречена со стороны левой части съезда громом аплодисментов.

В последние дни Коммуны, когда город был обложен белогвардейскими кулацко-казачьими бандами, и правые эсеры захватили власть на VII съезде, все профессиональные союзы города устроили общее собрание и приняли следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что победа чехо-словацкой вооруженной силы над советами есть победа буржуазии над властью трудового народа и что власть буржуазии с несомненностью приведет к восстановлению старых порядков, как то произошло на Украине и в захваченных чехо-словаками сибирских городах, общее собрание всех профессиональных союзов города Минусинска постановляет: вменить в обязанность всем членам профессиональных союзов, способным носить оружие, встать под ружье и отдать себя в распоряжение военного отдела для защиты рабоче-крестьянской революции как на месте, так и на внешнем фронте».

Можно было бы привести и еще целый ряд документов, свидетельствующих об активной поддержке Минусинской коммуны рабочими края, но полагаем, что это положение вполне подтверждается и приведенными данными.

Классовая борьба в деревне и отношение к Коммуне бедняцко-середняцкой массы крестьянства

Другая сила, на которую опиралась партия большевиков и Объединенный совет в Минусинском крае, была бедняцко-середняцкая масса крестьянства.

Середняк на III съезде повернул в сторону советской власти, пошел за пролетариатом и его партией. Он сделал это не без колебаний и прочно стоял на пролетарском пути лишь до тех пор, пока в Сибири не выступили чехо-словацкие войска и контрреволюционные банды казачества и буржуазии. Тут наиболее неустойчивые элементы середняцкой массы заколебались и, поддавшись кулацкой агитации, заняли сначала нейтральную позицию в борьбе Минусинской коммуны с наступавшими на нее отрядами белогвардейцев, а затем частично вошли в эти отряды. Но это произошло уже в конце июня 1918 г., в последние дни существования Коммуны. До этого момента подавляющая масса середнячества шла вместе с беднотой и рабочим классом за партией большевиков и Советом Коммуны.

Выше нами было уже отмечено, что минусинское крестьянство делилось на три вполне диференцированных группы: 1) бедняцкую, в массе своей состоявшую из переселенцев последних годов, 2) середняцкую—переселенцев более раннего периода и частью старожилов и 3) кулацкую, состоявшую по преимуществу из старожильческих элементов. Сама по себе эта кулацкая группа была незна-

чительна (около 5% населения деревни) и не имела бы особого веса, если бы наряду с ней не стояла на тех же классовых позициях другая кулацкая группа, не крестьянская, а казачья, которая в конечном счете задавала тон всему контрреволюционному движению в деревне. С кулацко-казачьими слоями деревни были теснейшими узами классовой солидарности связаны городская и сельская буржуазия (крупные торговцы сел и деревень), духовенство, хакасские феодалы и наконец интеллигенция, возглавляемая попом Владимиром Кузьминым, инженером Парватовым, учителями Чибисовым и Троцким, податным инспектором Хруцким и всей руководящей группой право-эсеровской организации. Упоминавшийся нами ранее черносотенец демагог Федос Солдатов, скрывшись от советской власти в деревне, стал возглавлять там впоследствии кулацкое движение.

Особенную активность проявляло богатое казачество. По отношению ко всему казачеству Минусинского края кулаки-казаки составляли довольно большой процент; объясняется это тем, что царское правительство наделяло казаков лучшей землей, по 45 десятин на душу, ставило их в привилегированное положение по сравнению с крестьянами, особенно переселенцами, которые в казачьих станицах назывались «разночинцами», «иногородними», не пользовавшимися правом решающего голоса на станичных собраниях. В селах с преобладанием казачьего населения (особенно в Каратузе) между казаками и крестьянами шла глухая непрестанная борьба, которая, как мы видели, еще в 1905 г. приняла форму открытых вооруженных столкновений.

Насколько сильно было классовое угнетение крестьян «иногородних» со стороны казачьей кулацкой группы и как под влиянием Октябрьской революции и в частности III съезда, происходило постепенное освобождение «иногородних» от этого гнета казаков, рисует помещенная в газете «Известия» корреспонденция Потанина[1] из станицы Таштып.

«Наконец-то и в нашем богоспасаемом селе крестьяне удостоились на собрании общего голосования. До сего времени крестьяне и разночинцы на собрании лишались права решающего голоса, так как небольшая кучка богатеев всегда на собраниях вершила по-своему. Перемена эта случилась вследствие того, что вернувшиеся с III крестьянского съезда делегаты, наслушались на этом съезде таких речей, что от воинственного настроения у них ничего не осталось. «Нет,— говорили они,— с большевиками и крестьянами нам бороться не под силу. Это здесь мы хозяева над крестьянами, а там нас, казаков, не видать. Мы даже не смели своей резолюции выставить». «Так оно и должно быть,—подтвердили только что приехавшие на побывку из Красноярска молодые казаки. Наши офицеры в Красноярске здорово натравливали нас на большевиков, говорили, что они изменники, стрелять в них надо и вешать. Первым делом следует арестовать Окулова[2] и его сотрудников; но мы видели, что нам не справиться с гарнизоном

[1] *К. Н. Потанин*, крестьянин-бедняк, селькор газ. «Известия», б. председатель Таштыпского совета—после подавления сотниковского мятежа. После падения Минусинской коммуны таштыпские казаки его пытали и отстрелили ему пальцы одной руки. После восстановления соввласти стал энтузиастом-колхозником. В 1932 г. убит кулаками на посту—при охране колхозного имущества.

[2] *А. И. Окулов* был до выборов его в учредительное собрание председателем Красноярского совета и одним из руководителей большевистской организации в Енисейской губернии.

солдат, их много, а у нас горсточка, да и сам Окулов нам говорил—ребята, если вас будут офицеры заставлять драться с солдатами, то вы их не слушайте, они глупят: вы видите, что солдат 8 000, а вас только—500, что вы сделаете? Мы это намотали себе на ус и когда вышел на трибуну сам наш полковник Каргаполов и стал нам говорить, что неужели вы, казаки, трусите солдат? Я, на что уже старик, и то бы вот как этих большевиков,—при этом он неуклюже с трудом вынул шашку из ножен, так что мы чуть не рассмеялись: какой, мол, ты воин».

Услыхав такие речи, казаки нашего села приутихли, переменили свое настроение к крестьянам и разночинцам, разрешили им голосовать совместно на собрании за представителя в Минусинский совет, который мог бы отстаивать интересы всего населения как казаков, так и крестьян».

Эта корреспонденция ярко отображает борьбу и классовые сдвиги послеоктябрьского периода в казачьих станицах.

Однако классовая борьба шла не только в казачьих станицах. Она имела место и там, где преобладало крестьянское, или хакасское население.

После Октябрьского переворота и образования Минусинской коммуны классовая борьба в деревне развернулась главным образом вокруг выборов в сельские советы. Кулаки, подчинившись давлению бедняцко-середняцкой массы деревни, не решались первое время открыто выступать против образования сельских советов. Но, вместе с тем, они стремились провести в советы своих людей и заставить таким путем сельсоветы проводить кулацкую политику. Если им этого не удавалось, то тогда они выступали против советов, добивались переизбрания, угрожая деревенской бедноте расправой. В большинстве случаев победа оставалась все же за беднотой, потому что на ее стороне оказывалось большинство населения и кроме того ей на помощь, когда она своими силами не в состоянии была парализовать кулацкой агитации, приходил Минусинский совет. Самый факт существования Коммуны поднимал на борьбу с кулачеством широчайшие массы бедняцко-середняцкого крестьянства.

Борьба за освобождение от кулацкого гнета проникала в самые глухие уголки минусинской деревни. Ярким показателем этого является случай, имевший место в селе Березовском Курагинской волости, который описывает в газете «Известия» крестьянин-бедняк И. Ковалев:

«В селе Березовском Курагинской волости получился конфликт между Советом, учителем Медведевым и местными кулаками. Совет признал саботажником заведующего двухклассной школой Медведева, который всячески поносил власть советов. Березовский совет постановил уволить Медведева со службы и передать школу другому учителю—Сергееву. Но Медведев успел сговорить березовских кулаков, торгашей Макарова и Крашенинникова, и устроил совместно с ними собрание родителей учащихся. На этом собрании лилась всякая грязь на советы. Медведев говорил, «вот вам и советская власть, она не приказывает учить наших детей». Темная крестьянская масса, не зная, как выйти из положения, стала просить Медведева остаться. Враги Совета воспользовались этим и натравили толпу на Совет. Члены Совета, подчиняясь насилию, вынуждены были покинуть помещение Совета и временно прекратили совсем работу. Тогда крестьяне, которые избирали Совет, заявили, что собрание, устроенное Медведевым, они не признают и предложили членам Совета немедленно приступить к работе. Был поставлен на всеобщее голосование вопрос, желает ли население Березовки, чтобы Совет продолжал свое существование. Все, кроме скупщиков, торгашей и Медведева, высказались за Совет. После этого березовский священник, видя, что не удалось разогнать Совет, заявил, что он покидает церковь и уезжает из

Березовки. Крестьяне опять испугались, но и на этот раз их удалось успокоить. На этом наши враги не успокоились. Они распустили провокацию, что из Минусинска вышла Красная гвардия грабить крестьян. Очень трудно приходится говорить о правде в наших глухих углах. Только при помощи газеты «Известия» удается разъяснить крестьянам их недоумение, посеянное врагами народа».

Корреспонденция т. Ковалева очень верно изображает борьбу с кулачеством в минусинской деревне и выявляет ту подлую роль, которую играли в этой борьбе попы и некоторая часть сельского учительства, находившихся в связи с правыми эсерами и городской контрреволюционной буржуазией.

В Хакассии, где население было наиболее темным и хозяйственно отсталым и где Минусинская коммуна смогла провести национализацию копей и рудников, но не успела еще экспроприировать земельные поместья и стада крупных хакасских феодалов, классовая борьба проходила с меньшим успехом для бедноты, чем в районах с крестьянским населением.

В № 109 от 22 мая 1918 г. газеты «Известия» была помещена заметка хакасса-бедняка В. Танзыбаева, в которой он описывает выборы в Хакасский совет Усть-Абаканского улуса. Несмотря на то, что этот улус находился поблизости от Минусинска и Черногорских копей, кулацкое влияние среди хакассов здесь оказалось настолько сильным, что беднота вынуждена была отступить.

«В селе Усть-Абаканском,—пишет Танзыбаев,—31 марта сего года состоялось общее собрание, на котором решался вопрос о выборе членов в сельский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кандидаты большей частью были выставлены из богатых людей. Бедных же, когда назначали, то секретарь—почтенный служитель кадетов и их прихвостник—кандидатуры бедных не замечал, хотя человека два и поставил, но они при голосовании отпали. Голосование было тайное. Была поставлена урна, и каждому лицу выдавался шарик. Во время голосования председатель собрания объяснил гражданам, что, кто голосует за, то шарик кладет по правую руку, а кто против—по левую. Если голосовался богатый, то вручитель шарика—Христофор Бажиндаев, всем присутствующим говорил на хакасском языке: кладите на правую сторону. И так темные и забитые люди повиновались кулаку Бажиндаеву. Нет умного человека, который мог бы убедить их в неправильности того, что они творят. Жалкая участь беднейших хакассов. У них нет ораторов из партии большевиков, и им затуманивают головы богачи-кулаки».

Кулачество не удовлетворялось борьбой за власть на местах. Оно неоднократно делало попытки провести через волостные съезды своих представителей и в Минусинский совет. В отношении 3—4 волостей им удалось этого добиться. Эти, с позволения сказать, «крестьянские депутаты», долго в Совете не оставались. На пленумах они не выступали, в общение с членами Коммуны не вступали, в крестьянской секции Совета не работали. Смотрели на всех волками, и, как только представлялась возможность, завязывали связи с контрреволюционными элементами города. Буржуазия и эсеры использовали их со шпионской целью, поскольку они могли посещать закрытые заседания Совета. Правда, очень скоро, обычно через месяц—не больше, они самовольно выбывали из Совета, поместив предварительно в контрреволюционной газете попа Владимира Кузьмина «Свобода и труд» какой-нибудь гнусный пасквиль

на Совет или Исполком. Крестьянская секция Совета всегда быстро и решительно реагировала на предательство этих агентов кулачества. Обычно вслед за бегством из Совета такого депутата, крестьянская секция выпускала обращение к крестьянам соответствующей волости, в котором разоблачалась предательская роль агента кулачества и делался товарищеский призыв дать решительный отпор кулакам, организовать бедноту и выбрать в Минусинский совет нового, лучшего депутата. Несколько таких обращений было помещено в газете «Известия».

Бедняцко-середняцкая масса крестьянства активно поддерживала мероприятия Коммуны, успешно отражая происки кулачества. Красноярская организация партии большевиков, установившая, по примеру Кронштадта, власть Совета рабочих депутатов в гор. Красноярске еще летом 1917 г., была приятно удивлена успешным завершением Октябрьской победы в Минусинском крае, которое произошло на III съезде рабочих и крестьян в конце ноября 1917 г. Красноярских большевиков удивило то обстоятельство, что крестьянство Минусинского края, считавшееся главной опорой правых эсеров в Енисейской губернии, вступило решительно на путь революционной пролетарской борьбы и, притом, значительно раньше канского, енисейского и даже красноярского, где пролетариат был сильнее и где, казалось бы, влияние Губернского совета должно было сказаться быстрее. В приветствии минусинскому крестьянству, красноярские большевики писали:

«Только что полученная телеграмма из Минусинска сообщает, что минусинское крестьянство стало на путь революционной борьбы. Съезд крестьян Минусинского уезда принял решение, что вся власть в Минусинском крае должна принадлежать Совету крестьянских, солдатских, рабочих и казачьих депутатов. Нужно сознаться, что решение минусинского крестьянства является для нас приятной неожиданностью. Судя по результатам выборов в Учредительное собрание, где противники советской власти получили подавляющее большинство голосов, мы не надеялись, что минусинское крестьянство решится взять власть в свои руки. Это несоответствие между результатами выборов в Учредительное собрание и решениями крестьянского съезда можно объяснить только своеобразными условиями, при которых протекала предвыборная кампания в деревне. Наша партия не в силах была разослать везде людей и повести агитацию на всем пространстве губернии, в то время как партия эсеров повсюду имела готовых к ее услугам агентов, в лице чиновников всех категорий, враждебно настроенных к лозунгам нашей партии. Но съехавшиеся крестьяне после обмена мнений увидели, что политические лозунги нашей партии—это их лозунги, что власть советов—это их собственная власть. Жизнь за нас. Привет революционному минусинскому крестьянству. *Красноярский комитет РСДРП (большевиков)*».

Минусинская организация большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов, одержав победу над правыми эсерами на III съезде, сумели и в дальнейшем сохранить руководящее положение в деревне, поведя за рабочим классом бедняцко-середняцкие массы крестьянства на штурм твердынь капитализма.

Крестьянская политика Минусинской коммуны сводилась в основном к следующему: 1) осуществлять диктатуру пролетариата в Минусинском крае, опираясь всецело на поддержку бедняцко-середняцкой массы крестьянства; 2) вовлекать широкие бед-

няцко-середняцкие массы крестьянства в социалистическое строительство, образуя крестьянские советы из бедноты и середняков в селах и деревнях; 3) организовать работу советов таким образом, чтобы бедняцко-середняцкие массы крестьянства могли принять участие в государственном управлении; 4) всемерно защищать интересы деревенской бедноты, содействуя развертыванию классовой борьбы в деревне и все больше и больше ограничивая кулацкую эксплоатацию и эксплоататорские тенденции зажиточной части казачества.

Широкие массы крестьянства восприняли эти лозунги Коммуны, установили власть советов на местах и в дальнейшем с оружием в руках отстаивали завоевания Октябрьской революции. Насколько глубоко в сознание бедняцко-середняцкой массы проникла идея советов и социалистического преобразования сельского хозяйства, видно из того, что на протяжении почти всего периода существования Коммуны—от III съезда до раскола на VI съезде—не только беднота, но и подавляющая масса середняков проявляли большую самодеятельность и интерес к мероприятиям Коммуны.

Для характеристики активного участия бедняцко-середняцкой массы в деятельности Минусинской коммуны приведем наиболее выдающиеся факты. Вот, например, напечатанный в газете «Известия» *протокол крестьян, бывших фронтовиков, села Жеблахты Ермаковской* волости от 6 января 1918 г.

«Присутствовало—26 человек. При обсуждении решили единогласно организоваться, избрать из своей среды трех депутатов для введения их в сельский комитет. При обсуждении политического момента решили давать посильную поддержку революционным советам крестьянских, солдатских, рабочих и казачьих депутатов для борьбы с врагами трудового народа по первому призыву. Все единогласно решили послать привет Минусинскому революционному объединенному исполнительному комитету советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и пожелание успешно работать на пользу трудового народа».

Крестьяне села Мигны, образовав Совет крестьянских и солдатских депутатов, вынесли на заседании 18 февраля следующую резолюцию:

«Заслушав доклады товарищей Нагорных и Толстикова об организации Красной гвардии в селах Ермаковском и Разъезжинском, собрание постановило написать и отослать советам солдатских и крестьянских депутатов воззвание об организации советов и Красной гвардии и обещать им полную поддержку».

И мигнинцы выполнили это обещание. Они не только помогли организоваться революционным элементам деревни в своей волости, но и выдвинули также ряд активных работников в Минусинский совет (тт. Клешнина, Тупицина, Проневича), и, что особенно следует подчеркнуть, дали Минусинской коммуне один из лучших отрядов сельской Красной гвардии, который участвовал в походе против контрреволюционной банды казачьего атамана Сотникова и один из первых откликнулся на зов Коммуны в последние дни ее существования [1].

[1] Во время борьбы Совета с VII съездом, узнав, что город окружен белогвардейскими бандами, мигнинцы обратились с предложением в Военно-революционный штаб послать на помощь Минусинскому совету вооруженный отряд.

Особенный подъем и революционную стойкость бедняцко-середняцкие массы Минусинского края проявили в период ликвидации сотниковщины.

Как мы уже знаем, в целях мобилизации революционных сил и для оттяжки военного столкновения с казаками до получения оружия из Красноярска и Ачинска Минусинский совет, вынудив противника удачным стратегическим маневром к отступлению от города в село Каратуз, созвал V чрезвычайный крестьянский съезд. Этот съезд вовлек всю бедняцко-середняцкую массу деревни в вооруженную борьбу с контрреволюционным казачеством.

Наказы делегатам на съезд и резолюции последнего по вопросу о вооруженном вторжении в край казачьего дивизиона атамана Сотникова представляют исключительный интерес для характеристики активного участия минусинского крестьянства в борьбе за советскую власть, и потому мы считаем необходимым привести здесь некоторые из них полностью.

«*Наказ № 1.* Командированному делегату от *Ермаковского сельского совета* крестьянских, солдатских и рабочих депутатов в Минусинский совет, на съезд. Ивану Перфилову Васильеву. Все крестьяне и солдаты села Ермаковского желают всеобщего вооружения для борьбы с контрреволюцией от 18 до 40 лет в числе 400 человек с просьбой выслать оружие в таком числе: 2 пулемета и 400 винтовок; все расходы должны пасть на тех, кто вызывает контрреволюцию. Председатель Ермаковского сельсовета—*В. Чирков.* Секретарь—*Колоссовский*»[1].

«*Наказ № 2.* Собрание граждан и гражданок *деревни Копейской, Знаменской волости*, 12 февраля 1918 г., обсуждая текущий момент, выражает свое мнение в нижеследующем: 1. Казачество противодействует всеми мерами проведению в жизнь революционной России и потому его нужно упразднить навсегда. 2. Красную гвардию, как видно в среде ее находится много неблагонадежных товарищей, заменить вооружением всего населения[2]. 3. Вся власть должна принадлежать советам. Привет минусинскому собранию крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Да здравствуют трудящиеся всего мира! И да здравствует всенародная революция беднейших! Председатель *Сибиряков.* Тов. председателя *Кривоногов* и Секретарь *Коротаев.*

По непосредственности чувств, оригинальности мыслей и особой сочности языка сибирской деревни выделяется наказ крестьян деревни Абаканско-Перевозинской.

«*Наказ № 3.* Мы, граждане Енисейской губернии, Минусинского уезда, *Знаменской земской управы, деревни Абоканско-Перевозинской,* избирательного права от 200 голосов граждан и гражданок, даем наказ избранному нашему односельчанину М. Суденко, на общекрестьянский съезд на 15 февраля 1918 г.: 1) Передать власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 2) Всю власть и всю жизнь переделать сверху донизу самим народом, не дожидаясь сверху или из подполья, а взять в руки крепкие самого трудового народа и даже довольно желательно было бы, чтобы и в прочих странах прошли законы через сам народ. 3) Уничтожить всякое чиновничество, где бы оно ни приютилось—в суде, палате, банках, школах и церквах; заменить этих чиновников своими

[1] Этот и все остальные наказы крестьянским делегатам цитируются по газете «Известия» Минусинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов» за 1918 г.

[2] В составе Минусинской красной гвардии не было неблагонадежных товарищей и включение такого пункта в резолюцию может быть объяснено только проникновением контрреволюционной агитации правых эсеров и меньшевиков в среду бедняцко-середняцкой массы крестьянства.

выборными лицами, чтобы на место гнилых столбов и закладки поставить и перестроить все по-новому, чтобы старым духом рабским не пахло. Плохой поп—шкуру с живого и мертвого дерет—долой его; плохой судья—сменить его. Плохой писарь—руку богатого держит—долой его; словом, везде надобно людей поставить верных, хороших испытанных, чтобы верою и правдою народу служили бы. Так сделали товарищи рабочие и солдаты. И нам—крестьянам—надо итти за теми борцами, которые держатся всецело Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

На V чрезвычайном съезде бедняцко-середняцкие массы крестьянства решительно встали на путь вооруженной борьбы с контрреволюцией. Об этом красноречиво говорят приведенные выше постановления V чрезвычайного съезда.

Однако как ни велик был революционный подъем середняцкой части деревни на III съезде рабочих и крестьян и в период борьбы Минусинской коммуны с сотниковщиной, все же в дальнейшем середняк прежде всего вследствие ошибок Коммуны временно колебнулся в сторону кулачества.

Он заколебался в решительные, последние дни Коммуны, когда вся Сибирь оказалась в руках интервентов и белогвардейцев и когда в отдельных волостях Минусинского края стали получать перевес кулаки и контрреволюционное казачество. Наиболее темные отсталые элементы деревни стали прислушиваться к голосу кулаков еще на VI съезде, за 20 дней до падения Коммуны. Но сознательная часть середнячества дала в этот момент решительный отпор кулацкой агитации.

Беднота шла с Коммуной до конца. В тюрьме, на чехо-словацком фронте, в партизанских отрядах и нелегальных большевистских организациях 1919 г. деревенская беднота героически защищала советскую власть вместе с рабочим классом.

Общественные организации Коммуны

В своей борьбе с контрреволюцией Коммуна опиралась на профессиональные союзы края, о которых было сказано выше, на организации трудящейся молодежи, солдат-фронтовиков и увечных воинов.

Рабочая и крестьянская молодежь Минусинского края создала свою организацию—*Союз трудящейся молодежи*. Союз организовался[1] в обстановке ожесточенной классовой борьбы и саботажа городского учительства, которое, пользуясь своим господствующим положением в школе, сумело увлечь контрреволюционной агитацией значительную часть учащихся гимназии и реального училища.

[1] Официально Союз оформился в феврале 1918 г., хотя подготовительная работа среди молодежи началась еще до Октябрьской революции. Минусинский комитет большевиков вел работу среди рабочей молодежи, опираясь главным образом на небольшую большевистскую группу учащихся женской гимназии и реального училища, которая в дальнейшем составила большевистское ядро Союза. Первым председателем Союза был Иван Герасимов, занявший в тактических вопросах оппортунистическую позицию. Когда большевистское ядро завоевало большинство Союза, Герасимов был устранен от председательствования и вместо него был избран председателем Борис Сафьянов.

Желая отвлечь внимание учащихся средних школ от пролетарской борьбы, учительство, в противовес Союзу трудящейся молодежи, создало другую организацию—«Спортивно-просветительное общество молодежи». Между Союзом и этим обществом с первых же дней их образования возникла борьба за влияние на массу молодежи. Уже в воззвании инициативной группы трудящейся молодежи, помещенном в № 13 газеты «Известия» от 29 декабря 1917 г., выявляется эта борьба.

Воззвание говорит о том, что инициаторы Союза преследовали цель возможно шире охватить трудящуюся молодежь. Только этим и можно объяснить довольно расплывчатую формулировку задач Союза. Однако в дальнейшем Союз под руководством Минусинского комитета большевиков встал на боевую большевистскую позицию и являлся одной из самых активных и преданных делу Коммуны организаций. Члены Союза с оружием в руках защищали советскую власть во время контрреволюционного восстания казачества, вели энергичную борьбу с саботажем учительства в школах, а в последние дни Коммуны, войдя в боевые отряды Совета, готовы были умирать за дело Коммуны. Один из членов Союза т. Калеватов погиб в бою с казачьим отрядом при нападении последнего на город. Активный работник Союза Лаптев умер в колчаковской тюрьме, а редактор журнала и председатель Союза — Борис Сафьянов погиб в застенке колчаковской контрразведки.

Сафьянов Боря.

Председатель Союза трудящейся молодежи и редактор журнала «Юный социалист». Красногвардеец. Убит колчаковскими палачами в 1919 г.

Союз трудящейся молодежи издавал двухнедельный журнал «Юный социалист». В № 1 журнала, вышедшем 4 апреля 1918 г., деятельность Союза нашла достаточно полное отражение. В предисловии от редакции указывалось, что «Союз трудящейся молодежи задался целью создать такой печатный орган, который обслуживал бы интересы молодого пролетариата города и деревни». Передовица журнала, подписанная псевдонимом «Котомка», выявляла идейное направление Союза трудящейся молодежи.

«Мы,—писал Котомка,—должны опасаться тех сетей буржуазной морали, с помощью которой старались воспитать молодое поколение в духе шовинизма, устраивая различные союзы вроде бойскаутов... Приближается мировая социалистическая революция. Мы не должны стоять в стороне. Нам нужно как можно ближе подойти к тем обездоленным, которые несут всю тяжесть мировой войны... которые погибают по мановению волшебной палочки царя-капитала»..

В резолюциях Союза по вопросу о направлении деятельности и по текущему моменту, принятых 17 февраля 1918 г., большинство (49 при 1 воздержавшемся), высказалось за пролетарский, советский характер Союза; однако в резолюции еще подчеркивалось, что Союз является беспартийной организацией. Такое формально-беспартийное положение Союза вызывалось отчасти стремлением шире охватить широкую массу молодежи, политически еще неразвитую, отчасти же оно являлось следствием внутренней борьбы в самом Союзе. Внутри Союза, как мы уже упоминали, существовало большевистское ядро—Бузулаев, Липинская, Лаптев, Боря Сафьянов, Астанкова, Михайлова, Попов, Михаил Корсак, Калеватов и Федоров.

Липинская Ксения.

Член Минусинского комитета большевиков, активная работница Союза трудящейся молодежи.

Эти товарищи под руководством Комитета большевиков вели борьбу за превращение Союза в комсомол и в конце концов одержали победу. Уже на собрании 27 марта выявился перевес большевистской группы. Это отчетливо выступает между прочим в том, что представителями от Союза в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов были избраны: Попов, Бузулаев и Б. Сафьянов. Последний кроме того был введен в состав редакционной коллегии журнала «Юный социалист» и фактически стал редактором журнала. Приблизительно с апреля месяца Союз в целом стал вести работу по директивам партийной организации большевиков, а в последние дни Коммуны, когда из Союза были исключены Щербаков и другие правые элементы, Союз окончательно превратился в большевистскую организацию, которая по своим целям и характеру деятельности уже ничем не отличалась от комсомола. С этого времени между Союзом и партийной организацией большевиков устанавливается организационная связь путем включения в партийный Комитет представителя Союза. В последние дни Коммуны таким представителем являлась т. Липинская—член партии с 1917 г.

Минусинский союз увечных воинов с первых дней Октябрьского переворота стоял на твердой большевистской позиции и принимал активное участие в социалистическом строительстве и борьбе с врагами Коммуны. Союз дал Коммуне ряд работников, которые занимали в советских учреждениях руководящее положение. Председатель Союза Г. Лебедев стал после Октябрьского переворота командующим вооруженными силами Коммуны. Член Союза Глухих был начальником рабочей Красной гвардии. Член Союза Я. Корсак заведывал военным отделом Совета и являлся одним из самых активных и преданных делу пролетарской революции товарищей. Его перу

принадлежат воззвания Коммуны по военным вопросам. Он является автором положения о Сельской красной гвардии. Члены Союза Минько, Черкащин, Коль, Былинский и др. являлись членами Совета рабочих и солдатских депутатов и заведывали важнейшими отраслями работы. Когда под влиянием чехо-словацкого мятежа в Минусинском крае началось кулацко-казачье контрреволюционное движение и белогвардейские отряды повели наступление на Минусинск, Союз увечных воинов по-большевистски реагировал на события.

«13 июня 1918 г. в помещении Совета,—пишет газета «Известия» от 16 июня, № 129,—состоялось собрание Минусинского союза увечных воинов, которое вынесло по текущему моменту следующую резолюцию: «Обсудив вопрос о текущем моменте, после продолжительных прений, общее собрание, неоднократно заявляя о своей поддержке советской власти, постановляет 1) Стать на защиту Совета всем, кто может итти с оружием в руках, для чего открыть запись добровольцев из членов Союза. 2) Объявить в газетах призыв к товарищам встать на защиту своих прав. 3) Всеми мерами бороться с грязной агитацией контрреволюционеров против власти советов, разбивая словом и делом этот поход буржуазии и монархистов».

Таковы были силы, на которые опиралась Коммуна в борьбе с контрреволюцией, в борьбе за уничтожение капитализма и остатков крепостничества и переустройство жизни на новых социалистических началах.

Враги Коммуны

Кто противостоял Коммуне по ту сторону баррикады? О кулаках и контрреволюционном казачестве мы уже сказали. Частично коснулись и городского учительства, которое в массе своей принимало активное участие во всех белогвардейских выступлениях буржуазии и ее приспешников—правых эсеров, народных социалистов и меньшевиков.

Само собою разумеется, что у буржуазии, контрреволюционного казачества, белогвардейских офицеров, городского учительства и кулаков были свои политические организации. Организации эти первое время имели возможность легального существования. Больше того, враги Коммуны издавали газеты, занимали долгое время руководящее положение в городской думе, земстве и земельном комитете и занимались клеветническими измышлениями в печати даже тогда, когда их за контрреволюционную деятельность сажали в тюрьму. Либеральное отношение к своим врагам было самым слабым местом Коммуны.

Во главе Минусинской контрреволюции стояли три организации: *правые эсеры, блок кадетов, народных социалистов и плехановцев, и монархисты (черная сотня)*. В ненависти к советской власти, в стремлении поскорее уничтожить власть советов все эти группы действовали совершенно солидарно.

Эсеры издавали газету «Знамя труда», народные социалисты, плехановцы и кадеты—газету «Свобода и труд». Черносотенцы своей газеты не имели. Во власти эсеров долгое время находились земство и земельный комитет. Народные социалисты, плехановцы, ка-

деты и черносотенцы составляли большинство в городской думе. Земство и земельный комитет действовали непосредственно, городская дума большей частью через учительство и белогвардейские офицерские организации.

Выступления контрреволюционеров не прекращались в течение всего периода существования Минусинской коммуны, принимая временами форму открытого мятежа против власти советов. Во время наступления на Минусинск казачьего атамана Сотникова газета «Свобода и труд» поместила передовицу, которая начиналась так: «Ленинский пир во время чумы кончается, близится утро». А сам Сотников в письме к белогвардейскому офицеру Безрукову разоблачал участие правых эсеров, меньшевиков и кадетов в контрреволюционном восстании казачества.

Как отнеслись уездные комитеты эсеров и меньшевиков к этому заявлению бандита Сотникова,—уже известно: на предложение редакции газеты «Известия» заявить публично в печати о своем отказе от поддержки Сотникова и своих губернских комитетов, они ограничились лишь обещанием сделать такое опровержение.

Что же касается народных социалистов и кадетов, то это они, воспользовавшись уходом из города Красной гвардии для подавления сотниковского восстания, устроили контрреволюционный митинг и призывали на нем захватить Исполком и разгромить все учреждения Коммуны. Их план не осуществился лишь благодаря находчивости и выдержке оставшихся в городе членов Военно-революционного штаба (Плотникова, Катаева и Ин. Сафьянова), которые дали распоряжение вынести на улицу единственный имевшийся тогда в Минусинске пулемет и разогнать выстрелами в воздух толпу громил. И когда после этого случая главные ораторы контрреволюционного митинга плехановец Чибизов и эсер Троцкий были арестованы, минусинское городское учительство устроило забастовку, требуя освобождения арестованных.

Деятельность контрреволюционных организаций особенно усилилась после чехо-словацкого выступления. Поскольку к этому времени контрреволюционные дума, земство и земельный комитет были уже ликвидированы и заменены городским, земским и земельным отделами Совета, а контрреволюционные газеты «Свобода и труд» и «Знамя труда» были закрыты, контрреволюционеры перенесли центр своей работы на нелегальные белогвардейские организации. Эти последние стали усиленно развертывать свою деятельность в городе и в деревне, примерно, с начала июня 1918 г., после разгона VI крестьянского съезда. Они состояли главным образом из офицеров, казаков, а также буржуазной и кулацкой молодежи.

Во главе нелегальных белогвардейских организаций стояли офицеры Ефимов, Кушнарев, Мариев и др. Идейными вдохновителями их были кадет инж. Парватов [1], поп Владимир Кузьмин (народный

[1] В годы нэпа пробрался на ответственную работу в советские хозорганы и за деньги иностранных капиталистов занялся вредительством. Будучи соучастником известного вредителя Пальчинского, был арестован ОГПУ и осужден на 10 лет.

социалист), бывший председатель городской думы учитель Чибизов (плехановец) и правые эсеры: Добров Е., Злобина Л., Тарелкин П., Силин, Карцев и народный социалист Иван Барашков. Злобина являлась редактором газеты «Знамя труда». Эта газета до самого последнего момента занималась гнусными клеветническими измышлениями на советскую власть. Сопоставляя подлое вранье парижских эмигрантов, измышления палача барона Унгерна и писания эсерки Злобиной, не знаешь—кому из них отдать пальму первенства. Еще в марте месяце, задолго до выступления чехо-словаков, Злобина поместила в своей газете телеграммы о занятии Приморской области союзниками, о требованиях Временного правительства Керенского Иркутскому и Омскому совдепам, о разложении лучших отрядов Красной гвардии, которые в действительности под командой известного героя гражданской войны на Дальнем Востоке т. Лазо успешно ликвидировали в Забайкалье банды атамана Семенова.

Откровенно враждебную позицию все время занимала газета «Свобода и труд», орган народных социалистов, плехановцев и кадетов. Эта газета помещала клеветнические статьи контрреволюционера Бедро, имела связь с белогвардейским правительством Дона и Кубани и не отставала от «Знамени труда» в отношении «точной» информации. Редактором-издателем этой газеты был поп В. Кузьмин, который до революции слыл сторонником Иоанна Кронштадтского, обирал и развращал как миссионер хакасское население и проповедывал войну до победного конца. А после Февральского переворота стал лидером минусинской организации «народных социалистов». Такое уж было тогда время, что все прохвосты и политические авантюристы считали нужным приклеивать себе сбоку какой-либо социалистический значок «защитного цвета». Во время сотниковского мятежа поп В. Кузьмин бежал из Минусинска к хакасским феодалам и пытался через них организовать поддержку атаману Сотникову. Как уже отмечалось ранее, таштыпскими казаками, главным боевым отрядом атамана Сотникова, руководил тоже Кузьмин И., отец попа В. Кузьмина.

Каково было соотношение сил в момент Октябрьского переворота и в период от III съезда рабочих и крестьян до VI крестьянского съезда? Анализируя за этот период силы Коммуны и его врагов, следует притти к выводу, что перевес, и моральный и военный, был на стороне Коммуны. При этом следует отметить, что рост морального влияния и материальной военной силы Коммуны имел изогнутую кривую с наивысшей точкой во время ликвидации сотниковщины и самой низшей перед VI крестьянским съездом. Однако можно ли считать, что во время VI съезда у Коммуны уже не было достаточно вооруженных сил для борьбы и авторитет ее пал среди широких масс рабочего и крестьянского населения? Безусловно нельзя. Правда, значительная часть вооруженных сил и оружия была отправлена в Танну-Туву и на помощь Енисейскому губисполкому, но все же в распоряжении Коммуны в тот момент имелись данные для того, чтобы дать отпор белогвардейским бандам.

Одной из самых крупных ошибок Совета и Военно-революционного штаба было то, что они не учли серьезности положения и *со-*

звали VII крестьянский съезд, дав тем самым возможность контрреволюционерам собрать и организовать свои силы. Наряду с этим *причины поражения Коммуны* заключались: в общей политической ситуации в Сибири, захваченной интервентами; в колебаниях середняка, поддавшегося кулацкой агитации; в ошибках Коммуны, не проводившей четкой классовой линии в отношении кулаков, не разгромившей их, не переделившей имевшихся в крае церковных, помещичьих и части кулацких земель. Коммуна не сумела на деле организовать борьбу с кулацкой контрреволюцией. Характерно, что даже не была создана местная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Коммуна слишком много давала свободы своим врагам, увлекаясь демократическими иллюзиями и не применяя надлежащих репрессий к контрреволюционерам. В известной мере можно сказать, что *Коммуна стала жертвой не только интервенции, но и своей собственной мягкотелости*. Она пала, рассчитывая на то, что середняк скоро опомнится и вновь пойдет с рабочими и деревенской беднотой за партией большевиков.

Во всей своей деятельности Коммуна стремилась доказать середняку, что советская власть—это его власть, что рабочий класс даст ему освобождение от кулацкой и казачьей эксплоатации и предпочла лучше погибнуть в неравной борьбе с врагами, чем выступать против своего же колеблющегося союзника, который при изменившейся ситуации снова пойдет вместе с рабочим классом на борьбу за освобождение человечества от гнета капитализма.

Минусинская коммуна просуществовала 8 месяцев. За этот короткий промежуток времени она на деле доказала трудящимся массам преимущество советского строя и провела большую работу в области перестройки жизни на новых социалистических началах.

Национализация промышленности и новое промышленное строительство

После общей характеристики Минусинской коммуны 1917—1918 гг. перейдем теперь к оценке отдельных сторон ее деятельности, к оценке борьбы за укрепление диктатуры пролетариата в Минусинском крае и развертывание социалистического строительства.

Установив власть советов в городе и деревне, Коммуна главное внимание сосредоточила на вопросах национализации промышленности и организации советских хозяйств из бывших помещичьих экономий «Товарищества Алексеев и Четвериков».

Выше уже отмечалось, что национализации тех или иных промышленных предприятий обычно предшествовали два обстоятельства: во-первых, саботаж капиталистов, владельцев этих предприятий; во-вторых, обращение рабочих данного предприятия к Совету Коммуны с просьбой национализировать предприятие. Тов. Плотников в статье «Они вынуждают», помещенной в № 5 газеты «Известия», писал,

«что местные (минусинские) промышленники и предприниматели ведут открытую линию на сокращение работ, приостановку предприятий и т. д. Ото-

всюду слышится вопль о безработице, невыносимом положении рабочих. Администрация Изыхских копей морит рабочих голодом».

Эти каменноугольные копи находились в нескольких десятках километров от города, рабочие их поддерживали связь с Советом рабочих и солдатских депутатов с первых дней Октябрьского переворота; неудивительно поэтому, что они стали первым национализированным предприятием в крае.

Подобно Изыхским каменноугольным копям, Коммуной *были национализированы следующие предприятия:* медные рудники «Улень» и «Юлия», Черногорские каменноугольные копи, Владимировский (Колобовский) и Даниловский (Александровский) винокуренные заводы, солеваренный завод «Форпост», паровая мельница Донченко, типография и магазин «Сотрудник», торговые бани Солдатова и ряд других предприятий.

Из наиболее крупных предприятий края не были национализированы Ольховский золотой рудник, принадлежавший сибирскому миллионеру Иваницкому, и Абаканский металлургический завод. На Ольховском руднике, находившемся от города Минусинска в 214 километрах, в глухой Саянской тайге, было засилье меньшевиков, которые вошли в сделку с управляющим рудником инж. Мюсеревичем и не только противились национализации, но и имели наглость выступать в защиту Иваницкого, когда Минусинский совет конфисковал у него в пользу рабоче-крестьянского государства золото, пересылавшееся Сибирским банком за границу.

Что касается Абаканского металлургического завода, то здесь было такое положение: администрация в лице инж. Сергиева вела на заводе травлю коммунистов и советских работников, применяя провокационные приемы в отношении революционно настроенной части рабочих. Однако завод все же не был национализирован, главным образом потому, что Енисейский губернский исполком вел в то время переговоры с иностранным акционерным обществом (Южносибирское общество металлургических заводов) о сдаче Абаканского завода в концессию.

Деятельность Коммуны в области промышленности не ограничивалась национализацией существующих предприятий и дальнейшим их развертыванием. Еще в самый разгар гражданской войны *Коммуна приступила к новому промышленному строительству*. Промышленному отделу Совета было поручено разработать проекты постройки сахарного завода и спичечной фабрики, а также принять меры к созданию крупного кожевенно-обувного предприятия. Первым шагом в разрешении этого последнего вопроса было постановление пленума Совета о субсидировании минусинской сапожной артели. При активном участии нескольких членов Совета (рабочих депутатов Русина, бр. Фокиных, Мыльникова и др.) в Минусинске была создана крупная кожевенно-обувная артель, объединявшая основную массу рабочих и кустарей этого производства. Артель обратилась в Совет за субсидией на развитие дела. В Совете и Исполкоме голоса разделились: левые эсеры и часть беспартийных высказались за выдачу субсидии артели. Большевики возражали по принципиальным и практическим соображениям. Они

считали; что деньги надо дать не самой артели, которая все же не является чисто пролетарской организацией, а промышленному отделу Совета, проводившему национализацию промышленности и осуществившему кожевенную монополию в Минусинском крае. Пленум Совета по вопросу о субсидировании кожевенно-обувной артели 30 мая 1918 г. постановил:

«Отпустить в распоряжение промышленного отдела 30 тысяч рублей для развития кожевенно-обувного дела в крае с тем, чтобы после приступить к национализации минусинской кожевенно-обувной артели».

Всю работу по национализации промышленности Коммуна проводила через *промышленный отдел Совета*. Со времени своего образования (2 декабря 1917 г.) промышленный отдел постепенно расширял свои функции, соответственно меняя название. До 27 марта он назывался «комиссией по рабочему контролю», затем был преобразован в «отдел контроля над промышленностью», 6 апреля он переименовывается в «отдел промышленности» и наконец 16 мая преобразуется в «торгово-промышленный отдел». В таком развернутом виде отдел имел 5 подотделов: национализации промышленности, технико-строительный, горный, транспортный, торговый и по борьбе со спекуляцией.

Кроме промышленности и торговли в ведении отдела находилось и транспортное строительство. Советская власть в Минусинском крае получила в 1917—1918 гг. две недостроенные магистрали — Ачинско-Минусинскую железную дорогу (Ачминдор) и шоссейный тракт через Саянские горы в Танну-Туву. Обе эти дороги Коммуна приняла в свое ведение и изыскивала способы к их достройке. На Ачминдоре старая администрация вела провокационную работу, обвиняя рабочих дороги в расхищении имущества. Объединенный исполнительный комитет, обсудив этот вопрос и не согласившись с предложением администрации послать на дорогу отряд Красной гвардии из Минусинска, постановил:

«Принять все меры к тому, чтобы имущество дороги не расхищалось, для чего установить на станции Абакан охрану и контроль через посредство рабочих станции Абакан».

Для проведения мероприятий по достройке шоссейной дороги в Танну-Туву на нее был командирован Советом член Исполкома т. Пузанов Д.

Во главе промышленного отдела стоял техник Волков, высланный контрреволюционерами из Танну-Тувы за его симпатии к советской власти и работу в Совете рабочих депутатов. Отсутствие достаточных финансовых и материальных ресурсов, а также подготовленных для работы в промышленности советских пролетарских кадров, сложность и новизна дела создавали в работе промышленного отдела много трудностей, устранение которых было постоянной заботой Совета и Исполкома. Особенно остро встал вопрос о рационализации работы подотдела по управлению национализированными предприятиями после ликвидации сотниковского восстания. В этот период *Коммуна поставила национализацию промышленности и раз-*

вертывание нового промышленного строительства в основу всей своей хозяйственной деятельности. В связи с этим промышленный отдел был пополнен наиболее опытными работниками (Плотниковым А. и Кузнецовым Л.). Вопрос о национализации промышленности был поставлен в порядок дня VI и VII съездов, причем на последнем докладчиками по нему выдвигались зам. зав. отделом Л. Кузнецов и редактор газеты «Известия» М. Сафьянов. Только наступившая контрреволюция помешала Коммуне углубить и развернуть дело организации промышленности на новых социалистических началах. Но Коммуна стояла в этом отношении на правильном пути.

Земельная политика Коммуны

Мероприятия Минусинской коммуны по земельному вопросу заключались главным образом в следующем: 1) национализация крупных помещичьих экономий и превращение их в советские хозяйства; 2) борьба с кулачеством на почве разрешения конкретных повседневных земельных споров; 3) организация социалистического землеустройства; 4) содействие коллективизации сельского хозяйства; 5) устройство переселенцев и беженцев.

Овцеводческие, мериносовые экономии «Товарищества Алексеев и Четвериков» были национализированы в пользу рабоче-крестьянского государства в самом начале деятельности Коммуны. Национализация их освобождала не только местное крестьянство от капиталистической эксплоатации, но и представляла собой важнейшее мероприятие в отношении социалистической реконструкции сельского хозяйства. Выполняя постановление III съезда рабочих и крестьян края о конфискации имений «Товарищества Алексеев и Четвериков», Объединенный исполнительный комитет с самого начала резко поставил вопрос о превращении этих экономий в совхозы. Вся земля, постройки, сельскохозяйственные орудия, машины и прочий инвентарь, овцы, лошади, рогатый скот и прочее имущество отходили в собственность рабоче-крестьянского государства без каких-либо изъятий в пользу местного крестьянства, и должны были впредь до решения вопроса в центре управляться местными органами соввласти—Минусинским советом и исполкомом.

На IV съезде рабочих и крестьян края, происходившем в конце января 1918 г., огромное большинство делегатов съезда, состоявшее из крестьян, одобрило национализацию имений «Товарищества Алексеев и Четвериков». Все же из 400 делегатов 3 представителя высказались против передачи этих имений в собственность рабоче-крестьянского государства и настаивали на передаче скота и другого имущества экономий местным крестьянам. Эти три делегата являлись представителями как раз той волости—Новомихайловской, где находилась Алтайская экономия.

Стремление захватить эту экономию проявилось затем в том, что крестьяне Новомихайловской волости напали на Алтайскую экономию и расхитили часть находящегося в ней имущества. Однако вскоре крестьяне вернули все расхищенное, осознали свой поступок, прося Совет не судить их строго за разгром экономии. Следует

отметить, что раскаяние это было вполне искренним, так как впоследствии крестьяне Новомихайловской волости стали весьма бережно относиться к национализированному имуществу и до последних дней Коммуны поддерживали активно советскую власть, а когда она пала под напором чехо-словаков и кулацко-казачьих банд, то многие новомихайловцы пошли в партизанские отряды и больше года боролись за восстановление советской власти.

Если решение Коммуны о национализации имений «Товарищества Алексеев и Четвериков» и превращение их в советские хозяйства было правильным, то несомненной ошибкой ее было почти полное отсутствие мероприятий по мобилизации батрацких и бедняцких масс деревни на организованный захват земель, имевшихся в крае у кулачества, церковных, а также и немногочисленных помещичьих участков.

Вместе с обращением в совхозы наиболее передовых помещичьих хозяйств обязательно надо было передать в непосредственное пользование батраков, бедноты и середняков часть эксплоататорских земель, скота и инвентаря.

Поддерживая всемерно деревенскую бедноту, помогая ей отстаивать свои интересы в борьбе с кулачеством, Коммуна вместе с тем не смогла все же как следует развернуть работу по организации этой борьбы, чем способствовала ослаблению своих собственных позиций. Наиболее ярким доказательством этого положения является тот факт, что даже в станице Таштып, этом осином гнезде казачье-кулацкой контрреволюции, не было принято нужных мер против кулацкой эксплоатации. Следственная комиссия Совета, выезжавшая в Таштып для наложения контрибуции на богатых жителей станицы за их участие в мятеже Сотникова, установила вопиющие случаи эксплоатации и возмутительного отношения к бедноте со стороны богатых казаков, и поставила вопрос о расселении по всему Минусинскому краю таштыпских кулаков. Однако, несмотря на полную очевидность контрреволюционных настроений среди большинства таштыпского казачества, они были оставлены в покое и продолжали вести нелегальную работу в Таштыпе по организации белогвардейских отрядов.

Вообще, если не считать отмены решений кулацких сходов, роспуска кулацких сельсоветов и правой части VI съезда, Коммуна никаких запретительных мер против кулачества не предпринимала. Совет и Объединенный исполком, продолжая традиции III съезда, установившего власть советов в крае, старались бороться с кулацкими влияниями путем агитации и организации бедняцко-середняцкой массы крестьянства.

Еще хуже обстояло дело с проведением в крае декрета Совета народных комиссаров о социализации земли и социалистическом землеустройстве. До самого конца существования Коммуны не был учтен земельный фонд, не выявлены земельные излишки в крае, не отобрана земля от мелких помещиков, что видно из приведенной выше заметки «Наши помещики», которая была помещена в газете «Известия» 2 апреля 1918 г., т. е. уже после ликвидации сотниковского восстания.

Норма землепользования только была намечена и то лишь накануне VI съезда, т. е. за месяц до падения Коммуны. В постановлении Совета от 30 мая указывается:

«Выработанную специальной комиссией трудовую земельную норму в 33 десятины для семьи из мужа и жены утвердить для доклада крестьянскому съезду».

Мы уже знаем, что на VI и тем более на VII съездах этого вопроса не рассматривали и не могли рассматривать вследствие кулацкого выступления. Таким образом важнейший вопрос об установлении нормы трудового землепользования в крае так и остался нерешенным. Намеченная комиссией норма в 33 десятины для двух трудоспособных членов семьи была чрезмерно большой и находилась в противоречии со всей остальной классовой политикой Коммуны. И если Совет все же согласился с нею, то лишь потому, что не хотел перед VI съездом обострять отношений с крестьянской секцией, которая высказалась за такую норму.

Крупное место в земельных мероприятиях Коммуны занимал вопрос об устройстве в крае беженцев и переселенцев. Продовольственные затруднения, с одной стороны, захват советских территорий на Украине, Белоруссии и Северном Кавказе, с другой—создали в 1917—1918 гг. большое беженское и переселенческое движение, которое по преимуществу направлялось в южные хлебородные части Сибири. Вместе с тем, как уже отмечалось, в Минусинском крае благодаря политике царизма имелись значительные слои населения—разночинцы (иногородние) и батраки, которые жили в деревнях, но не имели земельных наделов и подвергались жесточайшей эксплоатации со стороны кулаков. Особенно тяжелым было положение таких безземельных в богатых казачьих станицах—Таштыпе, Каратузе, Моноке и др.

Наряду с этим остро стояла проблема расселения и землеустройства крестьян, наделенных при царизме плохой землей или в недостаточном количестве.

Все эти беженцы, переселенцы, безземельные и расселенцы представляли собой массу в несколько десятков тысяч человек, и устройство их являлось делом совершенно неотложным. Вопрос о них, также как и о норме землепользования в крае, был поставлен во всей широте перед VI съездом, но по причине, уже указанной ранее, не получил разрешения.

О явной ошибке Коммуны в области ее земельной политики наглядно свидетельствует газета «Известия». В номере 98 от 30 апреля была помещена статья М. Кайского «Очередные вопросы деревни».

«Делами в сельских советах,—пишет М. Кайский,—заправляют состоятельные крестьяне, которые еще крепко держатся за частную собственность и сохранение земельных наделов в возможно большем размере. Какие бы наделы ни существовали в селениях, вы всегда услышите один и тот же ответ: свободной земли у нас не имеется и принять переселенцев мы не можем. Если где и наделяют землей новых пришельцев, то последним это стоит большого труда и наделы им обыкновенно даются небольшие, урезанные у тех, кто по бедности своей не может использовать своего надела полностью. Никакой определенной нормы землепользования у нас не существует, вследствие чего мы лишены возможности ска-

зать, имеются ли у нас свободные земли или нет. А знать это крайне необходимо. Когда норма землепользования будет определена и согласно ей будет наделено землей наличное крестьянское население, то весьма возможно, что окажутся остатки земли, которыми могут быть удовлетворены не только беженцы-переселенцы и крестьяне голодающих волостей, но и лица, желающие заняться земледелием впервые. Из этих же остатков получат дополнительные наделы и *образующиеся в настоящее время в Минусинском крае сельскохозяйственные коммуны, целью которых является на опыте показать возможность истинно трудового сотрудничества в области хозяйства. Основные наделы для таких коммун должны даваться за счет урезки земли у наиболее состоятельных крестьян тотчас по утверждении коммун Минусинским советом».*

В этой цитате отчетливо выявляются грубые ошибки земельной политики Коммуны, о чем мы уже достаточно говорили. Она показывает нам также и то, что Коммуна, имея в поле зрения коллективизацию сельского хозяйства, не увязывала борьбу за создание сельскохозяйственных коллективов с борьбой за овладение помещичьими и кулацкими землями.

Как пример того, как проводилась коллективизация сельского хозяйства можно будет привести следующее постановление земельного отдела Минусинского совета.

Рассмотрев заявление граждан, проживающих в деревне Новокурской, Бейской волости, о наделении их землей по трудовой норме на бывшем прииске наследников Барташева для образования на этом участке земледельческой коммуны, земельный отдел Минусинского совета вынес 31 января 1918 г. следующее постановление:

«1) мотивы Хакасской Аскызской управы о препятствии к поселению на этих участках просителей только потому, что переселенцы (коммунары) будут затаптывать имеющуюся там канаву, считать неуважительными, 2) прииски Михайловский и Петровский, согласно отношения окружного инж. Минусинского горного округа, считать выработанными и потому совершенно свободными для поселения; 3) поселение на этих участках просителям разрешить, обязав их не затаптывать имеющейся хакасской оросительной канавы; 4) окончательное установление грани трудового отвода поручить специалистам в рабочий период; 5) предоставить просителям в пользование имеющиеся на приисках постройки, обязав просителей взять на свою ответственность их сохранность с тем, чтобы была представлена в кратчайший срок земельному отделу возможно полная опись всего недвижимого имущества приисков; 6) приходящая в разрушение церковь приисков только в крайнем случае может быть употреблена на иные, кроме религиозной цели, но притом так, чтобы этим не могло быть оскорблено религиозное чувство окрестного верующего населения; 7) переселенцы-коммунары, согласно личного их заявления, обязываются оказывать законное содействие охране лесных дач, прилегающих к их участку».

Несмотря на проблески принципиально выдержанных классовых решений, в общем земельная политика Коммуны не получила необходимого размаха и не имела четкой классовой линии. Конечно не может служить оправданием этого то, что Коммуна существовала всего лишь восемь месяцев, которые прошли в напряженной гражданской войне с буржуазией города, кулачеством деревни и контрреволюционным казачеством. Именно для успеха борьбы надо было прежде всего правильно разрешить земельный вопрос. Грубейшую ошибку в области земельной политики Коммуны иллюстрирует также ее неумение на деле организовать борьбу с эсеровским влиянием на крестьянство. Земельный отдел Совета стал осуществлять земельную политику Коммуны только после 1 апреля. До этого

в Минусинске существовал эсеровский земельный комитет, который, как известно, не только саботировал решения Совета и Объединенного исполкома, но и открыто выступал против закона о социализации земли и других декретов центральной советской власти.

С упразднением земельного комитета и организацией земельного отдела Совета положение изменяется к лучшему. Земельные вопросы становятся в центре внимания Коммуны, им уделяется уже больше времени в Совете, Исполкоме и в печати.

Земельными вопросами специально занималась крестьянская секция Совета, которая однако не всегда проводила правильную пролетарскую классовую линию в земельном вопросе. Несмотря на это, контрреволюционер Ветров, которому штаб белогвардейских отрядов поручил составить доклад о деятельности Минусинского совета и его отделов, так характеризирует деятельность земельного отдела:

«Вообще во всей деятельности отдела замечается односторонняя, чисто большевистская политика, причем вина за нее может только частично быть возложенной на намеченный состав отдела, во всей же тяжести она должна быть возложена на идейных руководителей отдела, дававших соответствующие инструкции, но не принимавших открытого участия в решениях отдела.

Столь лестная характеристика, даваемая врагом революции земельному отделу, не вполне совпадала с действительностью. Половинчатость и все другие недостатки земельной политики Коммуны в значительной мере могут быть объяснены составом земельного отдела. Во главе столь ответственного отдела, как земельный, стояли оппортунистически настроенные депутаты Совета—Алексеев и Метельский, которые в решительный момент деятельности Коммуны изменили ей, перейдя в лагерь врагов, оказавшись по существу кулацкими агентами.

Финансовая политика Коммуны

Гораздо более выдержанной в пролетарско-классовом отношении и продуктивной в смысле эффективности мероприятий была финансовая политика Коммуны. Эту политику проводил финансовый отдел Совета.

Финансовый отдел, возникший тотчас после окончания III съезда, за 6½ месяцев своего существования провел большую работу. Начав с конфискации золота Ольховских рудников и контроля над частными акционерными банками, в которых господствующее положение занимал иностранный капитал, финансовый отдел сосредоточил в дальнейшем свое внимание на регулировании вкладов и выдач в кредитных учреждениях, контроле за расходованием народных средств, разрешении денежных затруднений и главное на изыскании средств для проведения мероприятий, обеспечивающих социалистическое строительство и военные нужды Коммуны. Финансовый отдел полностью подчинил себе государственное казначейство, поставив туда своего комиссара. Деятельное участие принимал финансовый отдел и в национализации промышленных предприятий, финансируя последние и реализуя продукцию их. По ини-

циативе финансового отдела была проведена в крае монополи на золото и разработан проект о принудительном займе у капиталистов.

Национализация банков в Минусинске не была осуществлена главным образом потому, что Губисполком медлил с организацией отделения государственного банка, к которому должны были перейти фонды и клиентура национализированных банков.

В вопросе об изыскании средств Коммуна проводила через финансовый отдел твердую классовую линию. Средства собирались с буржуазии и кулачества путем налогов на сверхприбыль, штрафов за спекуляцию и винокурение и в виде контрибуций за контрреволюционные выступления. Насколько сильно финансовая политика Коммуны задевала интересы буржуазии показывают взгляды контрреволюционеров на работу финансового отдела. Уже цитированный выше Ветров в своем отчете о деятельности Минусинского совета пишет:

«При изыскании источников средств финансовый отдел строго проводил в жизнь принцип, что вся тяжесть новых налогов и обложений должна падать на состоятельный класс буржуазии, а все капиталы, нажитые капиталистами во время войны, подлежат беспощадному обложению».

Твердая и выдержанная в классовом отношении финансовая политика дала Коммуне возможность выйти из острых финансовых затруднений, несмотря на частые перерывы сообщения с центром и хозяйственные потрясения, вызванные гражданской войной в Минусинском крае. Некоторую роль в улучшении финансового положения сыграла также и контрибуция [1], наложенная Коммуной на контрреволюционное казачество за его участие в сотниковском восстании. Она собиралась деньгами, товаром, скотом и прочими продуктами сельского хозяйства и шла главным образом на расходы по народному образованию и медико-санитарному обслуживанию трудящегося населения края. Со стороны рабочих, деревенской бедноты и даже всей середняцкой массы крестьянства контрибуции на контрреволюционеров вызвали самое горячее сочувствие и одобрение; наоборот, буржуазия и эсеровски настроенная интеллигенция старались использовать контрибуции в целях контрреволюционной агитации.

Регулирование торговли и продовольственная политика Коммуны

Частная торговля не была упразднена, но Коммуна создала для нее весьма серьезные ограничения. Спекулянтское жало городского купечества и деревенских торгашей было основательно прищемлено. Коммуна регулировала отпускные цены на товары, устанавливала норму отпуска товаров и продуктов рабочим и трудящемуся населению и вела решительную борьбу со спекуляцией, налагая штрафы, конфискуя товары и в случаях особо злостной спекуляции—совер-

[1] Кроме контрибуции с таштыпских казаков была взыскана контрибуция с контрреволюционеров-казаков с. Каратуз.

шенно запрещая торговлю. Коммуна не ликвидировала частной торговли потому, что в ее распоряжении не было свободных капиталов для организации государственной торговли, а кооперация была слаба в финансовом отношении и кроме того она находилась во власти меньшевиков, которые, насколько было в их силах, тормозили социалистическое строительство в области распределения продуктов и саботировали борьбу с частным капиталом.

Выше мы уже отмечали, что в Минусинске долгое время при советской власти продолжала действовать продовольственная управа, образовавшаяся еще в период Февральской революции. Объединенный исполком имел в управе своих представителей. Но, несмотря на это, управа продолжала вести самостоятельную линию, зачастую саботируя мероприятия Совета и Исполкома в области продовольствия и регулирования частной торговли. В самом начале своей деятельности Объединенный исполком наметил проведение важнейшего мероприятия по продовольствию—хлебной монополии. По волостям было разослано об этом извещение, и некоторые волости сразу же откликнулись на призыв советской власти о хлебной монополии.

Катаев Елисей.

Тов. председателя Совета и Военно-революционного штаба. Руководитель продовольственного отдела и комиссии по национализаций овцеводческих хозяйств.

Однако продовольственная управа не использовала этих благоприятных настроений крестьянской массы. Ссыпных пунктов она не открывала, а занималась бюрократическим бумагописанием и тратой времени на бесконечные заседания. С частниками-спекулянтами управа борьбы не вела; наоборот, она стремилась войти с ними «в полный контакт», привлекая их в качестве контрагентов по заготовкам мяса, хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции. Все это заставило Объединенный совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ликвидировать продовольственную управу и создать вместо нее свой продовольственный отдел, который осуществлял бы диктатуру пролетариата в продовольственном деле. Такой отдел был создан 18 января, незадолго до начала сотниковского восстания. Председателем его был назначен (по совместительству) один из наиболее энергичных и способных работников Коммуны крестьянский депутат т. Катаев Е., который перед этим успешно провел национализацию овцеводческих экономий «Товарищества Алексеев и Четвериков». Работая в продовольственном отделе до последних дней существования Коммуны, т. Катаев одновременно являлся заместителем председателя Минусинского объединенного совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Такая нагрузка, понятно, не давала ему воз-

можности уделять много времени работе продовольственного отдела, и от этого она бесспорно страдала.

Вопрос о хлебной монополии во всех деталях обсуждался на IV съезде рабочих и крестьян края, и по нему было вынесено утвердительное решение. Но начавшаяся борьба тотчас после IV съезда с атаманом Сотниковым приостановила подготовительную работу по проведению хлебной монополии. Когда же борьба окончилась, то продовольственная политика советской власти в Сибири была уже иная: вместо хлебной монополии выдвинулся новый лозунг— продовольственный товарообмен. У Минусинской коммуны, которая всегда находилась в затруднительном положении в отношении сборов хлеба и налогов с крестьянского населения, не было никаких оснований возражать против замены монополии товарообменом. После ряда подготовительных мероприятий, которые благодаря саботажу союза кредитных товариществ и инертности потребительской кооперации проводилась в весьма трудных условиях, продовольственному отделу все же удалось сдвинуть дело товарообмена с мертвой точки. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, прибытие в Минусинск крупной партии промтоваров и, во-вторых, приезд членов Губисполкома тт. Боград, Демидова и Ады Лебедевой. Стали повсюду открываться ссыпные пункты, хлеб начали подвозить к пароходным пристаням, среди бедняцко-середняцкой части крестьянства пробудился интерес к товарообмену.

Хлеб и прочая продукция сельского хозяйства, заготовлявшаяся продовольственным отделом, шла на удовлетворение следующих нужд: а) снабжение рабочих центров страны, б) обеспечение продовольствием рабочих и красногвардейских отрядов Красноярска, в) снабжение копей и рудников Минусинского края, г) обеспечение продовольствием беженцев, учителей, семей солдаток и бедняцкой части населения тех волостей, которые пострадали от неурожая в 1917 г., и д) обеспечение семенным фондом посевной кампании 1918 г.

Проведению товарообмена, на расширении которого энергично настаивал Губисполком, все время мешало развившееся в крае еще за годы империалистической войны самогонокурение. Самогонка истребляла массу хлеба, развращала отсталые слои крестьянского населения. Исполком на заседании 19 апреля 1918 г. по докладу члена Губисполкома Селезнева вынес следующее постановление по данному вопросу:

«1) признать, что самогонка является злом, трудно искоренимым (листовками и воззваниями здесь ничего не поделаешь); 2) на основании решений съездов рабочих и крестьян предписать военному отделу организовать летучий отряд красногвардейцев с представителями административного отдела; 3) отряду немедленно отправиться в указанные т. Селезневым районы для самой беспощадной борьбы с самогонщиками и виноторговцами, налагая на них беспощадные меры вплоть до ареста и конфискации имущества; 4) подвергать штрафу сельские общества, которые решили гнать самогонку и не желают по требованию представителя летучего отряда уничтожить торговлю и выгонку; 5) все ценные части аппаратов доставлять в Минусинск за счет самогонщиков, у которых они конфискованы».

Это постановление неуклонно проводилось в жизнь до самых последних дней Коммуны и вызывало симпатии большинства крестьян-

ского населения. Однако самогонщики были очень недовольны таким оборотом дела, и часть из них потом присоединилась к контрреволюционным бандам, организовавшимся для свержения советской власти в крае.

При проведении товарообмена Минусинский совет руководствовался положением о товарообмене, принятым чрезвычайным продовольственным съездом Западной Сибири и Урала 21 апреля 1918 г.

Борьба со спекулятивной торговлей промтоварами и продуктами питания, а равно ликвидация самогонокурения давали вполне определенный эффект не только в деле уничтожения злостных проявлений эксплоатации трудового населения и обеспечения продовольствием и семенным фондом нуждающихся, но и в финансовом отношении. Штрафами со спекулянтов и самогонщиков Исполком собирал большие суммы денег, которые шли на покрытие военных и управленческих нужд Коммуны. Вместе с тем конфискация товаров у спекулянтов и имущества у самогонщиков создавала товарные фонды для организации советской государственной торговли. До образования продовольственного отдела отобранные у спекулянтов и самогонщиков товары и прочее имущество поступали для распределения в кооперацию. В дальнейшем продовольственный отдел стал концентрировать у себя конфискованные товары и имущество. Эти товары использовались продотделом для планового снабжения рабочих, красногвардейцев, советских служащих, учителей, или шли в товарообмен на продукты сельского хозяйства, главным образом на хлеб. Наряду с использованием конфискованных товаров продотдел оставлял у себя для реализации часть получаемых из центра товаров. *Все это создавало предпосылки к развертыванию советской государственной торговли. И последняя несомненно получила бы в Коммуне развитие, если бы этому не помешала контрреволюция.*

Торговая и продовольственная политика Коммуны не только встречала сочувствие у *большинства* крестьянского населения, которое до революции жестоко эксплоатировалось частным торговым капиталом, но и активизировала деятельность сельских советов на местах. Выше уже приводились случаи, когда сельсоветы выступали инициаторами разоблачения спекулянтов—торговцев промышленными изделиями или продуктами питания. Некоторые сельсоветы не ограничивались сообщением сведений Минусинскому совету, а непосредственно сами осуществляли взыскание штрафов за спекуляцию, самогонку и контрреволюционные выступления.

Однако если крестьянство и рабочая масса весьма сочувственно относилась к торговой и продовольственной политике Коммуны, то того нельзя сказать об интеллигенции, работавшей в кооперации. *Кооперация поддерживалась Советом* и Исполкомом, ей передавались конфискованные у спекулянтов и контрреволюционеров товары, на нее возлагались ответственные задачи по снабжению населения промтоварами и по заготовкам продукции сельского хозяйства, *но она до самого последнего момента не смогла перестроить своей работы так, чтобы превратиться в снабженческий орган пролетарской диктатуры.* Одной из причин этого явления было то, что большевики

не имели времени работать в кооперативных организациях, а засевшие там меньшевики Тульников, Фрейман и др. следовали по стопам правых эсеров и занимались скрытым саботажем.

Перед VI крестьянским съездом продовольственный вопрос встал особенно остро. Надо было усилить заготовки продовольствия для Красной гвардии, выступившей на борьбу с чехо-словаками, обеспечить посевным материалом деревенскую бедноту, дать помощь голодающим, улучшить снабжение рабочих национализированных предприятий. На основе опыта проделанной работы продовольственный отдел разработал целую систему мероприятий по усилению товарообмена, борьбе со спекуляцией и самогонокурением и должен был на VI съезде сделать об этом подробный доклад. Кулацкое выступление помешало этому. Продовольственный вопрос был перенесен на VII съезд, где он не обсуждался. Таким образом продовольственная политика Коммуны не имела возможности полностью развернуться и найти свое завершение в стройной системе законченных мероприятий.

Народное образование и борьба с контрреволюционным учительством

Деятельность Коммуны в области народного образования определялась классовым содержанием диктатуры пролетариата и развивалась в чрезвычайно трудных условиях. Школа в Минусинске являлась ареной ожесточенной классовой борьбы. В предыдущих главах книги приводилось достаточно примеров, подтверждающих это положение. Городское учительство с первых дней Октябрьского переворота стало по другую сторону баррикады, и эту свою контрреволюционную роль выполняло до самого конца. Под влиянием городского учительства находились руководящие органы профессионального союза учителей. Членами правления союза были лица, возглавлявшие, как выяснилось впоследствии, нелегальные белогвардейские организации.

Сельское учительство довольно резко отличалось от городского: за исключением незначительной группы контрреволюционеров, бóльшая часть его была аполитичной; меньшая разделяла программу партии большевиков, активно участвовала в строительстве и борьбе Коммуны с врагами и выделила из своей среды ряд руководящих советских работников, как Непомнящего, Гидлевского, Катаева и Проневича.

Контрреволюционная группа городского учительства возглавлялась Чибизовым, Троцким, Ефимовым, Богачевым, Силиным и Барашковым И., которые не только являлись лидерами контрреволюционного учительского союза, но и наряду с другими возглавляли все контрреволюционное движение в крае.

Причина контрреволюционных настроений городского и в незначительной части сельского учительства заключалась в тесной связи большинства учителей с буржуазно-кулацкими элементами, в материальной зависимости от буржуазии города и кулачества деревни, а также в разлагающем влиянии партии правых эсеров, которая еще в революцию 1905 г. свила себе гнездо среди минусинского

учительства. Отчасти имело значение и то обстоятельство, что многие учителя, попав во время германской войны на военную службу, сделались прапорщиками, подпоручиками и поручиками и им не хотелось теперь расставаться с погонами и с положением «его благородия».

Борьбу с Советом контрреволюционное учительство начало вести с момента, установления в Минусинске диктатуры пролетариата. В Октябрьские дни в городе была объявлена учительская «забастовка», в которую Чибизовы и Троцкие сумели втянуть учащихся средних учебных заведений. «Забастовка» окончилась через несколько дней провалом: школы по требованию Совета были открыты. Но после этого начался скрытый саботаж, выразившийся в игнорировании постановлений Исполкома и Совета и в контрреволюционной работе среди учащихся средних учебных заведений.

Во время наступления на Минусинск казачьего атамана Сотникова этот саботаж снова перешел в открытое выступление. Руководители учительского союза приветствовали наступление атамана Сотникова на Минусинск. В момент похода Красной гвардии на Таштып, когда в городе было объявлено военное положение, Чибизов и Троцкий устроили контрреволюционный митинг, на котором призывали захватить врасплох Исполком и оставшихся в городе членов Военно-революционного штаба. Когда организаторы митинга были арестованы, городское учительство, требуя освобождения их, объявило вторую политическую «забастовку». Эта забастовка длилась более двух месяцев, вплоть до учительского съезда 11—18 мая 1918 г. В нее была втянута значительная часть учащихся реального училища и женской гимназии.

Большевистски настроенная группа учащихся реального училища резко протестовала против контрреволюционной политики учительства и поместила в газете «Известия» следующее письмо в редакцию:

«Товарищ редактор, не откажите дать место следующему письму. 27 марта с. г. в помещении реального училища было назначено собрание учащихся г. Минусинска. Мы, нижеподписавшиеся, как учащиеся, имеющие право голоса на общих собраниях учащихся, желали присутствовать на данном собрании. По открытии собрания было внесено предложение сделать собрание закрытым. Предложение было принято. Затем вносится второе предложение о том, чтобы сделать собрание закрытым также и для учащихся, не согласных с «забастовкой», причем второе предложение также принимается. Таким образом собранием принято предложение сделать заседание закрытым для несогласного меньшинства, для чего большинство не постыдилось отстранить от решения вопроса и лишить права голоса это несогласное меньшинство. И это сделало то большинство, которое заявляло не раз, что оно бастует против якобы попрания демократических принципов. То большинство, которое все время вопило о несправедливости советской власти. Пусть отныне будут ясны каждому честному демократу вся ложь и лицемерие саботажников. Дети буржуазии, начиненные буржуазными же тенденциями, вложенными старой школой, в настоящий момент встали на путь борьбы с народной властью и демократизацией школы. Напрасно стараетесь, г-да саботажники. Ваша песенка спета. Будущее не за вас.

Борис Сафьянов, Михаил Корсак, Р. Корсак, Михаил Токарев».

Организатором второй учительской «забастовки» был офицер Ефимов, ставший впоследствии во главе белогвардейской банды,

наступавшей на Совет во время VII съезда. Первое выступление этого демагога, организатора и вождя минусинских белогвардейцев, отмечено в протоколе заседания родителей учащихся приходских школ города Минусинска. Заседание происходило 27 марта 1918 г. Оно было созвано по случаю «забастовки», объявленной учителями. На заседании присутствовало более 200 человек.

«Оратор, учитель Ефимов,—говорится в протоколе,—указал на то, что советская власть издала якобы декрет о призыве в Красную гвардию учащихся от 18-летнего возраста для похода против Сотникова, потому и был взят гражданин Чибизов, что он протестовал против «декрета рабоче-крестьянского правительства». В заключение Ефимов предложил «протестовать против Совета и вынести резолюцию, чтобы немедленно выпустили Чибизова». Собрание родителей дало отпор Ефимову; оно потребовало от учителей в самой категорической форме, чтобы они «дали ответ—будут или нет продолжать учить».

Спустя два месяца во время VI крестьянского съезда этот же Ефимов руководил контрреволюционным выступлением. Газета «Известия» в № 120 от 5 июня 1918 г. поместила хроникерскую заметку по поводу издевательств над рабочими делегатами на заседании кулацкой части VI съезда. В этой заметке говорилось:

«Речь представителя рабочих т. Булышева была встречена смехом и оскорбительными выкриками со стороны деревенских кулаков и городской буржуазии. Некоторые участники заседания, *руководимые черносотенным учителем Ефимовым*, обвинявшимся в начале переворота в провокации, выразили сомнение, что заявление Булышева исходит от массы рабочих. Тогда рабочие, стоявшие на улице, объявили, что они все войдут в помещение театра, если съезд не верит Булышеву. Это конечно заставило черную сотню прикусить языки».

«Забастовка», объявленная учителями по поводу ареста Чибизова и Троцкого, вынудила Минусинский совет уволить забастовщиков и приступить форсированным порядком к реорганизации школы на новых социалистических началах. В середине марта был создан при Совете отдел по народному образованию, во главе которого был поставлен член комитета минусинской организации большевиков и член Военно-революционного штаба т. Непомнящий Н. По установившейся в Совете традиции руководящие работники Коммуны обычно занимали должности не председателей отделов, а секретарей. Непомнящий формально являлся секретарем отдела, но фактически был его руководителем. Председателем отдела был избран Советом т. Клешнин Ф., крестьянский депутат от Ермаковской волости. Тов. Клешнин сразу же проявил на работе большую активность и оказался в дальнейшем одним из немногих крестьянских депутатов, которые в решительную минуту не изменили Коммуне, остались с рабочими, когда большинство крестьянской секции Совета пошло просить кулацкой милости на VII съезд.

Совет дал отделу по народному образованию директиву создать в виде опыта несколько советских школ, провести классово идеологический отбор среди городского учительства и по возможности полностью охватить своим влиянием сельское учительство, которое в массе своей не было враждебно настроено к советской власти.

Отдел по народному образованию обратился к сельскому учительству с воззванием, в котором указывалось, что

«Советская власть в Минусинске берет, по примеру других городов, в свои руки все области народной жизни. Одной из наиболее важных отраслей народной жизни является область народного образования. Ясно, что и эта область не может оставаться вне власти трудового народа, поэтому Минусинским советом организован особый отдел по народному образованию, который должен ведать всеми делами учебных заведений Минусинского края».

Упор в воззвании был сделан на плохое материальное положение учительства и имеющиеся возможности улучшить его. Чтобы повести сельское учительство за собой, отделу по народному образованию надо было в тот момент ухватиться именно за это звено. Другого пути вырвать сельское учительство из-под влияния контрреволюционеров и саботажников у отдела тогда не было.

Одновременно отдел приступил к реорганизации школы. Учительская забастовка привела к закрытию в городе всех средних и низших учебных заведений. Ввиду отказа учителей подчиниться требованию Совета о прекращении забастовки, была приостановлена выплата им жалованья и было объявлено об их увольнении. Приступая к открытию *новых советских школ*, отдел по народному образованию не имел еще своих подготовленных кадров учителей. Поэтому он вынужден был обратиться к старым педагогам с предложением подать заявления при условии, если они «желают работать совместно с Советом». В № 71 газеты «Известия» от 29 марта 1918 г. было помещено следующее объявление:

«Отдел по народному образованию доводит до сведения всех учителей гор. Минусинска и уезда, что, открывая школы на новых демократических началах в гор. Минусинске, он предлагает всем педагогам, желающим работать совместно с Советом, в самом непродолжительном времени подать заявления на открывающиеся вакансии в городе. Председатель Клешнин, секретарь Непомнящий».

Приглашением учителей подавать заявление о работе в новых советских школах отдел преследовал еще и другую цель. Он предполагал таким путем провести среди городского учительства классово-идеологический отбор и тем самым выполнить директиву Совета. Городские учителя, запуганные Ефимовым, Богачевым и другими контрреволюционными заправилами из учительского союза, не откликнулись на это предложение. Однако это не сорвало работы Совета в области организации народного образования на новых социалистических основах. 7 апреля в газете «Известия» появляется второе извещение отдела по народному образованию об открытии в Минусинске первой советской школы. Несмотря на злопыхательство, наглую ложь контрреволюционеров и их призывы к населению не посылать детей в новые советские школы, желающих учиться оказалось так много, что отдел должен был через десять дней открыть еще шесть новых советских школ, о чем также было объявлено через газету «Известия». Вот текст этого объявления:

«В виду того, что поступило очень много заявлений родителей о желании продолжать обучение детей, с 19 апреля открывается еще шесть советских начальных школ. Запись производится в помещении бывших приходских школ ежедневно с 9 часов утра. Отдел по народному образованию Минусинского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Семь новых советских школ требовали педагогов, стоявших на платформе советской власти. Как вышел отдел из этого положения при наличии саботажа со стороны учительского союза, который объявил места в советских школах под бойкотом? Отдел по народному образованию обратился за помощью к парторганизации, Совету и Союзу трудящейся молодежи. Парторганизация и Союз молодежи выдвинули в новые советские школы до десятка товарищей, чем и было обеспечено открытие школ.

Работа отдела по охвату своим влиянием сельского учительства и открытие в городе советских школ проходила в атмосфере напряженной борьбы с учительским союзом. Уволенные за «забастовку» городские учителя продолжали борьбу с Советом в самых различных формах. Они вели контрреволюционную агитацию среди учащихся, родителей и вообще городского населения, распускали клеветнические слухи про Совет и отдел народного образования, узурпировали не принадлежавшие им права в области народного образования. В № 74 газеты «Известия» помещено следующее извещение отдела народного образования:

«До сведения отдела народного образования дошло, что бывшие учителя закрытых учебных заведений предполагают от имени педагогических советов выдавать аттестаты учащимся о переводе и окончании курса. Настоящим объявляется во всеобщее сведение, что постановления и действия этих организаций не имеют силы и все удостоверения, аттестаты, свидетельства и т. п., выданные помимо отдела по народному образованию, будут считаться недействительными; лица же, выдающие подобные удостоверения, будут привлечены к ответственности перед революционным трибуналом».

Наглость уволенных педагогов дошла до того, что они, подобно чиновникам царского времени, будучи выброшены из школы, по-прежнему мнили себя у власти, игнорируя существование отдела по народному образованию.

Непрекращающаяся контрреволюционная работа городского учительства и недостаточная определенность в настроениях среди сельских учителей побудили отдел созвать учительский съезд, на котором имелось в виду дать решительный бой контрреволюционерам из учительского союза и окончательно разрешить вопрос о советской школе в Коммуне.

Съезд состоялся в г. Минусинске с 11 по 18 мая. На съезде присутствовало 175 сельских учителей и 86 городских. Правление учительского союза и партия правых эсеров мобилизовали все свои силы для борьбы с Советом на съезде. Им помогали и меньшевики, до этого времени открыто не выступавшие против советской власти. Борьба за влияние на сельское учительство развернулась на съезде в полной мере. Съезд открылся докладом представителя городской учительской организации Соколова о конфликте между Минусинским советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и городскими учителями. По этому вопросу, несмотря на протесты советски настроенной части учительства, съездом была вынесена явно контрреволюционная резолюция:

«1. Признать действия Минусинского городского учительства в конфликте с Советом совершенно правильными и соответствующими профессиональной

этике. 2. Довести до сведения Совета, что восстановление минусинского учительства в правах есть единственный путь к восстановлению школы и вступлению Совета в деловой контакт с уездным учительским союзом. 3. Впредь до разрешения конфликта считать все учительские места в гор. Минусинске под бойкотом. 4. Лиц, посягнувших на занятие этих мест, считать лишенными профессиональной чести и подлежащими исключению из союза».

Однако, отдав дань контрреволюционным традициям учительского союза, большинство делегатов съезда сейчас же отступило и стало искать пути соглашения с Советом. Это произошло не только потому, что настроения сельских учителей были иные, чем у городских саботажников, но главным образом вследствие безвыходности положения и выявившейся возможности смягчить свою материальную нужду при условии соглашения с Советом.

Повороту съезда в сторону соглашения с Советом способствовало также и то обстоятельство, что трудовое крестьянство повсюду выносило резолюции против саботажа и забастовок учителей и требовало от Минусинского совета решительных мер по отношению к контрреволюционному учительству. В тот момент даже в таком контрреволюционном гнезде, как Таштып, у власти стоял Совет, отстаивавший интересы деревенской бедноты. В наказе представителю от Таштыпской волости в Минусинский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Байкалову Ф. говорилось:

«От души приветствуем постановление Военно-революционного комитета по поводу самовластного закрытия школ минусинским учительским союзом. Со своей стороны считаем это самовольное закрытие школ тяжким, непростительным преступлением в момент разрухи и саботажничества против трудового народа. Ввиду недостатка учителей и учительниц, мы требуем, что бы все учителя и учительницы немедленно приступили к занятиям с учениками, так как сезон учения скоро кончается, и очень нежелательно, чтобы это время дети оставались без учителей».

Даже один из лидеров правых эсеров и учительского союза Г. Хабаров, преподававший в сельской школе и избранный товарищем председателя съезда, на вопрос, поставленный ему ребром председателем съезда Ефимовым: «Так значит, по-вашему советы являются народной властью?», вынужден был признать: «Да, я думаю, что раз большинство крестьян поддерживает советскую власть, а в этом я убедился, работая в деревне, то следовательно советы—народная власть—и мы, учителя, должны работать с ними».

Неудивительно поэтому, что съездом была принята по текущему моменту компромиссная резолюция:

«Съезд решает войти в деловые сношения с местным Совдепом, требуя от него немедленной и всемерной поддержки школ, считая, что лишь разбивши оковы тьмы, можно привести народ к истинному народоправству и народовластию. Кроме того съезд находит возможным работать совместно с отделом по народному образованию при Совете на платформе автономии школы, поручив особо избранной комиссии разработать соглашение с отделом по данному вопросу на началах автономии школы и требуя восстановления в правах, пострадавших в конфликтах с советской властью учителей гор. Минусинска и его уезда».

В результате работ комиссии съездом было утверждено соглашение с отделом по народному образованию и ликвидирована «забастовка» городских учителей. Последним пунктом этого соглашения

аннулировалось прежнее решение съезда о бойкоте учительских мест, лишении учителей советских школ «профессиональной чести» и исключении их из союза. Учительство добилось автономии школы. Отдел по народному образованию пошел из тактических соображений на этот компромисс, рассчитывая в дальнейшем охватить своим влиянием руководящие органы учительского союза. Однако контрреволюционные руководители учительского союза учли тактику отдела и, подчинившись внешне решениям съезда, постарались провести в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и в совет по народному образованию своих людей. В Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от профессиональной учительской организации были избраны все ярые контрреволюционеры. В совет по народному образованию прошли Хабаров, Шуталев, Мельников, Щербакова, Скобелин и Минтей. Председатель съезда, известный белогвардеец Ефимов, был избран в правление учительского союза, получив при этом избрании наибольшее количество голосов.

Таким образом, хотя «забастовка» прекратилась и саботаж учительства был сломлен, но контрреволюционеры сохранили господствующее положение и в учительском союзе и в делегациях учительской организации. В связи с этим перед Минусинской коммуной встала сложная задача подготовки своих рабочих социалистических кадров учительства, с помощью которых можно было бы окончательно и бесповоротно освободить школу от чуждого и враждебного элемента. Отдел по народному образованию не смог этого осуществить только потому, что через месяц после учительского съезда город был окружен кулацко-казачьими бандами, и Коммуна пала под напором контрреволюции.

Судебная политика Коммуны и борьба с контрреволюцией

Много времени и сил уделяла Коммуна судебным делам, но, несмотря на это, судебная политика и особенно борьба с контрреволюцией были слабым местом ее. В самом начале своей деятельности (29 декабря 1917 г.) Объединенный исполнительный комитет вынес постановление:

«Декрет Совета народных комиссаров о суде немедленно провести в жизнь, для организации и разработки плана проведения в жизнь декрета о народном суде избрать комиссию».

3 января 1918 г. по докладу комиссии об организации Революционного трибунала Объединенный исполком постановил:

«1. На первом очередном пленарном заседании произвести запись 42 очередных заседателей; по шести человек на недельные сессии. 2. Немедленно избрать председателя и секретаря революционного трибунала, а также секретаря следственной комиссии. 3. Избрать две следственных комиссии по три человека в каждой. 4. Революционный трибунал Минусинского края на первое время не разделяется на отделы. 5. В помощь председателю избрать товарища председателя. 6. Жалованье председателю и его товарищу, секретарю и членам следственной комиссии определить по 150 рублей в месяц. 7. Заседатели получают суточные по 5 рублей; если таковые будут из окрестных деревень, то они

получают суточные со дня выезда по день возвращения. 8. Подробная смета на расходы по содержанию революционного трибунала разрабатывается президиумом суда и следственной комиссией и представляется на утверждение Объединенного исполнительного комитета. 9. Заседания трибунала и следственной комиссии должны происходить в помещении театра».

Так были созданы и начали действовать органы революционного правосудия—ревтрибунал и следственная комиссия. Через десять дней после этого на заседании 18 января 1918 г. Исполком вынес еще два важных решения: 1) по вопросу о тюремных делах, в связи с проведением в жизнь постановления Губернского народного комиссариата о минусинской тюрьме и 2) по вопросу об упразднении мировых судей. Работа по ликвидации мировых судей в городе была быстро закончена. Старые судьи были уволены, должности их упразднены и вместо этого, в соответствии с декретом Совета народных комиссаров, был организован местный народный суд. Новыми советскими судьями были избраны старый член партии, б. политический ссыльный А. Пономарев и местный рабочий Бояринцев, левый эсер, вскоре перешедший в партию большевиков. Эти товарищи до конца Коммуны занимали должности народных судей.

Еще до получения декрета о суде и опубликования его в газете «Известия» Объединенный исполком произвел разгрузку старой царской тюрьмы, освободив много заключенных, несправедливо осужденных царскими судьями.

Выборы местных народных судей в волостях задержались на несколько месяцев по следующим причинам: во многих селениях долго не было сельсоветов, шел длинный спор о количестве судебных участков (крестьянские делегаты на съездах настаивали, чтобы в каждом населенном пункте был свой народный судья), долго не могли найти подходящих кандидатов для народных судей. Как видно из объявления минусинского народного окружного суда, помещенного в № 123 газеты «Известия», выборы участковых народных судей были назначены на 20 июня в Новоселовской, Курагинской и Луговской волостях, 25 июня в селениях Абаканском, Бейском и Каратузе и 2 июля в селе Усинском. Народный окружной суд был окончательно сформирован только 2 июня 1918 г. в составе двух отделений—гражданского и уголовного и четырех следственных комиссий. Он должен был заменить собой ревтрибунал. Однако к работе он не успел приступить, и до последних дней Коммуны судебными органами ее оставались ревтрибунал, следственная комиссия и городские народные судьи.

Всю судебную деятельность Коммуны возглавлял судебный отдел Совета. Для оформления всякого рода документов при Совете была создана нотариальная контора, которая открыла свои действия с 11 марта.

По делу таштыпских контрреволюционеров, участвовавших в мятеже атамана Сотникова, Советом была создана особая чрезвычайная следственная комиссия в составе Плотникова А. (председателя), Сафьянова М. (товарища председателя), Гидлевского К. (секретаря) и членов Воронцова, Сергеева, Гущина и Мошкина.

Наконец 24 апреля 1918 г. пленумом Совета было утверждено «Положение о суде хакассов». При рассмотрении этого положения Совет внес ряд изменений в том смысле, что судьи должны быть сменяемы и избираемы на срок не более одного года и выбираться только из трудовой части населения, что Улусному совету необходимо предоставить право налагать взыскания и штрафы, что следствие в суде хакассов должно вестись следственной комиссией, а не комиссаром и т. д. После внесения этих изменений «Положение о суде хакассов» было утверждено и введено в действие.

Работой судебного отдела руководили Д. Пузанов и Перфильев. Последние месяцы Коммуны Пузанов отошел от руководства судебным отделом вследствие загруженности другой работой и таким образом все руководство текущей деятельностью ревтрибунала и судебного отдела перешло к Перфильеву. Перфильев всплыл на гребне революционной волны неизвестно откуда. По своим политическим взглядам он был левым эсером, состоял членом минусинской левоэсеровской организации. До революции он работал в царских судебных учреждениях на низших должностях. Человек он был энергичный и несомненно способный, но политически ненадежный. Отличительными чертами его характера были авантюризм, судебное крючкотворство и боязнь взять решительный курс в борьбе с врагами революции. И вот в руках такого человека оказалось практическое руководство судебными органами Коммуны. В следственной комиссии работало несколько стойких и преданных делу пролетарской революции товарищей—Адасинская, Русин, Плотникова-Данилова и др. Однако у них не было достаточного опыта и знаний в области судебно-следственного дела и потому они не всегда могли противопоставить хитрому и ловкому Перфильеву последовательную большевистскую линию.

В недостатках судебного дела вообще и особенно в политике Коммуны по отношению к врагам пролетарской революции большую роль играла *недооценка контрреволюционной опасности*. Контрреволюционеры выступали под прикрытием лозунгов демократии и свободы слова, за которые еще так недавно велась борьба с самодержавием. Всякий арест, обыск и заключение в тюрьму какого-нибудь заядлого контрреволюционера сопровождались обычно визгом и воем эсеровской и поповской [1] печати, протестами и «забастовками» интеллигенции и усилением контрреволюционной агитации в городе и деревне. Нужно было раз навсегда отбросить все и всяческие иллюзии и пережитки демократической маниловщины и встать на путь решительной борьбы с контрреволюцией, не останавливаясь в моменты напряженной гражданской войны (период сотниковщины, кулацкое выступление на VI съезде и последние дни Коммуны) перед применением расстрелов и других устрашающих мероприятий. Однако Коммуна этого не сделала и тем несомненно ослабила свои позиции в борьбе с врагами революции. Видя нерешительность Совета в борьбе с контрреволюцией, враги

[1] Газета народных социалистов, плехановцев и кадетов «Свобода и труд», издавалась и редактировалась священником Владимиром Кузьминым.

Коммуны усиливали агитацию, становились все наглее и наглее и наконец перешли к открытым выступлениям.

Но было бы несправедливо этот недостаток в деятельности Минусинской коммуны рассматривать лишь как ее специфическую особенность. Все сибирские советы того периода отличались той же «болезнью». Больше того, не только в Сибири, но и в центре советская власть в первый период проявляла мягкость в отношении врагов пролетарской революции. Достаточно привести такие примеры, как освобождение генерала Краснова после выступления его в Гатчине, существование в Петрограде правоэсеровских, меньшевистских и других контрреволюционных газет, созыв сибирского областнического съезда в Томске, наконец допущение легальной работы контрреволюционных организаций эсеров и меньшевиков. Тов. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом дал исчерпывающую характеристику отношения большевиков к врагам пролетарской революции в описываемый нами период:

«Когда большевики пришли к власти, они сначала проявили по отношению к своим врагам мягкость. Меньшевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Даже кадеты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену; более того, мы должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на честное слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только подрывает крепость советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают. Вскоре правые эсеры—Гоц и др. и правые меньшевики организовали в Ленинграде контрреволюционное выступление юнкеров, в результате которого погибло много наших революционных матросов. Тот же Краснов, которого мы выпустили «на честное слово», организовал белогвардейских казаков. Он объединился с Мамонтовым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против советской власти. Вскоре оказалось, что за спиной этих белых генералов стояли агенты западных капиталистических государств—Франции, Англии, Америки, Японии. Мы убедились в том, как мы ошиблись, проявляя мягкость. Мы поняли из опыта, что с этими врагами можно справиться лишь в том случае, если применять к ним самую беспощадную политику подавления».[1]

Надо иметь в виду, что теоретически Коммуна отдавала вполне ясный отчет в необходимости применения репрессий, в необходимости решительной борьбы не только с кадетами и черносотенцами, но и с «социалистами» разных контрреволюционных толков.

Идеологическая позиция Коммуны по этому вопросу нашла отражение в передовой статье газеты «Известия». В номере от 2 апреля 1918 г. «Известия» писали:

«Враги трудового народа—буржуазия и ее прислужники—кричат о подавлении свободы советской властью. Ведя упорную борьбу словом и делом с трудовым народом, эти лицемеры свободу понимают не иначе, как в виде предоставления им возможности безнаказанно обливать грязными клеветническими помоями народную власть, устраивать саботаж и подготовлять военные заго-

[1] Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, 1933, стр. 5—6.

воры против Рабоче-Крестьянского правительства и его местных органов—советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Допустить такую свободу в переживаемый нами момент острой борьбы с внешними и внутренними врагами—значит отказаться от борьбы, сдать врагам трудового народа завоеванные Октябрьской революцией позиции. На такую жертву ради голых принципов свободы советская власть пойти не может... Те, кто на словах называют себя социалистами и народниками, а на деле своей ожесточенной борьбой против советской власти поддерживают калединство, ничем не отличаются от калединцев. В некоторых случаях они еще больше вредят трудовому народу, нежели сами калединцы. Возьмем для примера хотя бы наших минусинских социал-калединцев—Чибизова, Зефирова, Бедро и других. Когда правила романовская свора во главе с Гришкой Распутиным, ни один из них не смел и заикнуться, что государственной власти не существует, что каждая общественная организация (почтовики, учителя, врачи и т. д.) может признавать ту власть, которая ей больше нравится. Теперь же, пользуясь тем, что во главе советской республики стоят коммунисты, они наглейшим образом заявляют, что советы (организации трудящегося народа)—шайки каких-то самозванцев. Если этим господам дать сейчас полную свободу действий, то у нас вместо твердого государственного порядка, гарантирующего трудовому народу осуществление всех его насущных нужд, получится анархия, из которой очень легко может появиться какой-нибудь немецкий или японский генерал, наводящий, по примеру древних варягов, порядки, от которых ни одному честному гражданину России не поздоровится. Избавить страну от этого несчастья может только твердая власть трудового народа, те самые советы, против которых господа Чибизовы и Зефировы с первых дней революции ведут неустанную борьбу... Поэтому приходится вести с этими господами борьбу, стеснять их свободу, запрещать им клеветать безнаказанно на государственную власть трудящихся—советы и их исполнительные органы, наконец наказывать их, сажать в тюрьмы, штрафовать, закрывать их газеты, распускать созданные для защиты их интересов организации...»

Такова была принципиальная установка Коммуны в борьбе с врагами, на на практике она не всегда проводилась. В том же номере газеты, только несколькими строками повыше, мы имеем следующее извещение от революционного трибунала за подписью Перфильева:

«Во время заседания революционного трибунала 6 марта при разбирательстве дела о членах и секретаре правления союза кредитных товариществ, часть присутствовавшей публики нарушила порядок заседания и оскорбила суд выкриками: «насильники», «застенок», «жандармы» и пр. Революционный трибунал просит граждан, присутствовавших 6 марта в зале заседания трибунала, явиться в следственную комиссию (Итальянская ул., № 29) в качестве свидетелей и обвиняемых. Подлежащие привлечению к следствию приглашаются явиться—живущие в городе в 3-дневный, а живущие вне города в 7-дневный срок со дня опубликования сего, с тем, что если эти граждане имели смелость оскорбить суд, то пусть же запасутся мужеством явиться в следственную комиссию. К неявившимся по истечении назначенного срока будет применен досудебный арест».

В ревтрибунале разбиралось дело известного погромщика контрреволюционера Бедро, который до революции, будучи политическим ссыльным, подавал прошение о помиловании на «высочайшее имя», а после установления власти советов составил погромный циркуляр о московском народном банке. Во время судебного заседания эсерка Войцеховская и другие контрреволюционеры кричали по адресу председателя и членов ревтрибунала: «насильники», «жандармы» и т. д. А товарищ председателя трибунала и заведующий судебным отделом А. Перфильев помещает через месяц после этого цитируемое выше извещение.

Немногим «решительнее» поступил и весь ревтрибунал, когда он присудил Бедро за погромную контрреволюционную деятельность *к трем месяцам условного осуждения.* Еще мягче закончились дела вождя минусинской контрреволюционной буржуазии—учителя Чибизова и б. начальника милиции белогвардейца и «народного социалиста» Зефирова, ставшего в ноябре 1918 г. [1] свирепым карателем. Приговоры по делам Чибизова и Зефирова настолько говорят сами за себя, что следует привести один из них полностью, без всяких комментариев:

«Революционный трибунал в открытом заседании 6 июня 1918 г., заслушав дело по обвинению гр. Ивана Яковлевича Чибизова в неактивных (!) выступлениях против правительственной советской власти и принимая во внимание, что в силу п. 3 декрета об амнистии Центрального исполнительного комитета советов Сибири от 9 мая 1918 г., лица, обвиняющиеся в преступлениях политических, совершенных до 1 мая 1918 года, от суда и наказания освобождаются, постановил настоящее дело производством прекратить, гр. Чибизова от ответственности по этому делу освободить. Тов. председателя А. Перфильев».

Такой же приговор был вынесен и по делу Зефирова. И это делалось на другой день после роспуска правой кулацкой части VI крестьянского съезда, когда и город, и деревня были охвачены контрреволюционной агитацией.

Как вообще работал ревтрибунал? Внешне он был весьма плодовит. Заседания устраивались часто. Дел было рассмотрено много, хотя подавляющее большинство из них—уголовные или такие, которые только отчасти можно отнести к политическим. Первое место среди дел, разбиравшихся в ревтрибунале, занимали дела самогонщиков и спекулянтов, преступления против личности (убийства, нанесения ран, самосуды) и кражи. *Контрреволюционные преступления занимали одно из последних мест.* Кроме дел Бедро, Зефирова и Чибизова было рассмотрено еще несколько контрреволюционных дел, но все они кончались амнистией, условным осуждением или даже оправданием. По многим контрреволюционным делам велось следствие, но темпы следственной работы были совершенно недостаточными. В неопределенном положении находились дела 30 офицеров сотниковской банды, «урянхайских» контрреволюционеров, отправленных Краевым Советом из Танну-Тувы, и также и дела таштыпских, каратузских и абаканских казаков и торговцев.

В доме лишения свободы сидело довольно много контрреволюционеров. Обращение с ними было весьма деликатное. Они же не понимали того, что рабочий класс бесцельно мстить не может и *истолковывали эту деликатность как слабость советской власти.* Наглость арестованных контрреволюционеров переходила временами всякие границы. Так например Бедро во время своего заключения помещал в газете «Свобода и труд» «письма из узилища», в которых он клеветал на советскую власть. Сотниковские офицеры, когда

[1] Во время крестьянского восстания в Минусинском крае против Сибирского контрреволюционного правительства, которое закончилось поражением и жестокой расправой с крестьянами, Зефиров командовал отрядом белой милиции.

их вздумали отправить на работу по очистке двора в доме Совета, заявили протест и только благодаря энергичным действиям начальника Красной гвардии Глухих и зав. хозяйством Совета Зины Гущик их удалось заставить пойти на работу. Зина Гущик впоследствии поплатилась своей жизнью за эту меру: те же сотниковские офицеры зарубили ее шашками, когда она потом в период колчаковщины оказалась их пленницей в красноярской тюрьме.

Во время отправки партии большевиков из красноярской тюрьмы в 1919 г. сотниковские офицеры пытались выхватить из партии, подлежащей эвакуации, работников Минусинской коммуны Г. Лебедева, М. Сафьянова и К. Трегубенкова, но эта попытка им не удалась лишь благодаря формализму начальника конвоя, поручика Зарубы [1], который потребовал разрешения на выдачу арестованных от командующего войсками генерала Матковского. Дело происходило рано утром, когда «его превосходительство» еще спало и потому сотниковским офицерам не удалось получить разрешения. Таким образом арестованные остались живы; однако офицеры успели подвергнуть их издевательскому допросу. Во время этого допроса офицеры задавали арестованным такие вопросы:

«Удивительно, как это вы могли просидеть у нас так долго и остаться живыми? Неужели вы думаете, что мы последуем вашему примеру? Нет, вы сами виноваты—мы у вас сидели несколько месяцев, вы с нами не могли расправиться, теперь мы с вами расправляемся, пеняйте на себя»[2].

За все время существования Минусинской коммуны не было ни одного расстрела. В самый последний момент, когда казаки зверски убили комиссара Алтайской овцеводческой экономии т. Ф. Гераспмова, Военно-революционный штаб вынес решение о том, что при повторении подобных случаев со стороны контрреволюционеров он будет вынужден расстрелять заложников. Однако и это весьма важное решение Военно-революционный штаб не успел провести в жизнь.

Такую же мягкость проявляли судебные органы Коммуны к контрреволюционным политическим организациям и к их печати. *Не только меньшевики, правые эсеры и народные социалисты, но и кадеты существовали совершенно легально.* Их печатные органы «Свобода и труд» и «Знамя труда» систематически клеветали на советскую власть и партию большевиков, распускали среди населения провокационные слухи, вели открытую контрреволюционную агитацию, а судебные органы Коммуны не привлекали их к ответственности, и газеты были закрыты только тогда, когда они уже сделали свое подлое контрреволюционное дело.

Попытки судебного отдела арестовать демагога и черносотенца Федоса Солдатова и попа Владимира Кузьмина также

---

[1] Впоследствии Заруба дважды спас от гибели весь эшелон красноярских большевиков: 1) объявив при проезде через станцию Макавеевка, что идет маршрутный поезд со снарядами и 2) добившись отправки эшелона из Читы, где в то время свирепствовали барон Унгерн и атаман Семенов.

[2] Сборник Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев; «Мученики Сибирской Коммуны», стр. 51. изд. 1931 г.

не увенчались успехом: Солдатов и Кузьмин успели во время скрыться.

Для борьбы с контрреволюцией не была организована чрезвычайная комиссия и не произведено поголовного изъятия оружия у кулачества и буржуазии города.

Таковы итоги деятельности Коммуны в области борьбы с контрреволюцией. Мы не думаем, что мягкость Коммуны сыграла решающую роль в ее поражении. Однако было бы неправильно утверждать и обратное. Опыт второго этапа гражданской войны по всей стране и в Минусинском крае в частности показал, что энергичная борьба с врагами революции оказывает большое влияние на ход и исход борьбы.

★

Во второй период своего существования—после подавления сотниковского мятежа, Минусинская коммуна развернула работу по всем направлениям. За короткий промежуток времени она сумела охватить все стороны жизни от промышленности и сельского хозяйства до медицины и социального обеспечения включительно. Чтобы ни делала Коммуна, какими бы мелкими вопросами она ни занималась, все тогда казалось одинаково значительным и важным. Резкое разграничение двух миров—старого буржуазного, уходившего в область истории, и нового—коммунистического, создававшегося в атмосфере напряженной классовой борьбы, неизбежно должно было вызывать особую ощутимость всего пережитого и сделанного советами в период 1917—1918 гг. Вот почему следовало бы описать все происходившее гораздо более подробно, чем это делается здесь. Вот почему надо было бы рассказать и о медицине, и о социальном обеспечении, и о работе земского и городского отделов с такой же подробностью, как это сделано в отношении промышленного, финансового, земельного, судебного и продовольственного отделов Совета. Однако размеры книги не позволяют полностью охватить все стороны деятельности Коммуны. Мы опускаем оценку работы этих отделов Совета еще и потому, что ни медико-санитарное дело, ни социальное обеспечение, ни городское и земское хозяйство не получили в Коммуне достаточно полного развития и не имели такого большого политического значения, как описанные уже отрасли работы и формы борьбы.

В заключение считаем необходимым остановиться еще на трех моментах в деятельности Коммуны, имевших исключительно важное значение. Это, во-первых, на национальной политике коммуны, во-вторых, на роли советской коммунистической печати и, в-третьих, на оценке важнейших политических кампаний, которые проводила Коммуна.

Национальная политика Коммуны

Национальная политика Коммуны частично уже описана нами в главе о Танну-Туве. Здесь следует только подчеркнуть, что ликвидация империалистической политики в Танну-Туве, которая была проведена Минусинским советом в 1918 г., имела громадное влия-

ние на ход дальнейших событий в этой стране, решительно вступающей через 16 лет после этого на путь некапиталистического социалистического развития, указанный т. Лениным. Насколько велико было значение того факта, что представители Минусинского совета объявили тувинскому народу в 1918 г. его право на полное самоопределение, отделение от России и образование самостоятельной республики, можно судить по тому, как реагировали тувинцы в 1919 г. на попытки колчаковской власти реставрировать прежние порядки и вновь превратить Танну-Туву в колонию. Когда колчаковские чиновники, руководимые генералом В. Л. Поповым [1], назначенным «губернатором Урянхайского края», послали против непокорных тувинцев карательный отряд, тувинцы организовали восстание и выдворили из западной части страны (бассейн реки Кемчика) всех русских колонизаторов. Политика колчаковского правительства в Танну-Туве отличалась от прежней царской тем, что чиновники уже не стеснялись говорить о полном присоединении этой страны к «Российскому государству».

В пределах Минусинского края национальная политика Коммуны была направлена главным образом на возрождение хакасского народа. Правильной национальной политикой Коммуна сумела привлечь на свою сторону бедняцко-середняцкие массы хакасских скотоводов и земледельцев. Мы уже отмечали, что на VI съезде, когда против Совета выступила кулацкая часть минусинской деревни, хакасские делегаты присоединились к революционному крылу съезда и ушли с нею для совместной работы с Советом. Хакасская беднота под влиянием успехов советской власти в Минусинском крае выступала против своих вековых угнетателей, феодалов и баев. Во время борьбы с атаманом Сотниковым хакассы, несмотря на агитацию попа Владимира Кузьмина и Федоса Солдатова, встали на сторону Коммуны и отказались поддерживать контрреволюционеров на съезде, который был созван В. Кузьминым и хакасскими феодалами в селе Аскызском для организации помощи Сотникову. Наконец, хакассы организовали свои улусные советы и выдвинули в Минусинский совет своим представителем учителя Окунева, который сочувствовал большевикам и состоял одно время товарищем председателя Минусинского совета.

В конце мая 1918 г. в Хакассии состоялся съезд хакасской бедноты и середняков, на котором были выработаны основы хакасского самоуправления. Наиболее полное отражение конституция хакасского самоуправления нашла в «Положении о хакасских степных советах», которое было утверждено пленумом Минусинского совета 25 апреля 1918 г.

Если вспомнить, что говорилось о хакассах в первой главе книги, то станет совершенно понятным значение той работы, которая была проведена Минусинской коммуной в области разрешения нацио-

---

[1] Виктор Лукич Попов—б. полковник генерального штаба, до революции ярый империалист-нововременец. При советской власти в Иркутске пытался примазаться. Когда же советская власть пала, стал карателем-колчаковцем и получил за это чин генерала.

онального хакасского вопроса. *Хакассы из угнетенного, эксплоатируемого народа превратились в полноправных граждан Советской федеративной социалистической республики.* После 200-летнего рабства под пятой колонизаторов царской России у них появилась возможность строить свободную жизнь, развивать свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Наступившая контрреволюция не дала возможности Минусинской коммуне полностью провести намеченные мероприятия в области национального возрождения хакасского народа. Но и то, что было сделано, уже представляло собой большое завоевание. После восстановления советской власти в Сибири хакассы не только сумели завершить свое национальное освобождение, но и совершили самое главное—прогнали своих феодалов и баев и, образовав Автономную Хакасскую область, строят теперь жизнь на новых социалистических началах. Их страна, составляющая часть великого Советского союза, представляет собой богатейший в природном отношении район, перед которым открываются огромные возможности социалистической индустриализации.

Печать Коммуны

Печать Коммуны—газеты «Известия Минусинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов» и «Товарищ»—играли исключительно важную роль. Они организовывали массы, возбуждали энтузиазм рабочих и крестьян в борьбе с капитализмом и пережитками феодальных отношений, мобилизовали сознание актива Коммуны в критические моменты столкновений с белогвардейскими отрядами, освещали события Октябрьской революции, происходившие по всей стране и в Минусинском крае, развивали классовое сознание отсталых слоев рабочего класса и крестьянства. Между газетами существовало разделение труда: «*Известия*», орган Минусинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, выходившие ежедневно, освещали практическую работу и борьбу Коммуны; «*Товарищ*»—орган Минусинского комитета РКП (б), выходивший два раза в неделю, главное внимание обращал на марксистско-ленинское воспитание рабочих и деревенской бедноты. Газета «Товарищ» начала выходить с первых дней Февральской революции. Редактором ее до конца сентября состоял организатор большевистского движения в Минусинском крае т. Гавен Ю. После отъезда Гавена в Крым, в сентябре 1917 г., редактором «Товарища» стал А. Плотников и секретарем М. Баринова, старый член партии, погибшая от тифа в партизанском отряде черемховских рабочих. Баринова же была секретарем и газеты «Известия». Ответственным редактором «Известий» с самого их возникновения 9 декабря 1917 г. до конца Коммуны был М. Сафьянов, писавший в газете под литературным псевдонимом М. Кайский.

Сотрудниками «Товарища» состояли члены комитета и организации РКП(б), а также рабочие с копей, рудников и других предприятий. «Товарищ» издавался на средства партийной организации и зачастую испытывал большие финансовые затруднения. Надо

отметить, что ни в «Товарище», ни в «Известиях» оригинальные статьи не оплачивались. В «Известиях» гонорар получали только хроникеры и некоторые селькоры и рабкоры. Постоянными сотрудниками «Известий», кроме М. Кайского, статьи которого помещались почти в каждом номере газеты, были следующие товарищи: Плотников А., Фаерман Е., Трегубенков К., Токарев Н.,[1] Макар Бедный (Перфильев), Терентьев М., Лебедев Г., Катаев Е., Гидлевский К. и др.

Самым ценным в газете «Известия» было то, что она имела развитую сеть сельских и рабочих корреспондентов. Письма и корреспонденции этих селькоров и рабкоров занимали большое место в газете и приобрели историческое значение: авторы настоящей книги многократно пользовались ими для характеристики классовой борьбы и социалистического строительства Коммуны. Среди селькоров выделялся уже упоминавшийся нами таштыпский крестьянин-бедняк К. Потанин, человек безусловно талантливый, но без всякого образования. Некоторые его корреспонденции редакция «Известий» помещала в виде статей.

Сафьянов Михаил.
Зам. председателя Совета Рабочих и Солд. Депутатов во время Октябрьского переворота. Член Исполкома и редактор органа Коммуны газ. «Известия».

«Известия» ежедневно печатали телеграммы из центра, помещали все получаемые декреты и постановления центральных партийных и советских органов и руководящие статьи т. Ленина.

Почти в каждом номере «Известия» давали передовицу строк на 150—200, освещавшую боевые вопросы дня. Наряду с этим в газете помещались оригинальные статьи по разным принципиальным вопросам.

Газета «Известия» печатала без каких-либо изменений и сокращений все протоколы пленумов Совета, постановления Объединенного исполкома, постановления земельного и других отделов Совета, наказы крестьянским делегатам на III, IV и V съезды, постановления этих трех съездов, а также резолюции левой части VI съезда. Этот богатейший исторический материал дал возможность составить по прошествии 16 лет настоящую книгу о Минусинской коммуне.

Но самое важное значение газеты «Известия» состояло в том, что она активно участвовала в политической борьбе и социалистическом

---

[1] Н. Токарев был одновременно выпускающим и ответственным корректором газеты. Во время ухода т. М. Сафьянова с отрядом Красной гвардии против атамана Сотникова, Н. Токарев около месяца был фактически редактором газеты.

строительстве Коммуны, отражая нападки врагов, разоблачая их провокации и открывая Коммуне новые пути борьбы за укрепление советской власти.

Особенно следует отметить роль газеты «Известия» в ликвидации сотниковского мятежа.

Дивизион атамана Сотникова, как известно, отступил из Красноярска в полном боевом порядке, имея пулеметы, бомбометы, большое количество патронов, полное вооружение и несколько сот хорошо обученных в царское время кавалеристов-казаков. Сотников двигался на Минусинск с тем, чтобы занять его и создать из Минусинского края базу для контрреволюционного движения в Си-

№ 22 Пятница 12-го Января 1918 года. Цѣна 15 коп.

ИЗВѢСТІЯ

Минусинскаго Об'единеннаго Исполнительнаго Комитета Совѣтов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов.

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА.

Условія подписки: на 6 мѣсяцевъ—14 рублей, на 3 мѣсяца—7 рублей, на 2 мѣсяца—5 рублей, на 1 мѣсяцъ—2 рубля 50 копѣекъ. Адресъ конторы и редакціи: г. Минусинскъ, Итальянская ул. д. Давыдова. Контора открыта ежедневно отъ 10 ч. утра до 1 ч. дня и от 6 час. до 8 час. вечера. Пріем в редакціи от 12 час. до 2 час. дня.

Послѣ праздников газета не выходит.

ИЗВѢЩЕНІЕ

От Исполнительнаго Комитета Совѣта Крестьянских Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов.

ТОВАРИЩИ!

Враги народа, помѣщики, капиталисты, вся буржуазія подняли знамя восстанія против власти трудового народа, против Совѣтов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Корнилов, Каледин и другие черносотенные генералы, поддерживаемые буржуазной партіей народной свободы (газеты), связь этой демонстраціи с политикой большинства Учредительнаго Собранія, открытаго в день демонстраціи предложил Центральному Комитету Совѣта распустить Учредительное Собраніе. Постановленіе Центральнаго Комитета еще неизвѣстно. Но независимо от этого уже сейчас можно сказать, что Учредительное Собраніе в своем право эсеровском большинствѣ пошло против трудящагося народа и потому потеряло значеніе в общественно политической жизни переживаемаго нами момента.

Если в ходѣ революціи вскрылись острые противорѣчія между интересами богатых

вых эс-эров, которые встрѣтили гробовым молчаніем воплощеніе в жизнь основного пункта своей программы. Свердлов предлагает избрать предсѣдателя собранія. Один член фракціи большевиков предлагает снять интернаціонал. Всѣ встают и поют. От имени совѣтов Свердлов выражает увѣренность, что основы Совѣтской Республики останутся незыблемы в Россіи и передаются всему миру. Лордкипаридзе выступает от фракціи правых эс-эров. Оратор считает, что Учредительное Собраніе в данное время должно приступить к работѣ. Раздаются шум слѣва, крики—долой, свист. Свердлов просит собл

бири наподобие тому, как это имело место на Дону, Кубани и в Оренбургских степях. Это с полной очевидностью подтверждается письмом Сотникова к белогвардейцу Безрукову. Минусинская коммуна в тот момент еще только начала развертывать свою работу и не имела достаточной вооруженной силы. Старый гарнизон был распущен по домам. В распоряжении Совета было всего несколько десятков совершенно необученных красногвардейцев и около сотни винтовок японского образца. *Создалось настолько критическое положение, что оставалось или бежать или умереть в неравной борьбе.* Совет предпочел последнее. С этой целью он занял помещение казначейства, имевшее наиболее толстые каменные стены, запасся продовольствием и решил защищаться до последнего патрона и человека. *Другого выхода избрать было нельзя.* И вот в этот момент совершенно случайно арестовывается приехавший тайно в Минусинск председатель Енисейского войскового правления И. Казанцев, у которого

при обыске отбирается письмо Сотникова к Безрукову и все другие документы, раскрывавшие связи и планы бандитов.

Редакция «Известий», получив этот материал, выпустила экстренный бюллетень «Жаждут крови», в котором кроме передовицы под этим же названием были напечатаны письмо Сотникова к Безрукову и воззвание атамана Семенова. Этот бюллетень по предложению редакции «Известий» немедленно был разослан в большом количестве экземпляров по тем деревням, через которые должен был следовать дивизион атамана Сотникова. Бюллетень попал в руки к Сотникову. Тот от неожиданности так растерялся, что отказался от мысли итти сразу на Минусинск, где «все знают и потому должны быть готовы к войне». Сотников со своим дивизионом обошел Минусинск. Он направился походным порядком в станицу Каратуз и там устроил казачий съезд. *Это дало возможность Минусинскому совету созвать V чрезвычайный съезд рабочих и крестьян, поднять на борьбу с Сотниковым бедняцко-середняцкую массу крестьянства и рабочих копей и рудников, привезти из Ачинска и Красноярска несколько пулеметов, до 700 винтовок, много патронов и две пушки 3-дюймовки и организовать сильный отряд Красной гвардии, который ликвидировал сотниковский мятеж.* Газете «Известия» в этом деле следует отвести видную роль. Ловким маневром она напугала Сотникова и его банду и тем способствовала спасению города от захвата белогвардейцами.

И в дальнейшей борьбе Коммуны с врагами революции «Известия» были в первых рядах. В передовице перед V крестьянским съездом газета четко поставила задачи съезда, энергично боролась за проведение их в жизнь, разоблачая кулацкую провокацию на съезде и освещая работу левого крыла, демонстративно покинувшего съезд. Газета во время сигнализировала об опасности, грозившей Коммуне от чехо-словацкого выступления. Еще в начале июня, дней за 15 до VII съезда, газета в статье «Новое испытание» писала:

«Все отдельные попытки контрреволюционных банд, направленные на свержение власти трудового народа, до последнего времени разбивались о противодействие защитников Советской республики. Это обстоятельство навело наших врагов-капиталистов и помещиков на мысль организовать общее выступление по всей стране от Владивостока до Витебска. План у них создался такой. Начинают контрреволюцию чехо-словацкие сокольские эшелоны. К ним присоединяются местные контрреволюционные силы от правых эсеров до черносотенцев включительно. Движение идет под флагом Учредительного собрания и восстановления демократических органов самоуправления».

Из этой цитаты мы видим, что, несмотря на перерыв сообщения с центром, у газеты была ориентировка в чехо-словацком выступлении. В период подготовки к VII съезду газета буквально била тревогу, помещая на видном месте воззвания и приказы Военно-революционного штаба, военного отдела, Исполкома и Совета.

Последний, 133 номер газеты «Известия» вышел 21 июня, уже после нападения на город казачьей банды. Он набирался в боевой обстановке и был посвящен гражданской войне в Минусинске. Открывшийся в этот же день VII съезд вынес, как уже известно, прежде всего постановление о газете «Известия»:

«воспретить газете «Известия» критиковать работу съезда и его решения».

На эту очередную наглость контрреволюционеров газета уже не смогла ответить.

Оценка общей политической деятельности коммуны

Подводя окончательные итоги деятельности Минусинской коммуны 1917—1918 гг., необходимо в заключение остановиться на общей политической работе Совета, дать ей оценку под углом зрения политики соввласти и партии большевиков в описываемый период.

Было бы большой ошибкой думать, что Минусинская коммуна 1917—1918 гг. занималась исключительно вопросами местного характера и сделанное ею за короткий промежуток времени не имеет большого исторического значения. *Минусинская коммуна разрушала старый, ненавистный капиталистический строй, боролась с врагами пролетариата, творила новые формы жизни, как неотъемлемая составная часть Великой всероссийской коммуны. И только так, в общей связи с событиями Октябрьской революции по всей стране, и можно оценивать ее работу, начиная от самых «мелких дел» местного порядка и кончая участием ее в таких важнейших событиях, как заключение Брестского мира, борьба с буржуазной контрреволюцией Сибири, разгон учредительного собрания, борьба с чехо-словаками и пр.*

После Октябрьского переворота и победы над правыми эсерами на III съезде перед Коммуной во всей остроте встал вопрос о борьбе с областническими планами сибирской буржуазии. Следуя примеру украинской, финляндской и польской буржуазии, сибирские областники, объединившись с кулацкой партией правых эсеров, выдвинули лозунг «самоопределения» Сибири путем созыва Сибирского учредительного собрания и установления Сибирской демократической республики. Спекулируя на колониальном прошлом Сибири, они рассчитывали привлечь на свою сторону широкие массы сибирского крестьянства и даже рабочих. С этой целью они отменили избирательный ценз, провозгласили единый «социалистический» фронт—от народных социалистов до большевиков включительно, предоставили советам рабочих депутатов на созываемом ими в Томске «чрезвычайном общесибирском съезде» большое количество голосов. *Надо было суметь быстро и по-большевистски разобраться во всей этой сложной демагогии, дать отпор посягательствам Сибирских областников, разоблачить перед массами контрреволюционный характер «сибирской областной думы» и созданного ею дербероского правительства.* Дербер П. Я., глава сибирских контрреволюционеров того периода, был известен минусинцам еще по 1906 г., когда он, будучи лидером сибирской эсеровской организации, приезжал в Минусинск «громить» марксизм. Минусинская Коммуна в оценке «Сибирской областной думы» и дербероского правительства, не поддалась на удочку демагогических разговоров об освобождении Сибири и с самого начала резко отрицательно реагировала на выступление областников, объявив их врагами сибирского пролетариата и бедняцко-середняцкой массы крестьянства.

Пленум Минусинского совета на заседании 30 декабря 1917 г. заклеймил «Сибирскую областную думу» как попытку создать буржуазное контрреволюционное правительство в противовес советам и выразил против этого решительный протест.

На том же заседании Совета и Объединенного исполкома было принято еще одно важнейшее решение, об отношении к разгону Всероссийского учредительного собрания. Разгон учредительного собрания был принят минусинскими рабочими единодушно и с большим удовлетворением, а это бесспорно имело большое политическое значение, так как в тот момент в массах еще не были окончательно изжиты иллюзии буржуазного демократизма. Оба эти решения—о «Сибирской областной думе» и «учредительном собрании» Минусинский совет поставил затем на обсуждение широких масс крестьянства и сумел убедить их на IV съезде в правильности принятых решений. В связи с этим IV *съезд рабочих и крестьян края имел исключительно важное значение с обще-политической точки зрения.*

Не успели еще делегаты IV съезда разъехаться по домам, как из Красноярска была получена телеграмма, что казачий дивизион атамана Сотникова отступил в пределы Минусинского края. При аресте в Минусинске председателя войскового правления Казанцева совершенно точно было установлено, что Сотников имел связи с Калединым на Дону, Семеновым в Забайкалье и Анненковым в Казакстане и выполнял часть общего плана казачьей контрреволюции. *Минусинский край*, где было сосредоточено до 75% енисейского казачества, и где имелись налицо прекрасные условия для длительной войны, *представлялся Сотникову и всем его соучастникам лучшим местом для мобилизации контрреволюционных сил и организации контрреволюционного наступления на советскую власть Сибири.* С другой стороны, Сотникову было несомненно известно, что Минусинский совет пока что слаб, военной силы у него нет, пролетарская прослойка в крае недостаточна, крестьянство зажиточное, переселенцев значительно меньше, чем в Канском или Красноярском районах. Не учел только Сотников того, что Минусинская коммуна, застигнутая врасплох его наступлением, состояла из большевиков и преданных делу пролетарской революции рабочих и крестьян, которые, почувствовав смертельную опасность, оказались способными итти на борьбу до последнего человека и патрона. Коммуна в деле ликвидации сотниковского восстания проявила исключительное мужество, находчивость, умение организовать массы и повести их на бой с заклятыми врагами пролетарской революции. *Победа над Сотниковым и контрреволюционным казачеством Минусинского края привела к тому, что ставка буржуазии и помещиков на создание нового казачьего правительства в центральной Сибири была бита.* Врагам советской власти после поражения Сотникова пришлось отказаться от мысли свергнуть советскую власть в Сибири с помощью внутренней контрреволюции и искать новых путей уже по линии иностранной интервенции. Огромное значение ликвидация сотниковщины имела также и для революционизирования бедняцко-середняцкой массы крестьянства и казачества в Минусинском крае. Мы видели, с каким единодушием и энтузиазмом выступало против

Сотникова минусинское крестьянство на V чрезвычайном съезде и во время похода отряда Красной гвардии в казачьи станицы. Мы уже знаем также и то, что *поход отряда Красной гвардии против Сотникова был для отдаленных и отсталых уголков Минусинского края и даже для контрреволюционных казачьих гнезд походом Октябрьской революции.* После поражения Сотникова казачество встречало отряд Красной гвардии «с хлебом и солью». Оно конечно не переродилось и оказывало Минусинскому совету почетный прием из страха перед его военной силой и моральным авторитетом среди крестьянства. Однако бедняцко-середняцкая масса казачьих станиц веками стонавшая под гнетом богатеев-казаков, совершенно искренно приветствовала отряд Красной гвардии, ибо она впервые выступила на арену свободной трудовой жизни. *Слабым местом в ликвидации сотниковского мятежа надо считать лишь то, что борьба все-таки не была доведена до конца.* Следовало бы не только разбить сотниковскую банду, установить власть советов в казачьих станицах и взыскать с богатых казаков, активных участников мятежа, контрибуцию, но и выселить контрреволюционное казачество из старых гнезд, где оно имело прочные экономические корни и разветвленную агентуру для подготовки новых контрреволюционных выступлений. Но мягкость Совета, проявленная в отношении к казакам, активным участникам контрреволюционного мятежа, не умаляет политического значения ликвидации сотниковского восстания.

В самый разгар борьбы Коммуны с Сотниковым в стране произошло событие исключительной важности. Наступление немецких армий на Украину и Петроград вынудило Центральный комитет РКП(б), ВЦИК и Совнарком поставить перед всеми советами страны *вопрос о заключении Брестского мира.* 25 февраля 1918 г. Минусинским советом была получена от секретаря Совета народных комиссаров Горбунова следующая телеграмма:

«Всем совдепам, губернским, уездным; всем губернским и уездным волостным, земельным комитетам. Циркулярно. Петроград, 25 февраля. Немцами предложены следующие условия: 1) аннексия Лифляндии, Эстляндии, Курляндии; 2) демобилизация армии и Красной гвардии; 3) вывод войск из Финляндии; 4) прекращение войны с Радой; 5) отказ от права агитации против империалистического строя Германии; 6) беспошлинный вывоз из России и прочее. Вчера 24 февраля в 1 час 30 минут утра ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обсуждал вопрос и дал согласие на принятие этих условий 118 голосами против 85 при 28 воздержавшихся. Договор должен быть подписан согласно поставленному немцами ультиматуму 26 февраля. Во ВЦИКе существуют две точки зрения на вопрос. По мнению одних членов ВЦИКа при деворганизованности и разложении нашей армии, в панике бегущей от наступающих немецких войск и оставляющей в руках врага всю артиллерию и фураж, не желающей разрушать железнодорожные пути и уничтожать мосты, при остроте переживаемого нами продовольственного кризиса, при общем утомлении от войны никакая вооруженная война в данный момент невозможна и можно лишь погубить советскую власть и дать оружие в руки контрреволюционной буржуазии. Действительной революционной задачей сейчас является организация сил для создания дисциплины, упорядочения железных дорог и продовольствия и подготовка к революционной войне на деле, а не на словах. По мнению других, подписание условий мира является ударом по несомненно растущему движению германских, английских и французских трудовых масс, подкрепляет и усиливает авторитетность реакции как в Европе, так и в России, будет смертельным ударом по революции и советской власти. Принятие условий германцев в отно-

шении Украины и Финляндии отрежет советский центр от продовольственных районов, отдав хлебородную Украину во власть контрреволюционной Рады и австрийского империализма, лишив почвы завоевания российской социальной революции—социализацию земли, право на продукты труда и пр. и принесет в жертву интересы интернациональной революции интересам национально-территориального сохранения России. Первая точка зрения защищается Центральным комитетом большевиков с Лениным во главе, вторая—Центральным комитетом левых эсеров. Телеграфируйте—как вы относитесь к подписанию условий, предложенных германским правительством.

В тот же день было созвано экстренное заседание Объединенного совета. При обсуждении вопроса голоса в Совете разделились. *Большинство* высказалось за резолюцию, которая выявляла отрицательное отношение к заключению Брестского мира. Вот подлинный текст ее:

«Минусинский совет, обсудив в экстренном заседании 25 февраля с. г. условия, предложенные германскими империалистами, постановляет послать в Петроград Центральному комитету срочную телеграмму следующего содержания: Считаем мир, предложенный германцами, за которым идет мировая буржуазия, издевательством над русским и международным социализмом. Принятие этого позорного мира не укрепит власти советов, оно лишь может остановить развитие социалистической революции на Западе, Необходимо оставаться при решении Съезда советов—выйти из состояния империалистической войны и не подписывать позорного мира. С негодованием отвергаем предложение германских хищников, высказываемся за немедленный созыв международной социалистической конференции».

Меньшинство же во главе с т. Ин. Сафьяновым решительно выступило против этой резолюции и предложило от фракции большевиков другую резолюцию, следующего содержания:

«Выслушав мнения товарищей по вопросу о мире и принимая во внимание то положение, в котором находится сейчас наша страна, не видя до сих пор активной поддержки со стороны наших товарищей на Западе, сохраняя наши лучшие революционные силы для борьбы сначала со своей, а потом со всемирной буржуазией, Минусинский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, думая, что иного выхода, как признание нежелательного, противного для нас мира, нет, выражает полное доверие Центральному исполнительному комитету в его решении вопроса о мире».

Голосование этих резолюций по серьезности отношения к вопросу напоминало принятие Советом рабочих и солдатских депутатов решения о захвате власти в октябре 1917 г. Однако результаты получились иные. Первая резолюция—против заключения Брестского мира, была принята 18 голосами против 10 при 6 воздержавшихся. Голосовали левые эсеры, беспартийные крестьянские, рабочие и солдатские депутаты и 2—3 большевика. Вторая резолюция, предложенная Ин. Сафьяновым, за заключение Брестского мира, была отклонена тоже 18 голосами против 10 при 5 воздержавшихся. За эту резолюцию голосовало 9 большевиков и 1 левый эсер—т. Катаев. Разброд по вопросу об отношении к Брестскому миру в тот момент чувствовался во всей Сибири. Подавляющее большинство советов Сибири во главе с Центросибирью высказалось против заключения Брестского мира, причем сделано это было даже в еще более резкой форме, чем Минусинским советом. Вот например, что сказал II Всесибирский съезд советов по вопросу о Брестском мире:

«Обсудив последние известия о возможности заключения Советом народных комиссаров мира на условиях, предложенных державами четверного союза в Бресте и категорически отвергнутых ранее, II Всесибирский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов заявляет: 1. Интернациональный мир революционных народов исключает возможность подписания какого бы то ни было аннексионистского договора. 2. Совет народных комиссаров, изъявляя готовность подписать империалистический контрреволюционный мир, совершил бы роковой шаг, роковую ошибку, наносящую удар дальнейшему развитию революции и интернационалу. 3. От имени Сибирской советской республики II съезд советов депутатов Сибири заявляет, что он не считает себя связанным с мирным договором, если таковой заключит Совет народных комиссаров с германским правительством и посылает свой братский привет борющемуся революционному пролетариату Австрии и Германии. Съезд выражает твердое намерение бороться до конца за интернациональный социалистический мир. Съезд предлагает всем совдепам Сибири напречь все свои силы к скорейшему созданию Красной гвардии и Красной армии для борьбы с контрреволюционной буржуазией»[1].

Однако прошло немного времени и отношение сибирских советов к Брестскому миру резко изменилось. 8 марта 1918 г. пленум Минусинского совета по вопросу о передаче двух мандатов на Всероссийский съезд советов Губернскому исполнительному комитету принял следующий наказ:

«Мирный договор утвердить, готовиться к мировой классовой борьбе за полную победу труда над капиталом».

Резолюция о таком наказе и самый текст наказа были приняты 29 голосами против 1 при 6 воздержавшихся. То, что на обоих заседаниях Совета присутствовали далеко не все члены Совета, объясняется тем, что в это время происходила как раз ликвидация сотниковского мятежа и часть депутатов находилась вне города. Резолюция о наказе была предложена минусинской организацией большевиков, которая в это время уже вполне справилась с шатаниями по вопросу о Брестском мире в своей собственной среде и вполне овладела положением.

К политическим кампаниям большого принципиального и практического значения надо отнести также и деятельность Минусинского совета по ликвидации империалистической политики царизма в Танну-Туве.

Остается еще дать оценку деятельности Минусинской коммуны в период VI крестьянского съезда и сделать окончательные выводы о политической значимости событий, повлекших за собой поражение и восстановление Минусинской коммуны.

Тактика Совета и Военно-революционного штаба во время VI крестьянского съезда определялась стремлением поскорее ликвидировать кулацкое выступление на съезде, опираясь на поддержку рабочих и бедняцко-середняцкой массы крестьянства.

За несколько дней до столкновения с кулаками на VI съезде в Минусинск приехали для проведения кампании по товарообмену член Сиббюро РКП(б) и Центросибири т. Я. Боград вместе с представителями Губисполкома Адой Лебедевой и Демидовым. После окон-

[1] Газета «Известия» Минусинского совета № 49 за 1918 г. (телеграмма из Иркутска).

чания работ комиссии Губисполкома по товарообмену, Боград остался в Минусинске для инструктирования партийной работы и чтения публичных лекций. Когда произошло кулацкое выступление на VI съезде, Боград руководил минусинской организацией РКП(б) и входил в Военно-революционный штаб Коммуны. Его присутствие несомненно вселяло бодрость и энергию и способствовало тому, что Совет и Военно-революционный штаб быстро ликвидировали возникший конфликт. Вскоре после этого Боград уехал из Минусинска.

Кулацкое выступление на VI съезде совпало с началом чехо-словацкого мятежа на линии Сибирской железной дороги и сопровождалось усилением контрреволюционной работы правых эсеров, буржуазии и кулачества в Минусинском крае. В развитии контрреволюционной агитации большую роль играла газета эсеров «Знамя труда». Но Военно-революционный штаб, продолжавший работать и после разгона кулацкой части VI съезда, медлил с закрытием этой газеты, хотя для того имелись уже все данные. Нерешительность Военно-революционного штаба в отношении правоэсеровской газеты явилась тем большей ошибкой, что у Минусинского совета был уже опыт закрытия другой контрреволюционной газеты «Свобода и труд», давший бесспорно положительные результаты. «Свобода и труд» была закрыта во время сотниковского мятежа по постановлению V чрезвычайного съезда, который, вынося решение о закрытии газеты «Свобода и труд», подчеркнул в своей резолюции, что газета закрывается навсегда и Минусинский совет не должен допускать ее выхода ни под каким другим названием. Надо было также поступить теперь и с правоэсеровской газетой «Знамя труда», которая приносила вред не меньший, чем «Свобода и труд». Однако этого сделано не было.

Вторая *самая крупная ошибка* Совета и Военно-революционного штаба заключалась в том, что они, не учтя всей серьезности политических событий на линии Сибирской железной дороги, *согласились на созыв VII крестьянского съезда*. Большинству ответственных работников Совета и штаба казалось тогда, что чехо-словацкий мятеж будет также быстро ликвидирован, как юнкерское восстание в Иркутске или сотниковщина в Минусинском крае и что никаких особых чрезвычайных мер принимать не следует.

При этом выступлению кулаков на VI съезде также не придавалось особого значения, что видно из того, что Совет и штаб предполагали на VII съезде окончательно ликвидировать кулацкое влияние в крае.

Вышло однако совсем наоборот. Кулацкая часть делегатов VI съезда, правые эсеры, белогвардейские офицеры и т. д. двинулись в деревню и, опираясь на успехи чехо-словацких войск, занимавших в тот момент сибирские города, подняли контрреволюционное движение в казачьих станицах и крупных старожильческих селах, против которого уже не могла устоять Минусинская коммуна, несмотря на активную поддержку рабочих, связь с бедняцкой массой деревни и опыт борьбы с сотниковщиной и кулацким выступлением на VI съезде.

Все перипетии борьбы с контрреволюционерами на VII съезде уже были подробно описаны нами.

Общая численность кулацко-казачьих дружин, окруживших город во время VII съезда, достигала 10 тысяч человек. Вооруженных винтовками было не более 1000. Остальные пришли с охотничьими ружьями, дубинами и просто без всякого вооружения. Среди этой массы дружинников, равно как и среди делегатов VII съезда, были несомненно и крестьяне середняки. Середняк в силу тех причин, о которых мы писали выше, заколебался и в некоторой своей части пошел за кулаками и правыми эсерами.

Однако очень скоро, после того как власть советов в Минусинском крае была свергнута, среднее крестьянство осознало свою ошибку.

Уже на VII съезде у крестьянских делегатов произошел конфликт с атаманом Сотниковым [1], приехавшим в Минусинск в качестве официального представителя временного сибирского правительства проводить военную мобилизацию. *Сотников потребовал, чтобы съезд вынес постановление о мобилизации населения в войска Временного сибирского правительства для борьбы с большевиками. Делегаты съезда решительно запротестовали.* Но обманутые в дальнейшем ловким маневром председателя съезда эсера Силина делегаты согласились исключить из резолюции срок созыва VIII крестьянского съезда и разрешить Сотникову произвести «добровольную» мобилизацию казаков и офицеров. Вынося такое решение, делегаты рассчитывали на VIII съезде окончательно покончить с домогательствами Сотникова и Сибирского временного правительства и утвердить свою «крестьянскую власть» в крае. Они разъехались по селам с намерением заставить подчиниться новую власть воле крестьянства, подобно тому как это они сделали несколько дней назад, предъявив ультиматум Минусинскому совету.

VIII крестьянского съезда эсеры, руководители контрреволюционного восстания, понятно, не созвали; но не прошло и пяти месяцев, как минусинские крестьяне выполнили свое намерение, высказанное на VII съезде.

Как мы уже знаем, в ноябре 1918 г. бедняцко-средняцкая масса крестьянства минусинского края восстала против власти Временного сибирского правительства, которое за короткий промежуток времени вполне выявило себя как продажное контрреволюционное правительство, способное защищать интересы только помещиков и капиталистов и могущее действовать лишь по указке и на средства иностранного капитала.

Факты, подтверждаемые документальными данными, с полной очевидностью показывают, что *это восстание крестьян Минусинского края корнями своими уходило в события последних дней Минусинской коммуны и было теснейшим образом связано с деятельностью Минусинской Коммуны.* Генерал-каратель Шильников в своем отчете коман-

[1] Атаман Сотников не был пойман во время ликвидации поднятого им мятежа. Он бежал в Западную Сибирь горною тропой. После выступления чехо-словаков он вновь всплыл на арене контрреволюции.

дующему войсками колчаковского правительства писал о причинах ноябрьского восстания в Минусинском крае следующее:

«Они (повстанцы) спешно начали рассылать по селам Восточенской, Тигрицкой и Сагайской волостей воззвания, в которых говорили, что казаки ездят по уезду, собирают подати, сплошь бьют крестьян нагайками, вырезают икры, отрезают носы, уши и пр.; и призывали крестьян помочь им сбросить «казацкое иго», созвать VIII крестьянский съезд, который, согласно постановлению VII съезда, только и может решить давать или нет новобранцев собирать или нет подати. Впоследствии наряду с этими требованиями в некоторых воззваниях и приказах указывалось на необходимость занять город Минусинск, арестовать правительственную власть и установить крестьянское правление. Быстрое присоединение к восстанию казалось бы лояльных, более зажиточных крестьян объясняется тем, что их обманули, что города Иркутск, Красноярск и Ачинск уже взяты большевиками, что только в Минусинске нет советской власти, но что скоро и здесь будет, и стращали крестьян, которые в июне свергали большевиков, говоря им, что только присоединением к настоящему восстанию может заслужить снисхождение, когда здесь утвердится советская власть».

Ноябрьское восстание крестьян было подавлено с величайшей жестокостью. *Но это еще более усилило процесс революционизирования середняцкой массы крестьянства в Минусинском крае.* Разбитые Шильниковым отряды повстанцев ушли в Саянские горы и там продержались до осени 1919 г., когда в Минусинский край пришла красная партизанская армия Кравченко и Щетинкина, восстановившая в крае советскую власть.

История Минусинской коммуны показывает нам, как советы, руководимые ленинской партией большевиков, ведя повседневную борьбу с буржуазией и ее прислужниками-эсерами и меньшевиками, преодолевая стихию мелкого собственника и организуя вокруг себя рабочих и бедняцко-середняцкие массы деревни, добились после ряда успешных боев и временных поражений окончательной победы, укрепили союз с середняком и разгромили последнюю опору капиталистического строя—кулачество.

Советы в дальнейшем не только восстановили промышленность и сельское хозяйство, разрушенные империалистической войной, но на основе социалистического строительства превратили отсталый аграрный Минусинский край, бывший до Октябрьской революции полуколонией российского и иностранного капитала, в важнейший район социалистической индустрии.

Минусинский край, обладающий колоссальными ресурсами гидроэнергии, каменного угля, железа и цветных металлов, представляющий по своим природным условиям сельскохозяйственную житницу азиатской части Союза и располагающий исключительными по мощности лесными массивами, занял одно из первых мест в социалистическом строительстве Урало-кузнецкого и Ангаро-енисейского комбинатов.

В результате осуществленной в начале второй пятилетки социалистической реконструкции сельского хозяйства с проведением сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса, край превратился в один из форпостов социализма для соседних стран центральной части азиатского материка и прежде всего для Тувинской Аратской республики. Колхозы и совхозы

края, вооруженные новейшей техникой крупного социалистического производства, стали основной и ведущей формой сельского хозяйства и создали высокую производительность социалистического труда.

Национальные хакасские районы края, восстановившие после окончательной победы соввласти свое самоуправление, положение о котором выработала Минусинская коммуна, образовали в дальнейшем хакасскую автономную область, создающую свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Все эти достижения, приведшие к переустройству жизни на новых социалистических началах, оказались возможными лишь потому, что в Октябре 1917 г. победила пролетарская революция.

Выражением этой победы в Минусинском крае и была Коммуна.

Хотя Коммуна и совершила ряд ошибок, но при всем том она все же сумела объединить под знаменем пролетарской борьбы, под знаменем большевизма рабочих края и основные массы бедняцко-середняцкого крестьянства, свергнуть власть буржуазии и помещиков, нанести поражение контрреволюционной части казачества и приступить к социалистическому строительству на основе проведенной национализации промышленности, банков и крупного землевладения.

Опыт борьбы и строительства Минусинской коммуны был учтен рабочими и крестьянами-колхозниками края. Благодаря их творческому энтузиазму к началу второй пятилетки и в Минусинском крае, как и во всем советском Союзе, было завершено построение фундамента социалистической экономики. Рабочие и крестьяне-колхозники края, прошедшие суровую школу гражданской войны, стали строителями бесклассового социалистического общества, осуществляемого под руководством ВКП(б) и ее испытанного вождя т. Сталина.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ МИНУСИНСКОЙ КОММУНЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ТЕКСТ КНИГИ

I. ПОЛОЖЕНИЕ О СЕЛЬСКИХ СОВЕТАХ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ[1]

Общие положения

1. Основной задачей сельского совета депутатов является защита интересов трудового и эксплоатируемого (угнетаемого) народа.

Примечание. На этом основании в состав совета не могут быть принимаемы деревенские кулаки, скупщики, спекулянты, лавочники и другие лица, наживающиеся за счет чужого труда.

2. Совет является высшей властью в деревне, ответственной перед общим собранием всех совершеннолетних граждан.

3. На сельский совет, как орган власти, возлагаются задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни: административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной.

Примечание. Все старые учреждения —сельские и станичные управления, комитеты общественной безопасности, сельские земские управы и т. д. упраздняются с передачей своих дел совету.

4. В порядке управления сельский совет проводит в жизнь постановления и распоряжения советов: волостного, уездного, губернского и Совета народных комиссаров; принимает меры к самому широкому оповещению населения об этих постановлениях; издает свои обязательные постановления; налагает штрафы; производит аресты; производит реквизиции (отнятие по себестоимости) и конфискации (отнятие безвозмездное).

5. О всех предпринимаемых мерах и важнейших событиях местной жизни сельский совет дает отчет волостному и уездному совету.

6. Члены и делегаты совета по делам службы пользуются правом проезда на земских лошадях по установленной таксе за счет совета.

7. Корреспонденция совета рассылается бесплатно.

8. На обязанности совета лежит организация сельской Красной гвардии и местного народного суда.

9. Сельский совет как орган управления получает кредит из общегосударственных средств по представлении подробной сметы на три месяца.

10. Сельский совет извещает советы волостной и уездный о времени своего образования и о том, на каких основаниях совет избран.

Организация совета

1. Сельский совет крестьянских депутатов состоит из представителей всего местного трудового населения, граждан и гражданок, достигших 18-летнего возраста.

---

[1] Разработано на основе изданной Рабоче-крестьянским правительством (Советом народных комиссаров) инструкции о правах и обязанностях советов. Принято на IV съезде рабочих и крестьянских депутатов Минусинского края. Отпечатано отдельной брошюрой.

Примечание 1. С этой целью граждане разбиваются на десятки (или на 15, 20 человек, в зависимости от количества населения) и каждый десяток (или группа в 15—20 человек) избирает в совет своего депутата.

Примечание 2. Там, где имеется рабочее (или казацкое) население, образуется совет крестьянских и рабочих (или казацких) депутатов.

2. На всех членов совета и их избирателей ведутся правильные списки.

3. Избиратели имеют право в любое время отозвать из совета своего представителя и избрать другого.

4. Члены совета избираются на шесть месяцев с правом быть переизбранными по истечении срока.

5. Совет по мере надобности создает секции (комиссии) по разработке отдельных вопросов.

6. Совет имеет печать своего наименования.

7. Для исполнения своих постановлений совет избирает из своей среды исполнительный комитет, в составе 3—5 лиц.

Устав исполнительного комитета совета крестьянских депутатов

1. Исполнительный комитет проводит в жизнь все постановления сельского волостного совета и входит от имени совета в сношения с другими советами.

2. Исполнительный комитет созывает общие собрания совета, вырабатывает порядок дня собрания и предварительно разрабатывает вопросы, вносимые на обсуждение общего собрания совета.

3. Исполнительный комитет самостоятельно решает все текущие дела, не имеющие важного значения. В экстренных случаях решает и более важные дела, доводя об этом до сведения совета, по возможности скорее созываемого.

4. Исполнительный комитет ведет денежные дела и отчетность совета.

5. Распоряжения исполнительного комитета обязательны для всех граждан в пределах своего села (деревни). Отменить или приостановить постановления исполнительного комитета может только общее собрание сельского совета.

6. Исполнительному комитету предоставляется право приглашать знающих дело лиц с совещательным голосом.

7. Исполнительный комитет избирается закрытой баллотировкой общим собранием совета на 6 месяцев.

Примечание. По истечении срока члены исполнительного комитета могут быть переизбраны вторично.

8. Члены исполнительного комитета ответственны лишь перед общим собранием совета.

9. Исполнительный комитет избирает из своей среды председателя, товарища председателя (казначея) и секретаря.

10. В распоряжении исполнительного комитета находится сельская красная гвардия.

Председатель Совета крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов К. Трегубенков.
Секретарь А. Плотников.

II. ПОЛОЖЕНИЕ О РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ [1]

Состав красной гвардии

1. Сельская Красная гвардия должна состоять из самых боевых и сознательных революционных товарищей-тружеников крестьян.

2. Основой Красной гвардии считаются все делегаты сельского совета.

---

[1] Утверждено Минусинским советом рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Опубликовано в газете «Известия» 5 июня (23 мая) 1918 г. для руководства волостным и сельским советам Минусинского края.

3. Сельская Красная гвардия является резервом Красной социалистической рабоче-крестьянской армии Федеративной республики советов, составляющей вооружение всего народа.

4. В Красную гвардию может поступить любой гражданин по рекомендации двух членов Красной гвардии. Прием утверждается постановлением исполнительного комитета местного сельского совета.

Цель и назначение Красной гвардии

5. Красная гвардия должна защищать народ и его права, свободу и завоевания революции как внутри страны, так и на внешних границах.

6. На местах красная гвардия исполняет свято постановления совета и проводит в жизнь приговоры народного революционного суда и исполкомов местного и краевого советов.

7. Охраняет полный порядок в селе.

8. Ведет беспощадную борьбу с самогонщиками.

Организация Красной гвардии

9. В каждом селении Красная гвардия по численности людей составляет: 200—250 человек роту, 40—50 человек взвод, 20—25—отделение.

10. Общее управление Красной гвардией в селении возлагается на лицо, выбранное местным советом, которое несет обязанности начальника Красной гвардии.

Примечание. Обязанности начальника изложены в отдельной инструкции.

11. Роты, взводы и отделения выбирают начальников из своей среды. Выбранные начальники отвечают за вверенных им товарищей перед советом.

Примечание. Если будет признано нужным, постановлением совета, ротные командиры могут быть назначаемы советом.

12. Руководство Красной гвардией во всем крае и согласование деятельности всех сельских отрядов принадлежит военному отделу Минусинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и сосредоточивается в центральном штабе Красной гвардии.

13. Красная гвардия казачьих станиц образует конную Красную гвардию и делится на единицы, принятые в конном строю.

Вооружение Красной гвардии

14. Все вооружение Красная гвардия получает от военного отдела Минусинского совета крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов.

15. За сохранность и целость оружия перед Минусинским советом ответственен местный исполнительный комитет совета.

16. Все вооружение хранится в цейхгаузе при волостных и сельских исполнительных комитетах и выдается на руки при учениях, командировках по делам службы, для смотров и демонстраций.

17. Красногвардейцы, получившие оружие для исполнения какого-либо поручения, отвечают за сохранность и исправность его перед местным советом.

Дисциплина в Красной гвардии

18. Красная гвардия это есть армия трудового народа, сознательных граждан, армия добровольного подчинения и строгой революционной дисциплины.

19. Тот, кто не подчиняется установленным правилам и начальникам-товарищам, не можем состоять в рядах Красной гвардии.

20. Красногвардейцы постоянной службы не несут, а мобилизуются в селе, в случае нужды, по постановлению исполнительного комитета.

О мобилизации Красной гвардии

21. В любой момент сельская Красная гвардия обязана собраться на призыв военного отдела Минусинского совета крестьянских, рабочих, солдатских и

казачьих депутатов для защиты советской власти и революции как на месте, так и на внешних фронтах.

Средства Красной гвардии

22. Денег на содержание из народной казны сельская Красная гвардия не получает, а содержится на местные средства.

Примечание. Должностные лица и красногвардейцы, несущие административные обязанности, могут пользоваться содержанием из народной казны.

23. Штрафы за курение и продажу самогонки по постановлению местных советов могут итти на содержание Красной гвардии.

Обязанности начальника Красной гвардии

Назначаемый советом (или утверждаемый им кандидат, избранный отрядом Красной гвардии) начальник Красной гвардии является ответственным лицом перед советом и исполнительным комитетом.

На него возлагается:

1. Управление и руководство отрядом Красной гвардии, ведение учета красногвардейцев, заведывание хозяйственной частью, оружием и снаряжением отряда.

2. Обучение Красной гвардии военному искусству, если не имеется на то инструктора.

3. В небольших селах и деревнях, т. е. где нет при совете административного отдела, на начальника Красной гвардии возлагается также обязанность по охране гражданского порядка, преследования преступников, борьба с самогонщиками, пьянством и вообще со всеми нарушителями закона.

4. В отношении исполнения обязанностей, перечисленных в пункте 3, начальник действует совместно как с представителями местного совета или исполнительного комитета, так и Минусинского или его отделов: административного, военного, судебного и других. Начальник может иметь своего секретаря и канцелярию.

Примечание. В небольших селах и деревнях секретарские обязанности по Красной гвардии возлагаются на секретаря исполнительного комитета.

5. Начальник Красной гвардии заботится о нуждах всех красногвардейцев, которые в свою очередь должны оказывать ему полную поддержку и доверие.

Подлинное за надлежащими подписями. С подлинным верно:

Председатель военного отдела Корсак.
Секретарь Бутенко.

III. ПОЛОЖЕНИЕ О ХАКАССКОМ СТЕПНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ[1]

Общие положения

1. Административное деление Хакасского самоуправления устанавливается в следующем виде: а) сельское или улусное общество, б) район и в) хакасское общество. Соответственно такому делению, управление распадается на: а) сельский или улусный совет, б) районный совет и в) Хакасский степной совет. При советах должны быть исполнительные органы.

2. Инициатива в разделении территории между улусными и районными советами принадлежит Хакасскому степному совету.

Примечание. Статья 2 имеет временное значение до разрешения земельного вопроса в общереспубликанском масштабе.

3. Хакасский степной совет является единственной и высшей властью у хакассов Минусинского края и Ачинского уезда.

---

[1] Утверждено на пленарном заседании Минусинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов 25 апреля 1918 г.

Опубликовано в газете «Известия» 12 июня (30 мая) и 13 июня (31 мая) 1918 г.

4. Основной задачей Степного совета является защита трудового и эксплоатируемого населения.

5. При хакасских советах учреждаются училищные советы, ведению коих подлежит надзор за всеми школами. Высший из училищных советов ведает назначением, увольнением и перемещением учителей, открытием общеобразовательных, сельскохозяйственных и специальных школ и курсов, открытием библиотек-читален, устройством народных домов, театров, музеев и т. д.

6. К кругу ведомства Хакасского степного совета относится организация: а) общеобразовательной, юридической и медицинской помощи населению, б) ветеринарной и санитарной части, в) пожарного и страхового дела, г) кредитных учреждений, д) обществ призрения, е) дорожного дела, ж) статистических обследований, з) сельскохозяйственных обществ и товариществ, а также союзов, и) продовольственного дела, товарообмена и ссыпных пунктов, к) показательных полей, питомников, племенных пунктов и тому подобных учреждений.

7. Все хакасские советские организации и учреждения содержатся на общегосударственные средства.

8. Хакасы участвуют в едином прогрессивно-подоходном налоге, оставляя за собой право на дополнительное обложение для своих внутренних нужд.

9. Гоньбовая повинность относится на счет общегосударственных средств.

10. Никакого имущественного ценза в хакасские органы самоуправления вводимо быть не может.

11. Минусинский совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов в порядке административного управления сносится с хакасскими степными советами.

Примечание. Все без исключения и даже тайные распоряжения Минусинского совета, губернского и правительственных учреждений, имеющие какое-либо отношение к хакасам, адресуются на имя Степного совета.

12. Хакасские органы самоуправления издают свои обязательные постановления, налагают штрафы, производят аресты, реквизиции и конфискации.

13. Каждый хакасский совет полномочен в своей деятельности только в пределах соответственного района.

14. В хакасских органах самоуправления на пропорциональных основах имеет представительство и русское население, проживающее в хакасских селениях.

15. Все споры и недоразумения, возникающие между русскими и хакассами, разбираются в судебном порядке на основании положения о хакасских судах и в административном порядке. Недовольная сторона может обжаловать постановления Степного совета в Минусинский совет, а постановления мелких хакасских советов по степени старшинства обжалуются в Хакасский степной совет.

16. На краевые крестьянские съезды хакасы присылают по одному представителю от каждого районного совета временно до организации Степного совета.

17. Постоянная политическая связь хакасов с Минусинским советом поддерживается посредством одного постоянного представителя от Степного совета в Минусинском совете рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

18. Содержание члена Минусинского совета, представителя от хакассов, выдается из общегосударственных средств.

Сельские или улусные советы

19. Сельские или улусные советы хакасского степного самоуправления образуются из депутатов-представителей всего местного трудового населения всех национальностей и вероисповеданий, достигших 18-летнего возраста.

20. С этой целью граждане разбиваются на группы от 10 до 50 человек и по возможности из каждого улуса присылают в совет своего представителя—члена сельского или улусного совета.

Примечание. Улусы, где менее 10 дворов, присоединяются к ближайшему улусу, улусы, где более 50 дворов, посылают двух представителей. Представительство более двух из одного улуса или объединившихся в группу улусов не допускается.

21. Всем членам сельского или улусного совета и их избирателям ведутся правильные списки.

22. Избиратели во всякое время по своему усмотрению или по требованию общего собрания граждан могут переизбрать своего представителя.

23. Члены совета избираются на 6 месяцев с правом быть переизбранными ранее срока.

24. Совет по мере надобности временно создает секции по разработке отдельных вопросов.

25. Сельские или улусные советы имеют печати своего наименования.

26. Члены совета утверждаются общим собранием граждан сельского общества.

27. В порядке управления сельский или улусный совет проводит в жизнь постановления и распоряжения районного и Степного советов хакассов.

28. Сельский или улусный совет содержится на общегосударственные средства.

29. Корреспонденция совета рассылается бесплатно.

30. Для приведения в исполнение своих постановлений совет из своей среды избирает исполнительный комитет в составе председателя, его товарища, кассира и секретаря.

Примечание. В сельских и улусных советах исполнительный комитет может состоять только из председателя и секретаря, но к председателю обязательно должен быть заместитель.

Волостной или районный совет

31. Волостные или районные советы организуются из депутатов в равном количестве от сельских или улусных советов.

32. Каждый улусный совет присылает в волостной или районный совет двух депутатов и к ним одного заместителя.

33. Депутаты в волостной или районный советы избираются сроками на 6 месяцев с правом быть переизбранными и ранее срока.

Примечание. Круг деятельности районных или волостных советов будет разработан в ближайшем будущем и утвержден Хакасским степным советом.

Инструкция исполнительным комитетам улусных и районных советов

1. Исполнительный комитет проводит в жизнь постановления советов и от имени этих советов входит в сношение с разными лицами и учреждениями.

2. Исполнительный комитет созывает общие собрания совета и общие собрания всех граждан сельского общества, вырабатывает порядок дня собрания, предварительно разрабатывает материалы, вносимые на обсуждение собрания.

3. Самостоятельно решает все текущие дела, не имеющие важного значения, в экстренных случаях решает и важные дела.

4. Распоряжения исполнительного комитета обязательны для всех граждан в пределах ведомства данного совета.

5. Отменить или приостановить распоряжения исполнительного комитета может общее собрание совета, а постановление сельского или улусного совета может отменить общее собрание граждан целого общества.

6. Исполнительный комитет ведет денежные дела и отчетность совета.

7. Исполнительный комитет избирается закрытой баллотировкой на срок не более 6 месяцев общим собранием совета.

Примечание. По истечении срока член исполнительного комитета может быть переизбран на новый срок.

8. Исполнительный комитет ответственен в своей деятельности перед общим собранием совета.

9. В распоряжении исполнительного комитета находится сельская и волостная милиция.

10. Исполнительный комитет производит сборы окладных налогов и регулирует общественную натуральную повинность.

Хакасский степной совет

1. Хакасский степной совет образуется из представителей депутатов хакасских районных советов.

2. Каждый хакасский районный совет присылает столько депутатов, сколько в своем составе имеет сельских или улусных советов.

3. Депутаты в Степной совет избираются районными советами сроком на один год.

4. Депутатами могут быть избираемы не только члены районных советов, но и лица, не состоящие членами таковых.

Примечание. Если депутатом избран не член совета, то он обязательно должен быть из трудового элемента.

5. Все депутаты Степного совета должны быть утверждены Минусинским советом.

6. В Минусинский совет посылается протокол организационного собрания Степного совета с приложением списка членов совета; в списке о каждом члене совета должно быть указано имущественное и семейное положение и профессия.

7. Районный совет во всякое время может отозвать своего представителя и заменить его другим, причем член Степного совета, заменяющий отозванного, особому утверждению не подлежит, а признается членом Степного совета по постановлению пленарного заседания Степного совета.

8. Члены Хакасского степного совета пользуются при проездах по делам службы земскими лошадьми за счет Степного совета.

9. Корреспонденция Совета рассылается бесплатно.

10. Для исполнения своих постановлений Хакасский степной совет избирает из своей среды исполнительный комитет в составе, равном числу районных советов.

11. К кругу деятельности Степного совета относятся:

а) Заведывание всеми имуществами, капиталами, денежными сборами и натуральными повинностями хакасов.

б) Содержание и исправление дорог и дорожных сооружений.

в) Содержание и исправление школьных зданий, забота о развитии школьного и внешкольного образования как общего, так и технического, заведывание этого рода средствами и расходование их на дело народного образования.

г) Забота об устройстве лечебниц и амбулаторий.

д) Попечение о санитарном благоустройстве и ближайшее заведывание мероприятиями по борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, а равно с вредителями сельского хозяйства.

е) Попечение о сельском хозяйстве, торговле и промышленности.

ж) Продовольственное дело.

з) Заведывание мелкими опеками и обществ. призрением.

и) Заведывание общественными работами и организацией трудовой помощи малоимущему населению.

к) Организация кооперативных учреждений, разработка и утверждение их уставов.

л) Издание обязательных постановлений и циркуляров в пределах своего ведомства.

м) От имени хакасского народа Степной совет входит в сношение с разными лицами и учреждениями.

н) Хакасский степной совет от всего хакасского населения, являясь полномочным органом во всех делах, касающихся нужд и пользы населения, пользуется полной самостоятельностью в пределах своего района.

Примечание. Все перечисленное исчерпывающего значения для компетенции Степного совета не имеет.

12. Исполнительный комитет Степного совета избирается из числа членов сроком на 6 месяцев в количестве, равном числу районных советов.

13. Исполнительный комитет Степного совета проводит в жизнь все постановления Совета и в порядке управления исполняет распоряжения высших государственных учреждений.

14. Исполнительный комитет ведает всеми денежными делами и отчетностью Совета.

15. Исполнительный комитет ответственен в своей деятельности перед общим собранием совета.

16. К кругу деятельности исполнительного комитета относится организация в пределах хакасских районов общеобразовательной, юридической и медицинской помощи населению, ветеринарного и санитарного дела, пожарного и стра-

хового дела, кооперативных учреждений и утверждение их уставов, дорожного дела, общественного призрения, продовольственного дела и товарообмена и устройство сельскохозяйственных складов, ссыпных пунктов, статистических исследований, показательных полей и пунктов и т. п., способствующих национально-культурному и экономическому благосостоянию населения.

17. Исполком разрабатывает нормы и объекты обложения, которые представляет на утверждение общему собранию Совета.

18. Исполнительному комитету предоставляется право проектирования увеличения и уменьшения всех сборов кроме подоходно-прогрессивного на основании 8 пункта общего положения, а равно и более равномерное и справедливое разложение их между плательщиками с разрешения общего собрания Совета.

19. Исполнительному комитету именем Хакасского степного совета предоставляется право приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать в обязательства, также возбуждать гражданские иски, отвечать на суде по имущественным и денежным делам Совета.

20. Корреспонденция Совета рассылается бесплатно.

21. Члены исполнительного комитета при разъездах по делам службы пользуются земскими лошадьми по установленной таксе за счет Степного совета.

22. Исполнительный комитет может пригласить опытное лицо за особую плату по соглашению для ведения специальных дел.

23. При исполнительном комитете на общегосударственные средства содержится необходимый штат служащих.

Контроль над деятельностью Степного совета

24. Для ревизии дел и контроля над деятельностью Степного совета каждый районный совет отдельно от членов Совета выбирает по одному члену контрольной комиссии.

25. Контрольная комиссия из своей среды выбирает председателя и секретаря.

26. Члены контрольной комиссии получают суточную плату по 3 рубля в сутки за время, потраченное при выполнении своей обязанности.

27. Результаты ревизии контрольная комиссия представляет два раза в год общему собранию Совета и единовременно объявляет населению. В случаях раскрытия преступлений от своего имени возбуждает дело по обвинению виновных и передает дело в окружной суд хакассов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Введение		3
Глава I.	Социально-экономическая обстановка в Минусинском крае перед революцией 1917 г.	7
	Предварительные замечания	—
	Сельское хозяйство	8
	Попытки насаждения крупного землевладения в крае	13
	Состояние промышленности	15
	Транспорт и связь	19
	Торговля	20
	Минусинский край как сфера приложения иностранного капитала	22
	Культурное состояние края	25
	Население, его национальный и классовый состав	27
Глава II.	Революционное движение в крае и работа партии большевиков до 1917 г. в период от Февраля к Октябрю	30
	Революция 1905 г. в Минусинском крае и работа Минусинской группы РСДРП 1906—1907 гг.	—
	Политическая ссылка	33
	Нелегальная организация большевиков и ее работа во время империалистической войны	36
	От Февраля к Октябрю:	
	Комитет общественной безопасности	39
	Соглашательный совет рабочих и солдатских депутатов	42
	Партийная организация в борьбе за советы	44
	Большевистский совет рабочих и солдатских депутатов	48
	Июльские дни	51
	Выборы в городскую думу	53
	Укрепление партийных рядов и борьба за массы	55
Глава III.	Октябрьский переворот в Минусинске	58
Глава IV.	Ревком, Временный объединенный исполком и III съезд рабочих и крестьян	71
Глава V.	Первые шаги пролетарской диктатуры и IV съезд рабочих и крестьян	82
	Конструирование объединенного Исполкома и отделов Совета	—
	Контроль над торговлей и борьба со спекуляцией	86
	Мероприятия по укреплению финансового положения	87
	Контроль над производством и борьба с безработицей	89
	Топливный кризис в Минусинске и борьба с ним Исполкома	91
	Национализация рудников и каменноугольных копей	92
	Национализация овцеводческих имений «Т-ва Четвериков—В. Алексеев» и организация первых совхозов в крае	95

Мероприятия по борьбе с продовольственными затруднениями . . . 97
Организация судебных органов 98
Борьба с городской думой и земством 100
Борьба с контрреволюционными выступлениями 101
Мероприятия по усилению вооруженных сил Совета 104
IV съезд рабочих и крестьян края 106

Глава VI. Контрреволюционное выступление енисейского казачества и чрезвычайный съезд рабочих и крестьян 108

Глава VII. Ликвидация империалистической политики в Танну-Туве 132

Империалистическая политика в Танну-Туве до революции . . . . —
Февральская революция и проникновение империалистических настроений в среду зажиточного крестьянства 136
Подавление попыток организации советской власти в русской колонии Тувы 139
Борьба Минусинского совета с контрреволюционными элементами в Танну-Туве и организация советской власти в русской колонии . 141
Гражданская война в Танну-Туве 145
Деятельность Краевого совета депутатов и договор с тувинским народом о самоопределении 147

Глава VIII. Трудности строительства и выступление кулаков на VI съезде 155

Трудности строительства и начало интервенции в Сибири 155
Рост контрреволюционного движения в крае и меры борьбы с ним 157
Подготовка к созыву VI съезда 159
Состав съезда и контрреволюционное выступление кулаков 161
Мероприятия Минусинского совета в связи с выступлением контрреволюционеров на VI съезде 163

Глава IX. Кулацко-казачья контрреволюция и поражение Коммуны 167

Хозяйственная и политическая обстановка перед VII съездом . . . —
Концентрация контрреволюционных сил, перемирие с чехо-словаками и переговоры с Красноярском 168
Участие Минусинского совета в борьбе с чехо-словаками 174
Подготовка Минусинского совета к борьбе с контрреволюцией в крае 177
Эвакуация Губисполкома на остров Диксон и полная изолированность Минусинского совета 180
Нападение на Минусинск кулацко-казачьих отрядов 183
Открытие VII съезда и переговоры Совета со съездом и штабом контрреволюционных дружин 186
Ультиматум VII съезда Минусинскому совету и решение Совета в связи с создавшимся положением 190

Глава X. Борьба рабочих и крестьян за восстановление советской власти в Минусинском крае 197

Контрреволюция торжествует . . . . . —
Развал в рядах контрреволюции на VII съезде 199
Ноябрьское восстание рабочих и крестьян 205
Вступление в пределы Минусинского края партизанской армии Кравченко и Щетинкина 212
Занятие Белоцарска (Кызыл-Хото) 214
Белоцарский бой 216
Взятие Минусинска и образование Минусинской партизанской республики 218
Соединение с Красной армией 221

Глава XI. Движущие силы Октябрьской революции в Минусинском крае и оценка деятельности Коммуны 224

Характерные особенности в деятельности советов 1917—1918 гг. и работа минусинской организации большевиков . . . . . —
Состав и структура руководящих органов Коммуны 228
Революционный пролетариат Минусинского края и его роль в борьбе и строительстве Коммуны 229
Классовая борьба в деревне и отношение к коммуне бедняцко-середняцкой массы крестьянства 233
Общественные организации Коммуны 240
Враги Коммуны 243
Национализация промышленности и новое промышленное строительство 246
Земельная политика Коммуны 249
Финансовая политика Коммуны 253
Регулирование торговли и продовольственная политика Коммуны . 254
Народное образование и борьба с контрреволюционным учительством 258
Судебная политика Коммуны и борьба с контрреволюцией 264
Национальная политика Коммуны 271
Печать Коммуны 273
Оценка общей политической деятельности Коммуны 277

Приложение: Законодательные акты Минусинской коммуны, не вошедшие в текст книги:

I. Положение о сельских советах крестьянских депутатов . . 286
II. Положение о рабоче-крестьянской социалистической Красной гвардии 287
III. Положение о Хакасском степном самоуправлении 289

Цена 3 р. 50 коп.
Переплет 50 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

Во все магазины и киоски Когиза. Почтовые заказы направлять без задатка: Москва, Блюхеровский пер., 8, Могиз «Книга почтой». СКЛАД ИЗДАНИЯ: Сектор партийной и комсомольской литературы Когиз, Москва, Блюхеровский пер., 8.